ГОЛОС МИНУВШАГО НА ЧУЖОЙ СТОРОНѢ

Журнал исторіи и исторіи литературы

Свѣтлой памяти
В. И. СЕМЕВСКАГО

под редакціей
С. П. МЕЛЬГУНОВА, В. А. МЯКОТИНА и Т. И. ПОЛНЕРА

Изданіе
Т-ва «Н. П. КАРБАСНИКОВ»
Париж

№ 1/XIV **1926**
(год изданія 13 й)

Printed in Switzerland

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОТ РЕДАКЦІИ.

Весной 1923 г. группа высланных из Москвы членов книгоиздательства «Задруга» организовала в Берлинѣ издательство «Ватага», которое должно было представлять собой за рубежом отдѣленіе уничтоженнаго большевиками достаточно извѣстнаго в Россіи общественно-культурнаго начинанія. Нас, членов «Задруги», оказалось немало в эмиграціи. Одних членов Правленія и Совѣта, уѣхавших или высланных из Россіи, насчитывалось 18 человѣк — А. Ф. Изюмов, В. В. Каррик, А. А. Кизеветтер, Л. С. Козловскій, В. М. Кудрявцев, П. Е. Мельгунова, С. П. Мельгунов, В. А. Мякотин, В. С. Озерецковскій, Е. В. Орлова, М. А. Осоргин, Т. И. Полнер, А. В. Пѣшехонов, В. А. Розенберг, Е. М. Степанов (†), А. А. Титов, Е. А. Фальковскій, А. М. Хирьяков.

В Берлинѣ мы начали издавать сборники «На Чужой Сторонѣ», продолжавшіе как бы традиціи нашего московскаго журнала «Голоса Минувшаго», органически связаннаго с «Задругой»... «Голос Минувшаго» в то время продолжал еще формально выходить в Россіи, и мы боялись связывать свои одіозныя уже имена с именами оставшихся. За ликвидаціей «Задруги» послѣдовала и пріостановка «Голоса Минувшаго». Теперь мы свободны и можем продолжать начатое изданіе под старым названіем, со старой обложкой — дорогой нам по воспоминаніям.

«Ватагѣ» не суждено было развиться в зарубежной обстановкѣ. Изданіе сборников перешло в Прагу к «Пламени». Теперь оно переносится в Париж, и, благодаря содѣйствію Т-ва «Н. П. Карбасников», мы можем продолжать изданіе нашего журнала. Соединяя двѣ образовавшіяся уже традиціи, мы даем ему наименованіе «Голос Минувшаго на чужой сторонѣ».

Наши задачи, указанныя в № 1 «На Ч. Ст.», остаются неизмѣнными; неизмѣнен и наш основной кадр сотрудников и друзей. Нельзя быть в эмиграціи и не касаться современности, слишком жгучей для нас, слишком больно затрагивающей чувства и мысли каждаго из нас. Сохранняя форму историческаго журнала, «Голос Минувшаго» за рубежом будет ближе подходить к современности, чѣм это было в прежніе годы — но в наши дни современность подчас так быстро переходит уже в прошлое. Такія задачи мы ставили в сборниках «На Чужой Сторонѣ»; такія же задачи мы будем преслѣдовать и в «Голосѣ Минувшаго», который является их непосредственным продолженіем...

С момента кончины Василія Ивановича Семевскаго, одного из основателей «Голоса Минувшаго», журнал наш выходил из года в год с посвященіем «свѣтлой памяти» нашего славнаго стараго друга. И за рубежом храним мы память о нем, о том поистинѣ историкѣ-гражданинѣ, который учил нас любить русскій народ и ненавидѣть насиліе и деспотизм. Мы смѣло говорим, что старый народник-соціалист в тяжелые годы ниспосланнаго испытанія был бы с нами — и мы его памяти, как и в былые годы, посвящаем свой журнал.

Возобновленіе «Голоса Минувшаго» совпадает со знаменательной годовщиной — со столѣтіем того декабрьскаго движенія 1825 г., изученію котораго была посвящена одна из лучших монументальных исторических работ В. И. Семевскаго. «Политическія и общественныя идеи декабристов» — это незыблемый памятник, воздвигнутый Семевским основоположникам свободы Россіи. В наши дни как-то страшно произносить эти слова. Судьбы исторіи исковеркали великія патріотическія думы тѣх, кто смертью запечатлѣл любовь свою к родинѣ... Там, в Россіи, под эгидой власти тиранов будут офиціально праздновать дорогой нам юбилей, там будут присваивать себѣ незаконное наслѣдіе... Но вслѣд за поэтом повторим вѣщія слова о декабристах, не потерявшія и по нынѣ всей своей жизненности:

..... «вѣрь, взойдет она,
Заря плѣнительнаго счастья, —
Россія вспрянет ото сна»...

и на обломках современнаго самовластія восторжествует политическая свобода, рыцарями которой были декабристы.

РУССКОЕ ВЛІЯНІЕ В ИЗУЧЕНІИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

Историку французской Революціи очень пріятно узнать, что «Голос Минувшаго», вынужденный прервать свое изданіе, вновь возобновляется, и возобновляется в Парижѣ.

Надѣюсь, что журнал этот, внесшій столь полезную лепту в исторію Революціи 1789 г., внесет еще, и тѣм большую, что сотрудники его, работающіе во Франціи, стоят у источника темы и избавлены от длинных путешествій, которыя нѣкогда приходилось предпринимать их предшественникам или им самим — хорошая сторона того плохого, чѣм является для них необходимость жить вдали от родины.

Я хотѣл бы сказать, что русскіе историки своими работами по французской Революціи сильно способствовали тому, что мы всѣ перемѣнили точку зрѣнія на изученіе этого періода нашей исторіи, періода, интересующаго все человѣчество.

К какой бы партіи мы ни принадлежали, приходится признать, что инціатива перемѣны исходит, главным образом, от соціалистов и в особенности от Карла Маркса.

Я не знаю, есть ли в произведеніях самого Карла Маркса выраженіе: *историческій матерьялизм*. Я тщетно искал его там, но поиски трудны у витіеватаго автора. Мнѣ кажется, что выраженіе это пущено в ход Энгельсом, слова эти имѣли быстрый и большой успѣх, и если их и нѣт у Карла Маркса, то суть дѣла все же от него.

Так как, по мнѣнію Маркса, основа общества—экономическая, то и об'ектом исторіи общества должна быть, главным образом, эта база, как болѣе глубокая структура, политическія и правовыя учрежденія которой являются производными. Ограниченная теорія, поскольку она полагает, что желудок всегда управляет головой, что в равной мѣрѣ невѣрно, как в отношеніи народов, так и индивидуумов; теорія, не об'ясняющая религіозных явленій, столь важных в жизни народов, не

об'ясняющая и почему парижскіе рабочіе, столько извлекавшіе из роскоши привилегированных, шли на смерть, чтобы взять Бастилію, но теорія заключающая в себѣ изрядную долю истины, и очень полезно, чтобы историк французской Революціи изучал основательно фундамент общественнаго строенія 1789 г., чего не дѣлалось до вліянія соціализма, особенно марксистскаго.

Замѣтим кстати, что Жорес в своей «*Исторіи соціализма*» примирил обѣ идеи, матерьялистическую с идеалистической, изучая всего человѣка, желудок и голову, выявляя французскій народ, как в его умственных, так и физических потребностях, показывая, что над ним господствуют не только экономическіе законы или якобы таковые, но также и герои и идеи. Жорес гордился тѣм, что он, как историк, одновременно ученик и Карла Маркса, и Мишле, и Плутарха.

Вѣрно то, что до соціализма экономическія реальности не занимали в исторіи того мѣста, которое им принадлежит или принадлежало в дѣйствительной жизни общества. Да, вся наша историческая школа, может быть, не отдавая себѣ в этом отчета, эволюціонировала под вліяніем соціализма вообще и Карла Маркса в особенности. Мода на историческій матерьялизм понудила даже истинных идеалистов среди историков обратить большее вниманіе на ту существенную сторону дѣйствительности, которою они до тѣх пор слишком пренебрегали.

Самыми усердными и наиболѣе способными из работавших над этой перемѣной были русскіе историки.

Так назовем одно имя,—книга Лучицкаго, озаглавленная «*Мелкая собственность во Франціи*» и появившаяся двадцать восемь лѣт тому назад, сдѣлалась примѣром и стимулом для нас, французских историков. Никогда историческій метод не примѣнялся с такой кропотливой точностью к экономической исторіи. Никогда никто не рылся в наших французских комунальных и департаментских архивах с таким педантичным стараніем и героическим трудом.

Без русских мы бы не пустились так быстро и так смѣло в изслѣдованіе экономическаго substatum французскаго общества XVIII вѣка. Они были нашими сотрудниками и руководителями. Без них исторія французской Революціи не была бы сейчас тѣм, что она есть.

Тут, кстати, становится ясна суетность легких, модных формул, когда хотят характеризовать дух народа.

Сколько фраз ходит о русской душѣ, столь мечтательной, безпечной, столь неспособной к точности!

Как раз, напротив, Россія-то и дала самый блестящій и цѣльный примѣр точности и реалистической активности в отношеніи исторіи Революціи, примѣр воли в любознательности и честности в методѣ.

Если нынѣ мы до такой степени продвинули изученіе экономической исторіи нашего великаго національнаго кризиса, если мы смогли собрать и опубликовать значительное количество текстов и документов, то помощь и поощреніе к этому мы черпали в русском вліяніи.

Итак, для нас большое счастье, что это вліяніе вернулось в одном из лучших органов, в этом журналѣ, и радостно для нас также сознаніе, что, несмотря на времена невзгод, франко-русское сотрудничество в вопросах исторіи станет столь же дѣйственным и столь же братским, как было в прошлом.

А. Олар.

ИЗ НАСЛѢДІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

(Шуточное стихотвореніе 50 гг.)*

В ЗАПАДНѢ.

Из под стараго строенья
Средь покинутой земли
Полз мышенок. От волненья
Он дрожал и от любви.
Он сгорал любовью тайной,
Не любивши никогда,
И искал любви случайной, —
Как на Невском, господа.
Вдруг услышав над доскою
Нѣжной мышки голосок,
Сокрушен ея тоскою,
Он владѣть собой не мог.
Разлетѣлся и, несчастный,
К ней на голос прибѣжал.
Рок постиг его ужасный:
В мышеловку он попал.
Затворилася задвижка,
И мышенок в заперти.
Но и тут сумѣл воришка
Утѣшеніе найти.
К дамѣ-мышкѣ деликатно
Подскочил он и так рек:
«Коль любить меня обратно
Захотите, то я рок
Проклинать не буду вѣчно,
С'ѣм огарок с вами весь,
Вас любить буду сердечно
В жизни будущей и днесь.» —

---

*) Из портфеля изд. «Задруги».

ПЕРВОЕ ПРОИЗВЕДЕНІЕ Л. Н. ТОЛСТОГО.

1840 год 12 Генваря.

Милой Тетинькѣ.

Пришел желанный день счастливый,
И я могу вам доказать
Что не дитя я молчаливый
Когда меня ласкала мать.

———

Теперь я ясно понимаю,
Все что вы сдѣлали. Я знаю
Для нас пожертвовали собой,
И добрым сердцем и душой.

———

Теперь я счастіе понимаю,
Которым день сей подарил,
От всего сердца вам желаю,
Чтоб Бог за всѣ труды благословил.

———

Теперь еще раз может быть
Фортуна к нам опять заглянет
Веселье прежних дней настанет,
И мы счастливо будем жить.

———

Я, как залог счастливых дней,
С восторгом день сей принимаю,
Поток жизни вам желаю,
Чтоб был прозрачнѣй и свѣтлѣй.

Лев Толстой.

Помните-ли вы вихрастаго мальчика, который в классной комнатѣ выводил на веленевой бумагѣ строчки сочиненных им поздравительных стихов? Два листа уже испорчены: стихи казались маленькому автору превосходными, но «с третьей линейки концы их начинали загибаться кверху все больше и больше, так что даже издалека видно было, что это написано криво и никуда не годится»*)

Вихрастый мальчик — десятилѣтній Николенька Иртенев — герой «Дѣтства». Его стихи — в 12 строках поздравляют бабушку, желают ей много лѣт здравствовать и кончаются так:

Стараться будем утѣшать
И любим, как родную мать.

Послѣдній стих мучает Николеньку:

«Зачѣм я написал *как родную мать*, думает он. Ея вѣдь здѣсь нѣт, так не нужно было и поминать ее; правда, я бабушку люблю, уважаю, но все не то... Зачѣм я написал это? зачѣм я солгал? Положим, это стихи, да всетаки не нужно было»...

Но портной приносит новые коричневые полуфрачки, и восторг Николеньки перед панталонами со штрипками заглушает мученія его совѣсти. Стихи в прежней редакціи торжественно преподносятся бабушкѣ — в залѣ, послѣ молебна, их читает отец Николеньки, т. к. автор в припадкѣ самолюбивой застѣнчивости не может произнести ни одного слова: он чувствует, как кровь от сердца безпрестанно приливает ему в голову, как одна краска на лицѣ смѣняется другою и как на лбу и на носу выступают крупныя капли пота. Уши горят, по всему тѣлу он чувствует дрожь и испарину**)...

Все оканчивается, конечно, вполнѣ благополучно: стихи имѣют успѣх и самолюбіе маленькаго автора вполнѣ удовлетворено. А он болѣзненно самолюбив: он очень хорошо знает, что нехорош собою, что за его лицо никто не будет его любить, что ему надо завоевать людей чѣм-нибудь другим. Но даже сознавая все это, иногда он приходит в отчаяніе: «я воображал», говорит он в «Дѣтствѣ», «что нѣт счастія на землѣ для человѣка с таким широким носом, толстыми губами и маленькими сѣрыми глазами, как я; я просил у Бога сдѣлать чудо — превратить меня в красавца, и все, что имѣл в настоящем, все, что мог имѣть в будущем, я все отдал бы за красивое лицо».

---

*) «Дѣтство», глава XVI.
**) Ibd.

Роман *«Четыре эпохи развитія»* («Дѣтство», «Отрочество», «Юность», «Молодость»), по первоначальному плану, должен был разсказать исторію не самаго автора, а пріятелей его дѣтства — Исленевых. Первый набросок, в значительной степени, и осуществляет это намѣреніе. Но работа шла медленно. Помимо безконечных поправок, Толстой четыре раза собственноручно переписал «Дѣтство» и послѣдняя его редакція чрезвычайно отличается от первой. Помимо художественной отдѣлки, работа состояла, главным образом, в заполненіи фабулы разсказа суб'ективными переживаніями автора. И по мѣрѣ того, как Николенька Иртенев и окружающія его лица становились ближе и ближе к самому Толстому, они пріобрѣтали все большую пластичность и в то же время становились все болѣе привлекательными.

Когда в глубокой старости Лев Николаевич, по просьбѣ П. И. Бирюкова, засѣл за свои воспоминанія, он перечел «Дѣтство» и остался им недоволен. «Я пожалѣл о том, что написал это», говорит он: «так не хорошо, литературно, не искренно написано. Оно и не могло быть иначе потому, что замысел мой был описать исторію не свою, а моих пріятелей дѣтства и оттого вышло нескладное смѣшеніе событий их и моего дѣтства*)...»

Никто, конечно, кромѣ самого Льва Николаевича, не замѣтил ни «нескладности», ни «неискренности» его чудеснаго творенія, но тѣм, кто интересуется жизнью Толстого, при чтеніи «Дѣтства», «Отрочества» и «Юности», часто хочется знать, гдѣ кончается автобіографія и начинается художественный вымысел.

Печатая нынѣ впервые дѣтское стихотвореніе Льва Николаевича**), попытаемся сопоставить историческую дѣйствительность с событіями, описанными в XVI главѣ «Дѣтства».

Первое литературное произведеніе Льва Николаевича написано в январѣ 1840 года. Автору шел двѣнадцатый год. Матери своей Толстой не знал: графиня Марія Николаевна (урожденная княжна Волконская) скончалась в 1830 году, когда Льву Николаевичу было $1\frac{1}{2}$ года. По оставшимся послѣ нея документам и воспоминаніям окружающих, Толстой составил себѣ впослѣдствіи очень высокое понятіе о духовных свойствах матери и, по собственному признанію, в трудныя минуты жизни «молился ея душѣ». «И эта молитва всегда помогала много». Событія ея жизни

*) Собр. сочин., изд. Сытина, т. I, стр. 255.
**) Получено редакціей из портфеля «Задруги».

и нѣкоторыя черты характера Лев Николаевич пріурочил к образу княжны Маріи Николаевны Болконской в «Войнѣ и Мирѣ».

Отец Толстого — весьма сходный по общему облику с графом Николаем Ильичем Ростовым, — внезапно умер лѣтом 1837-го года. Ему было всего 42 года от роду. Таким образом, девяти лѣт Лев Николаевич остался круглым сиротою. Вся семья жила с 1836 г. в Москвѣ вмѣстѣ с бабушкою, Пелагеей Николаевной Толстой (урожденной княжной Горчаковой), которая весьма близко воспроизведена в лицѣ старой графини Ростовой в «Войнѣ и Мирѣ». Бабушка пережила любимаго сына всего на 9 мѣсяцев, в теченіе которых она предавалась горю, так ярко описанному в «плачѣ по Петѣ» графини Ростовой. Вслѣд за кончиною ея (лѣтом 1838 года) вся семья переѣхала в Ясную Поляну. Осенью старшіе братья (Николай и Сергѣй) возвратились в Москву с теткою гр. А. И. Остен-Сакен. Младшіе остались до осени 1840 года в деревнѣ с дальней родственницей — Татьяной Александровной Ергольской.

Итак, стихи написаны не в Москвѣ, а в Ясной Полянѣ и приносят поздравленія не бабушкѣ, а «тетинькѣ» Татьянѣ Александровнѣ в день ея Ангела (12 января). Они написаны на листѣ большого формата; лист согнут пополам в большую четверку и вложен в обложку другого сорта; оба листа были сшиты. На обложкѣ надпись: «Милой Тетинькѣ». Сверху вторая обложка, на ней карандашем рукой Т. А. Ергольской надпись: «Дѣтскіе стихи», сзади той же рукой 4 строки денежных счетов; на 1-ой строкѣ можно разобрать «Serge m'a pris 2 r. arg.»

Самое поднесеніе стихов происходило в обстановкѣ, менѣе торжественной, чѣм то описано в «Дѣтствѣ». Но, конечно, был и священник, и молебен. Вѣроятно, была в полной мѣрѣ и «самолюбивая застѣнчивость» маленькаго автора — вихрастаго мальчика «с широким носом, толстыми губами и маленькими сѣрыми глазами»...

Прекраснаго, барскаго трех'этажнаго дома, в котором родился и провел дѣтство Лев Николаевич, давно уже нѣт в Ясной. Дом этот выстроен дѣдом Толстого генерал-аншефом князем Николаем Волконским, точно воспроизведенным в «Войнѣ и Мирѣ». Дом был с лѣпным фронтоном и восемью четыреугольными колоннами. Он стоял между двумя всѣм извѣстными двух' этажными флигелями. Во время кавказских увлеченій картами

Лев Николаевич часто остро нуждался в деньгах. В одну из таких минут он распорядился продать что-нибудь, если нельзя достать деньги иначе. Вѣроятно, он никак не думал, что управлявшій имѣніем продаст на своз за 5000 р. ассигнаціями (около 1500 р. сер.) великолѣпный барскій дом предков. Но так случилось, и дом, в котором родился Толстой, еще во время войны 1914 г., стоялъ в 100 верстах от Ясной — в селѣ Долгом.

В одной из 36 комнат этого дворца происходило поднесеніе стихов. Вѣроятно, это было в гостиной, которую Лев Николаевич описывает так: «Гостиная — диван, большой, круглый, краснаго дерева, стол, под прямым углом к столу — по четыре кресла. Напротив дивана балконная дверь и в простѣнках между ней и высокими окнами два зеркала в рѣзных золоченых рамах».*)

Что же представляли из себя в то время главныя дѣйствующія лица сцены — маленькій «Левочка» и Т. А. Ергольская?

«Левочка», по словам его сестры и теток, был очень оригинальный ребенок и большой чудак. Несмотря на свою чрезвычайную застѣнчивость, он вѣчно стремился «сдѣлать что-нибудь необыкновенное и удивить других». Он входил, например, в залу и кланялся присутствующим спиною, откидывая голову назад и шаркая. Однажды он остриг себѣ брови и потом сильно мучился, что еще больше обезобразил свое некрасивое лицо. В другой раз, в дорогѣ, он остриг себѣ половину головы... Девяти или десяти лѣт от роду, он страстно захотѣл полетать по воздуху. Он рѣшил, что это «вполнѣ возможно, если сѣсть на корточки и обнять руками свои колѣни, при этом, чѣм сильнѣе сжимать колѣни, тѣм выше можно полетѣть»**). Зная это в теоріи, он экспериментирует. Во время обѣда он остается один в комнатѣ и бросается в окно с высоты нѣскольких сажен. На глазах у горничной он шлепается без чувств на землю и приводит в ужас весь дом. К счастью, дѣло ограничивается легким сотрясеніем мозга: безсознательное состояніе переходит в сон, мальчик спит подряд 18 часов и просыпается совсѣм здоровым. Странности, совершенно неожиданныя, живость, прекрасное сердце, чувствительность ***) — отмѣчают всѣ наблюдатели его дѣт-

*) Воспоминанія (Собр. соч., изд. Сытина, т. I, стр. 279).

**) Ср. мечты Наташи Ростовой въ «Войнѣ и Мирѣ» (Сочин., изд. Сытина, т. V, стр. 126).

***) «Я всегда былъ Лева-рёва», пишетъ онъ про себя позднѣе.

ства. Он рано начинает влюбляться и ревновать. И мать его будущей жены, Любовь Александровна Исленева, вышедшая замуж за доктора Берса, долго помнит, как он ее, девятилѣтнюю дѣвочку, столкнул с балкона из ревности, за то, что она разговаривала с другим, а не с ним. Она долго хромала послѣ этого. По общим отзывам, учился он всегда плохо. Студент Поплавскій, дававшій уроки трем мальчикам Толстым, говорил про них: «Сергѣй и хочет и может, Дмитрій — хочет, но не может, а Лев — и не хочет, и не может». А вмѣстѣ с тѣм мальчик переживал духовную жизнь, удивительная сложность которой поражает нас (см. «Дѣтство» и «Отрочество»). Эта напряженная духовная жизнь замѣтна была и со стороны — даже весьма посредственным наблюдателям. Так, гувернер-француз St. Thomas (St. Jérome «Отрочества») говорил про него: «Ce petit a une tête, c'est un petit Molière»...

Событія жизни Татьяны Александровны Ергольской описаны довольно точно в «Войнѣ и Мирѣ»: она сирота, дальняя родственница, выросшая в семьѣ Толстых (гр. Ростовых). Отец Льва Николаевича любил ее, и она его любила, но отошла в сторону, чтобы дать возможность разоренному графу Николаю Ильичу жениться на богатой, но не очень молодой и не очень красивой княжнѣ Марьѣ. Татьяна Александровна навсегда осталась в домѣ Толстых свидѣтельницей чужого счастья. Но исторія эта имѣет продолженіе. Послѣ восьми лѣт замужества, ея соперница скончалась. Татьяна Александровна продолжала дѣло воспитанія дѣтей любимаго человѣка. В 1836 г. (за год до своей смерти) граф Николай Ильич сдѣлал ей предложеніе. Она отказала, не желая портить своих чистых отношеній к нему и дѣтям. Послѣднія двадцать лѣт жизни она провела в Ясной Полянѣ со Львом Николаевичем и тихо погасла от старости на его руках в 1874 году. Ей было 79 лѣт, свою любовь перенесла она на Льва Николаевича и часто называла его Nicolas, путая с покойным графом Николаем Ильичем.

Нужно, впрочем, сказать, что сходство Татьяны Александровны с Соней «Войны и Мира» ограничивается лишь внѣшними событіями. Это — характеры совершенно различные.

Татьяна Александровна в молодости была очень красива.

«Со своей жесткой, черной, кудрявой, огромной косой и агатово-черными глазами и оживленным энергическим выраженіем она должна была быть очень привлекательна», говорит Толстой. Она была прекрасной музыкантшей и «писала письма как маркиза de Sevigné». В нее влюблялись, дѣлали ей предложенія. Между другими — веселый, блестящій гусар Юшков, который позднѣе, послѣ ея отказа, женился на сестрѣ Николая Ильича Толстого — — графинѣ Пелагеѣ Ильинишнѣ. За свою доброту, открытый и рѣшительный характер она была любима всѣми окружающими. Про ея дѣтство Льву Николаевичу разсказывали, между прочим, ту исторію подражанія Муцію Сцеволѣ, которая перенесена в «Войнѣ и Мирѣ» на Наташу Ростову...

Толстой знал «тетиньку», конечно, уже в позднѣйшіе годы, когда ей было за сорок. «Помню, пишет он, невысокую, плотную, черноволосую, добрую, нѣжную, жалостливую». Уѣзжая из Ясной, Толстой вел постоянную переписку с Татьяной Александровной и на Кавказѣ, напримѣр, умиленно плакал над ея письмами. Она-же первая натолкнула его на мысль «писать романы». Толстой так много и с такой любовью писал о Татьянѣ Александровнѣ, что мы отсылаем читателя к чудесным страницам его «Воспоминаній», посвященным ея памяти.

Фет познакомился с «прелестной старушкой» в 1857 г. (ей шел, стало быть, шестьдесят второй год). Поэт передает, между прочим, разсказы про нее Льва Николаевича, окрашенные легким юмором. Вот один из них:

«Проѣзжая с Толстым осенью в Тулу, она, взглянув в окно кареты, вдруг спросила:

— Mon cher Léon, как это пишут письмо по телеграфу?

Пришлось с возможною простотою об'яснить дѣйствіе телеграфнаго снаряда, одинаковаго на обѣих сторонах проволоки, — и под конец услышать: «oui, oui, je comprends, mon cher!».

Не спуская вслѣд затѣм болѣе получаса глаз с проволоки, тетушка, наконец, спросила: «mon cher Léon, как же это так? За цѣлые полчаса я не видала ни одного письма, пробѣжавшаго по телеграфу»...*)

Позднѣе — иронія исчезла из разсказов Толстого о «тетенькѣ» Татьянѣ Александровнѣ. Остались лишь умиленныя воспоминанія, полныя благодарности, уваженія и любви.

Тихон Полнер.

*) А. Фет. «Мои воспоминанія», стр. 233.

ИЗ РАЗСКАЗОВ П. М. МАКАРОВА.

Однажды к комиссару Временнаго Правительства по управленію дворцовыми имуществами и Удѣлами Ф. А. Головину обратились со слѣдующей просьбой. — Кн. Шервашидзе, управляющій канцеляріей вдовствующей императрицы или лицо, его замѣняющее, передал Ф. А. Головину, что Марія Федоровна, жившая тогда в Крыму, нуждается в денежных средствах; вѣроятнѣе всего, чтобы ликвидировать свое пребываніе в Россіи и переправиться в Данію. Претензія была заявлена в размѣрѣ 200.000 рублей. Ф. А. Головин не рѣшился своею властью выдать такую сумму из казенных денег, находившихся в его распоряженіи, а, с другой стороны, не желал и отказывать в ней. Он посовѣтовался со своим помощником по службѣ и другом П. М. Макаровым. Оба хорошо понимали, что вносить этот вопрос на разсмотрѣніе совѣта министров Временнаго Правительства, было бы почти равносильно провалу дѣла, ибо Временное Правительство, даже если бы сочувствовало ходатайству бывшей императрицы, все же было бы в крайнем затрудненіи его исполнить. Поэтому Головин и Макаров стали искать иных путей для разрѣшенія создавшагося затрудненія. П. М. Макаров остановился на слѣдующей мысли: в удѣльном вѣдомствѣ находились на храненіи крупныя частныя суммы, принадлежавшія великим князьям, в их числѣ и капиталы в. кн. Михаила Александровича. Для послѣдняго из'ятіе из них 200.000 рублей не представляло затрудненій. К нему и рѣшились обратиться за содѣйствіем. В то время Михаила Александровича в Петербургѣ не было, но жил в нем имѣвшій частыя общенія с дворцовым управленіем и удѣльным вѣдомством, повѣренный великаго князя, женатый на сестрѣ его морганатической супруги, гр. Брасовой, московскій присяжный повѣренный Матвѣев. Однако, Матвѣев, хотя, повидимому, не противился выдачѣ денег Маріи Феодоровнѣ, но без прямого на то позволенія великаго князя, сдѣлать этого не рѣшался. Он запросил инструкцій. Инструкціи эти и были даны: Михаил Александрович отказывал Головину в просьбѣ, обращенной к нему. П. М. Макаров дѣлал предположеніе, что иниціатива в отказѣ шла не от Михаила Александровича, а от гр. Брасовой, которая была недовольна тѣм, что вдовствующая императрица не сочувствовала браку ея с Михаилом Александровичем. Так или иначе, но Ф. А. Головину пришлось считаться с фактом отказа. Тогда было рѣшено, что П. М. Макаров, который был близок с А. Ф. Керенским, обратится к нему непосредственно за разрѣшеніем создавшагося положенія. Керенскій без колебаній собственной властью распорядился — просимыя деньги Маріи Федоровнѣ выдать из казенных сумм, не внося вопроса в совѣт министров Временнаго Правительства.

А. Демьянов.

РОМАН ТОЛСТОГО ИЗ ВРЕМЕН ПЕТРА *).

В книжкѣ XII сборника «На Чужой Сторонѣ» появились 18 отрывков романа Л. Н. Толстого из времен Петра I. Ниже мы предлагаем еще четыре существенных по содержанію варіанта. Три из них написаны в 1872 году и печатаются под общим заглавіем «*Корней Захаркин и брат его Савелій*». Над четвертым отрывком Толстой работал позже — в 1879 году и в первоначальных набросках и планѣ первых глав назвал его «*Сто лѣт*».

В этих и примыкающих к ним рукописях автор интересуется уже не Петром и исторіей его царствованія, а результатами петровских реформ, их воздѣйствіем на русскую жизнь. Позднѣе у него ясно созрѣвает план написать роман под заглавіем «Сто лѣт» и прослѣдить в нем исторію русскаго народа с послѣдних лѣт царствованія Петра до возстанія декабристов. Путем художественнаго творчества пытается он «размотать клубок русской жизни» и прослѣдить особыя судьбы народа и оторванной от него петровскими реформами интеллигенціи. Занимаясь декабристами, он усмотрѣл «безпочвенность» их возстанія: их идеи казались ему занесенными с Запада, а самих дѣятелей 14-го декабря он называл «иностранцами» и «французами». И перед Толстым мало-по-малу стала грандіозная задача — прослѣдить за сто лѣт исторію разрыва интеллигенціи и народа. В своих исканіях он исходил от декабрьскаго возстанія, и потому вниманіе его привлекали прежде всего народныя движенія, их причина и цѣли. Он проявляет величайшій интерес к самозванцам, казачьим волненіям, расколу и разбойничеству и накопляет матеріалы по этим вопросам.

В «Корнеѣ Захаркинѣ» еще нельзя констатировать столь ясно поставленной задачи. Это пришло позднѣе — в концѣ семидесятых годов. Но и здѣсь уже намѣчаются пути в указанном направленіи.

Корней (в нѣкоторых варіантах — Онисим, Дмитрій) — суровый по внѣшности, рядовой представитель «труждающагося

---

*) Из портфеля «Задруги».

и обремененнаго» крестьянства. Он живет в концѣ царствованія Петра I и испытывает на себѣ всю тяжесть новых налогов, недавно введенной рекрутчины и безконечных войн. Упорным, непрерывным, покорным трудом из года в год оправдывает он помѣщичьи и государственныя повинности, но еле-еле держится на поверхности. Когда-то дом его отца с тремя сыновьями - работниками считался среди богатых. Теперь Корней один и, несмотря на всѣ старанія, опустил хозяйство. Не видно ему подмоги и в будущем: жена родит только «дѣвченок». Великое событіе появленія на свѣт «малаго» столь желаннаго наслѣдника — составляет центр нарисованной картины. Роды среди тяжелаго и непрерывнаго труда описаны с силою и реализмом — чисто толстовскими, и возникает желаніе сравнить суровую обстановку этого событія в жизни Марфы Захаркиной с тѣм, что происходит в семьѣ Левина, когда Китти дарит ему перваго ребенка.

Савелій — совсѣм не похож на брата. Это малый ловкій, обходительный, ухватистый. Когда с семьи брали рекрута, он сказал Корнею: «Ты не тужи, Корней. Я охотой пойду. Я тут не жилец. Мнѣ опостыла эта жизнь.» Это статный, бравый, сильный человѣк. Так что даже воевода, при видѣ его, восклицает: «Ай, молодец! Вот так солдат будет! Таких царю нужно». Об этом лихом малом шестой год нѣт слуха. Говорили, что бѣжал он с царской службы: видно и солдатчина ему скоро опостылила. Бѣжала к нему и жена солдатка — по его вызову. Повидимому, перед автором вырисовывалось сопоставленіе двух народных типов: смирнаго работника и «гулящаго человѣка» — талантливаго и не знающаго, к чему примѣнить свою силу. Разсказ прерывается перед самым появленіем Савелія. В окрестности «шалят» гулящіе люди — разбойнички. И в одном варіантѣ (менѣе значительном по содержанію) Корней, ѣдущій в ночное, натыкается в туманѣ на чужого человѣка, который как-будто знакомым голосом окликает его. Но Корней, боясь лѣшаго, кладет на себя крест и шарахается в сторону...

А пока эти событія и эта жизнь разворачивается своим чередом, на сторонѣ происходят событія, которыя должны, повидимому, сыграть значительную роль в жизни выведенных героев. Княгиня Гончарова, не сумѣв отстоять сына-недоросля от воеводы, князя Вяземскаго, пишет донос и запутывает воеводу в тяжелое политическое дѣло. Князя берут в Преображенскій приказ, пытают, а имѣніе отбирают на государя. Гончарова ѣдет в

Москву и Петербург, выпрашивать себѣ это имѣніе. Но императрица предупредила ее и получила часть вотчин князя Вяземскаго для своего служителя, а тот подарил эту часть своему повару нѣмцу Брантову.

Таким образом столь долго жданный сын Корнея Захаркина родился уже собственностью не князя Вяземскаго, а повара-нѣмца, находящагося на службѣ у лакея императрицы...

Беллетристическая часть романа «*Сто лѣт*» представляет дальнѣйшую художественную обработку «Корнея Захаркина» и по сюжету мало чѣм отличается от двух первых печатаемых отрывков. Но здѣсь разсказу предшествует обстоятельное «предисловіе», имѣющее громадную цѣнность для характеристики историко-философских и нравственных воззрѣній Толстого в період начавшагося в душѣ его кризиса. О предисловіи этом мнѣ пришлось уже говорить в XII книжкѣ сборника «На чужой сторонѣ».

Предлагаемые отрывки никогда не появлялись в печати.

Тихон Полнер.

КОРНЕЙ ЗАХАРКИН И БРАТ ЕГО САВЕЛІЙ.

I.

В 1723 жил в Мценском уѣздѣ, в деревнѣ Сидоровой, в Браденском приходѣ одинокій мужик Корней Захаркин. Есть пословица — один сын не сын, два сына полсына, три сына — сын. Так и было с стариком Захаром, отцом Корнея и Савелія. Было у него три сына — Михаил, Корней и Савелій, а под старость его остался у него один средній Корней: Михайлу убило деревом, Савелья отдали в солдаты, а солдатка сбѣжала. Остался старик с одним сыном. Но когда старик помер, Корней остался в домѣ совсѣм один с женой, тремя дѣвченками и старухой матерью. Дом при старом Захарѣ был богатый, были пчелы, было семь лошадей, двадцать овец, двѣ коровы и только, как ни бился Корней, но послѣ старика дом стал опускаться: он не мог поддержать дома: год за годом из семи продал четырех лошадей, оставил трех; коровы выпали, продал половину овец, чтобы купить корову, пчелы перевелись. Помѣщик их был Несторов, он жил в новом городѣ Петербургѣ при царѣ в большой чести; помѣстья у него было много, и со всѣх сторон у него был положен оброк: Сидоровка платила, кромѣ хлѣба, ржи, овса, подвод, баранов, кур, яиц, по десяти рублей с тягла. Кромѣ десяти рублей помѣщичьих, сходило казенных с тягла до двух рублей, кромѣ того, разоряли мужиков подводы и солдатскій постой. Так что одинокому мужику было трудно тянуть и, как ни бился Корней, он опустил отцовскій дом и еле-еле вытягивал против людей. Работа все та же была, как при отцѣ, с утра до поздней ночи, когда не было ночного или караулов, а когда бывали караулы, ночное или подводы, то приходилось и день и ночь работать. Работа была все одна, больше работать нельзя было, но и работой он не скучал, но тяжело было то, что и работать, и обдумывать, и собирать всякую вещь надо было ему же. Бывало, соберет и обдумает старик, а теперь все один и один. Тяжело ему было то, что не мог поддержать отцовскаго дома. С тѣх пор, как опустился его дом и перевел он пчел и лишнюю скотину — он уже семь лѣт жил все в одной порѣ, — не прибавлялось у него достатка, не убавлялось. Был он с домашними сыт, одѣт, обут, была крыша над головой и тепло в избѣ, но под-

няться никак не мог; он не роптал и за то благодарил Бога. Грѣшил он только тѣм, что скучал о том, что не давал Бог ему ребят. Жена носила уже седьмое брюхо, и все были дѣвочки, и не помнит он рабочей поры, чтобы он был без люльки. Четверых Бог прибрал и три были живы. Хоть и носила их жена его, он не обижался на них, но скучал тѣм, что нечего приждать было: состарѣешься, дома некому передать, кромѣ как зятя в дом принять, думал он и хоть знал, что грѣх загадывать, часто думал об этом и всякій раз, как жена родит спрашивал у бабки — что родила? и плевал и махал рукой, когда узнавал, что опять дѣвка.

Мужицкая работа самая тяжелая бывает от Ильина дня и до Успенья. Еще покосы не докошены и не довожены, поспѣвает рожь. Только возьмутся за рожь, уже овес сыпится, а пар надо передвоить, сѣмена намолотить, и сѣять, и гречиху убирать. Случилось в этом году: еще ненастье постояло недѣлю — отбило от работ и еще круче свалилось в одно время. Корней все не отставал от людей. Рожь у него была свожена и разставлена для молотьбы, пар передвоен, овса несжатаго осталось пол осьминика на дальнем полѣ. Торопился он свозить послѣдній овес с ближняго поля, куда хотѣли скотину пускать. Возил он весь день с Марфой и прихватил ночь. Ночь была мѣсячная, видная, и он довозил бы весь, кабы на второй послѣ ужина поѣздкѣ жена не отказалась. Она в полѣ подавала снопы из копны. Начала мучиться. Корней сам наклал, увязал один воз, а на другую пустую телѣгу посадил ее, свез ее домой. Дома послал мать за бабкой, а сам отпряг и поѣхал в ночное. С сосѣдом этот день был черед стеречь ночное, и с вечера заходил повѣщать выборный.

Спутав своих двух замученных лошадей и пустив их, Корней помолился Богу и подошел к мужикам, лежавшим под шубами и кафтанами над лощиной у пашни, и сѣл у огонька, который развели мужики. Чередные караульщики с дубинами, покрикивая, ходили около лошадей в лощинѣ, а остальные уже спали. Не спал только старик и Щербач, один из мужиков, карауливших лошадей. Они говорили про солдат. Весь этот мѣсяц шли солдаты.

— Пришли на такое мѣсто, что из земли огонь полыхает. Всѣ и погорѣли... — сказал этот мужик.

Мужик этот был сосѣд Корнея, звали его Юфан Щербач. Он был мужик большой, здоровый рыжій. Два зуба у него были выбиты — оттого и звали его Щербатым.

— Куда уж он их сердешных не водил, и то, сказывают, что не заправскій он царь, а подмѣнный.

— Буде пустое болтать — чего не знаешь, — сказал Евстигней.

— Вѣрно, служивый сказывал вчера, стояло у меня на дому шесть человѣк и набольшій — капрал называется. У тѣх сюда зачесаны виски. А у этого длинные, длинные; здѣсь как вальки. А человѣк ученый. Я его про нашего барина спрашивал. Он знает, да говорит, он ныче в бѣдѣ. Как бы, говорит, вас у него не отобрали.

— А нам что же, отберут, за другим запишут,—сказал Евстигней. — Все одно подати платить!

— Ну, все разница.

— Да мы и не видали этого. Что ж обиды нѣт...

Проговорив так, Щербатый отошел, и остался один Корней с Евстигнеем.

Дядя Евстигней был крестный отец Корнея. Он был мужик богатый. У него было три сына: два женаты на тяглѣ. Сам он был мужиченка маленькій, сѣденькій, с длинными волосами и рѣдкой бородкой — мужиченка смирный, разговорчивый и умный.

Он знал, что Корней доваживал овес.

— Довозили что ли? — спросил он.

— Осталось семь крестцов, — сказал Корней.

Он хотѣл сказать отчего, но вспомнил, что говорить про это не годится, что родильница хуже мучается, когда люди знают, и сказал, что лошади стали.

— Заморил совсѣм, перемѣны нѣт: и возить, и пахать, и скородить. — Из хомута не выходят сердечныя. Все один. Так вот и живем, крестный, люди уже отсѣялись, а я еще не зачинал, да хлѣб в полѣ. Эх, крестный, плохая жизнь моя, — и Корней насупился, глядя в огонь.

Рѣдко ему доходило так тошно, как нынче. И так в избу не заходил бы: крики, визги, дѣвченки эти, — та убилась, та хлѣба просит, а теперь в самую нужную пору еще родит — гляди опять дѣвченку, да сляжет, как с тѣм брюхом. Не то, что помога, а обуза.

— Плохая моя жизнь, — повторил он. — Головешка одна, сколько ни чади, и та затухнет.

— То-то я чай: жил старик — убил бы его, а нѣт: — купил бы, — сказал Евстигней.

Корней оглянулся на старика.

— Нѣт, крестный, что же, я против родителя никогда не грубил, — сказал он. — И при родителѣ трудно бывало, вся, бывало, работа на мнѣ, да я этим не брезговал. Хоть они меня и не любили против Михайла или Савелія, никогда не дерзил, грубить не мог.

— Пуще всего, милый, родителей поминай. Родительское благословеніе во всяком дѣлѣ спорину дает. А ты не тужи, Бог труды любит.

— Да не работа, все баба сушит, дядюшка. Все как-будто не хочется дом упустить, а что же сдѣлаешь один. Бьешься, как рыба об лед, а толку нѣт ничего. Все то я распродал, пчел перевел, кобылу продал, а и приждать то нечего. Однѣ дѣвки растут: от них помоги не приждать.

— А ты вот что, Корней, ты малый крѣпкій и не дурак, ты не грѣши. Так то сказывал Божій человѣк — лѣтось у нас ночевал — про святого отца, что ли. Был такой-то, на навозѣ, говорит, десять годов лежал, весь в гною, тѣло все сопрѣло, червь напал на него... Так его Макарка безпятый, нечистый, значит, смущал— пожалься, говорит, на Бога, тебѣ, говорит, легче будет терпѣть, — на грѣх его смущал; так он, значит, не поддался ему, говорит: Бог, говорит, дал, — Бог, говорит, и взял. А богатый допрежь того был, скота, говорит, тысяча что ли было. Семья тоже была, сыновья, жена — всѣ померли. Он говорит Макаркѣ безпятому: ты, говорит, меня не наущай на Бога обижаться. Когда, говорит, мнѣ Бог достояніе посылал, я, говорит, не брезговал—принимал, надо, говорит, и теперь принимать чего посылает, — терпѣть, говорит, надо. Так-то сказывал хорошо, бабы наши наплакались, слушамши. Так то, Корнеюшка, терпѣть надо.

Корней бросил переобуваться и, повернувшись к старику, слушал его. Старики мало спят и любят говорить. Евстигней разговорился. Он покачал головой, задумался и опять начал:

— Ну, то святые отцы, я тебѣ про себя скажу: тоже не завсегда и мы хорошо жили, теперь ребята подросли, благодарю Бога. — Старик перекрестился, повернувшись на восток, — а то тоже нужду видали. Ох, и видали же нужду! Про Андрея слыхал ли? Ну, вот то-то! Были мы тогда Вяземскаго князя, он прикащиком у него был. Грузный, брюхо — во, на тройкѣ не увезешь. Было дѣло еще при том царѣ. При Алексѣѣ Михалычѣ. Забунтовали на низу. Какой то Степан Тимофеич проявился. До нас толь-

ко слухи были, что за старую вѣру поднимается народ. Вот и случись, у нас в дому заночевали два незнамо какіе люди. Схватили их уж в Рогожином во дворах, свезли во мценской, и меня позвал Андрей Никитич. А он на меня давно серчал, что я у него собаку убил. Я был годов тридцати, так же, как ты, одинокій без родителя остался, Егор еще и женат не был. Позвал, сказывай, говорит, что прохожи люди с тобой говорили? А чего говорили? Поужинали, покалякали об Степанѣ Тимофеичѣ, что он город взял какой-то: больше и рѣчи не было, и легли. На утро проводил я их за ворота: с Богом. Спасибо. Я сказываю. Нѣт, говорит, что еще говорили, все сказывай, а то запорю, разорю. Ты и так у меня не работник. Возьму в двор и бабу, а брата в солдаты отдам. Говори! Да что говорить? Ничего не знаю. Сказывай! Все я сказал. Утаиваешь? Розог! Повели меня в ригу. Ложись! лег. Принялись пороть. Двое держат, двое стегают. Нам-вам, нам-вам. Только поворачиваешься. Сказывай! Что сказывать? Ничего больше не знаю. Клади еще! Наши-ваши. Так то отбузовали, что на кафтанѣ снесли. Да это бы ничего. Побои не на мнѣ, на нем остались. Нѣт, собака, разорил вѣдь. Взял во двор: послал жену кирпич бить, а меня в болото канаву копать, горно обжигал, сам топил. Что же, прошло время, сам же помиловал, отошло у него сердце. Да и тягол мало стало. Бѣжало много народа. Опять построился. Завелся, твой отец, кум, помогнул. Вот, жив же.

Корней покачал головой.

— Извѣстно дѣло, дядюшка, развѣ я ропщу. Таки, ослабнешь другой раз. А то извѣстно, мнѣ грѣх жаловаться. Что ж слава Богу, ни холоден, ни голоден. Жить можно.

— А вот ты баил, тебя отец с братьями не верстал. Не моги родителев судить. Грѣх. Дороже всего родителей поминать. Тому человѣку всегда счастье.

— Да я, дядюшка, не то что с попреком. Я сам знаю, что мнѣ до Савелья далеко. Тот малый был ловкій, и обходительный, и ухватист. Родитель покойник серчал, что я не пошел в службу, а Савелья взяли. Вѣдь это не моя причина. Матушка меня жалѣла, а батюшка его. Я отцовскаго приказа не ослушивался. Пришел тогда выборный сказать, что с нашего двора ставить одного, а везти обоих. Который годится. Нас обоих батюшка повез. Пріѣхали. Только он пошел, батюшка, в воеводскую, а Савелій мнѣ и говорит: ты, говорит, Корней, не тужи. Я охотой пойду. Я тут не жилец. Мнѣ опостыла эта жизнь. Я охотой, говорит. Как ввели

нас в приказ, только кликнули Захаркиных, он вперед сунулся: Я, говорит, охотой иду. А чай помнишь, малый то был какой бравый, сильный. Воевода и говорит: ай, молодец! Вот так солдат будет, таких царю нужно имѣть! — С той поры батюшка на меня и серчать стал. Ты, говорит, его с бабой своей упросил. Я же ничѣм не причинен. Он сам захотѣл: пожалѣл меня с малыми дѣтьми. — Ну да и поминаю я его! Кажется, приди он вот, скажи: Корней, полѣзай в огонь, для меня нужно. Полѣзу.

— Что-ж, нѣт слухов?

— Нѣт. То говорили, что он бѣжал и за женой присылал, что она к нему ушла, а теперь, как в воду канул, шестой год. Либо помер.

Старик неохотно слушал разговоры Корнея. Он поднялся, оглядѣл звѣзды.

— Уж не рано, — сказал он.

Вздохнул, повернулся к сторонѣ и помолился. Лег, укрывшись с головой тулупом. Корней сдѣлал то же.

— Вот, — подумал он, — умный то человѣк слово скажет — дороже денег. Складно как разсказал крестный про святого отца, что на навозѣ прѣл. Есть, что послушать, а это что... зубы чесать...

И он потянулся, зѣвнул и только стал засыпать, как услыхал, что собака дяди Евстигнея непутем брешет и бросается к дорогѣ...

II.

156 лѣт тому назад, в царствованіе Петра I у крестьянина села Вяземскаго, Чернскаго уѣзда родился ребенок-мальчик. Мальчик этот родился третьяго сентября послѣ обѣда, в то время, как никого не было дома. Хозяин и отец Онисим Петров был в полѣ, доваживал послѣднюю рожь с своей матушкой Кириловной, а в домѣ оставались только двѣ дѣвочки — одна семи, а другая трех лѣт и брюхатая Марѳа. Она хотѣла ѣхать с хозяином за снопами, да свекровь не велѣла ей, а приказала выбрать послѣднюю коноплю.

Набрав девять снопочков, перевязав и сложив их, Марѳа хотѣла еще брать, но только хотѣла согнуться, как почуяла, что ей уж больше не работать. Дѣвченки ея обѣ были с нею, старшая тоже помогала — дергала запашки, а маленькая сидѣла на межѣ и забавлялась с гороховой плетью.

— Дунька! А Дунька! — крикнула мать на старшую дѣвочку, стараясь без стона выговорить слово — возьми Машку на руки да снеси в избу, а сама бѣги телят загони.

Пока Дунька убиралась с Машкой и ея стручьями, Марѳа зашла в середину конопли, туда, гдѣ она знала была лежка. (Скотина еще с весны там лежала). И с трудом пригнувшись, стала разгребать руками рыхлую, теплую и сырую от ночного дождя землю. Оправив лунки, она стала рожать, с трудом удерживая стоны, чтобы не слыхали сосѣдки бабы, также бравшія конопли на сосѣднем загонѣ.

Марѳа мучилась недолго. Еще Дунька не прибѣжал назад с улицы, как уже в лункѣ лежал ребеночек, а Марѳа крестилась на восток, благодаря Бога за то, что скоро простил ее.

— Матушка пресвятая, Батюшка ты мой, Господи, Угоднички Божіи батюшки! Спаси, помилуй, спаси помилуй, спаси помилуй! —проговорила она, радуясь за себя и за ребенка, который находился в лункѣ и кричал. Присѣв над ребенком, Марѳа разсмотрѣла его, и, увидав, что мальчик, еще раз привстала и еще перекрестилась. Потом она сѣла тут же на землю, засучила узкіе рукава рубашки до локтя, достала рукою конопельку, смяла ее между ногтей, отбила кострики, ссучила, послюнявила ниченку и, как она много раз видала, перевязала пупочек раз и два, затянула и, проговорив: «Господи, благослови!» откусила его пальца на два повыше и подняла ребеночка, огладив со спинки его приставшую черную землю. Она хотѣла уже нести его в избу, но опять заломило спину, она вспомнила о мѣстѣ и, наступив на пуповину босой ногой, привстав, потянулась и вывела мѣсто. Теперь уже она положила ребенка на занавѣску, подняла с ним и босыми ногами закопала мѣсто в лунку.

— Ну, Господи, благослови! — и она, раздвигая зеленую сверху и желтую снизу конопель, тяжело висѣвшую полным зерном, выбралась на тропинку и понесла свою прибыль через двор в избу.

Ребеночек кричал, и сосѣдка услыхала его, но теперь Марѳа не боялась того, чтобы узнали люди, она радовалась. Когда она подошла к двору, она оглянулась на солнце. Оно уже заходило за ракиту.

— Ну, теперь свекровь не будет корить — мужика родила, — подумала Марѳа, — и Онисим мой Ѳедорыч рад будет!

Проходя сѣнями, Марѳа подхватила одной рукой мальчика,

а другой захватила соломки свѣжей молотьбы, которая была принесена для постели, и, отворив дверь, вошла в избу. Постелив соломки на лавку, Мароа положила на нее сынка, достала из чугуна воды, стростила ее съ холодной в ведеркѣ и вымыла сына; потом достала из сундучка рубаху чистую и занавѣску и полотна стараго, завернув в него мальчика с ногами, сѣла на сундук перед печью и стала кормить его. Покормив его, она заснула. Проснувшись, встала, приготовила ужинать и стала подждидать мужа и свекровь с поля.

Дунька помогала ей, и Дунька же первая разсказала свекрови и мужу о том, что матушка родила Павлушку другого..,

III

В то время, как родился в Вяземской Иван Онисимов, самое Вяземское и всѣ его обыватели перешли к другим помѣщикам. В Вяземском узнали про это уже зимою, а перешли они от Вяземскаго к новым еще осенью, немного послѣ того, как родился Иван Онисимов. Одна половина, горная, перешла к Горчаковой к Троицкой Баскачихѣ, а другая, зарѣчинская, к нѣмцу Брантову, так что Иван Онисимов родился уже не Вяземскому, а новому барину Бранту. Рѣшилось это дѣло — кому достаться послѣ Вяземскаго имѣнію — в Петербургѣ в 1723 году, 3-го сентября, в день мученика.

Одну половину имѣнья этого выпросила себѣ у царя Петра Алексѣевича княгиня Настасья Өедоровна Горчакова, урожденная Баскакова, отчего и звали ее Баскачихой. Она чуть не выпросила всего, и царь уж было дал ей, да Императрица другую половину попросила для своего служителя Монеова. А Монеов подарил своему повару Бранту.

Баскачиха уже двадцать пять лѣт вдовѣла и были у нея два сына, старшій Роман и Иван меньшой. Мужа ея имѣнье было в Каширском и Московском уѣздах, ея же собственное имѣнье было в Чернском, Новосильском и Мценском уѣздах. И жила она с меньшим сыном Иваном в Мценском имѣньѣ — в селѣ Троицком. Старшаго Романа она смолоду отдала к дядѣ, выучила его грамотѣ и ариөметикѣ и отдала в службу. Меньшого же Иванушку мать не отпускала от себя, и до двадцати шести лѣт — гдѣ откупала, а гдѣ силом отбивала от службы.

В прошлом, двадцать втором году поссорилась она с Вяземским — Минским воеводой, и Вяземскій забрал ея сына и представил в Москвѣ; а из Москвы его свезли с другими недорослями отбивавшимися от службы, в Петербург и посадили в тюрьму.

Баскачиха послала письмо Апраксину, приходившемуся ей родным, чтобы выручать, да ничего не могла сдѣлать, и сама поѣхала к царю в Москву, не застала царя и поѣхала в Петербург. Но в хлопотах о сынѣ она не забыла вымѣстить Вяземскому за его услугу: с своим любезным поповичем, под'ячим Скрыниным, она написала на него донос, вывела на свѣт такія дѣла Вяземскаго, что запутала его в дѣлѣ, которое велось тогда об обер-фискалѣ, и как только Вяземскій попал под суд, то уже ему цѣлым нельзя было оттуда выбраться: как в шестерню подолом попал. Вяземскаго вызвали в Петербург и посадили в тюрьму — да не в крѣпость, гдѣ сидѣл Иван Горчаков, а в Преображенскій приказ и стали по нем разыскивать, пытать.

Баскачиха выѣхала из дома в іюлѣ, пробыла в Москвѣ недѣлю и третьяго сентября в'ѣхала в Петроград. Баскачиха ѣхала сама двѣнадцатая на четырех повозках, в которыя были запряжены четырнадцать лошадей. Впереди шел рыдван крытый в шесть лошадей. В рыдванѣ сидѣла она с воспитанницей Ольгой(так звали ея двадцатилѣтнюю дочь, прижитую ею послѣ брака от Скрынина), Савишна, ея дѣвка старшая и двѣ дѣвки. На запятках стояли Алешка и Митька. В повозкѣ сзади ѣхал Скрынин с Кирилом; сзади ѣхали еще три дѣвки тройкой и на послѣдней парѣ ѣхал повар с стряпкой, блинницей Агафьей. Кромѣ этих людей ѣхал верховой казачек для посылок. С Краснаго Кабачка Баскачиха послала вперед Скрынина к Апраксину сказать, что она ѣдет. Скрынин вернулся и сказал, что велѣно в'ѣзжать прямо на двор, что графа дома нѣт, но что графиня велѣла в'ѣзжать. Выѣхав утром послѣ завтрака, из Краснаго Кабачка, в одиннадцатом часу поѣзд Баскаковскій в'ѣхал в Ямскую и, по указаніям Скрынина, поѣхавшаго впереди, выѣхал на новый прошпект. Баскачиха в это утро встала рано и сама вышла на двор, и при себѣ велѣла обчистить лошадей, вымыть колеса и всѣм людям надѣть новое платье. Сама она одѣлась в новое платье нѣмецкое и на голову повязала шелковый красный платок. Рыдван хоть и пообтерся в дорогѣ и потрескался, был хорош — дѣланный дома: колеса кованныя, новыя, лошади, хоть и прошли дорогу большую, были хороши. Вещи

уложили, чище все прибрали и в парадѣ в'ѣхали в Петербург. Княгиня Баскачиха не хотѣла ударить в грязь лицом, и в'ѣзжала, как надо быть княгинѣ.

Но на самом новом прошпектѣ, так называл широкую улицу Скрынин, случилась бѣда. Верховой солдат в синем кафтанѣ налетѣл на переднюю повозку.

— Сворачивай! Не велѣно! — кричал он.

. . . .

СТО ЛѢТ.

Предисловіе.

Каких бы мы ни были лѣт — молодые или старые — куда мы ни посмотрим — вокруг себя или назад, на прежде нас живущих людей, мы видим одно и одно удивительное и страшное: люди родятся, растут, радуются, печалятся, чего то желают, ищут, надѣятся, получают желаемое и желают новое, или лишаются желаемаго и опять ищут, желают, трудятся, и всѣ — и тѣ и другіе — страдают, умирают, зарываются в землю и исчезают из міра и большей частью и из памяти живых как-будто их не было, и, зная, что их неизбѣжно ожидают страданья, смерть и забвеніе, продолжают дѣлать то же самое.

Зачѣм? К чему трудиться, достигать желаемаго, когда все кончится болѣзнью, страданіем, смертью и забвеніем? Мой удѣл — страдать, мучиться и умереть. Если уже это неизбѣжно, то не лучше ли скорѣе, чѣм обманываться и ждать этого? И какая разница между восмьюдесятью годами жизни и одним часом, когда мнѣ предстоит вѣчность, безконечность времени — смерти, безжизненности.

Для того, чтобы продолжать жить, зная неизбѣжность (а знает эту неизбѣжность и десятилѣтній ребенок), есть только два средства : одно — не переставая, так сильно желать и стремиться к достиженію радостей этого міра, чтобы все время заглушать мысль о смерти; другое — найти в этой временной жизни — короткой или долгой — такой смысл, который не уничтожался бы смертью. И всѣ люди, которых я знал и знаю, я сам в разныя времена моей жизни, всѣ люди прошедшаго, жизнь которых я знаю, жили и живут, или отдаваясь страстям, чтоб заглушить

мысль о смерти, или направляя жизнь так, чтобы дать ей смысл неуничтожаемый смертью. Только как исключеніе являются тѣ, всегда и всѣх ужасающіе люди, которые, не в силах стремленіями страстей заглушить мысль о смерти и не в силах найти смысл жизни, убивают себя.

Желанія, заглушающія мысль о смерти, всегда свойственны человѣку, всегда одни и тѣ же; особенно ярко они видны у дѣтей, для которых так естественно, из за вѣчно новых, само собой возникающих желаній, не видѣть предстоящей смерти; этот путь жизни понятен всякому.

Другой же путь, направляющій стремленія человѣка так, чтобы жизнь получала смысл, неуничтожаемый смертью — точно так же прост и естественен для человѣка, разрушившаго тѣ вѣрованія, которыя были ему внушены при его воспитаніи и ростѣ. Путь этот есть вѣра. Нѣт народа из тѣх, которых мы знаем и можем знать, в которых дѣти, в особенности матерями, не воспитывались в извѣстных вѣрованіях. Вѣрованіе же, всякая вѣра есть об'ясненіе смысла жизни — такое, при котором смерть не нарушает его и указаніе на то, какое должно быть направленіе этой жизни, т. е. как человѣк должен направлять свою свободную волю для приданія своей жизни такого временнаго значенія — не исчезающаго со смертью. Это же усвоеніе извѣстных вѣрованій так же естественно — неизбѣжно даже — как увлеченіе желаніями и страстями. Точно так же, как желанія и страсти, не дожидаясь нашего выбора, втягивают и влекут за собою, точно так же, не дожидаясь нашего выбора, извѣстное об'ясненіе смысла нашей жизни — такого, которое не разрушается смертью, передается нам вмѣстѣ с нашим ростом и воспитаніем. Об'ясненіе это называют вѣрой,— и именно потому, что оно передается от одного поколѣнія к другому — в дѣтском юношеском возрастѣ — на вѣру. Оно не доказывается, не об'ясняется, потому что ребенку нельзя доказывать и об'яснять, а передается, как истина, плод несомнѣннаго знанія, имѣющаго сверхестественное происхожденіе.

Вездѣ, всегда, сколько я их видѣл и понимал в моей пятидесятилѣтней жизни, сколько я мог понять в изученіи жизни далеко живущих от меня и прежде живших, я видѣл, что люди не могут жить и не живут внѣ этих двух путей жизни.

Вездѣ и всегда так же неизбѣжны желанія и страсти чело-

вѣка, как и передача ему извѣстных вѣрованій, об'ясняющих для него вѣчный, невременный смысл жизни.

Одинаково невозможен и непонятен представляется человѣк, не имѣющій страстей и желаній, как и человѣк, не имѣющій вѣрованій, об'ясняющих для него смысл жизни, уничтожающій смерть.

Случаи тѣх диких, о которых пишут путешественники, как о не имѣющих никаких вѣрованій, и тѣх, между нами живущих людей, которые, отрицая всякое вѣрованіе, полагают, что воспитывают дѣтей внѣ всякаго вѣчнаго об'ясненія смысла жизни, не уничтожаемаго смертью, могут казаться нам исключеніями только потому, что мы по отношенію диких не умѣем для себя выразить их вѣрованій; по отношенію же отрицающих вѣру в нашем обществѣ из за отрицанія внѣшних форм, не замѣчаем тѣх вѣрованій, которыя они кладут в об'ясненіе смысла жизни.

Всякій дикій считает или не считает хорошим или дурным что-нибудь, кромѣ удовлетворенія своих страстей. Если нѣт, если он не знает различія хорошаго и дурного, кромѣ своих тѣлесных вкусов, то он не человѣк; если же он считает, помимо и противно своим страстям одно хорошим, другое дурным — хотя бы убійство своего врага он считал хорошим — у него есть вѣрованія, которыя дают вѣчный смысл его жизни, и, как он получил их от предков, так и передает своим потомкам. Если мыслящій человѣк, мысленно отвергающій всякія вѣрованія, знает различіе между добром и злом, знаніе этого различія есть вѣрованіе.

Пускай он думает, что он отверг всякую вѣру, что один разсудок открыл ему это, но все таки, полагая, что человѣк, жертвуя своими страстями и побoрая страсти в пользу общаго блага, дѣлает хорошо, он вѣрует в то, что стремленіе к общему благу есть то, что дает его жизни такой смысл, который не уничтожается смертью. И приняв невольно это вѣрованіе от других, он так же невольно передает его дѣтям.

Вездѣ и всегда, куда ни посмотришь, борьба между слѣпым стремленіем к удовлетворенію страстей, вложенных в человѣка, между похотью с требованіями закона добра, попирающаго смерть и дающаго смысл человѣческой жизни, между совѣстью, безконечно различно выраженною в вѣрованіях. В этой борьбѣ всегда и всюду выражается жизнь и человѣка и народов.

И об этой борьбѣ между похотью и совѣстью отдѣльных лиц и всего русскаго народа я хочу написать то, что я знаю.

Судить людей я не буду. Я буду описывать только борьбу между похотью и совѣстью, как частных лиц, так и лиц государственных, которых мнѣ необходимо описывать для того, чтобы составить болѣе полную картину жизни всего народа. Но для того, чтобы описывать их дѣйствія, выражающіяся в этой борьбѣ, я должен устранить сужденія, уже готовыя, о большинствѣ государственных лиц.

И для того, чтобы описаніе этих лиц не представлялось ложным, односторонним, мнѣ необходимо устранять всегда ошибочныя сужденія, составившіяся о государственных лицах, которых мнѣ придется описывать. Я не желаю опровергать сужденія, составившагося о них, если оно хорошее, не желаю доказывать противное, но желаю только указать на причины, вызывающія к составленію преждевременных, необдуманных сужденій о лицах государственных, облеченных властью; желаю только, чтоб люди воздержались от составленія сужденія о них, желаю, так сказать, чтобы та бумага, на которой мнѣ придется писать, была бы бѣлая, чтобы на том мѣстѣ, на котором мнѣ придется писать портреты исторических лиц, не было бы вперед уже положено опредѣленных красок. Если бы я не попытался устранить этих, вперед составленных сужденій, мнѣ бы пришлось, составляя свое описаніе лиц только по отношенію той борьбы, о которой я говорил, между похотью и совѣстью, спорить, отрицать или утверждать противное тому, что утверждается описывавшими уже тѣх же лиц, пришлось бы судить их, на что я считаю себя не имѣющим права. Я прошу только моих читателей откинуть на время тѣ сужденія, которыя составились у них о лицах, и вмѣстѣ со мной, воздерживаясь от сужденій о них, слѣдить за ними в борьбѣ между похотью и совѣстью, в которой они нам представляются.

Причины, побуждающія нас составлять преждевременныя и всегда ложныя сужденія об исторических дѣятелях, троякія и всѣ ведут к одной и той же цѣли — к преувеличенному и ложному значенію, придаваемому нами этим лицам.

Первая причина есть присущее человѣку — особенно первобытному — свойство приписывать значеніе и даже достоинство силѣ и власти. Человѣк имѣет власть, он может жечь, убивать, лишать свободы и имущества, и первобытный человѣк, естествен-

но, дѣлает разсужденіе: если он имѣет власть, то он имѣл особенное значеніе, силу, достоинство, чтобы пріобрѣсти эту власть.

Несмотря на очевиднѣйшіе примѣры пріобрѣтенія власти по наслѣдству, по любовным интригам, по случайности, разсужденіе так естественно, что не только первобытный человѣк, но и образованный человѣк легко впадает в это заблужденіе, как только способ пріобрѣтенія власти хотя нѣсколько скрыт от глаз наблюдателя, когда власть пріобрѣтается не одним, двумя, тремя, очевидно случайными событіями, но когда случайностей этих много, и условія болѣе усложняются.

В возвышеніи Мазарини, Потемкина еще видят случайность и не приписывают их возвышенія одному достоинству, но успѣх Бисмарка, Наполеона III — уже об'ясняется достоинством.

Указывая на это, я не хочу сказать, что пріобрѣтеніе власти всегда исключает достоинство, но только прошу о том, чтобы не попадать в обычную ошибку сужденія.

Человѣк властвует над другими: стало быть, он имѣет что-то особенное, давшее ему власть; и это особенное есть его достоинство — сила характера, ум, геніальность, высота душевная и т. д. Я прошу помнить только то, что власть есть таинственнѣйшее из таинственнѣйших явленій, о котором сказано поэтом, что она от Бога, и что обладаніе властью есть одно явленіе, а достоинство — другое, и что одно вовсе не вытекает из другого и не имѣет даже ничего, связующаго их. Люди с огромными достоинствами теряют власть, люди без достоинства пріобрѣтают и удерживают ее и наоборот. Я прошу только о том, чтобы наблюдать оба явленія отдѣльно. Человѣк имѣет власть — хорошо. Теперь, независимо от власти, посмотрим, имѣет ли он достоинство? Я только прошу помнить, что не все то золото, что блестит.

Эта причина — ошибка логическая. Вторая причина — психологическая. Люди, находящіеся около человѣка, имѣющаго власть и раздѣляющіе ея выгоды, суть тѣ самые, через которых одних переходят в массы и в потомство свѣдѣнія о владыкѣ. Люди эти должны скрадывать все черное и выставлять одно бѣлое, во-первых, для того, чтобы оправдать перед самими собой тѣ выгоды, которыми они пользуются, во-вторых, для того, чтобы оправдать свое подчиненіе и униженіе. Эти то люди передают свѣдѣнія и пишут исторію.

Третья причина всегда ложнаго и преувеличенно похвальнаго сужденія о владыках состоит в том, что сами люди, облечен-

ные властью, в особенности если они тщеславны, как Людовик XIV, Наполеон, Петр, Екатерина, и при продолжительных царствованіях, сами пишут свою исторію или подготавливают для нея матеріалы, старательно устранняя все невыгодное и разглашая очень часто ложное в свою пользу. Чему очевидно содѣйствуют, пересаливая в своем усердіи, их льстецы. Как ни старается потом историческая критика разобрать истину, она не может этого сдѣлать, ибо очень часто оставшіеся матеріалы для исторіи всѣ прошли через руки владык или их льстецов. При Петрѣ не велѣно было давать бумаги и чернил монахам.

Четвертую причину ложнаго восхваляющаго сужденія о достоинствах владык я назову причиной діалектической. Пишут о владыках люди науки исторической. Мнимая наука эта имѣет своим предметом изслѣдованіе жизни народов и государств; и потому мѣрило достоинства, прилагаемое историками к дѣятельности правителей, есть совсѣм не то, которое прилагается всѣми людьми ко всѣм людям, т. е. мѣрило борьбы между похотью и совѣстью, но совсѣм другое, мѣрило большого или меньшаго содѣйствія извѣстным государственным или народным цѣлям, которое предположил себѣ историк.

Не говоря уже о том хаосѣ мнѣній, который существует в сужденіях историков о задачах исторических, о том мѣрилѣ, которое должно прикладываться к изслѣдованію исторических явленій, т. е. что должно считаться дурным, что хорошим, несомнѣнно, уже то, что мѣрило историческое не может совпадать с мѣрилом человѣческим, что то, что хорошо для процвѣтанія германскаго народа, не может быть хорошо для Франціи и т. п.

Самое раздѣленіе Вавилонской башней рода человѣческаго на народы и государства уже исключает возможность совпаденья народнаго, государственнаго добра с добром общим. Между тѣм историки, пользуясь уже односторонне подготовленным матерьялом, о котором говорено, дѣлают тут еще иногда невольную, иногда вольную, ошибку, желая слить достоинство государственное народное дѣятеля с достоинством общечеловѣческим, и для выраженія этого незаконнаго сліянія употребляются извѣстныя слова, скрывающія обман. Слова эти: гражданская добродѣтель, святая любовь к отечеству и, самое употребительное — величіе.

Как в первом случаѣ ошибки логической, гдѣ дѣлается ложный вывод о том, что, если есть власть, то и есть достоинство, — я не отрицаю возможности достоинства при власти, но прошу

различать, так и в этих послѣдующих случаях ошибок я ничего не отрицаю, но прошу различать. Я прошу помнить то, что если для приближенных Наполеона III его правительство было благодѣтельным и для них он представлялся исполненным добра, то это не доказывает, что бы он имѣл достоинства. Но, не признавая и не отрицая его достоинств на этом основанiи, мы должны смотрѣть на него только с общечеловѣческой точки зрѣнiя — борьбы похоти с совѣстью.

Точно так же я прошу помнить, что восхваленiе историками не отрицает и не доказывает его.

По отношенiю же к историкам, сливающим в одно достоинство дѣятеля государственнаго с человѣком, надо быть тѣм болѣе осторожным, что дѣятельность государственная по существу своему большею частью противоположна требованiям совѣсти. И потому, не отрицая заслуг дѣятеля, как государственнаго, надо твердо помнить, что достоинство, как человѣка, всегда совершенно независимо от этого. Я настаиваю на этом особенно потому, что восхваленiе человѣка низкаго, как человѣка, и рядом ошибок мысли и ложной дiалектики возстановленiе такого лица на мѣсто идеала и образчика добра, не говоря о вредном влiянiи на общество, есть самое непростительное святотатство.

Итак, совершенно отрѣшившись от тѣх, вслѣдствiе ряда заблужденiй, ложных представленiй об исторических дѣятелях, я буду, с помощью Божьею, описывать их, когда они будут встрѣчаться в моем разсказѣ, так, как-будто о них не существует никакого сужденiя, только слѣдя в них за их борьбой между похотью и совѣстью.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Первая глава.

В 1723 году, в концѣ царствованiя Петра I, в тогдашней огромной Московской губернiи, в 200 верстах от Москвы и в пятнадцати верстах от Мценска, в деревенской глуши у одинокаго мужика Онисима родился сын. Онисим Марков жил один с старухой матерью и еще не старой женой, от которой до сих пор у него все рождались дѣвочки.

Онисим был второй сын у отца, а всѣх было трое. Старшаго

в первый набор отдали в солдаты. Отец умер, и скоро послѣ смерти отца меньшой брат бѣжал, и Онисим остался один с женою и матерью. Онисим был мужик черный и грубый, и голос и обхожденіе у него были грубые. Ростом он был большой, широкоплечій, волоса были кудрявые, всегда лохматые, и борода небольшая, всегда такая кудрявая, что ее пальцами разобрать нельзя было. Брови у него всегда бывали нахмурены, и нос большой с горбом. В хмелю он был еще сумрачнѣе и сердитѣе, и пьянаго его всѣ боялись. Говорить он много не любил и всегда бывал за работой. И рѣдко, кто против него мог сработать. Старуха Кириловна, мать Онисимова, еще работала и помогала ему, и жена Марфа была баба и работница и умная. Но, несмотря на это, как разстроился их дом послѣ отца, так и не мог подняться. Пословица говорит про одинокаго: что одна курушка в полѣ, сколько ни чади, не миновать загаснуть, так и Онисимов дом только курился, но Онисим не давал ему загаснуть. Были они в то время господскіе — князя Вяземскаго, и платили на князя оброк по пять рублей с дыма, по три осьмины ржи, двѣ четверти овса, двѣ подводы в Москву, пол-барана, шесть кур, полсотни яиц, семь талек пряжи льняной и двѣ посконной. Уже восемь лѣт так бился Онисим, не давая загаснуть своей курушкѣ, но и не мог разжечь ее. Прокормится с семьею, одѣнется, отбудет подводы господскія и государевы, доставит оброк и только-только заткнет всѣ дыры, а подняться уже не с чѣм—ни из коров пустить другую на зиму, ни из лошадок прибавить к своим двум, которых он держал. То овин поставить на мѣсто сгорѣвшаго, то двор покрыть, то лошадь увели, то коровы попадали, то хлѣб не родился. Только одно дѣло поправит, другое разладится, так что подняться все и не с чѣм. Все равно с одинаким достатком.

Жил Онисим один уже восемь лѣт. Была у него одна изба старая, сѣни и клѣть плетневая, дворишка крытый. Овин на задворках, двѣ лошади и стригун, коровенка, пять овченок, двѣ телѣги, сани, соха, борона да бабьи пожитки.

В прошлом, двадцать втором году, рожь вовсе не родилась и кое-как покормились: гдѣ взаймы взял пять осьмин, гдѣ овсом, но скотину не продали. В нынѣшнем, двадцать третьем, году, урожай был хорош, и озимое, и яровое, и сѣно родилось, так что Онисим надѣялся долг отдать, прокормиться и пустить на зиму лишнія двѣ головы.

Только уборка в нынѣшнем году задержалась. С пожинков

шли дожди, и хлѣб отбился от руки, с Успенья опять стало ведро. В то время, как родился у него сын, Онисим доваживал послѣдніе снопы с поля.

Онисим в этот день до зари пріѣхал из ночного. Бабы уже были вставши, и издалека еще он увидал в туманѣ дым из своей избы. Изба его была вторая с края. Бабы ставили хлѣб. Марѳа выбѣжала — отворила ворота, и Онисим тотчас же пошел с бабой мазать и запрягать обѣ телѣги. Запряжемши, он вошел в избу, закусил, взял кафтан и выдвинул лошадей на улицу. Марѳа, ходившая к сосѣдкѣ за солью, забѣжала в избу одѣться и, приказав матушкѣ свекрови дѣвчонок и надѣвая на ходу кафтан, выбѣжала из сѣней, подошла к телѣгѣ и вскинула в ящик веревку. Увидав ее, Онисим тронул передовую чалую кобылу. Марѳа, хоть и кругла уже была, но, живо ухватившись за грядку и подпрыгивая одной ногой по дорогѣ, пока приладилась другой стать на чеку, вскочила, взвалилась в новым лубком обтянутую заднюю телѣгу. Но только что от'ѣхали, Марѳа закричала:

— Онисим, постой! Вилы забыли.

— На дворѣ в сѣнях, — крикнул муж.

Баба сбѣгала и принесла вилы, и они поѣхали рысью. Но как ни рано они выѣхали — еще солнышко не всходило из за Барсуков, а уже за околицами на встрѣчу им попался дядя Нефед с сыном на четверикѣ.

— Не сыра, дядя Нефед? — крикнул Онисим.

— Сверху росна, а суха, ладна, — отвѣчал Нефед, хворостиной отгоняя близко набѣжавшую на него лошадь Марѳы.

Заворотив с дороги, Онисим в'ѣхал на свою пашню. Онисим выскочил из телѣги, завернул за оглоблю подласаго мерина и подвинув чалаго к самым крестцам, перевернул, ощупал сноп и — Господи, благослови! — скидал верхніе снопы, которые были сыры, и стал укладывать сплющившіеся от дождя, тяжелые снопы волотью внутрь, гузом наружу. Марѳа подтаскивала из другого крестца, знакомые ей, ею нажатые, ею навязанные снопы. Как только ящик был полон, Онисим влѣз на телѣгу, и Марѳа подтаскивала ловко сноп за снопом, подкидывала ему так скоро, что он не успѣвал с ними разбираться.

— Будет что ли?

— На уж, всю забирай!

И Марѳа взяла вилы из другой телѣги, всадила их под свясла, дала послѣдніе шесть снопов, подпѣзла под осы, достала

веревку и перекинула. Увязав воз, Онисим спрыгнул, завернул чалую и подвел подласаго к другой копнѣ.

Другую копну Марѳа так же перекидала, почти всю, но вдруг остановилась и оперлась на вилы, вложив локоть в развалины.

— Кидай что-ль! — крикнул муж. — Аль умираешь?

— Держи! — крикнула баба, вдруг тряхнув головой, чтобы поправить кичку, и докидала послѣдніе снопы.

Опять они связали и другой воз и вывели лошадей по неровной пашнѣ на прибитую, усыпанную зерном дорогу. Солнце уже взошло, и со всѣх сторон видны были мужики: которые накладывали, которые выѣзжили, которые уже увозили снопы. Выѣхав на дорогу, они попали в обоз. Впереди ѣхали Макарычевы возы, сзади рысью догонял их Савоська.

Савоська разсказывал двум шедшим с ним мужикам, как вчерась пріѣзжал на барскій двор воеводскій писарь описывать. Онисим подошел к ним, послушал, но замѣтив, что подласый щипет из воза, он большими шагами пошел мимо воза, поднял выбившіеся колосья, глянул искося на Марѳу из под черных насупленных бровей. Она была красна и потна как-будто в самую жару и шла неровно.

— Полѣзай на воз, что ли? — сказал Онисим.

Марѳа, не отвѣчая, взялась за снопы.

— Эй, Митрій! останови мерина то, бабу посадить. Тпруу!

И почти на ходу Онисим подсунул перебиравшую по веревкѣ руками бабу и, когда она скрылась от него вверху, пошел к передней лошади.

— Вишь, бабу то жалѣешь! — крикнул Митюха.

— Нельзя же!

Когда они своротили с слободы проулком на гумно и под'ѣхали к одному конченному овсяному и другому ржаному и третьему начатому одонью, Марѳѣ отлегло: она встала на возу и, приняв вилы, стала скидывать мужу на одонье. Она скинула послѣдній сноп, держа его над головой и осыпая свое потное лицо зернами, гремѣвшими, как дождь, по новому лубку телѣги, и упала в телѣгу, как только лошадь двинулась. Дѣвченка старшая вышла на гумно и вынесла кувшинчик квасу. Онисим напился и передал женѣ. Марѳа смочила свои пересмяклыя губы, напилась и опять взялась за работу. Она отогнала лошадь, дергавшую

колосья из одонья, и закрутила ее и хотѣла взяться за другую, но опять дернулась и охнула.

— Я до двора пойду, Онисим, не можется мнѣ!

— А, дуй тебя горой! Поди что ли! Да матушку пошли! — сказал Онисим: — докидать надо!

Марѳа побрела по тропинкѣ через гумно ко двору.

Проходя мимо току, Марѳа подмела раскиданные воротки и загнала кур. Потом зашла в конопи и подняла яичко. Кириловны не было в избѣ — она пошла на рѣчку с бѣльем.

Когда старуха пришла, Марѳѣ опять полегчило, и она хотѣла опять итти на гумно. Но свекровь не велѣла ей.

— Ты хоть хлѣбушки вынь, а уж видно я с'ѣзжу. А коли что, ты за Федоровной пошли Дуньку.

Во вторую поѣздку Онисим взял с собой мать. Они сѣли в одну телѣгу с матерью.

— Самая пора нужная, а она рожать. Такое мое счастье.

— А ты, Онисимушка, не грѣши! — сказала мать. — Все от Бо́га. А ты как думаешь? Вѣдь и ей не легко. Значит, Богу они нужны, коли родятся.

— На кой их — пять дѣвок то?

— А развя она виновата? Так Бог дает. Другим и с ребятами мучаться, а другим... Вот Петра зятя принял, как сына почитает.. Так то!

— Думали сыра, а она так провяла... Только теперь не упустить... — сказал Онисим про рожь.

С старухой накладывать дѣло шло не так споро, как с Марѳой. И они до обѣда провозились с другой да поѣздкой.

Когда они с матерью вернулись из другой поѣздки, Дунька выбѣжала к ним навстрѣчу.

— Бабушка, поди к матушкѣ. Она умирает. Я за Ѳедоровной бѣгала, да она в Машутино ушла.

Старуха слѣзла на улицѣ и пошла в избу, а Онисим один повел воза на гумно.

— Гдѣ ж бабы то? — крикнул ему мужик, вывершивавшій свое одонье.

— Недосуг! — отвѣчал Онисим. — Ему хорошо как самшесты, а одному то и одонья не скласть. Небось не придет подсобить...

— Эй, Максим! поди дядѣ Онисиму поскидай снопы с воза

то!—как бы отвѣчая на его мысли, сказал сосѣд сыну.—Ничего. Обѣдать то еще рано, а мы всю привезли.

— Ну, спаси тебя Бог,—сказал Онисим и стал развязывать воз.

— Что, кум. Али опять крестить?

— Да видно, что так.

— То-то пословица: всѣм бы молодец, да дѣвичій отец.

Онисим нахмурился и, не отвѣчая, стоя на возу, заваливал Максимку так, что он не успѣвал разбираться.

Оставшись одна, Мареа достала хлѣбы, но вдвинуть назад корчагу не могла. Она даже не могла подойти к окну, чтобы позвать дѣвочку; она легла и болѣе не вставала, пока у нея не родился ребенок. На нее нашел было страх, но, помолившись на образа, она успокоилась.

— Быть живой, буду жива и без бабки.

Когда боли отпустили ее, и ребеночек закричал, она взяла его, осмотрѣла и, увидав, что мальчик, еще раз помолилась Богу и хотѣла вставать, но ослабѣла и, застонав, упала на спину.

— Матушка-свекровушка, жалостлива сударушка, приди помоги мнѣ горькой. Чтобы не пропало мое дитятко, под сердцем ношенное, у Бога моленое...

Только она стала завывать, как услышала шаги, и свекровь, запыхавшись, приговаривая, вошла в избу. Дѣвченка хотѣла прошмыгнуть в отворенную дверь, но бабушка стукнула ее по головѣ и прогнала.

— Дитятко ты мое, болѣзная ты моя касатушка! Ох, милая моя!..

Увидав, что Бог простил уже ее, старуха взялась за дѣло: повила ребенка, снесла на лавку, послала соломки, вымела, свела невѣстку в клѣть и там положила на полу, подослав ей шубу.

— Ты, матушка, пошли Онисима за попом. Еще нынче окрестить можно.

Ей хотѣлось окрестить и хотѣлось больше всего, чтобы муж узнал, что мальчик. Старуха послушалась ее и, убрав невѣстку и отдав ей спеленутаго ребеночка, пошла на гумно.

Онисим, вывершив одонье, обивал его греблом.

— Ну, Онисим, молись Богу! — сказала старуха.

— Аль малаго родила?

— Молись Богу, говорю, да ступай за попом: Сынишку родила.

Онисим снял шапку.

— Вре? — сказал Онисим, но, сказав это, перекрестился. Вишь ты, ну, не чаяли, — сказал он и живо отпрег лошадей и повел их, чтобы пустить на выгонѣ.

— Что ж, али плох?

— Все лучше окрестить. Да и поп то, сказывали бабы, у Баскачихи. Еще солнышко высоко.

— Ишь ты. Не чаял... — все твердил про себя Онисим, покачивая головой и не переставая ухмыляться. — Что ж, матушка, хорош малый то?

— Хорош, в чем душа держится. — отвѣчала старуха. — И хороши мрут, и плохи живут. Как Бог даст да Матушка Владычица. В христіанскую вѣру привести надо, а там, что Бог даст. Ты дѣвок то вот избываешь, а онѣ живут, а малаго то и рад бы оживить, да как Господь Бог захочет, ничего не сдѣлаешь. То-то, ты не грѣши, Онисим. Что же, ты лошадь то выдвинул бы к воротам...

— Дай срок, матушка, пообѣдать. Тоже намотался — ѣсть хочется.

Хоть и понял Онисим умныя слова матери, не велѣвшей ему загадывать, но он не мог удержаться от радости и все шел и ухмылялся. И остановившись в сѣнях против клѣти, откуда он слышал писк ребенка, он окликнул жену.

— А, Мареа, малый, что ль?

— Сыночек, Онисим. Сыночка Бог дал, — отвѣчал ему жалостный, тихій голос Мареы.

— Ишь ты, не чаял. За попом ѣду. Дай пообѣдаю только, брюхо подвело! — и он пошел в избу.

Мать хлопотала наскоро собрать ему пообѣдать. В избѣ было все неприбрано еще.

Мать подала сыну щей свекольных, забѣленных молоком. Он поѣл, подозвал Дуньку и, лаская, покормил ее, и, вылѣзши из за стола и помолившись Богу, обулся, надѣл новый кафтан, подпоясался, взял новую шляпу и вышел собираться. Наложив соломки в ящик телѣги и застлав веретьями, он пошел на гумно к дядѣ Нефеду.

— Я к тебѣ, кум, приведи сына в христіанскую вѣру.

— Когда же крестить?

— Да вот к кумѣ зайду, да и за попом. Нынче, коль поѣдет.

— Что же, ладно.

— Спаси тебя Христос! — отвѣчал он, поклонившись, и пошел к кумѣ.

Н. В. ЧАЙКОВСКІЙ.

(*По поводу 75-лѣтія*).

I. От редакціи.

Немногіе, заглянув в зеркало своего прошлаго, увидят отраженіе такого непорочнаго облика, облика поистинѣ кристальной чистоты, каким судьба одарила Николая Васильевича Чайковскаго. Общественное служеніе с двадцатилѣтняго возраста, без устали и перерыва, во имя осознаннаго, почти религіознаго долга перед «обездоленными людьми» — вотъ символъ пройденнаго пути. Это «интуиція» — скажет сам Н. В. — вела его в революціонном движеніи по пути не разрушенія, а созиданія. Нѣт, это то проникновенное сознаніе отвѣтственности, которое заставляло революціонера, поднимавшаго меч против насилія, быть проповѣдником партіи «нравственной силы», а не силы физической.

Из сокровищницы западно-европейскаго прошлаго, из того комплекса идей и настроеній, который мы склонны нерѣдко называть «утопическим соціализмом», вынес народник и соціалист Чайковскій свой одухотворенный идеализм, ту моральную основу общественности, которая воодушевляла еще юнаго основателя знаменитаго кружка «чайковцев» и которая заставляла его в 22 году «выдумывать новую богочеловѣческую религію». Послѣднія слова принадлежат самому Николаю Васильевичу. И не воскрешают ли они перед нами другой далекій образ, с которым незримыми нитями связан дух семидесятника? Это исток уже отечественный. Ему посвящены наши думы и воспоминанія в годину 1925-ую. «Да будет всѣм один царь на небеси и на земли — Іисус Христос» — гласит катехизис декабриста С. И. Муравьева-Апостола, поднимавшаго также меч против деспотіи, с которой несовмѣстима правда христіанская.

Муравьев передѣлывает составленный «неправильно» православный катехизис во имя осуществленія «царства Божія» на землѣ...

Свой этическій энтузіазм Н. В. сохранил на всю жизнь; он донес его до наших дней, чрез всѣ тѣ мрачныя ущелія, которыя заставляла его проходить русская жизнь. Недаром, когда Н. В. пишет работу о чартизмѣ (1906), он с такой симпатіей отмѣчает овеновскую проповѣдь перерожденія человѣчества, идущую на смѣну вѣрѣ в непобѣдимую силу только организаціи: новая жизнь прежде всего требует и новаго содержанія. В этом этическом началѣ он видит и конструктивную силу коопераціи.

И вновь всплывает далекая связь с отечественным прошлым. Вспоминается юношеская проповѣдь «догматическаго безбожника» декабриста Борисова об «усовершенствованіи себя» по правилам «пиѳагоровой секты» в добродѣтели, любви и дружбѣ. Борисов первый начертал тот девиз, который сдѣлался отчасти позднѣйшим символом русской коопераціи: двѣ руки, соединенныя вмѣстѣ над жертвенником с надписью: La gloire, l'amour et l'amitié»...

Непоколебимая вѣра в правду-истину заставляла всегда Н. В. Чайковскому быть смѣлым и рѣшительным в своих поступках. Нѣт и не было двойственнаго в нем. Великим испытаніем для каждаго была русская революція. Тяжелым бременем легли эти годы на немолодыя уже плечи стараго борца. Но и здѣсь не измѣнила ему прежняя «интуиція». Когда пришел большевизм, с твердостью юноши держал он в своих руках древко знамени, на котором были начертаны слова о неподчиненіи насилію.

Перед нами лежит воззваніе, подписанное Чайковским 19 сентября 1918 года от имени того сѣвернаго правительства, которое он возглавлял.

Прочтем его еще раз и увидим, как отчетливо ясна позиція, которую занял и без уклонов будет занимать Н. В. Чайковскій.

«Міровая война кончается. Вздох облегченія и радости охватывает все культурное человѣчество. Кризис основной болѣзни миновал, а вмѣстѣ с ним миновала и непосредственная смертельная опасность для современной культуры и свободы. Но не миновала опасность от побочных осложненій, порожденных войной.

Большевизм, как одно из таких осложненій, должен быть ликвидирован прежде, чѣм человѣчество сможет перейти на мирное положеніе и посвятить свои силы новой созидатель-

ной работѣ. Ошибочно было бы думать, что с заключеніем мира между союзными и центральными державами кончается опасность от большевизма.

Большевизм есть, к сожалѣнію, не только русская, но международная опасность. Это опасность захвата государственной власти ничтожным меньшинством населенія, пользуясь вооруженной силой взбунтовавшихся армій и флотов, для принужденія большинства к повиновенію волѣ вожаков одной партіи, не признанных населеніем и не выбранных им для управленія страной.

Подобная узурпація государственной власти возможна только в атмосферѣ войны, и вмѣстѣ с прекращеніем войны она должна быть немедленно ликвидирована, какими бы заманчивыми идейными лозунгами ни было позолочено это недопустимое насиліе над волей свободнаго народа.

В Россіи она является продолженіем управленія страной при помощи «усиленных» и «чрезвычайных» охран, которыми царское правительство держало страну в мирное время в тисках военнаго положенія с 1889 года вплоть до 1917 года, с коротким перерывом в 1905-1906 годах во время первой русской революціи. Совѣтская власть возстановила этот политическій порядок послѣ октябрскаго переворота 1917 года. С тѣх пор она успѣла совершить больше преступленій и насилій, чѣм царское правительство за всѣ 27 лѣт своей противоестественной военной диктатуры. И теперь эта сирена, манящая в свои преступныя руки всѣх легковѣрных и безпринципных безумцев, хочет увѣрить весь свѣт в том, что это и есть давно желанный соціалистическій рай «диктатуры пролетаріата».

Этой мистификации должен быть положен конец. Против нея должны быть направлены силы всѣх народов во имя свободы и справедливости, во имя блага самого всесвѣтнаго пролетаріата — иначе ему предстоит сдѣлаться могильщиком не только своих собственных, но и общечеловѣческих свобод и благосостоянія.

Во всяком случаѣ никаким большевистским узурпаторам не может быть мѣста в международном конгрессѣ мира, ибо мирное сожительство народов несовмѣстимо с насиліем, положенным в основаніе большевистской власти. Это насиліе неизбѣжно ведет к внутренней гражданской войнѣ, а война внутренняя также ведет к войнѣ внѣшней с сосѣдями — и разрушает мир.

Вот почему ликвидація большевизма должна предшествовать полному окончанію войны; вот почему всякій, кому дорог мир, не должен слагать оружіе до тѣх пор, пока не ликвидирована совѣтская власть.»

И там, на Югѣ, он один, среди своих друзей нашел и силы, и мужество в послѣдній роковой момент подде[illegible]ть своим авто-

ритетным, незапятненным именем демократа и соціалиста кончавшуюся борьбу.

То был «безоглядный энтузіазм», скажет историк. Историческому скепсису дѣйствительно чужды слова ап. Павла в посланіи к коринянам (I,19), которыя Н. В. готов поставить эпиграфом своей жизни: «погублю мудрость мудрецов и разум разумных отвергну» (пророк Исайя)

Вѣдь «безоглядный энтузіазм» — властный постулят текущей жизни, способный так часто измѣнять неизбѣжные, казалось бы, историческіе прогнозы...

Никто больше не вѣрит в Россіи в призывныя пѣсни сирен. Но голоса их, пусть безплодно, все еще звучат у нас на Родинѣ. И чтобы голоса их умолкли, должен мощно и непоколебимо по старому звучать голос того, кто в жизни не знал компромиссов с своей совѣстью и кто всего себя посвятил борьбѣ за достиженіе свѣтлаго будущаго для человѣчества.

«Vivos voco!» Пусть голос Н. В. Чайковскаго будет для нашего времени голосом великаго Герцена.

II. Автобіографическая замѣтка.

(Написана для Британской Энциклопедіи).

Русскій революціонер (соціалист-народник, кооператор). Родился в Вяткѣ в 1850 году. В дѣтствѣ был свидѣтелем крѣпостного права в Россіи и вырос в эпоху «великих реформ». Высшее образованіе получил в Петербургском Университетѣ по факультету физико-математических наук, по спеціальности химіи в 1872 году под руководством профессоров Д. Менделѣева, А. Бутлерова и А. Меньшуткина. Философское крещеніе получил в школѣ Ог. Конта и Гер. Спенсера, а не К. Маркса, как большинство его сверстников.

Еще студентом, в 1870 году, сдѣлался членом руководящей группы извѣстной под именем кружка «чайковцев», которой суждено было сдѣлаться исходным пунктом народническаго направленія (в противовѣс соціаль-демократическому) среди русской интеллигенціи.

Сорганизованная этой группой сѣть духовно связанных между собою «кружков самообразованія» и «землячеств» среди

учащейся молодежи по всей Россіи, вначалѣ, представляла из себя нѣчто очень похожее на современныя просвѣтительныя организаціи У. М. С. А., но тайной и с уклоном в сторону соціалистической утопіи.

Пользуясь методом программнаго чтенія и снабжая эти кружки хорошо подобранными научными книгами по дешевой цѣнѣ, она оказала огромное вліяніе на культурное развитіе и настроеніе цѣлаго поколѣнія русской интеллигенціи и, таким образом, подготовила его к опредѣленному движенію — «хожденію в народ» (блестяще описанному очевидцем, американским журналистом Джоржем Кеннаном в его книгах и статьях о Сибири и Россіи).

Однако-же, в условіях русскаго царизма, такая попытка организованнаго воздѣйствія на общественное мнѣніе страны разсматривалась правительством, как противозаконный заговор против существующаго государственнаго порядка, и подвергалась жестокому преслѣдованію — вплоть до арестов, политических судебных процессов, ссылок на каторгу и казни. Чайковскій, еще будучи студентом, был дважды арестован за участіе в этой работѣ, хотя она была тогда еще в зародышѣ. Но такія преслѣдованія дѣйствительно толкали культурных работников на путь политической борьбы и терроризма, и фактически вся эта организація постепенно превратилась в революціонно-террористическую политическую партію «Народной Воли».

Не сочувствуя такому уклоненію в чистую политику Чайковскій отошел от своей организаціи для того, чтобы примкнуть к новому соціально - религіозному теченію, получившему названіе «богочеловѣков», т. е. людей ищущих Бога внутри себя, и эмигрировал в 1877 году в Америку, вмѣстѣ со своими единомышленниками, чтобы, поселившись там в штатѣ Канзас, в колоніи Cedar Vale, близ города Witchita, на практикѣ в своей собственной общинной жизни провѣрить осуществимость своего религіозно-коммунистическаго ученія. Однако, по истеченіи двух лѣт, Чайковскій — как и другіе члены колоніи — приходит к заключенію, что хотя будущее человѣчества и принадлежит такому строю жизни, — но что в настоящем люди еще не готовы к нему, не будучи способными постоянно ощущать в себѣ присутствіе Божества. Без этого же коммунистическая жизнь — ради одних матеріалистических побужденій, неосуществима,

как бы идеалистичны они ни были. И в настоящем люди должны продолжать бороться за свои идеалы, — а поэтому и сами члены колоніи должны вернуться в мір, к этой борьбѣ.

В 1878 году Чайковскій оставляет Cedar Vale'скую колонію и, за неимѣніем достаточных средств в общинѣ, трэмпом идет в Филадельфію, в окрестностях которой и работает сначала корабельным плотником на Честерской верфи, а потом чернорабочим на сахарном заводѣ в самой Филадельфіи. Болѣзнь (малярійная лихорадка), вывезенная из Канзасских степей, однако же не позволяет ему продолжать этого дольше нѣскольких мѣсяцев и он ѣдет вмѣстѣ с семьей в религіозную общину шеккеров «Son Yea» в N. Y. штатѣ, для изученія на практикѣ жизни этих сектантов, и остается там один год.

Лѣтом 1879 года он возвращается в Европу и становится политическим эмигрантом сначала во Франціи (1½ года), а затѣм переселяется в 1880 г. в Лондон (на 28 лѣт), содѣйствуя всѣми доступными средствами революціонному движенію в Россіи: участвует вмѣстѣ с П. Кропоткиным в «Красном Крестѣ Народной Воли», вмѣстѣ со Степняком и Ф. Волховским — в издательском предпріятіи «Фонда Вольной Русской Прессы» в Лондонѣ и, наконец, организует тайную доставку en gros революціонной литературы в Россію для соціаль-революціонной партіи в бочках жировых товаров.

Во время первой русской революціи в 1906-7 г. г. два раза предпринимает туры по Соединенным Штатам Америки для популяризаціи этого движенія и сбора для него фондов. Не довѣряя газетным извѣстіям о подавленіи его царским правительством, он ѣдет в концѣ 1907 года в Россію, чтобы лично убѣдиться в истинном положеніи вещей. При этом послѣ трехмѣсячнаго тура incognito по странѣ, он был арестован в момент возвращенія в Англію. За арестом послѣдовало годовое заключеніе в крѣпости и суд вмѣстѣ с «бабушкой» русской революціи — Ек. Брешко-Брешковской, по обвиненію в заговорѣ против существующаго государственнаго порядка. Суд, однако, вынес ему оправдательный вердикт по недоказанности обвиненія. Суду предшествовало освобожденіе на поруки под залог в 50.000 руб. (5.000 фунтов), внесенный анлгійскими и американскими друзьями русскаго освободительнаго движенія и возвращенный Чайковским поручителям послѣ рѣшенія суда.

Послѣ суда (1909 г.) Чайковскій остается в Россіи и рабо-

тает над организаціей кооперативнаго дѣла в Россіи, которое обнимает в період предшествовавшій началу міровой войны (1914 год) до 40.000.000 населенія Россіи.

Во время войны Чайковскій становится во главѣ особой организаціи «Отряд продовольственной помощи» на сѣверном фронтѣ (Псков) для снабженія продовольствіем под флагом Краснаго Креста прифронтового населенія и кооперативов этого раіона. В качествѣ члена, а потом и президента «Вольно-экономическаго Общества» работает по организаціи помощи населенію разоренных войной частей страны — Польши, Литвы и т. д.

Во время февральской революціи 1917 г. участвует в качествѣ представителя «Трудовой Народно-Соціалистической Партіи», как в «Совѣтѣ Рабочих и Солдатских депутатов», так и «Совѣтѣ крестьянскихъ депутатов» в Петроградѣ, гдѣ борется, пока возможно, с большевистскими теченіями, а затѣм слагает с себя званіе делегата.

Избирается в 1917 г. членом Учредительнаго Собранія от Вятской губерніи.

Послѣ октябрскаго большевистскаго переворота участвует в организаціи активной борьбы против большевистской власти в качествѣ члена «Комитета Спасенія Родины и Революціи» и потом «Комитета Защиты Учредительнаго Собранія».

В 1918 году дѣлается одним из основателей и членов Ц. К. блока лѣвых противобольшевистских партій «Союза Возрожденія Россіи» в Москвѣ и избирается членом Директоріи на съѣздѣ в Уфѣ. Но по пути в Сибирь призывается из Вологды организаторами противобольшевистскаго возстанія в Сѣверной Области — в Архангельск для сношенія с союзным дессантом и для учрежденія там новаго порядка. Участвует в переворотѣ 2-го августа в Архангельскѣ и становится Предсѣдателем «Верховнаго Управленія Сѣверной Области», а затѣм послѣ ликвидаціи заговора против правительства со стороны монархическаго офицерства, — образует и возглавляет новое «Временное Правительство Сѣверной Области», пока не командируется своим правительством в началѣ 1919 г. в Париж для защиты интересов Сѣверной Области перед мирной конференціей. Входит в «Политическое Совѣщаніе» и потом в «Русскую Политическую Делегацію» в Парижѣ вплоть до самоупраздненія послѣдней в февралѣ 1921 г.

В началѣ 1920 года принимает участіе в попыткѣ реорганизовать «Южно-Русское Правительство» генерала Деникина на демократических началах въ Екатеринодарѣ, Новороссійскѣ и в Крыму совмѣстно с радами Донского, Кубанскаго и Терскаго Казачества. В февралѣ 1921 г. принимает участіе в учрежденіи общественных организацій для помощи эмиграціи — «Об'единенія земских и городских дѣятелей во Франціи» и «Россійскаго земско-городского комитета» под предсѣдательством князя Г. Е. Львова и избирается в первой из них членом Совѣта, а во второй — предсѣдателем ревизіонной комиссіи.

III. Суд Царскій.

(Обвинительный акт, 1909 г.).

Из обвинительнаго акта о Брешко-Брешковской и Чайковском мы заимствуем главнѣйшее из того, что относится к нашему юбиляру.

22 ноября 1907 года по распоряженію С. Петербургскаго Охраннаго Отдѣленія был арестован в С. Петербургѣ на Финляндском вокзалѣ при от'ѣздѣ в Финляндію извѣстный эмигрант, входившій в состав партіи соціалистов - революціонеров, Николай Васильевич Чайковскій, отказавшійся при арестованіи открыть свое званіе.

Первое выступленіе Чайковскаго на революціонном поприщѣ должно быть отнесено к веснѣ 1869 года, когда им, в числѣ других, был образован кружок, сдѣлавшійся впослѣдствіи извѣстным под именем «Кружка Чайковцев». Цѣлью этого кружка, как она понималась его основателями, было созданіе среди интеллигенціи и, главным образом, среди учащейся молодежи кадров революціонно-соціалистической партіи или, как чаще выражались тогда, «истинно-народной» партіи в Россіи, послѣ чего предполагалось начать самую дѣятельную пропаганду среди крестьян и рабочих для подготовки почвы для революціи. Для выполненія этой задачи первоначальными основателями кружка рѣшено было вести систематическую пропаганду среди учащейся молодежи, устраивать кружки самообразованія, землячества, и так называемыя коммуны, состоящія из уже болѣе тѣсно связанных между собой товарищей. С той же цѣлью кружком было начато так называемое «книжное дѣло», представлявшее собою, помимо непосредственно приносимой им пользы, одно из лучших средств для сближенія с молодежью на почвѣ чисто практическаго предпріятія и для быстраго расширенія

связей, и заключавшееся в распространеніи, как в С.-Петербургѣ, так и в других университетских городах, хорошо подобранной тенденціозной легальной литературы, с присоединеніем к ней, по возможности запрещенных или из'ятых сочиненій. Книги эти распространялись по большей части в кредит, причем кружок старался также о выработкѣ и принятіи всѣми кружками самообразованія одинаковой, в общих чертах, программы чтеній и занятій, подготовляя таким путем цѣлое поколѣніе для будущей революціонной дѣятельности в народѣ. Вскорѣ однако кружок стал стремиться придать своей дѣятельности болѣе революціонный характер и вынести ее из предѣлов сравнительно замкнутой среди учащейся молодежи. К этому времени относится попытка кружка найти эту болѣе широкую и твердую почву в земской средѣ, гдѣ кружок хотѣл убѣдиться в возможности или в невозможности воспользоваться земскими учрежденіями и земскими начинаніями в чисто революціонных цѣлях, т. е. имѣя в виду найти там удобную почву для веденія соціалистической пропаганды в народѣ. Попытка эта, как удостовѣряют участники кружка, окончилась неудачей. Единственным полезным результатом этой попытки сближенія с земствами было то, что в нѣскольких школах мѣста школьных учителей, фельдшеров, фельдшериц были заняты своими людьми. К началу 1872 года кружок Чайковцев рѣшительно переходит к своей окончательной программѣ: революціонной пропагандѣ среди С. Петербургских рабочих, а затѣм и среди крестьянства. Что касается общаго характера той пропаганды, которая велась тогда среди С. Петербургских рабочих, то прежде всего это было стремленіе передать дѣло рабочих в их собственныя руки. Такова была одна из главных руководящих идей того времени. Тогда среди русских революціонеров господствовало сильное предубѣжденіе против политическаго якобинства, против революціонной диктатуры, против мысли о пересозданіи общественнаго строя путем декретов, причем с представленіем о революціонном якобинствѣ связывалось представленіе также о болѣе или менѣе значительном участіи в переворотѣ буржуазіи, в отличіе от чисто революціонных движеній, а политическая программа революціонеров 70-х годов заключалась в прямом обращеніе к народу, в призывѣ к революціонному возстанію самих рабочих масс... С этой цѣлью они двинулись в народ. Весной 1873 года связи кружка Чайковцев, насчитывавшаго тогда, вмѣстѣ с его развѣтвленіями в Москвѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Одессѣ, Орлѣ, Таганрогѣ, Саратовѣ и других городах Россіи сотни членов, с рабочими расширялись; нѣкоторые члены, как бывшій офицер Шишко, поступили рабочими на фабрики, бывшіе офицеры Кравчинскій и Рогачев работали пильщиками в Тверской губерніи, другіе завели у себя на дому вольныя школы для рабочих, Чайковскій вел с другими существовавшій на Васильевском Островѣ довольно многочисленный кружок

заводских рабочих, болѣе самостоятельный и державшійся особняком от фабричных, — третьи вошли в непосредственныя сношенія с крестьянами, вступая в артели каменщиков, землекопов и плотников. В провинцію были посланы делегаты, которые входили в сношенія с мѣстными кружками, снабжали их книгами, деньгами, адресами, словом, всѣм необходимым для пропаганды. В 1874-75 г. г. почти не существовало такой великорусской или украинской губерніи, гдѣ не было бы соціалистических кружков и колоній, находившихся в связи с центральными кружками больших городов, и слѣды революціонно-соціалистической агитаціи были замѣчены в 36 губерніях Имперіи. Средствами пропаганды среди фабрично-заводских рабочих служили, как устная проповѣдь, так и раздача революціонных брошюр. Часть этой агитаціонной литературы была напечатана в Россіи, но с 1873 года кружок Чайковцев задумал перенести печатаніе народных брошюр за границу. В этих видах один из членов кружка, Купреянов ѣздил в Швейцарію и переправил через границу печатный станок.

В 1875 году соціалистическая пропаганда, начавшаяся в 1872 году и достигшая в 1873-74 г. г. своего апогея, была окончательно дезорганизована, благодаря бдительности и преслѣдованію правительства. Тѣм не менѣе, пропагандистское движеніе это, слѣдовавшее лозунгу «в народ» пустило в народѣ глубокіе корни, во многом подготовило почву для дальнѣйшаго развитія русскаго революціоннаго движенія и положило основаніе будущей, образовавшейся в концѣ 90-х годов, партіи соціалистов-революціонеров.

В воспоминаніях своих, помѣщенных в изданной в 1906 году печатной брошюрѣ Перриса, под заглавіем «Піонеры русской революціи», в главѣ «Пропагандисты 1870-74 г.г.» Чайковскій, повѣствуя о своем участіи в образованіи кружка Чайковцев и о послѣдующей своей в кружкѣ дѣятельности, между прочим, говорит, что первый арест, которому он подвергся, имѣл мѣсто весною 1871 года, и находился в связи с книгоиздательской дѣятельностью кружка Чайковцев. Пробыв три мѣсяца в полицейской тюрьмѣ у Цѣпного моста, в отдѣленіи для политических преступников, он был освобожден; «нечего и говорить — поясняет он — что немедленно по освобожденіи я отправился к своим товарищам с намѣреніем неуклонно продолжать прежнюю работу». «Мой второй арест, послѣдовавшій приблизительно через год, — говорит он далѣе, — был вызван подозрѣніем, что я в революціонных цѣлях организую студенчество всѣх университетских городов Россіи. В это время я уже усвоил себѣ обыкновеніе тщательно перед сном осматривать свою комнату, чтобы прятать всѣ имѣвшіеся при мнѣ подозрительные бумаги, записки, адреса и т. д. Поэтому, когда ночью явилась полиція с обыском, она ничего не нашла, кромѣ записки о студенческом совѣтѣ, написанной кѣм то из моих дру-

зей, и без моего вѣдома в мое отсутствіе оставленной у меня в комнатѣ». — Лѣтом 1873 года Чайковскій совершил обширную поѣздку по всей Россіи для поддержанія прежних и установленія новых связей кружка. Послѣ же того, как у кружка образовались прочныя связи с рабочими, Чайковскій рѣшил пріостановить на время дальнѣйшую дѣятельность по организаціи интеллигентной молодежи и заняться издательством книг, журналов и газет, спеціально принаровленных для обращенія в деревнѣ. Для осуществленія этой цѣли, а также вслѣдствіе неоднократных предостереженій, что в С. Петербургѣ его снова могут арестовать, он рѣшился скрыться «в подполье», т. е. жить по фальшивому паспорту, и уѣхал в провинцію, гдѣ всецѣло отдался книгоиздательству. В 1874 году, до окончанія возбужденнаго о нем при С. Петербургском Губернском Жандармском управленіи дѣла «по обвиненію его в организаціи преступнаго кружка «Чайковцев», поставившаго себѣ задачей распространеніе революціонных идей среди учащейся молодежи, рабочих и крестьян, Чайковскій тайно выбыл за границу, в Америку, гдѣ пробыл до 1874 (9?) г. По возвращеніи в Европу, Чайковскій поселился сначала в Парижѣ, а затѣм, с 1880 года, начал проживать в Лондонѣ. В это же время Чайковскій принял участіе в заграничном отдѣленіи «Краснаго Креста Народной Воли», основаннаго для сбора пожертвованій и устройства побѣгов политических ссыльных, и являлся представителем отдѣленія в Лондонѣ....

Поселившись в Лондонѣ, Чайковскій в 1890 году принял участіе в образованіи в Лондонѣ «Общества друзей свободы в Россіи». Общество это издавало ежемѣсячный журнал «Free Russia» («Свободная Россія»), печатавшійся на англійском языкѣ, и имѣвшій цѣлью поддерживать среди англійскаго общества агитацію, направленную против русскаго правительства. С той же цѣлью нѣкоторые члены этого сообщества, как например, извѣстный государственный преступник С. Кравчинскій-Степняк, раз'ѣзжали по городам Англіи и Америки, и читали лекціи о русском революціонном движеніи и бытѣ политических ссыльных и заключенных, собирая пожертвованія в пользу русской революціи, и организуя в разных городах мѣстные отдѣлы «Общества друзей свободы в Россіи». В 1893 году это «Общество друзей свободы в Россіи» возникло и в Сѣверно-Американских Соединенных Штатах.

Кромѣ того, Чайковскій являлся одним из основателей возникшаго в 1891 году общества «Фонда вольной русской прессы в Лондонѣ». Фондом этим издавались на русском языкѣ «Летучіе листки», выходившіе періодически, и отдѣльныя брошюры: «Подпольная Россія», С. Степняка-Кравчинскаго, сборник «За сто лѣт» и др. Независимо от издательской дѣятельности общество это принимало непосредственное участіе и в рабочем движеніи в Россіи, что видно, например, из помѣщен-

наго в № 33 «Летучих листков», от 30 іюля 1896 года, воззванія «Фонда» о направленіи к ним сочувствующими пожертвованій в пользу бастовавших тогда в Россіи рабочих, причем Комитет ручался за то, что деньги присланныя ему для стачечников, дойдут до назначенія. В приложенных к дознанію номерах «Летучих листков Фонда вольной русской прессы в Лондонѣ», вышедших в період времени с 18-го января 1896 года по 19 ноября 1898 года, имѣется цѣлый ряд статей Чайковскаго. Статьи эти, нося ярко агитаціонный характер, проникнуты глубокой ненавистью к Самодержавному строю Россійской Имперіи и содержат в себѣ заочное оскрбленіе особы царствующаго Императора и дерзостное неуваженіе к Верховной власти. В № 39 «Летучих листков», от 20 мая 1897 г. в статьѣ «Что нам дѣлать» Чайковскій, послѣ указанія, что в Россіи наблюдается «усовершенствованная самодержавная форма капитализма, созданная для эксплуатаціи рабочаго народа бюрократіей заодно с капиталистами», и выраженнаго сомнѣнія «хватит ли у великаго народа сил и творчества вынести на своих плечах этот титаническій искус цивилизаціи», говорит: «во всяком случаѣ для нас, соціалистов-революціонеров, как и для всѣх искренних друзей русскаго народа, так и для него самого, не может быть двух рѣшеній — необходима борьба с самодержавным правительством и государственным капитализмом путем учрежденія экономических и политических организацій». В № 40 тѣх же Листков от 28 іюля того же года, в статьѣ: «Террор без террористов» Чайковскій, отмѣчая «появленіе в заграничной прессѣ боевого террористическаго знамени», между прочим, пишет: «до тѣх пор, пока самодержавіе будет цѣпляться в Россіи за народное невѣжество и совершать ежедневныя и ежечасныя насилія не только над отдѣльными личностями, но и над цѣлой націей, террористическому принципу в ней всегда будет мѣсто, в критическіе моменты он всегда будет единственным возможным революціонным оружіем». В № 44 тѣх же листков, изданных 19 ноября 1898 года, в статьѣ «Наканунѣ бури», Чайковскій, приписывая русскому Правительству «чисто террористическіе пріемы управленія» и «государственную провокацію», говорит, что «бѣлый террор взывает к красному» и что «рабочее движеніе рано или поздно будет вынуждено вступить в прямую борьбу с этим самым сильным организованным насиліем и притом пользуясь тѣм же оружіем, каким теперь не стѣсняется пользоваться оффиціальная власть в Россіи».

В 1897 году Чайковскій явился одним из участников образовавшагося в средѣ политических эмигрантов в Лондонѣ «постояннаго комитета для сбора пожертвованій в пользу всѣх политических ссыльных и заключенных в Россіи и Сибири», «гонимых самодержавіем, как за политическую дѣятельность, так и за коллективную экономическую борьбу с капитализ-

мом»... (Даже обвинительный акт говорит о пропагандѣ и организаціи революціонных кадров в Россіи).

«Одновременно и в униссон с этой дѣятельностью, революціонеры, жившіе за границей, возобновили, независимо от работавших в Россіи, пропаганду идей 70-х годов, примѣняя ее к спросам новѣйшей исторіи русскаго народа, причем, по свидѣтельству Брешко-Брешковской, как результат общих усилій тѣх и других, было то, что «в то время как за границей образовалась (в 1899 году) «Аграрно-Соціалистическая Лига», в Россіи было положено начало первой крестьянской газетѣ, вышедшей в Саратовѣ под названіе «Крестьянское Дѣло».

По сообщенію Департамента Полиціи, Чайковскій являлся одним из организаторов «Лиги Аграрнаго соціализма»...

(Касаясь организаціи партіи с. р. обвинительный акт говорит): Кромѣ Центральнаго, во главѣ партіи имѣлся еще заграничный Комитет, несшій функціи как бы исполнительнаго органа перваго, так как через его посредство проводились в жизнь постановленія и принятыя рѣшенія Центральнаго Комитета. При заграничном Комитетѣ были сосредоточены слѣдующія учрежденія: редакціонная комиссія, экспедиція по транспортировкѣ литературы, литературный и революціонный архивы, типографія газеты («Революціонная Россія»), паспортное отдѣленіе и редакція «Вѣстника Русской революціи» и «La Tribune Russe».

Состав заграничнаго Комитета был опредѣлен числом одиннадцати членов, которые ежегодно избирались на происходившем за границей (обыкновенно, в Женевѣ) с'ѣздѣ соціалистов революціонеров, проживавших в Россіи. На состоявшемся в іюлѣ того же 1904 года в «Hermance» партійном с'ѣздѣ в число членов заграничнаго Комитета был избран и Чайковскій....

Таковы данныя, добытые дознаніем о Чайковском и Брешко-Брешковской до 17 октября 1905 года, но и по воспослѣдованіи Высочайшаго Указа Правительствующему Сенату от 21 октября 1905 года, Чайковскій и Брешко-Брешковская не прекратили своей преступной противоправительственной дѣятельности и продолжали ее до своего задержанія...

Допрошенный в качествѣ свидѣтеля Федоров, завѣдующій в СПБ-ом Охранном Отдѣленіи политическим розыском, благодаря чему у него сосредоточены свѣдѣнія о дѣятельности партіи соціалистов-революціонеров, как в Россіи, так и за границей, удостовѣрил, что ему о дѣятельности извѣстных революціонеров Чайковскаго и Брешко-Брешковской извѣстно слѣдующее:

В декабрѣ 1905 года за возникновеніем «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза» Чайковскій и Брешко-Брешковская вступили в число членов названнаго Союза и в 1906 году об'ѣхали значительную часть Европейской Россіи в цѣлях преступной пропаганды и подстрекательства крестьян к производству аг-

рарных безпорядков, с примѣненіем насилія к крупным землевладѣльцам. В октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ того же 1906 года Чайковскій принимал участіе в конференціи соціалистов-революціонеров в Таммерфорсѣ, гдѣ вмѣстѣ с Брешко-Брешковской был сторонником революціоннаго террора, причем горячо настаивал на цареубійствѣ в произнесенной по этому поводу рѣчи. На этой же конференціи Чайковскій рѣшил о'бѣхать Урал для устройства среди крестьян боевых дружин, что затѣм и исполнил. А незадолго до своего ареста Чайковскій был в Москвѣ и имѣл сношенія с мѣстными соціалистами-революціонерами.

Кромѣ того, по свѣдѣніям, имѣвшимся в Департаментѣ Полиціи, Чайковскій в 1906 году ѣздил в Нью-Іорк в сопровожденіи двух латышей для подготовки отправки в Россію транспорта оружія.

В Америкѣ же был Чайковскій и в 1907 году, гдѣ он с бывшим членом Государственной Думы І-ого созыва, Аладьиным, устраивал в различных городах многочисленные митинги, на которых агитировал против Русскаго Правительства, и сверх того, занимался сбором денежных пожертвованій на революціонныя цѣли, причем при от'ѣздѣ в Европу увез с собою около 50. 000 долларов...

Чайковскій, не признавая себя виновным, об'яснил, что показаній о принадлежности к партіи соціалистов-революціонеров он в настоящее время давать не желает. До августа 1907 года, со времени оставленія им в 1874 году родины, он в Россіи не был. Паспорт на имя Никифорова он достал перед от'ѣздом в Россію в Лондонѣ, и в'ѣхал в Россію через Финляндію. Посѣтил он родину с цѣлью личнаго ознакомленія с дѣйствительным положеніем в ней вещей и прежде всего направился в край, который знал с дѣтства—в Уфимскую, Вятскую и Пермскую губерніи. Отмѣтки о прпискѣ паспорта в полиціи, имѣющіяся на паспортѣ Никифирова, относятся к нему, Чайковскому, но с кѣм он там видѣлся и как проводил время, сказать не пожелал. На собраніи партіи соціалистов-революціонеров под Курском, в С. Петербургѣ и в Таммерфорсѣ он не присутствовал. Делегатом по сбору пожертвованій в Америкѣ в 1906-1907 годах от партіи соціалистов-революціонеров он, Чайковскій, не состоял, собранных денег в партію эту не передавал. В 1906 году и в 1907 году он, дѣйствительно, ѣздил в Америку, но был там для сбора денег и чтенія лекцій в пользу заключенныхи ссыльных. В бытность его, Чайковскаго, в Америкѣ в 1917 году при его участіи образовалось «Общество американских друзей свободы в Россіи», как совершенно легальное учрежденіе, и лекціи, которыя он, Чайковскій, читал тогда в различных городах Америки, организовывались и об'являлись от имени этого общества. Признав затѣм, что все у него отобранное, принадлежит ему, Чайковскому, и заявив, что

в записной книжкѣ заключаются свѣдѣнія личнаго характера, Чайковскій дальнѣйших об'ясненій дать не пожелал.

Относительно своего прошлаго Чайковскій показал, что в 1904 году он членом Заграничнаго Комитета партіи соціалистов-революціонеров не состоял, а входил в состав мѣстной Лондонской группы соціалистов-революціонеров, группы, не составлявшей части партіи, а лишь об'единявшей людей, раздѣлявших взгляды соціалистов-революціонеров, но не несших отвѣтственности за дѣйствія партіи и не связанных организаціонным партійным уставом, и что с 1890 года он принимал участіе в «Обществѣ друзей Русской свободы в Лондонѣ», а в 1891 являлся одним из основателей в Лондонѣ русскими эмигрантами общества «Фонда Вольной русской прессы», причем эти общества, по словам Чайковскаго, существовали легально и изданія их распространялись.

На основаніи изложеннаго мѣщанка из ссыльных Екатерина Константиновна Брешко-Брешковская, 66-ти лѣт, потомственный дворянин Николай Васильевич Чайковскій 56 лѣт, обвиняются в том, что в період времени с конца 1905 года по 1907 год состояли в числѣ членов преступнаго сообщества, присвоившаго себѣ наименованіе «партіи соціалистов-революціонеров» и завѣдомо для них поставившаго цѣлью своей дѣятельности насильственное ниспроверженіе, путем всенароднаго вооруженнаго возстанія, установленнаго в Россіи Законами Основными Образа Правленія и замѣну его демократической республикой, при чем для осуществленія упомянутых преступных цѣлей этого общества, они в тот же період времени входили, на правах членов, в состав Центральнаго Комитета Партіи, на обязанности котораго лежало высшее руководство дѣятельностью всѣх партійных организацій; в декабрѣ 1905 года, вслѣд за возникновеніем «Всероссійскаго Крестьянскаго Союза, вступили в число членов названнаго союза, и в 1906 году в цѣлях преступной пропаганды и подстрекательства крестьян к производству аграрных безпорядков, об'ѣхали значительную часть Европейской Россіи, причем внушали крестьянам примѣнять к крупным землевладѣльцам террор; участвовали в том же 1906 году в Курской губерніи и в гор. С. Петербургѣ в различных партійных собраніях и конференціях, на которых призывали собравшихся к вооруженному возстанію, партизанской войнѣ и широкому примѣненію террора. В февралѣ 1907 года в гор. Таммерфорсѣ принимали участіе в конференціи партіи, гдѣ оба были сторонниками террора, причем Чайковскій, в произнесенной им рѣчи, горячо настаивал на Цареубійствѣ; назывались ложными фамиліями: Брешко-Брешковская — Елизаветой Кочетковой, и Чайковскій—Никанором Никифоровым и Джоном Шмидтом, и проживали: Брешко-Брешковская по чужому паспорту на имя мѣщанки Елизаветы Ко-

четковой и Чайковскій — по подложному паспорту на имя мѣщанина Никанора Никифорова; и кромѣ того Брешко Брешковская участвовала в работах второго, экстреннаго съѣзда партіи с 12 по 15 февраля 1907 года в гор. Таммерфорсѣ, гдѣ она, между прочим, в сказанной рѣчи доказывала обязательность для партіи заранѣе выработать план и опредѣлить момент для всеобщаго массового выступленія, — а также составила и помѣстила в том же 1907 году — в различных партійных изданіях: «Деревня», «Земля и Воля», «Партійныя Извѣстія», и «Труд» ряд статей, по содержанію своему призывающих к всенародному вооруженному возстанію для ниспроверженія правительства и созыва Учредительнаго Собранія; и Чайковскій в 1907 году в качествѣ делегата партіи в Америкѣ в цѣлом рядѣ городов устраивал многочисленные митинги, на которых агитировал против Русскаго Правительства, и сверх того занимался сбором денежных пожертвованій на нужды и цѣли партіи, и в том же 1907 году о'бѣхал Урал с цѣлью устройства среди крестьян боевых дружин, и ѣздил в Москву, гдѣ имѣл сношенія с мѣстными соціалистами-революціонерами.

Преступленіе это предусмотрѣно Vч. 102 ст. Угол. Улож.

Вслѣдствіи этого, на основаніи 2 парагр. 1035 ст. Уст. Уг. Суд. названные Брешко-Брешковская и Чайковскій подлежат суду С. Петербурской Судебной Палаты с участіем сословных представителей.

IV. Суд большевицкій.

Царскій суд оправдал в 1909 г. Н. В. Чайковскаго.

Через 10 лѣт вновь его судили, уже заочно, большевики. В заключеніи обвинительнаго акта по дѣлу так называемаго «Тактическаго Центра», которое разсматривалось в Москвѣ в августѣ 1920 г. Верховным трибуналом, говорилось о лицах, находившихся внѣ предѣлов досягаемости для большевицкой власти:

«Из матеріалов, найденных в архивах Донского Войскового Круга, Національнаго Центра Юга Россіи, Деникинскаго правительства и правительства «Верховнаго правителя Колчака», устанавливается, что вся поименованная выше группа лиц, скрывшаяся из предѣлов Совѣтской Россіи, являлась самыми активными руководителями и организаторами южно-русской контр-революціи (Н. И. Астров, проф. Новгородцев, Долгоруков, князья Е. Н. и Г. Н. Трубецкіе, Червен-Водали, Челищев, Халтулари, Пѣшехонов, Мякотин, Федоров, Титов, Кривошеин и др.*), организаторами и руководителями Сѣвернаго прави-

*) Имѣется в виду Авксентьев, Аргунов, Бунаков, Струве, Гурко, Третьяков и мн. др., перечисленные в обвинительном актѣ.

тельства (Чайковскій). Они обивают пороги дипломатов Антанты, принимая дѣятельное участіе в осуществленіи интервенціонистских планов Антанты против Совѣтской Россіи и поддерживают существующія на Совѣтской территоріи контр-революціонныя и шпіонскія организаціи. Вся же в цѣлом группа лиц, поименованная в настоящей заключительной главѣ, представляющая из себя членов и руководителей послѣдовательно возникавших на территоріи Р. С. Ф. С. Р. контр-революціонных бѣлогвардейских организацій — Сов. Общ. Дѣятелей, Праваго Центра, Союза Возрожденія, Національнаго Центра, Тактическаго Центра, Военной организаціи — является дѣйствительной головой Россійской контр-революціи, вдохновительницей и руководительницей всѣх заговоров против Рабоче-Крестьянской власти, прямой участницей разбойничьих походов имперіалистских государств Антанты против Совѣтской республики». Относительно этой категоріи судившихся Крыленко, в своей рѣчи заявил: «Я полагаю, что согласно ст. 18 Основного Положенія о Трибуналах, разрѣшающей лиц, которыя находятся внѣ территоріи С. Р. Ф. С. Р., судить заочно — названным мною дѣятелям*) может быть вынесен заочный приговор. Но какой приговор! Если бы они были у нас под руками, то это был бы разстрѣл; об'являть же им разстрѣл, когда они находятся внѣ предѣлов досягаемости, безцѣльно. Я предлагаю Трибуналу об'явить этих лиц изгнанными навсегда из предѣлов Республики, об'явить их врагами народа и Революціи и предупредить, что, явившись на территорію Совѣтской власти (если только они дерзнут на ней появиться), они будут разстрѣлены первым органом власти, который установит их личность».

Верховный Трибунал, конечно, согласился со своим прокурором. Н. В. Чайковскій, как и другіе, был об'явлен «врагом народа» и лишен права в'ѣзда на территорію Совѣтской Республики под угрозой немедленнаго разстрѣла.

---

*) Крыленко выдѣлил дѣло об Аргуновѣ, Авксентьевѣ, Алексинском и Бунаковѣ, как неимѣющих не посредственнаго отношенія к данному дѣлу.

ТЮРЕМНАЯ ВСТРѢЧА.

В своей послѣдней брошюрѣ «Соціалистическій Интернаціонал и Совѣтская Россія» К. Каутскій пишет: «Конечно, большевицкій деспотизм отличается от других, с которыми до сих пор нам приходилось имѣть дѣло, тѣм, что новые деспоты были нѣкогда нашими товарищами» — «однако — добавляет Каутскій — мы должны строить свою политику не на основаніи того, что было, а на основаніи того, что есть».

Ниже дается иллюстрація к этому положенію маститаго нѣмецкаго соціалиста в видѣ воспроизведенія тюремной бытовой сцены.

В 1920 г. в іюлѣ или августѣ Дзержинскій посѣтил Бутырскую тюрьму. Между ним и одним с.-д. произошел слѣдующій разговор (Запись сдѣлана почти стенографически):

С-Д. Я извиняюсь... Так как Вы кончили одну серію допросов, то разрѣшите сдѣлать вам личное заявленіе. Моя фамилія — Г., я — соціал-демократ, но, кромѣ того, что я соціал-демократ, я — старый каторжанин, отбывшій двѣ каторги, многіе товарищи мои были приговорены к смертной казни и я считаю своим долгом от их имени...

Дзержинскій. От чьего имени?

— От имени погибших. От тѣх, с которыми я сидѣл, что если бы Вы подверглись нашему моральному суду, то....

— Я сам был на каторгѣ...

— наш моральный приговор был бы таков, что Вы не посмѣли бы смотрѣть нам прямо в глаза, как смотрим мы вам.

С. М.

СКАЗКИ ЩЕДРИНА.

(К столѣтію со дня рожденія М. Е. Салтыкова).

Сказки — одно из самых зрѣлых произведеній Салтыкова. Онѣ писались в эпоху полнаго развитія его таланта, между «Письмами к тетенькѣ» и «Мелочами жизни». Эти сжатые, насыщенные содержаніем и мастерскіе по формѣ художественные очерки имѣют в русской литературѣ только одну равноцѣнную параллель, — «Стихотворенія в прозѣ» Тургенева. Стоит отмѣтить, что обѣ эти жемчужины русской литературы появились в первой половинѣ восьмидесятых годов прошлаго столѣтія. Большіе художники, обнаружившіе мощь своего дарованія на широких полотнах, почувствовали тогда почти одновременно влеченіе к миніатюрѣ и из под пера их вышли шедевры, имѣющіе право претендовать на первыя мѣста даже среди их собственных произведеній.

Сказки Щедрина, подобно Тургеневским «Стихотвореніям в прозѣ» представляют как бы микрокосмос творчества и мысли великаго мастера художественнаго слова. Тот и другой, каждый, конечно, по своему и в высокой степени оригинально с замѣчательной полнотой и яркостью отразились в своих миніатюрах. Все, что разлито в других произведеніях писателей, громадный запас художественных переживаній, жизненнаго опыта и упорной глубокой мысли здѣсь собрано в одном фокусѣ. Это, разумѣется, не повтореніе пройденнаго, не воспроизведеніе самого себя, это синтез долголѣтней работы художника и мыслителя. Недаром у того и другого писателя эти вещи явились в концѣ их литературнаго поприща. Но если, слѣдуя примѣру Тургенева, и сказкам Щедрина, как «Стихотвореніям в прозѣ», можно дать об'единяющее имя «Senilia», то — сколько жизни, сколько силы, глубины мысли и красоты в этих послѣдних взмахах художника.

При первом появленіи в печати сказок Щедрина на долю их выпал необыкновенный успѣх. Современники Салтыкова нашли в них правдивое художественное изображеніе своей эпохи. А время было тяжелое, мрачное, унылое, время жестоких разочарованій, общественнаго упадка и безпросвѣтной политической

реакціи. Такое время, конечно, никто лучше Щедрина и не мог бы изобразить. В своих сказках он охватил всѣ сферы русской дѣйствительности и уловил ея общій тон. Сатирическія вольности и фантастическая оболочка, в которую нерѣдко окутывалось здѣсь повѣствованіе, не затемняли, а сильнѣе проявляли его реальную сущность. Сатира Щедрина била мѣтко и сурово, вскрывала самые злокачественные гнойники общественной жизни. В правдивом зеркалѣ сказок читатель неизмѣнно видѣл смѣшныя, пошлыя, отвратительныя черты современности и невольно, несмотря на свои собственныя слабости, проникался к ним гнѣвом и презрѣніем, которыми пылал писатель. Но вмѣстѣ с тѣм читатель заражался от автора пафосом гражданина, вдохновлявшим Салтыкова на его сказки и глубоко оптимистической гуманной философіей мрачнаго и неумолимаго сатирика.

«Что же означает вся эта исторія, — признается сам Салтыков в одной из своих сказок («Гіена»), — и с какой цѣлью она написана; — быть может спросит меня читатель. — А вот именно затѣм я ее и разсказал, чтобы наглядным образом показать, что «человѣческое» всегда и неизбѣжно должно восторжествовать над «гіенским».

«Иногда нам кажется, — продолжает он, — что «гіенское» готово весь мір заполонить, что оно и одесную, и ошую распространило крилѣ и вот вот задушит все живущее.» Но это — фантасмагорія, прискорбное и даже преступное заблужденіе. Писатель глубоко вѣрит в торжество «человѣческаго»: оно «никогда окончательно не погибало, но и под пеплом, которым временно засыпало его «гіенское», продолжало горѣть. И впредь оно не погибнет и не перестанет горѣть — никогда.»

А за автором сказок той же вѣрой проникался и их читатель, хотя было от чего в отчаяніе придти.

На его, читателя, глазах только что в дѣйствительности, а не в сказкѣ, по сигналу сверху: «шабаш» — «просвѣщеніе прекратило свое теченіе». Не только в сказочных владѣніях Орла-Мецената, засѣдающіе в «академіи де сіянс» сычи и филины вынуждены были защищать свое ремесло утвержденіем, что «не того ради сіянсами заниматься, дабы их распространять, а для того чтобы их от лихого глаза оберегать». Читатель знал разумѣется, о том, что не в сказочном царствѣ от университетских профессоров требовали отвѣта, напр. на вопрос, почему они курс свой о древнем Римѣ начинают не с эпохи царей. Знал он, что лекціи,

напр., по государственному праву западных держав и совсѣм отмѣнили, женскій медицинскій институт закрыт. Ибо сычам и филинам де сіянс в этих случаях не помогли никакія их «увертки». Их прямо спросили: «Да сіянсы то на что, на что женщинам медицинское знаніе, на что русским знаніе конституціи?» «И они, повѣствует Щедрин, на этот вопрос не отвѣтили (не ждали).»

Пусть бы на этом и кончились неожиданности по части упраздненія просвѣщенія. Нѣт, «в это же самое время отобрали у воронят азбуку-копѣйку, истолкли оную в ступѣ и из полученной массы надѣлали игральных карт.» Карты, это, конечно, — сатирическій завиток: карт из азбуки-копѣйки не дѣлали, но нормальную земскую школу взяли под подозрѣніе и стали вмѣсто нея насаждать школы-грамоты с учителями из отставных унтеров. А чтобы «воронята» не залетали высоко по гимназіям разослали циркуляр: не принимать «кухаркиных дѣтей»...

Не остановились и на этом — и вся жизнь приняла колорит поистинѣ сказочный. «Дальше-больше, за совами и филинами послѣдовали скворцы, коростени, попугаи, чижи... Даже глухого тетерева заподозрили в «образѣ мыслей» на том основаніи, что он днем молчит, а ночью спит»...

Вообще по части «образа мыслей» стало в эпоху сказок Щедрина так туго, что читатель с болью в сердцѣ должен был признать правоту сатирика, описавшаго ужасную операцію над «вяленой воблой».

— Хорошо теперь мнѣ, — говорила вяленая вобла, — ни лишних мыслей, ни лишних чувств, ни лишней совѣсти — ничего у меня не будет. Все лишнее вывѣтрили, вычистили и вывялили, и буду я свою линію полегоньку и потихоньку вести.

«И точно, — соглашается читатель с автором сказки: теперь она, против прежняго сдѣлалась куда солиднѣе и благонадежнѣе.. Не рвется, не мечется, не протестует, не клянется, а резонно о резонных дѣлах калякает. О том, что тише ѣдешь, дальше будешь, что маленькая рыбка лучше, чѣм большой таракан, что поспѣшишь — людей насмѣшишь и т. п. А все больше о том, что уши выше лба не растут.

— Ах, воблушка, как ты скучно на бобах разводишь. Точно тебя тошнит, воскликнет собесѣдник, ежели он из свѣженьких.»

Но тѣм не менѣе, воблушкин «здоровый тон» процвѣтал, пока, наконец, не выяснилось, что кромѣ «тона» требуется и

«дѣло». Кто дѣло будет дѣлать — этот волрос возник. Но и в жизни, как в сказкѣ, слышалось только одно:

— Вы, Иван Иванович дѣло будете дѣлать?

— Гдѣ мнѣ, Иван Никифорович. Моя изба с краю... вот развѣ вы....

— Что вы! Что вы. Развѣ я об двух головах, вѣдь я, батюшка, не забыл...

«И таким образом всѣ. У одного изба с краю, другой не об двух головах, третій — чего-то не забыл... Всѣ глядят как бы в подворотню проскочить, у всѣх сердце не на мѣстѣ и руки, как плети.»

А между тѣм — и это, быть может, больше всего привлекало читателя к сказкам и заставляло проникаться, несмотря ни на что вѣрою в побѣду «человѣческаго» над «гіенским», — дѣло было так нужно, так настоятельно нужно и так наглядно это было видно. В сказку врывалась сама жизнь в самых обычных своих проявленіях, когда сатирик пред'являл такую картину.

«Пыльный мужицкій проселок узкой лентой от деревни до деревни бѣжит, юркнет в поселок, выпорхнет и опять невѣдомо куда побѣжит. И на всем протяженіи, по обѣ стороны его поля сторожат. Нѣт конца полям, всю ширь и да́ль они заполонили; даже там, гдѣ земля с небом слилась, и там все поля. Золотящіяся, зеленѣющія, обнаженныя — они желѣзным кольцом охватили деревню, и нѣт у нея никуда выхода, кромѣ как в эту зіяющую бездну полей. Вот он, человѣк, вдали идет; может ноги у него от спѣшной ходьбы подсѣкаются, а издали кажется, что он все на одном мѣстѣ топчется, словно освободиться не может от одолѣвающаго пространства полей. Не вглубь уходит эта малая, едва замѣтная точка, а только чуть тускнѣет. Тускнѣет — тускнѣет и вдруг неожиданно пропадает, точно пространство само собой ее засосет.

«Из вѣка в вѣк цѣпенѣет грозная неподвижная громада полей словно силу сказочную в плѣну у себя сторожит. Кто освободит эту силу из плѣна? Кто вызовет ее на свѣт? Двум существам выпала на долю эта задача: мужику да конягѣ. И оба от рожденія до могилы над этой задачей бьются, пот проливают кровавый, а поле и поднесь своей сказочной силы не выдало — той силы, которая разрѣшила бы узы мужику, а конягѣ исцѣлила бы наболѣвшія плечи.»

Кажется даже не в одной из Щедринских сказок подлинная

русская дѣйствительность не сливалась с вымыслом художественной фантазіи так полно и так удивительно гармонично, как в сказкѣ «Коняга».

Современники особенно цѣнили в сказках живой отклик сатирика на окружавшую их дѣйствительность. Но сказки давали больше, чѣм замѣчали современники. Щедрин, как и каждый художник, конечно, черпал свой матеріал из того, что было у него перед глазами. Но глаза большого художника, тѣм и отличаются от глаз обыкновеннаго наблюдателя, что взгляд глубже и умѣет разсмотрѣть в наблюдаемых вещах существенныя черты. Эти черты не мѣняются так быстро, как листья на деревѣ; онѣ способны пережить полнѣйшія перемѣны во внѣшнем обликѣ предмета и потому отдаленный потомок, глядя на воспроизведеніе жизни в картинѣ стараго художника, улавливает в ней сходство с своею современностью. Не кажется ли вам, что этот пыльный мужицкій проселок, эта грозная неподвижная громада полей, не выдавшая поднесь своей сказочной силы, могли бы быть написаны для нынѣшняго дня? Не чудится ли вам, что это сегодня ведется такой разговор:

— А что, если бы нам найти мужика.

— То-есть как же... мужика.

— Ну да, простого мужика... какіе обыкновенно бывают мужики. Он бы нам сейчас и булок бы подал, и рябчиков бы наловил, и рыбы.

— Гм... мужика... но гдѣ же его взять, этого мужика, когда его нѣт?

— Как нѣт мужика? Мужик вездѣ есть, — стоит только поискать его. Навѣрное, он гдѣ-нибудь спрятался, от работы отлынивает. («Как мужик двух генералов прокормил»).

Не слышали ли вы вчера еще и другой разговор:

— Куда с двумя пятишницами повернешься?

— Тут и в пир, и в мір, а отец велѣл сказать, что какая-то старая недоимка нашлась, так понуждают. Пожалуй и все туда уйдет.

— А у нас и хлѣба-то до новаго не хватит. Пришел сѣнокос, руки-то цѣлый день намахаешь, так поневолѣ ѣсть запросите. Ничего-то у нас нѣт, ни хлѣба, ни соли, а тоже людьми считаемся.

— Худо наше крестьянское житье. Нѣт хуже.

— Чего еще... Терпим и холод, и голод, каждый год все ждем, авось будет лучше... доколѣ же. Ин и в самом дѣлѣ. Правды

на свѣтѣ нѣт. Так только по-пусту люди болтают: Правда, правда... а гдѣ она?.. («Путем-дорогою»).

А вот этот разговор, несмотря на головокружительныя перемѣны во внѣшней обстановкѣ русской жизни, происшедшія за сорок лѣт со дня появленія сказки, вы навѣрное слышали и неоднократно, и знаете, что услышите завтра:

— Только тогда мы, рабы, свои права сознаем, когда нас с малых лѣт в гражданских чувствах воспитывать будут.

— А на кой лях гражданскія чувства понадобились?

— Все-таки...

— То-то «все-таки». Гражданскія-то чувства только тогда ко двору, когда перед ними простор открыт. А что же ты с ними в тинѣ лежа, будешь дѣлать?

— Не в тинѣ, а вообще.

— Например.

— Например, монах меня в ухѣ захочет сварить, а я ему скажу: не имѣешь, отче, права без суда такому ужасному наказанію меня подвергать.

— А он тебя, за грубость, на сковородку, либо в золу в горячую... («Карась-идеалист»).

В цѣлом и в общем сказки Щедрина и для нашего времени остаются произведеніем, не утратившим остроты *современной* сатиры, не говоря уже об их неумирающей, художественной прелести.

По формѣ не всегда онѣ могут быть названы *сказками* в прямом значеніи этого слова. Фантастическій, сказочный элемент иногда в них только привходит к вполнѣ реалистическому разсказу («Сосѣди»). Иногда это бытовой разсказ («Путем-дорогою», «Деревенскій пожар», «Рождественская сказка»), в котором, однако, художник, как плугом, взрывает типичныя черты родной дѣйствительности. Иногда центральное мѣсто в сказкѣ занимает изумительный по захватывающей силѣ изображенія русскій пейзаж, на фонѣ котораго происходят полусказочныя, полуреальныя событія («Коняга»). Но несравненное искусство автора сливает всѣ эти разнородные элементы в дорогой для вас и вмѣстѣ горькій символ русской жизни. Иногда на фонѣ того же русскаго пейзажа разсказывается легенда, напр. о Страшном Судѣ, — своеобразный варіант, быть может, цѣликом сложенный нашим сатириком («Христова ночь»). Иныя сказки —блестящіе сатирическіе очерки, будящіе смѣх с первой строки и выдержанные до

конца в тонѣ мягкаго юмора («Повѣсть о том, как мужик двух генералов прокормил», «Дикій помѣщик», «Пропала совѣсть», «Кисель»). В рядѣ сказок сатира становится злой, бичующей, достигает поразительной силы («Медвѣдь на воеводствѣ», «Орел-Меценат», «Премудрый пискарь», «Карась-идеалист».) При чтеніи их смѣх и чувство гнѣва и обиды борятся в сердцѣ читателя. В других сказках щедринскій сарказм быстро срывает улыбку с губ читателя и подчиняет его тому же настроенію горькой скорби, которое водило рукой автора («Либерал», «Ворон-Челобитчик», «Мала рыбка, а лучше большого таракана (Вяленая вобла)»). В нѣкоторых случаях печаль покрывает все повѣствованіе в такой мѣрѣ, что сам сатирик называет свое повѣствованіе элегіей («Приключеніе с Крамольниковым»).

Однако, в сказках преобладают все-таки сказочные сюжеты, сказочные образа, сказочныя событія, сказачная обстановка. Нѣкоторыя сказки Щедрина, подобно подлинным народным сказкам, тоже не для дѣтей сложенных, могут и дѣтям показаться занимательными. Здѣсь кстати сказать, что три из ранних сказок были напечатаны впервые в журналѣ под общим заголовком: «Для дѣтей». Но это только сатирическій пріем: как раз первыя по времени сочиненія сказки меньше других доступны дѣтскому пониманію. Это — сатира, разсчитанная на культурнаго читателя. Возможно, однако, что ироническій заголовок первых сказок дал повод укрѣпить за разсказами этого типа названіе сказки.

Впрочем, раннія сказки в глазах самаго автора не представляли чего-нибудь рѣзко отличнаго по формѣ от других его сатир. В отдѣльных изданіях на первых порах эти сказки входили в серіи под заглавіем: «Сказки и разсказы» (изд. 1878 г.), «Сборник разсказов, очерков и сказок» (изд. 1881 г.). В обѣих этих книжках сказки соединены с произведеніями, не заключающими в себѣ ничего сказочнаго («Дѣти Москвы», «Дворянская хандра», «Старческое горе», «Сцена» и др.). Мысль создать цѣлый цикл сказок пришла позднѣе и Салтыков выполнил ее в теченіе 1884-86 гг.

Из 31 сказки, вошедшей в полное собраніе сочиненій нашего сатирика, только четыре были написаны до этого времени. Послѣ 1886 года не было ни одной. Притом одна из ранних четырех сказок даже и не сказка по замыслу и выполненію. Она отличается от остальных не только по общему стилю, но и по размѣрам. Самыя большія сказки Щедрина — пол-листа печатнаго, десять

страничек; в одном только случаѣ — около листа — меньше, однако («Чижиково горе»). Много сказок — в пять-шесть страниц, есть даже меньше двух страниц («Кисель»). А в этой сказкѣ — «Игрушечнаго дѣла людишки» почти 2 листа. И понятно — почему: это отрывок большого задуманнаго начатаго, но невыполненнаго труда.

В январской книжкѣ «Отечественных Записок» 1880 года появился разсказ под названіем «Игрушечнаго дѣла людишки».

Разсказ переносит нас в глубокую провинцію сороковых годов в мастерскую «самородка», игрушечнаго мастера Изувѣрова. Здѣсь перед автором развертывается ряд «кукольных комедій», в которых «деревянные людишки» продѣлывают многое то, что происходит в подлинной жизни между живыми людьми, только «с идіотским упорством побужденій и стремленій». А если не в одной игрушечной мастерской, но и в жизни тоже создаются подобные людишки? Это было бы ужасно, — ибо: «ни угомонить куклу, ни уйти от нея нельзя. Сиди и ежемгновенно чувствуй, как она выжимает из тебя душу.» Но — спрашивает далѣе Салтыков — «может быть, в тѣх безчисленных принудительных сферах, которыя со всѣх сторон сторожат человѣка, совсѣм не в рѣдкость тѣ потрясающія «кукольныя комедіи», в которых «*живая кукла*» попирает пятой *живого* человѣка?... Кто возьмет смѣлость утверждать, что это не так.» И сатирик вплотную подходит к темѣ, которая именно для сатирика представляет «самый существенный» и «самый захватывающій» интерес — к раскрытію «тайны куклы», той «живой куклы», которая в жизни устраивает «потрясающія», пожалуй, даже не комедіи, а драмы.

Читатель готов ждать, что за первой главой послѣдуют другія, которыя перенесут его из игрушечной мастерской в другія сферы жизни. Но продолженія не послѣдовало. Сатирик отдался другим работам: писал «За рубежом», «Письма к тетенькѣ», заканчивал начатую раньше и прерванную «Современную Идиллію», но к «Игрушечнаго дѣла людишкам» не возвращался. Однако, мысль заняться «тайной куклы» не бросал и, через полтора года послѣ появленія этого перваго разсказа из задуманной серіи, в письмѣ к Тургеневу (от 9 іюня 1882) сообщает: «будущій год посвящу «Игрушечнаго дѣла людишкам» и этим «колѣнцем» закончу свою литературную проходимость.*)

*) М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма II. 1924, стр. 226.

Но замысел, очевидно, глубоко интересовавшій писателя, ему не удалось выполнить. К «Игрушечнаго дѣла людишкам» Салтыков не вернулся.

В исторіи творчества Салтыкова это — не первый и не единственный случай. Нѣкоторыя другія им задуманныя большія работы были начаты и не осуществились. Мѣшали цензурныя обстоятельства: вещь задумывалась в болѣе благопріятный момент, а выполнять ее приходилось при усиленіи цензурных строгостей. Мѣшали осуществленію планов порой и общія условія журнальной работы, заставляющія откладывать ранѣе намѣченныя темы, ради таких, которыя случайно и даже совсѣм неожиданно становятся «злобою дня». Мѣшали и смѣны в настроеніи самого автора. Так, лѣтом 1875 г. Салтыков, еще в Ниццѣ, задумал написать ряд очерков «Культурные люди» и оттуда же послал первые листы этой работы Некрасову. Тот их напечатал. Но больной писатель, тяжко тогда страдавшій, не мог продолжать эту работу, хотя и в это время писал много. Он сообщал по этому поводу Некрасову: «Я писал (особливо начиная с половины) среди болей и лихорадочных припадков. У меня не было веселости, которая тут особенно нужна, да нѣт и теперь. Без веселости не может быть свободы в письмѣ, а в произведеніях такого рода свобода — первое дѣло... Вряд ли я скоро буду в состояніи продолжать «Культурных людей», именно вслѣдствіе недостатка спокойствія духа. К марту я постараюсь прислать вам новый разсказ, в котором изображу конец Головлевскаго семейства».*) И «Культурные люди» остались незаконченными, хотя автору был ясен план задуманной работы и в письмах к пріятелям (П. В. Анненкову, Н. А. Некрасову) он не без увлеченія излагал нѣкоторые эпизоды своего будущаго разсказа.

Но бывало и прямо противоположное. Вещь задуманная как небольшой набросок, как маленькая сказка разросталась в цѣлую серію очерков, связанных одной основной идеей, 8 февраля 1884 года Салтыков писал Михайловскому: «Ужасно обидно: задумал я сказку под названіем «Пестрые люди» написать (об этом есть намек в сказкѣ «Вяленая вобла»), как вдруг вижу, что и Успенскій о том же предметѣ трактует. Ну, да я свое возьму не нынче, так завтра.»**) И он , «взял свое» в концѣ того же года,

---

*) Письма, стр. 117-118.
**) Так же стр. 248.

послѣ продолжительнаго молчанія, вызваннаго закрытіем «Отечественных Записок», Салтыков возобновил свою литературную дѣятельность «Пестрыми письмами», в которых пестрые люди и их дѣянія нашли яркое изображеніе и должную оцѣнку.

«Игрушечнаго дѣла людишки» вошли в первое собраніе сказок Щедрина и неуклонно перепечатывались в послѣдующих изданіях их. Естественно рождается вопрос, как могло это случиться? Тут мы ближайшим образом подходим к цензурной исторіи произведеній Салтыкова.

Вопреки распространенному мнѣнію, находившему отголосок и в печати, Салтыков много и часто терпѣл от цензуры. Его произведенія постоянно вырѣзывались из очередных книжек журнала, перерабатывались автором и вновь запрещались. В частности и сказки на первых же порах навлекли на себя цензурныя гоненія. Конечно, несравненное искусство сатирика писать так, «чтобы дураку было смѣшно, а сукину сыну не совсѣм обидно», позволяло ему провести через Сциллу и Харибду цензуры много такого, о чем другіе не смѣли и помыслить. Удалось это сдѣлать и по отношенію к шести первым сказкам восьмидесятых годов: «Карась-идеалист», «Добродѣтели и пороки», «Обманщик-газетчик и легковѣрный читатель» благополучно прошли в сборникѣ Литературнаго фонда «XXV лѣт» и почти одновременно появились еще три сказки («Самоотверженный заяц», «Бѣдный волк», и «Премудрый пискарь») в январской книжкѣ «Отечественных Записок».

Но уже февральская серія сказок («Медвѣдь на воеводствѣ» и «Вяленая вобла») потерпѣли крушеніе. 14 февраля Михайловскій получил слѣдующее увѣдомленіе от Салтыкова: «Увы, мои сказки похоронены, и что еще болѣе досадно, я на март передал в типографію еще 4 сказки и думал отработаться, а выходит, что только всуе труждался зиждущій и должен был сегодня же взять сказки эти обратно. Ибо там дѣйствующим лицом является Орел, а из слов Петрова (тогдашняго начальника главнаго управленія по дѣлам печати) я заключил, что в февральских сказках, главным образом, обращено вниманіе на Льва. А нынѣ и Крылову запретили бы писать на эти темы.»

Так эти сказки и не увидѣли печати до сравнительно недавняго времени. Конечно, читающая публика тѣм не менѣе ознакомилась с ними: онѣ ходили по рукам в списках, размножались при помощи гектографа и другими способами. Здѣсь кстати

сказать что едва-ли какое нибудь другое произведенiе Салтыкова да и других писателей тоговремени так охотно, как Щедринскiя, сказки, распространялось помимо печати или даже в печати без вѣдома автора. Доходило до курьезов. Сказки, самым легальным образом появившiяся в «Русских Вѣдомостях» с полной непринужденностью, цѣликом, перепечатывались провинцiальными газетами. 15 января 1885 года Салтыков писал В. М. Соболевскому: «Вот и опять я к Вам с письмом. Гайдебуров, (редактор газеты «Недѣля») сказал мнѣ, между прочим, что «Чижиково горе» в пяти провинцiальных газетах от строки до строки перепечатано. Не знаю, как Вам, но мнѣ это не совсѣм прiятно; вѣдь ежели всѣ дармоѣды примутся меня перепечатывать, то мнѣ от них житья не будет.» А мѣсяца через три сатирик увѣдомолил редактора газеты о слѣдующем, уже совсѣм комическом происшествiи: «Помнится, я писал Вам, что провинцiальныя газеты цѣликом перепечатывают мои сказки, появляющiяся в «Русских Вѣдомостях». Теперь явилась еше новая промышленность: в Вологдѣ нѣкто Шелехов отпечатал моего «Дурака» на полиграфѣ и очень наивно меня об этом увѣдомляет, прося моего разрѣшенiя дѣлать это и на будущее время. Разрѣшенiе это ему и не понадобилось, да губернатор затруднился допустить печатанiе без авторскаго согласiя. Конечно, я не дал разрѣшенiя, но что же такое будет ежели во всѣх губернских городах примутся за контрафакцiю.» *)

Вологодскiй губернатор был, повидимому, человѣк лойяльный, но в цензурных дѣлах малоопытный. Он обусловил перепечатку сказки согласiем автора, но как будто не встрѣчал цензурных препятствiй к выпуску «Дурака» отдѣльной брошюрой. Далеко не всюду были так либеральны. «Чижиково горе» было бы перепечатано не в пяти, а в тридцати пяти газетах, если бы не цензурныя строгости. Вообще же, и тогда, и в послѣдующее время вопрос о цензурных препятствiях к напечатанiю сказок Щедрина не сходил с очереди. Сам автор в письмах к редактору той же газеты, в которой появилось впервые большинство сказок, постоянно выражает опасенiе за судьбу своих произведенiй. Что это происходило не вслѣдствiе болѣзненной мнительности писателя показывает слѣдующiй оффицiальный документ, недавно опубликованный. В 1887 году в Петербургѣ возникла

*) См. мою книгу «Журналисты безвременья» М. 1917.

мысль издать нѣсколько сказок Щедрина (именно сказки: «Премудрый пискарь», «Самоотверженный заяц», «Бѣдный волк», «Карась-идеалист», «Сосѣди», «Христова Ночь» и «Рождественская сказка») отдѣльными брошюрами. Цензурное вѣдомство всполошилось. Был составлен одним из цензоров Петербургскаго цензурнаго комитета доклад, в котором говорилось: «Намѣреніе г. Салтыкова издать нѣкоторыя свои сказки отдѣльными брошюрами, стоящими не дороже трех копѣек, а слѣдовательно для простого народа, болѣе чѣм странно; его сказки, та же сатира, и сатира рѣзкая, тенденціозная, болѣе или менѣе направленная против общественнаго и политическаго нашего устройства. В них предаются осмѣянію не только пороки, но и установленная власть, и высшія сословія, и установившіяся національныя привычки. Сказки эти, появляясь по временам в періодических изданіях, возбуждают постоянно в наблюдающей за прессой власти сомнѣніе о том, не слѣдует ли их воспретить.»*)

Как и слѣдовало ожидать, на этот раз рѣшеніе было для сказок неблагопріятное. Петербургскій цензурный комитет постановил: «Сказки, по явной неблагонамѣренной тенденціозности их, к напечатанію отдѣльными брошюрами не дозволять.»

Но и сборники сказок провести было не так то легко. В этом случаѣ облегченіем служило отсутствіе необходимости просить предварительнаго разрѣшенія цензуры. По закону 1865 года в отношеніи отдѣльных книг, сохранившему свою силу и в восьмидесятых годах, оригинальная русская книга освобождалась в Москвѣ и Петербургѣ от предварительной цензуры лишь в том случаѣ, если была об'емом не менѣе 10 печатных листов извѣстнаго формата. Для переводных книг требовалось даже 20 листов, чтобы избѣжать предварительной цензуры.

---

*) М. Е. Салтыков-Щедрин. Письма 1845-1889. Под редакціей Н. В. Яковлева, при участіи Б. Л. Модзалевскаго. Стр. 247-248. В примѣч. к этому письму высказано предположеніе, что в мартовскую серію входили «Орел-Меценат» и «Ворон-Челобитчик». Это повидимому так и было, но Салтыков пишет о 4 мартовских сказках; непропущенных же цензурой или вырѣзанных из «Отечественных Записок» имѣется всего 4 сказки. Всѣ остальныя сказки этого періода написаны послѣ закрытія «Отечествен. Записок», как в этом можно убѣдиться из переписки Салтыкова с В. М. Соболевским (см. мою книгу «Журналисты безвременья»). Не слѣдует ли предположить, что трилогія «Медвѣдь на воеводствѣ» в февральскую книжку не входила цѣликом.

3) «Красный Архив». М. 1922 г. № 2, стр. 229, сообщ. А. С. Николаева.

При изданіи перваго сборника сказок в 1886 году естественно возник вопрос о том, чтобы книга вышла узаконеннаго об'ема. Двадцати девяти сказок, написанных к этому времени, было бы достаточно для удовлетворенія требованія закона, но о перепечаткѣ четырех сказок, вырѣзанных из «Отечественных Записок», не могло быть в то время и рѣчи. Гайдебуров, редактор «Недѣли», в 1885 году задумал было напечатать одну из них в своем органѣ и заручился на это согласіем Щедрина. Но попытка потерпѣла неудачу при первых же переговорах с цензурными властями.*) Года через два А. Н. Плещеев вознамѣрился напечатать «Орла-Мецената» в «Современном Вѣстникѣ» к редакціи котораго он в то время близко стоял. Попытка опять таки потерпѣла неудачу.**) Стасюлевичу удалсь напечатать «Ворона-Челобитчика» уже послѣ смерти автора, а три остальныя, устрашавшія цензуру восьмидесятых годов, сказки, могли увидѣть свѣт в русской легальной печати только послѣ 17-го Октября 1905 года. (Изданіе сочиненій Салтыкова, предпринятое тогда журналом «Нива»).

Не могли войти в сборник сказок 1886 года и три ранних сказки, напечатанныя впервые в 1869 году, так как к тому времени еще не разошелся «Сборник» разсказов, очерков и сказок, вышедшій вторым изданіем в 1883 году, а эти сказки были в него включены. Для того, чтобы не подвергать новое собраніе остальных сказок риску предварительной цензуры, к ним нужно было что нибудь прибавить и прибавлен был очерк «Игрушечнаго дѣла людишки».

В слѣдующем 1887 году потребовалось повтореніе изданія сказок. К этому времени была написана еще одна сказка «Рождественская». Быть может, с прибавкою ея можно было обойтись и без «Игрушечнаго дѣла людишек», не нарушая формальных требованій закона. Но автор не исключил из сборника очерк, который иначе не нашел бы мѣста ни в одном из отдѣльных изданій, стоявших на очереди. А дѣло с собраніем сочиненій Салтыкова в то время не двигалось вперед, хотя писатель много хлопотал об этом. Но главным мотивом к сохраненію «Игрушечнаго дѣла людишек» в сборникѣ сказок послужили опять таки цензурныя соображенія.

*) Об этом сообщает нам Салтыков в одном из писем к Соболевскому (см. указанную выше книгу «Журналисты безвременья»).

**) «Истор. Вѣстн.» 1902 г. т. 86, стр. 360-61.

За участь повторнаго изданія сказок в 1887 году, Салтыков, повидимому, опасался. Отголоском его тревоги являются его записки Л. О. Пантелѣеву, извѣстному издателю и литератору, посланныя во время семидневнаго пребыванія уже отпечатанной книги в цензурном комитетѣ, по закону того времени. На практикѣ бывали иногда отступленія от этого правила, особенно при повторных изданіях книг, если к ним предполагались добавленія. Чтобы уменьшить риск старый текст отдавали в печать, а относительно добавленій вели переговоры с цензурными властями, то есть в сущности подвергали книгу в этой части предварительной цензурѣ. Повидимому, и на этот раз было предпринято нѣчто подобное при содѣйствіи Пантелѣева, опытнаго издателя. 16 апрѣля Салтыков писал ему: «Не счел ли комитет, что я *всю* книжку представил в цензуру, и не запретил ли всю книжку. А также можно ли считать «Рождественскую сказку» не запрещенную к включенію во второе изданіе сказок? Вот какой случай случился.»

А на другой день, 17 апрѣля, Пантелѣев получил новую записку: «Ежели вы знаете, что «Сказки» совсѣм всѣ покончены, ради Бога, не скрывайте от меня. Все лучше знать вѣрное, нежели томиться неизвѣстностью.»*)

Сказки не были «покончены» на этот раз. Их выпустили, но не только в том же составѣ, как за год перед тѣм, но и под тѣм же заглавіем: «23 сказки». Внести какія либо перемѣны в сборник не было возможности: разрѣшена была буквально перепечатка прежняго изданія и хоть в новое вошла двадцать четвертая сказка — «Рождественская» — но она считалась «приложеніем».

В настоящее время, кажется, нѣт никаких основаній для того, чтобы очерк «Игрушечнаго дѣла людишки» оставался в числѣ *сказок*. Ему должно быть найдено другое мѣсто в литературном наслѣдствѣ нашего сатирика. Собраніе же сказок Щердина должно состоять из тѣх тридцати сжатых очерков, которые были задуманы и написаны именно, как сказки. Не слѣдует включать в это собраніе и ту небольшую сказку, которую нашли недавно в семейном архивѣ Салтыковых и опубликовали в одном из совѣтских журналов. **)

---

*) М. Е. Салтыков. Письма Стр. 313.

**) «Красный Архиръ» 1922 г. №2, стр, 226-226. Въ 1924 г. эту сказку перепечатали въ вышедшемъ въ Москвѣ иллюстрированномъ иэданіи сказок Шедрина: М. Е. Салтыковъ Шеддринъ. Сказки съ рисунками С. Шикъ, Покровскаго, Конъ-Ротова М. 1924.

Маленькая сказка эта, под заглавіемъ «Богатырь» (двѣ страницы), сопровождается в журналѣ ведакціоиным примѣчаніем о том, что она «до исх пор не была никому извѣстна и получена журналом от сына писателя, К. М. Салтыкова». «Она написана рукою матери послѣдняго, в нѣскольких мѣстах исправлена и подписана собственноручно автором».

Обращаясь к тексту сказки, вы, однако, немедленно убѣждаетесь, что здѣсь налицо какое-то недоразумѣніе. Первое впечатлѣніе: это не сказка Щедрина, а грубая поддѣлка под нее. Возможно, однако, что в данном случаѣ перед нами какой-то первоначальный и притом неудачный набросок, быть может, весьма несовершенная запись устнаго разсказа писателя, которой не должно быть мѣста среди законченных произведеній писателя. Скорѣе эту сказку слѣдует отнести к матеріалам, интересным для изученія процесса творчества сатирика.

Редакція журнала, в котором впервые появился этот набросок, не знает ничего относительно его происхожденія. Но можно сдѣлать предположеніе, что здѣсь мы имѣем дѣло с единственным кажется в исторіи Щедринскаго творчества опытом, который сам писатель рѣшительным образом осудил, признав в такой мѣрѣ неудачным, что никогда к нему больше не возвращался. Салтыков свои произведенія, всегда до конца жизни собственноручно писал, а тут попробовал диктовать. Попытка не удалась и не повторялась.

Вскорѣ послѣ одного из тяжелых припадков болѣзни, сведшей писателя в могилу, повидимому, в 1886 году, 23 марта Салтыков написал Михайловскому слѣдующія строки: «Мнѣ все еще так худо, как вы меня видѣли. Пробовал я вчера писать сказку: едва могу держать перо; пробовал диктовать сказку женѣ, но выходит банально». Если догадка вѣрна, и мы в «Богатырѣ», опубликованном совѣтским журналом, имѣем дѣло именно с этой неудачной попыткой, то слово «банально» очень мѣтко опредѣляет результат ея. В записи сказки прежде всего поражает отсутствіе характернаго, даже для писем Салтыкова, тонкаго, своеобразнаго, неподражаемаго *щедринскаго* стиля.

Замѣчательно и важно в данном случаѣ и то, что никогда позже сам Салтыков не вспоминал о существованіи этой сказки и никогда и нигдѣ не повторил ея сюжета. Очевидно, сказка раз и навсегда была самим писателем безповоротно отвергнута. В его перепискѣ с разными лицами, мы имѣем подробный перечень

того, что он желал бы видѣть включенным в полное собраніе своих сочиненій. Между прочим, в письмѣ к Пантелѣеву (от 30 марта 1887 г.) он дѣлает слѣдующее указаніе относительно сказок: «Кромѣ помѣщенных в особом сборникѣ 23-х, перенести сюда из «Сборника» 3 сказки да еще «Рождественскую сказку». Сверх того, есть нѣсколько (4) непропущенных, которыя тоже, буде возможно, напечатать тут же (Орел-Меценат, Топтыгин, Вобла, Ворон-Челобитчик)*) В письмѣ к Михайловскому писатель даже указывает, гдѣ можно найти в его бумагах «всѣ непропущенныя цензурой сказки, которыя хранятся у меня на столѣ, завернутыя в бумагу вмѣстѣ с оттисками других сказок. и Пестрыми Письмами.»**) Сказку «Богатырь», к сожалѣнію, уже попавшую в одно из изданій Щедрина, если даже признать, что ее именно сатирик пробовал продиктовать своей женѣ в мартѣ 1886 года, он сам признал как бы несуществующей, и не потому, что она была нецензурна по тѣм временам — писатель стремился напечатать даже наиболѣе опасныя в этом смыслѣ сказки, — а потому, что словом «банально» он ее безповоротно осудил на небытіе.

Напротив, всѣм остальным сказкам Щедрина суждена вѣковѣчная жизнь. Существует мнѣніе будто в настоящее время сатиры Салтыкова не могут читаться без обстоятельных поясненій. Ссылаются на самого писателя, который говорил о себѣ, что «уже современники его читают не иначе, как угадывая смысл и цѣль его писаній и комментируя и то и другое, каждый по своему; дѣтям же и внукам и подавно без комментаріев шагу ступить будет нельзя. » (Письма к тетенькѣ). Конечно, здѣсь есть доля правды; поскольку художник отражает в своем произведеніи переходящія черты своего времени, комментаріи для позднѣйших поколѣній его читателей дѣлаются необходимыми. Художник-сатирик должен считаться с этим в большей мѣрѣ, чѣм всякій другой. Но чѣм глубже сатира, чѣм тѣснѣе явленіе, затрагиваемыя ею, примыкают к коренным особенностям характера, описываемаго общества, чѣм ближе писатель подходит к столбовой дорогѣ національной исторіи, тѣм меньше требуется этих комментаріев.

К сказкам Щедрина в частности комментаріи излишни:

---

*) Письма, стр. 311.
**) Там же стр. 294, письмо от 4 сент. 1885 года.

в них прочное и постоянное в такой мѣрѣ преобладает над мимолетным и случайным, исторически пройденным и изжитым, что «дѣти и внуки» не испытают никаких затрудненій при чтеніи их. А что их будут читать и перечитывать — в этом порукою их несомнѣнная художественная прелесть и высота вдохновлявшаго их автора идеала.

Текст сказок подвергался автором «тщательной» отдѣлкѣ. Даже во время печатанія в газетѣ между автором и редактором, как видно из переписки с Соболевским,*) происходил обмѣн письмами и телеграммами и в тексты нерѣдко вносились поправки *не по цензурным* соображеніям. При выпускѣ своих вещей, отдѣльными книгами Салтыков постоянно их передѣлывал, вносил дополненія и измѣненія. В сказках таких перемѣн мало. Об'ясняется это вѣроятно цензурными условіями, достигшими во второй половинѣ восьмидесятых годов кульминаціоннаго пункта. Перепечатать уже раз напечатанную вещь без всяких перемѣн в то время было много легче, нежели добиться пропуска произведенія, не бывшаго в печати, или хотя-бы немного передѣланнаго для повторнаго изданія. Если бы не это обстоятельство, то, можно думать, требовательный к себѣ автор не преминул бы подвергнуть и сказки новой переработкѣ. А в каком духѣ велась бы эта переработка показывает слѣдующій примѣр.

Мы видѣли, что четыре сказки, вырѣзанныя из «Отечественных Записок» или не попавшія в журнал по цензурным условіям, хранились готовыя к печати на письменном столѣ Салтыкова, и он не упускал случая, чтобы их обнародовать (напр в «Недѣлѣ» в «Современном Вѣстникѣ»). Одну из этих сказок удалось напечатать Стасюлевичу уже послѣ смерти писателя по «тексту», исправленному незадолго перед смертью автором собственноручно с надписью: «вѣрный оригинал». Стасюлевич отмѣтил и важнѣйшее добавленіе, внесенное сатириком в новую редакцію своих сказок. Оно очень характерно для настроенія, владѣвшаго великим писателем до послѣдних дней его жизни.

Обращаясь к своим сказкам в послѣдній раз, подводя как бы общій итог им, сатирик в немногих, глубоко прочувствованных словах обнажает главный двигательный нерв своей сатиры, дает в руки читателя ключ к источнику своего вдохновенія — к

---

*) См. «Журналисты безвременья».

своей страстной вѣрѣ в лучшее будущее человѣчества, двигавшей всей его писательской дѣятельностью.

«Посмотри кругом вездѣ рознь, вездѣ свара; никто не может настоящим образом опредѣлить, куда и зачѣм он идет.... Оттого каждый и ссылается на *свою* личную правду. Но придет время, когда всякому дыханію сдѣлаются ясными предѣлы, в которых жизнь его совершаться должна, — тогда сами собой исчезнут распри, а вмѣстѣ с ними разсѣются как дым и всѣ мелкія «личныя правды». Об'явится настоящая, единая и для всѣх обязательная правда; придет — и весь мір осіяет».

В наши дни, когда «рознь» и «свара» в такой неслыханной мѣрѣ обуяли нашу родину, когда затуманились всѣ «предѣлы» сознанія «должнаго», сугубую цѣнность пріобрѣтает этот завѣт одного из достойнѣйших подвижников русской литературы, — завѣт не колебаться в вѣрѣ, что «настоящая единая и для всѣх обязательная *правда*» придет и «осіяет» всѣх.

Владимір Розенберг.

ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ РОССІИ В ЦАРСТВОВАНІЕ АЛЕКСАНДРА II.

В 1905-м году в Парижѣ одним из главных центров, гдѣ собирались представители Русской колоніи, был гостепріимный салон Ивана Ивановича Щукина. Принадлежащій к извѣстной московской семьѣ Щукиных, владѣлец превосходнѣйшей библіотеки, которую он охотно предоставлял в распоряженіе своих друзей, Иван Иванович привлекал всѣх мягкостью своего характера, любезностью обращенія и своей обширной гуманной культурностью. У него собирались представители всѣх классов русскаго общества: в уютной квартирѣ на 91, Avenue Wagram, можно было встрѣтить: М. М. Ковалевскаго, А. С. Суворина, Чехова, Поля Буайе, Стасова, іезуита Пирлинга, художника К. Маковскаго, поэта Минскаго, Е. де Роберти, А. Ф. Онѣгина и многих других, а также французских писателей и ученых. У него с 1905 года начал бывать и покойный генерал М.И. Венюков.

Имя Венюкова, как ученаго географа и путешественника, хорошо извѣстно не только в Россіи, но и в Зап. Европѣ. По своим культурным симпатіям и политическим воззрѣніям Венюков принадлежал к тому поколѣнію шестидесятников, которые боролись за торжество «великих реформ». Он не мог примириться с реакціонным настроеніем конца царствованія императора Александра II, вышел в отставку, поселился в 1877 г. в Парижѣ. За границей Венюков опубликовал три тома своих интереснѣйших воспоминаній. Но сверх этих печатных матеріалов, у него было еще много неопубликованных. И вот однажды, в 1906-м году, в гостиной у И. И. Щукина Венюков предложил ему передать часть своего архива. И. Щукин выразил охотно готовность заняться приведеніем в порядок этих матеріалов и их опубликованіем, сначала в исторических журналах, а затѣм особым изданіем.

Он привлек к этому дѣлу пишущаго эти строки. Матеріалы были переписаны, и на каждой страницѣ текст занимал только половину. Другая половина была оставлена для примѣчаній,

которыя должен был сдѣлать М. Венюков. Приведеніе в порядок и переписка заняли около двух лѣт. К тому времени М. Венюков, которому было уже больше 70-ти лѣт, серіозно заболѣл и скоро сошел в могилу. Вскорѣ затѣм трагически погиб и милѣйшій И. И. Щукин; и мемуары, в этом сыром видѣ, без примѣчаній, остались у меня. Но даже и в таком видѣ, они представляют значительный интерес и дают яркую картину русскаго общества наканунѣ и послѣ эпохи великих реформ.

В. Л. Биншток.

Нѣсколько глав из воспоминаній М. И. Венюкова вышедших в Амстердамѣ, в 80-90 гг. с большими цензурными сокращеніями были напечатаны в русских журналах. Заграничное изданіе воспоминаній Венюкова не так давно представляло такую рѣдкость, что третьяго тома не было даже в богатѣйшем собраніи русских заграничных изданій Петербургской Публичной Библіотеки. В свое время в «Голосѣ Минувшаго» (1914 г.) мы перепечатали из заграничнаго изданія главы, посвященныя Польшѣ 1863-1867 г., а затѣм в 1922 г. страницы о русской эмиграціи 70-х гг.

Настоящая рукопись имѣет самостоятельное значеніе, хотя и примыкает к указанным воспоминаніям. Это не воспоминанія, а как бы историческій очерк. Правда, в нем больше слышен голос современнаго мемуариста, чѣм голос историческаго изслѣдователя. Венюков—человѣк рѣзкій в своих сужденіях. «Очерки», конечно, тенденціозны, но факты, передаваемые современником, сгущенные подчас и сдобренные, иногда чрезмѣрно, сплетнями об интимной жизни героев первых глав, все же остаются фактами. В этом их цѣнность и значеніе.

Мы воспроизводим эти воспоминанія почти без купюр, оставляя и всѣ разсужденія повѣствователя, писавшаго свои очерки в період полемики и борьбы с цезарским самовластіем в Россіи. Это, конечно, наложило свой отпечаток на тон изложенія, — и кое гдѣ мы должны были устранить и отдѣльныя рѣзкія замѣчанія, и излишнія подробности.

Ред.

НРАВСТВЕННОЕ СОСТОЯНІЕ РУССКАГО ОБЩЕСТВА.

Нѣт отрасли человѣческих знаній, которая бы так трудно укладывалась в сколько нибудь наукообразныя рамки, как тот хаос, который состоит из собранія отрывочных данных и еще болѣе голословных общих отзывов о нравственном состояніи человѣческих обществ, разных слоев их и даже отдѣльных личностей, их составляющих. Лишь послѣ долгих усилій перворазрядных умов удалось создать опредѣленныя понятія о нравственном уровнѣ людских обществ в нѣкоторыя, наиболѣе выдающіяся эпохи, каковыми, например, были вѣк Перикла в Афинах, императорскій період в Римѣ, время процвѣтанія феодализма в западной Европѣ и время, предшествовавшее великой революціи, во Франціи. В большей же части случаев один лишь философскій туман, извѣстный под именем этики — которая учит о добрѣ и злѣ, не умѣя опредѣлить и даже различить их, — превосходит темнотою и непослѣдовательностью тѣ soi-disant научныя реляціи о нравственном развитіи людей, которыя обыкновенно даются историками, моралистами, путешественниками и пр. И только уголовная статистика нѣсколько выдѣляется из этого хаоса опредѣленностью своих выводов, опертых на цифры. Но зато статистика эта вовсе не дает понятія о дѣйствительной высотѣ нравственнаго уровня націи, потому что она занимается исключительно преступленіями противу «положительных», т. е. условных, перемѣнных законов, а нерѣдко самое высокое нравственное достоинство человѣка именно и состоит в нарушеніи этих законов, созданных какой нибудь партіей, которая захватывала в обществѣ власть и называет моральным лишь то, что выгодно ей. Кромѣ того, юридическая статистика имѣет дѣло только с такими отклоненіями от чистой нравственности или хоть от положительнаго закона, которыя доходят до судебнаго разбирательства. А кто же не знает, что число подобных случаев гораздо меньше, чѣм число остающихся недоступными правосудію или скрытых от него с намѣреніем? Особенно послѣднее можно сказать про преступленія и проступки лиц высших классов общества, всюду умѣющих пользоваться своими богатствами и связями, чтобы ускользнуть из-под суда,

как бы ни были гнусны дѣянія их. И если в республиках, благодаря свободѣ печатнаго слова, случаи такой утайки преступленій вліятельных лиц сравнительно малочисленны, то в монархіях, а тѣм болѣе в деспотіях, они составляют явленіе постоянное, иногда даже вытекающее из законов, напримѣр, ограждают чиновников от жалоб на них в судебныя мѣста без предварительнаго разрѣшенія их начальств, так что величайшій злодѣй может миновать суда, если власти благоволят к нему.

В виду этого нельзя думать о начертаніи такого нравственнаго облика современнаго русскаго общества, который бы мог удовлетворить сколько-нибудь взыскательнаго читателя. Тот, кто захочет дѣйствительно узнать это общество с моральными его достоинствами и недостатками, тот пусть погрузится в изученіе русской литературы нашего времени, которая хотя и не служила совершенно полным отраженіем русской жизни со времени крымской войны, но все-таки изображает очень многія ея стороны. Особенно можно рекомендовать чтеніе самаго чуткаго к нравственным вопросам времени, самаго наблюдательнаго писателя, — Салтыкова, хотя, конечно, не слѣдует забывать, что он сатирик. Типы, нарисованные им, а также другими лучшими нашими беллетристами — Толстым, Тургеневым, Мельниковым, Островским и др. — дадут наиболѣе вѣрныя понятія о нравственных свойствах русских людей только что пережитаго нами времени. И мы охотно привели бы многія выдержки из них, если бы это не требовало много мѣста, и, кромѣ того, не давало читателю одних типов, а не дѣйствительных людей, которыми должна заниматься исторія. Для нашей цѣли будет приличнѣе вывести на сцену нѣсколько живых лиц и дѣйствительныя событія, в которых они принимали участіе. А чтобы выбор таких образцов нравственнаго развитія не был дѣлом произвола, так сказать, подтасовкою фактов, то слѣдует взять эти образцы с разных ступеней общественной лѣстницы и при том так, чтобы в выбранных недѣлимых ясно виднѣлись отличительныя нравственныя черты цѣлых классов, состояній, сословій и пр. Примѣр этому в недавнее время дан такими писателями, как гр. Вазили, Ф. Дариль и др., очертившими общество Берлина, Вѣны и Лондона. Мы не будем подражать им вполнѣ, однако построим этот очерк по тому же плану, т. е. начиная с самых верхних слоев общества и постепенно переходя к массам. И, разумѣется, чѣм недѣлимыя, о которых нам придется говорить,

стояли болѣе на виду и сами добивались войти в исторію, тѣм суд наш над ними будет взыскательнѣе: это простой закон справедливости.

I. ЦАРСКІЙ ДОМ.

Характеристика Александра II, как государственнаго дѣятеля, а отчасти и как частнаго человѣка, сдѣлана уже в самом началѣ этих «Очерков», тѣм не менѣе о нем слѣдует здѣсь еще раз упомянуть, как о лицѣ, своим поведеніем дававшем тон обществу, подобно тому, как в свое время давали его Петр I, Екатерина II, Николай I у нас, Людовик XIV и Наполеон во Франціи и т. п. И, как ни тяжело произносить укоры лицу, которое сдѣлало много добра и, может быть, хотѣло сдѣлать его еще болѣе, лицу, отошедшему в вѣчность и слѣдовательно не могущему защищать себя, наконец, человѣку, заплатившему за свои ошибки жизнью, — все-таки придется сказать, что он не был личностью симпатичною, способною увлекать своим нравственным обликом, подобно Александру Македонскому, Цезарю, Петру I, Екатеринѣ II и т. п., которых самые недостатки имѣли в себѣ нѣчто привлекательное. Александр II, как ни жаль в этом признаться, был развратник, во-первых, и корыстолюбец, во-вторых. Если бы пересчитать всѣх его наложниц, то составился бы список едва-ли короче росписи любовников Екатерины. Конечно, по понятіям современнаго, не только мусульманскаго, но и христіанскаго общества, такое поведеніе мужчины не ставится ему в упрек, иногда даже идет в похвалу; но Александр II из своих частных любовных похожденій часто дѣлает событія государственной важности и при том такія, которыя вредно отзываются на Россіи и в политическом и в общественном смыслѣ. Особенно непростительно было ему, шестидесятилѣтнему старику, истощенному уже развратом, малодушно уступить настоянію своей послѣдней наложницы, Долгоруковой 2-й и совѣту Божанова и вступить с этою госпожею в церковный брак, что дало честолюбивой «княгинѣ рюриковской крови» возможность мечтать, что ея дѣти, как легальные потомки императора, могут когда нибудь, при случаѣ, добиться русскаго престола. Она даже не скрывает этих надежд, как можно догадаться при чтеніи книжки «Послѣдніе дни Императора Александра II», изданной ею на французском языкѣ под именем Виктора Лефрана....

Но тут сдѣланное зло еще условно и может обойтись без дурных послѣдствій, если не считать передачи этому боковому семейству многих милліонов русских денег; а чего стоили мимолетныя связи Александра II с разными другими гетерами? Двух из них Долгорукую 1-ую и Замятину, он пристроил за своих ад'ютантов, Альбединскаго и Казнакова, и потом сдѣлал послѣдних генерал-губернаторами; третью хотѣл выдать, конечно, с хорошим же приданым, за начальника штаба гвардіи Р-а (но тот имѣл мужество отказаться и за то был сослан в армію); дядю четвертой, Лабунской, неспособнаго и дрянного Сухозанета держал пять лѣт военным министром и дважды посылал управлять Польшей во время возстанія к прямому ущербу Россіи; брата пятой, Маковой, сдѣлал министром внутренних дѣл, подарившим Россіи пресловутых урядников — т. е. гнуснѣйшую опричнину,— и не постыдившимся обокрасть земство, благотворительныя учрежденія и саму казну, — всего на сумму 400.000 руб. Неразборчивость Александра II в выборѣ предметов для удовлетворенія своих плотских потребностей доходила до того, что он был в связях: с дочерью одного камер-лакея, гимназисткою, приглянувшеюся ему в Ливадіи, со вдовушкою-шпіонкой графа Шувалова, Макаровою, для которой была нанята обширная квартира на Бол. Милліонной улицѣ, куда в 2 ч. дня император лично отправлялся пѣшком; наконец, даже с патентованною гетерою, Вандою Кароцци, которой визит стоил простым смертным от ста до 25 руб. серебром! Сколько стоили Россіи всѣ коханки Александра II, об этом может сообщить развѣ граф А. Адлерберг; он же кстати теперь, если вѣрить газетам, занят составленіем біографіи своего вѣнценоснаго пріятеля, собутыльника и партнера. Только не скажет он правды!...

Огромные личные расходы Александра II на женщин, карты, вино, заграничныя поѣздки, подарки друзьям, нѣмецким и др. родственникам естественно требовали огромных приходов; отсюда ежегодныя ассигнованія полутора - двух милліонов из государственной казны в добавок к тѣм десяти - одиннадцати, которые отпускались по смѣтам, и к большим доходам с удѣльных имѣній. Но, сверх удовлетворенія безумной расточительности, большіе расходы казны на двор обуславливались страстью императора, еще менѣе достойной его сана — скопидомством, стяжательством. Тотчас по смерти его в придворной кассѣ было найдено до — 60.000.000 рублей и в том числѣ 3.000.000 руб. золотом, скоплен-

ным, как говорят, на черный день. Тут были акціи пресловутаго черноморскаго общества пароходства и торговли, желѣзных дорог поти-тифлисской и главнаго общества, фонды и бумаги заграничные и т. д. Даже современным добродушным русским людям стало ясно, почему названныя сейчас промышленныя общества отличались постоянно безсовѣстным и безнаказанным хищничеством.

К этим двум важным нравственным недостаткам — развращенности и алчности к богатству, которые, нужно замѣтить, едва ли не общи во всем русском «высшем кругѣ» — присоединялась у императора Александра II слабость, едва ли не общая всей русской націи, слабость историческая, развитая татарским игом и деспотизмом московских царей и петербургских императоров. Разумѣем слабость чувства собственнаго достоинства, той благородной гордости, которая не только в Англіи, но и в других странах западной Европы свойственна потомкам знатных родов, а в Россіи встрѣчается, как исключеніе, у каких нибудь Рѣпниных, Васильчиковых, Нарышкиных. Это неуваженіе к себѣ и к своему положенію сказалось в многочисленных визитах Александра II разным европейским потентатам, которые и не думали отдавать эти визиты или дѣлали то с явным высокомѣріем. Так, в 1858 году сдѣлан был визит проходимцу Наполеону III в Карлсруэ или Штутгардтѣ, а в 1867 г. — в самом Парижѣ: проходимец даже и не заикался об отплатѣ их. Королева Викторія точно так же не заплатила визита, сдѣланнаго ей в Лондонѣ, хотя она же не раз ѣздила на континент — в Париж, Берлин и даже Италію. Мало того, породнившись с императором, через брак сына с дочерью послѣдняго, гордая британка не пожелала принять у себя жену императора Александра и в пріѣзд послѣдней в Лондон уѣзжала в Шотландію. (Впрочем, королева Викторія избѣгала пріема своих русских родственников столько же из надменности, как и из скупости. Императрицѣ Маріи был представлен счет...) — В 1871 г. были всѣ основанія требовать от вновь испеченнаго германскаго императора Вильгельма, чтобы он, не ограничиваясь благодарственною телеграммою за содѣйствіе созиданію его имперіи, сам явился в Петербург, — но этого не послѣдовало. Мало того: в слѣдующем 1872 г. Александр, видя, что Вильгельм не ѣдет к нему, сам напросился в Берлин поздравить сосѣда со счастливым окончаніем его дѣл и еще в какую минуту? — когда главным почетным гостем Берлина был

австрійскій цезарь Франц-Іосиф, котораго сам же Александр называл человѣком низким, лжецом. — Но и это не все. В слѣдующем 1873 г. Александр явился лично в Вѣну на поклон тому же Францу-Іосифу, забывая гнусное поведеніе его с Россіею в 1853-56 гг., в 1863 г., но и в 1870-71, когда Австрія старалась противодѣйствовать нашим усиліям снять с себя обязательства парижскаго договора, никѣм уже не исполнявшагося. — Всѣ эти случаи горько отзывались в душѣ истых русских патріотов, да и вообще людей, которым не чуждо понятіе чести, собственнаго достоинства, а прискорбный эпизод 1867 г. в Парижѣ окончательно убѣдил их, что глава русской націи есть человѣк, лишенный сознанія своей личной чести. И в самом дѣлѣ, что они могли подумать другое, когда узнали, что император Александр, под'ѣзжая к Парижу, послал телеграмму своему посланнику: достать во что бы то ни стало ложу в театр, гдѣ давалась «Grande Duchesse de Gerolstein», т. е. гдѣ публично осмѣивалась великая прабабка самого Александра?.... Им оставалось вспомнить, ввидѣ утѣшенія, что эта великая женщина, нося русскую корону, не дѣлала никому визитов, а принимала их у себя дома от королей и императоров, как нѣчто должное. Вспомнилось, естественно, и поведеніе отца Александра, Николая, когда он приказал своему послу в Парижѣ, гр. Палену, заявить королю Людовику Филиппу, что если не будет отмѣнен один спектакль, гдѣ пытались выставить в дурном свѣтѣ перед парижанами императора Павла, то он, Пален, должен выѣхать из Парижа в 24 часа, а Франція получит при первом случаѣ 500.000 вооруженных зрителей скандальнаго театральнаго представленія.

Нѣт нужды останавливаться над нравственною характеристикою жены Александра, потому что в ней не было ничего характеристическаго, кромѣ развѣ того, что состоя в званіи русских сначала великой княгини, а потом императрицы, она все же оставалась прежде всего нѣмкою, дармштадтской принцессой, почти чуждой русскому обществу и не знавшей его. Свои германскія симпатіи она постоянно доказывала покровительством разным нѣмецким родственникам, от князей Витгенштейнов, за которых платила долги, до нелегальнаго своего племянника, Александра Баттенберга, котораго возвела на болгарскій престол, созданный потоками русской крови. Впрочем, русское общество не должно забывать, что оно во многом обязано Маріи Александровнѣ основаніем и размноженіем русских гимназій,

которыя так быстро увеличили у нас число образованных женщин; при дѣятельном сотрудничествѣ, недалекаго, но гуманнаго принца Петра Ольденбургскаго, который еще при Николаѣ I успѣл основать в Петербургѣ училище правовѣдѣнія, императрица неуклонно шла к цѣли: дать русской женщинѣ образованіе внѣ закрытых институтов прежняго времени, откуда выходили однѣ «кисейныя барышни» или развратницы, свѣтскія куклы. Это ей удалось в такой степени, что одно время, число женских гимназій чуть ли не превосходило число мужских, особенно если из послѣдних считать лишь тѣ, которыя основаны при Александрѣ II.

В своей домашней жизни Марія Александровна, конечно, не могла назваться счастливою, особенно в послѣдніе 12-15 лѣт, когда муж ея окончательно предался разврату, а между членами царской семьи постоянно происходили скандалы. Мужу она предоставила полную волю, требовала от него лишь, чтобы он держал любовниц приличных, знатных и сама помогла ему остановиться на Долгорукой 2-ой, теперешней княгинѣ Юрьевской. Как всякая почти женщина, брошенная мужем и довольно красивая и молодая, она под старость стала піетисткой, водила дружбу с дѣвственной ханжей гр. Антониной Блудовой, и вообще держалась вдали от свѣта. Впрочем, она сохранила нѣкоторое вліяніе и на императора, даже на ход государственных дѣл. Это она требовала от князя Горчакова, чтобы он «сдѣлал что-либо для турецких славян» и получила извѣстный отвѣт: «Majesté, je suis prêt à marcher de l'avant, malheureusement, mes deux pieds sont mal ferrés: Reuterne n'a pas d' argent et Milutine n'a pas encore préparé l'armée». От избытка досуга императрица стала знакомиться с русской литературой, хвалила, напримѣр, сочиненія Мельникова, а Тургенева даже пригласила к себѣ и напоила чаем.

Мы сейчас сказали, что императрицу должны были очень огорчать многочисленные скандалы, случавшіеся в царской семьѣ. В самом дѣлѣ, число их было очень велико. Старшій сын ея, наслѣдник престола, Николай погиб от разрушенія спинного мозга раньше, чѣм его успѣли женить. А по общим отзывам то был юноша гуманный и порядочно образованный, внимательно слушавшій, напримѣр, уроки Кавелина, который, преподавая русскую исторію, умѣл говорить не об одних князьях,

воеводах и генералах, но даже о мужиках... за что, впрочем, и был удален от двора, как красный.

Другой сын императора, Владимір, был тоже извѣстен развратом, но не тайным, как старшій брат, а явным и даже шумным. Он справлял ночныя оргіи по трактирам и шлялся к актрисам. Пѣвица Патти грозила разорвать контракт с оперою и уѣхать из Петербурга, когда Владимір Александрович разбудил ее однажды ночью и просил что-либо спѣть в кругу холостых кутил; чтобы укротить ея гнѣв, Александр II должен был извиниться за сына «не как император, который оправдывает ея негодованіе, но как отец»... Обер-полицеймейстер был однажды ночью потребован в «Татарскій ресторан» на Невском близ дворца, потому что великій князь Владимір ворвался туда и требовал в неположенные часы не только ужина, но и музыкантов, за что хозяева могли подвергнуться отвѣтственности перед полиціей. Пьянствованіе его высочества на Дунаѣ, во время войны с турками, сдѣлалось легендарным в арміи.

Из братьев императора самым постыдным поведеніем извѣстны Константин и Николай. Первый был чуть ли не первым казнокрадом в Имперіи, особенно по своему спеціальному вѣдомству, морскому, о чем мы уже упоминали не раз. Он играл на биржѣ, занимался скупкой и продажей золота, разными банковыми продѣлками и продажею желѣзнодорожных концессій, к чему предсѣдательствованіе в государственном совѣтѣ давало ему полную возможность, тѣм болѣе, что министр финансов Рейтерн был его ставленник. Имѣя красавицу жену, он находился в связи с актрисой Кузнецовой, что, впрочем было естественно, ибо жена его, урожденная принцесса Альтенбургская, принадлежала сама к крайне развратным женщинам и находилась в интимных отношеніях не только с ад'ютантами мужа, но и с собственной фрейлиной Анненковой. К денежной алчности, заставлявшей Константина Николаевича приближать к себѣ или выдвигать по службѣ людей сомнительной честности, присоединялась в нем нетерпимость ко всему самостоятельному, по крайней мѣрѣ в той сферѣ, гдѣ он был хозяином, т. е. во флотѣ. Морскіе офицера постоянно жаловались на его деспотизм, на дерзкое обращеніе с ними, на мстительность и т. п. И в самом дѣлѣ, «исторія» капитанов Костенкова и Баранова показывает в нем сварливаго деспота. Перваго из этих офицеров, принадлежавшаго к гвардейскому экипажу, Константин Николаевич велѣл отправить на

Сыр-Дарью чуть не в самый день его свадьбы, а когда тот вздумал добиваться отсрочки, то приказал ему выйти из флота, хотя ничто не мѣшало замѣнить его в Казалинскѣ другим, холостым офицером. Об исторіи с Барановым, писавшим в «Голосѣ» о поповках непріятное его высочеству, мы уже упомянули в другом мѣстѣ. Сущность обоих этих случаев и многих других состояла в том, что генерал-адмирал, хотя и считал себя представителем, в правительственной средѣ, либеральных начал, но не мог выносить оппозиціи, особенно людей честных, способных видѣть подноготную административнаго хозяйничанья во флотѣ. За то от'явленные хищники, вродѣ адмирала Попова, генерал-штаб-доктора флота Буша и бывшаго моряка афериста Путилина — находили в его высочествѣ заступника, покровителя, и, конечно, союзника. Ад'ютанты его — Ухтомскій, Кирѣев (собственно не ад'ютант Кирѣев, а его брат, концессіонер на пресловутую рыбинско-бологовскую ж. дорогу), Сѣмячкин — были извѣстны разными неприличными аферами в желѣзнодорожном и кораблестроительном мірѣ; еще один из ад'ютантов, гр. Литта, держался потому, что имѣл хорошенькую жену, урожденную Ребиндер, которой роман одно время занимал петербургскій beau monde.

Но, приводя факты, говорящіе не в пользу Константина Николаевича и относящіеся особенно к послѣдним годам его участія в дѣлах государственнаго управленія, мы все-таки должны сказать, что из цѣлаго царскаго дома времен Александра II он больше всѣх имѣет права на добрую память. Разумѣем особенно его горячее участіе в дѣлѣ освобожденія крестьян, гдѣ он должен был бороться с такими столпами реакціи, как Орлов, М. Муравьев, Панин и др., в смягченіи цензуры, в поддержкѣ гуманнаго движенія в области педагогіи и т. д. Хвала ему и за поддержку таких людей, как Н. Милютин, Муравьев-Амурскій, Пирогов и т.п Как русскій патріот, он далеко превосходил своих братьев, не исключая и императора, который, особенно во вторую половину своего царствованія, сильно поддался берлинским вліяніям. Берлинскіе и всякіе другіе нѣмцы очень не жаловали Константина Николаевича и однажды даже император Вильгельм принес на него по телеграфу жалобу за присутствіе в эльзас-лотарингском спектаклѣ в Парижѣ, гдѣ Константин, из сочувствія к французам, заплатил 10.000 франков за ложу. В составѣ правительства он вообще был представителем либеральных и патріотических

начал, чѣм и возбуждал против себя ненависть ретроградно-нѣмецкой партіи. Эта партія, к которой принадлежало и много русских, напримѣр гр. Шувалов, не раз разсоривала Константина со старшим братом, который и всегда отличался недовѣріем к нему и даже прямым нерасположеніем, из зависти ли к его умственному превосходству, или из опасеній его домогательств на корону, если не императорскую, то хоть польскую — мы не знаем: вѣроятно по обѣим этим причинам и еще по многим другим, чисто личным.

Поводов к поддержанію и развитію этой непріязни всегда было не мало, но ни один не имѣл таких позорных свойств, как поведеніе старшаго сына Константина, хотя он, как отец, едва ли в нем был виновен. Поведеніе это получило европейскую огласку и потому естественно раздражало главу фамиліи. Молодой Николай Константинович, один из немногих образованных членов царской семьи, с успѣхом кончившій курс в академіи генеральнаго штаба, владѣл значительными средствами, которыя ему завѣщала бабка, Александра Федоровна, сильно тратился на женщин, именно на одну американку Фанни Лир. Своих средств не всегда доставало, и вот он стал поворовывать, сначала, разумѣется, ввидѣ неоплатных долгов (за что был выслан в Туркестан для участія в хивинской экспедиціи, гдѣ торговал провизіей и чуть было не присвоил одну из ханских лошадей), а потом болѣе прямым способом. Дошел до того, что в 1879 году он выломал из одного образного оклада в спальнѣ матери большой изумруд и, кажется, еще нѣсколько драгоцѣнных камней. Узнав о кражѣ этих драгоцѣнностей, отец потребовал от обер-полицеймейстера Трепова, чтобы вор был найден, кто бы он ни был, и Трепов, хорошо знавшій отношенія молодого князька к заатлантической авантюристкѣ, немедленно достиг этой цѣли, да кстати воспользовался случаем прислужиться своему верховному покровителю и вмѣстѣ политическому недругу Константина Нилаевича, Шувалову, доведя до его свѣдѣнія о скандалѣ. Тот, конечно, поспѣшил доложить императору и послѣдовала горячая сцена между братьями, окончательно их раздѣлившая. «Я отдам вашего сына-негодяя под суд», сказал император. — Нѣт, этого не будет», отвѣчал Константин, «потому что до того я убью его сам, и тогда ты уже будешь судить не его, а меня». Князька арестовали в Таврическом дворцѣ и предложили ему написать об'ясненіе своего поведенія. Он сдѣлал это и, конечно, находясь

в состояніи, близком к сумасшествію, написал между прочим, что не видит ничего особенно дурного в употребленіи им на самое естественное удовольствіе капитала, который был мертвым и не приносил никакой пользы... Эта отговорка привела в изумленіе весь двор и князька признали сначала ультра-коммунистом, а потом, для приличія, просто сумасшедшим, что, разумѣется, с охотой подтвердили нѣкоторыя медицинскія знаменитости, т. е. лѣкаря, которые берут по 100 рублей за визит, вродѣ бывшаго профессора, а потом лейб-медика Боткина, вовсе, впрочем, не психіатора. Отец «больного» был назначен опекуном над значительным его имуществом, а сам больной, послѣ разных скитаній в окрестностях Петербурга, а потом в Умани, водворен на жительство в Самарѣ, откуда ему позволено было, через пять лѣт, отправиться в ученую экспедицію в степи. Очевидно, что при таком оборотѣ дѣла всѣ были довольны, так как и овцы были цѣлы и волки были сыты. Овцѣ, т. е. виновнику, сохранены были эполеты, даже флигель-ад'ютантскіе аксельбанты и званіе шефа ширванскаго полка. В 1879 г. он смѣло уже выступил на ученолитературное поприще и не только в Россіи, но и в Европѣ, в Парижѣ, гдѣ напечатал брошюру об Узбаѣ. Но тут судьба сдѣлала его героем новой «исторіи», характеристичной уже не для него, а для всего царскаго дома и его взглядов на общество.

Очень естественно, что молодой человѣк, которому уже исполнилось 30 лѣт, захотѣл покончить с юношеским развратом и жениться. Но как принцессы и даже простыя аристократки ему, безвыѣздно жившему в Оренбургѣ и опозоренному на цѣлый свѣт, были недоступны, то он взял да и женился на дочери мѣстнаго полицеймейстера, штаб-офицера и дворянина. Казалось бы этому должны были радоваться в высших сферах и, не об'являя о бракѣ обычным манифестом, признать его в церковном и гражданском смыслѣ, вродѣ того, как были признаны браки великаго князя Константина Павловича с Грудзинскою, великой княгини Маріи Николаевны со Строгановым или, наконец, самого Александра II с княжной Долгоруковой. Но в Петербургѣ взглянули иначе и при том гораздо строже, чѣм на самое воровство. С князька были сняты эполеты, аксельбанты и званіе шефа полка. Очевидно, он *опоганил* царскую кровь, вступив в законный брак с плебейкой, вмѣсто того, чтобы имѣть ее любовницей по примѣру своего самодержавнаго дядюшки и всѣх прочих родственников. — Мало того, воспользовавшись совершенною им

самовольною отлучкою в окрестности Петербурга, его арестовали и заперли в Динабургскую крѣпость, а потом сослали в среднюю Азiю.

От блуднаго сына Константина Николаевича и Александры Iосифовны, имѣвшаго, как говорили в 1874 г. в Петербургѣ смѣлость, если не оправдывать, то об'яснять свои недостатки «наслѣдственностью» (да еще в разговорѣ с кузеном, наслѣдником престола!), — вернемся теперь назад по восходящей линiи родства, к его дядям и теткам, т. е. дѣтям незабвеннаго родоначальника всей наличной царской семьи, Николая I. Но по совершенной умственной и нравственной ничтожности их, будем, по возможности, кратки. Вот старшая дочь Николая, Марiя, жена красавца герцога Лейхтенбергскаго. Она еще при жизни мужа имѣла связь с графом Строгановым, а, став вдовой, повѣнчалась с ним.

Вот третiй из оффицiальных сыновей Николая, Николай же, о любовных похожденiях котораго с Числовой мы имѣли случай не раз упоминать. Он просто был «притчею во языцѣх» петербургскаго свѣта, не только большого, но и самаго маленькаго: дворников, швейцаров, извозчиков и т. д. Свою любовницу он как раз водворил против своего дворца, на Галерной улицѣ, и часто отправлялся не только в сумерки, но и днем навѣщать ее; однажды, при таком посѣщенiи он был выслѣжен двумя гвардейскими кавалерiйскими офицерами, которые и сдѣлали ему под козырек у самых дверей Числовой. Вмѣсто того, чтобы спокойно отдать честь, он пришел в бѣшенство и на другой же день, найдя этих офицеров «неисправными по службѣ», посадил их под арест, т. е. удостовѣрил перед лицом цѣлаго свѣта, что они дѣйствительно видѣли его, выходящим от «дѣвки».

Любовница его, когда в состоянiи была принять его по вечерам, зажигала, согласно условiю, двѣ свѣчи на окнѣ. Тогда лакей Николая Николаевича должен был немедленно докладывать ему, что в «городѣ есть пожар», и князь, в качествѣ записного любителя пожарных зрѣлищ, немедленно выѣзжал из дому. Этот любовный секрет узнала жена и раз сдѣлала мужу забавную сцену. — «Пожар, ваше высочество», возгласил Лепорелло Дон-Жуану. «Гдѣ?» спросил послѣднiй. — «А вот там, через улицу, гдѣ горят двѣ свѣчи», отвѣчала за лакея жена к немалому смущенiю мужа. Эпизод этот был разсказан на страницах «Голоса», только мѣстом дѣйствiя выставлена была Москва

и, разумѣется, дѣйствующими лицами выставлены простые смертные. Но как весь Петербург знал «исторію», то редактор «Голоса», Краевскій был призываем в III отдѣленіе и получил от графа Шувалова выговор «за неосмотрительность» с поясненіем, в чем именно она состояла.

У Николая Николаевича от Числовой было нѣсколько дѣтей. Мать, крестя их в сосѣдней Благовѣщенской церкви, заявила попу, от кого они рождены. Разумѣется, поп находил это дерзостью и отказывал в записи. Тогда великодушный отец сам отправлялся к попу и удостовѣрял... всегда ли то, что было в дѣйствительности — это знает одна Числова.

Впрочем, любовники жили, повидимому, в искреннем согласіи. По крайней мѣрѣ, когда, наконец, Числову император приказал выслать в Венден, Николай Николаевич отправил ей туда с ад'ютантом браслет с надписью брильянтами: «за восемь лѣт счастья». Только эта голубиная нѣжность любящих сердец не помѣшала им заниматься очень прозаическими вещами, например, писаніем векселей, которых, наконец, и набралось у Числовой на цѣлыя девятьсот тысяч рублей. Эти векселя, как мы упоминали в другом мѣстѣ, и послужили поводом к разлученію любовников по высочайшему повелѣнію. Что же касается до жалобы на мужа законной жены Николая Николаевича, Александры Петровны, то она в свое время не только была оставлена без вниманія главою царскаго дома, но и послужила поводом к слѣдующему, оскорбительному для бѣдной женщины, отвѣту. «Послушайте! — сказал император, — ваш муж человѣк в полной силѣ; ему нужна женщина, которая могла бы ему нравиться. Теперь посмотрите же на себя, как вы одѣты!... » И только из деликатности он не прибавил: «как вы дурны собою».

Разлука Николая Николаевича с Числовой, как извѣстно, продолжалась не особенно долго. Уже в 1876 году, т. е. через год с небольшим, князь, быв назначен главнокомандующим дунайской арміей, вытребовал к себѣ старую подругу в Кишинев и предался «любви» так неумѣренно, что заболѣл. По счастію, поход начался лишь весною 1877 г., и больной имѣл время выздоровѣть. За то наступившая война дала ему возможность доказать свои симпатіи к возлюбленной знаками самыми несомнѣнными и прочными — металлическими. Исторія, конечно, никогда не узнает размѣра сумм, «усвоенных» главнокомандующим на устройство его «семейных» дѣл, но что это усвоеніе

имѣло крупные размѣры и дѣлалось слишком безцеремонно, это доказывалось даже публично временною ссылкою великаго князя в Воронеж в 1879 г.; а privatum извѣстно, что и он, и Числова были в самых нѣжных отношеніях с компаніей Грегера, Кагана и Горвица, которые обкрадывали армію и Болгарію и потом тягались с казною из-за милліонов. Замѣчательно, что заключая контракты на поставку, названные евреи прямо выговорили себѣ право на разбор пред'являемых к ним претензій не судом, а одним главнокомандующим, хотя перед судом их отвѣтственность была бы только имущественною, а главнокомандующій мог бы их разстрѣливать и вѣшать: — видно, что они были спокойны насчет послѣдняго.

Но Николаю Николаевичу для содержанія и обезпеченія в будущем *двух* его семей, оффиціальной и частной, было мало этих крупных кушей, почему не брезгал он и всякими другими способами наживы. Так, не будучи казаком он, вопреки закону, захватил на Дону огромныя пастбища и среди их устроил конскій завод из лошадей, тоже безчестно пріобрѣтенных им в Хрѣновѣ, т. е. на заводѣ казенном. Когда же эта воровская затѣя оказалась мало доходною, тогда его высочество старался заложить своих лошадей с землями в банкѣ за 350.000 рублей, но по счастію, получил отказ, ибо земли во всяком случаѣ считались казачьими, а лошадей банк принять в залог не рѣшился.

Лошади и другія домашнія животныя, впрочем, приносили великому князю барыши другим способом: он их продавал, иногда даже с публичнаго аукціона, в манежѣ при своем дворцѣ в Петербургѣ. Тут же кстати продавались и великокняжескіе телята, будто бы особых, дорогих пород. Не брезгал августѣйшій прасол и продажею молочных скопов от коров, разведенных на дачѣ в Знаменском и даже в самом петербургском дворцѣ: многіе из жителей Галерной улицы постоянно пріобрѣтали в послѣднем масло и сливки, при чем цѣны были тѣ же, что в сосѣдних молочных лавочках, т. е. с барышем на наем лавки и другіе торговые расходы, и на пропитаніе лавочника.

Но мы не кончили бы долго, если бы пожелали исчислять всѣ комерческія, любовныя и другія продѣлки Николая Николаевича, этого героя трех Плевен, т. е. пораженія русской арміи в 1877 г. Замѣтим еще в заключеніе, что этот русскій великій князь из всѣх нѣмецких членов царскаго дома был самый нѣмецкій. Двор его почти исключительно слагался из нѣмцев и когда

он командовал гвардіею, то почти всѣ полковые, бригадные, и дивизіонные начальники были нѣмцы, как люди «болѣе надежные». Он и не скрывал этого предпочтенія и однажды, напримѣр, при необходимости замѣстить вакансію одного гвардейскаго полкового командира, спросил у воспитателя своих дѣтей Рудановскаго, кому бы он предпочел дать вакантное мѣсто: Данилову или Таннеру? (кажется, так) — и на отвѣт послѣдняго, что, конечно, «Данилову, как отличнѣйшему служакѣ, уже командовавшему учебным баталіоном» — все-таки сказал, что предпочтет назначить Таннера, потому что он нѣмец, а Данилов русскій. Рудановскій вскорѣ послѣ этого должен был оставить мѣсто великокняжескаго гувернера... впрочем, не за свой служебный совѣт, а за то, что порученныя ему законныя дѣти князя, встрѣтив раз на Конногвардейском бульварѣ Числову, не поклонились ей. — Самым близким к князю лицом был генерал Галль, снабжавшій его деньгами, а затѣм слѣдовали разные Скалоны, Кейзеры и т. п. царскіе ублюдки или потомки ублюдков. Из русских он хотѣл приблизить к себѣ Крестовскаго, извѣстнаго писателя-сыщика, но и то каким образом? — Отдать за него Числову, с тѣм, чтобы она продолжала состоять княжеской наложницей: об этом нами уже упомянуто в другом мѣстѣ.

О младшем из сыновей незабвеннаго императора Николая, бывшем 18 лѣт намѣстником Кавказа, довольно будет сказать, что он «благоразумно пріобрѣл» за это время Боржом, «просвѣщенно покровительствовал» дирекціи поти-тифлисской жел. дороги, которой был крупным акціонером, концессіонеру Полякову, от котораго получал подарки (напримѣр, богатый серебрянный сервиз, присланный из-за границы и надѣлавшій шуму в Таганрогѣ, гдѣ был задержан таможнею за неплатеж ввозных пошлин) и которому обѣщал отдать ростово-владикавказскую дорогу, откупщику-подрядчику Мирзоеву и т. д. Что такое была многочисленная кавказская администрація во время намѣстничества великаго князя Михаила Николаевича, если не огромная воровская шайка? — об этом не стоит распространяться. Ближайшіе помощники князя: Святополк-Мирскій, Николаи, Свистунов, Старосельскій и пр. составили себѣ извѣстность расхищеніем казенных земель, вод, нефтяных источников и особенно денег. Постройка потійскаго порта, начатая в 1860-х годах и доселѣ не конченная, есть наилучшій образчик того, как велись дѣла на Кавказѣ за время великокняжескаго намѣ-

стничества, иногда, если не всегда по его указаніям и под его непосредственным руководством.

Что затѣм сказать о прочих, еще очень не малочисленных членах царскаго дома за время Александра II? Набросаннаго нами, кажется, довольно, чтобы охарактеризовать эту семью, безцеремонно грабящую и развращающую своим примѣром русскій народ. Но было бы односторонностью остановиться на этом общем выводѣ и не упомянуть об исключеніях из него, положим, малочисленных, но тѣм болѣе цѣнных. Наилучшее из этих исключеній представляет четвертый сын императора, Алексѣй нынѣ главный начальник флота*). Хорошій товарищ своих сослуживцев по флоту, он оказался и хорошим, честным человѣком в своем домашнем быту. Молодым офицером, почувствовав горячую симпатію к дочери извѣстнаго поэта Жуковскаго, он, несмотря на запреты семьи, женился на ней и, хотя царскому палачу Шувалову удалось извести эту бѣдную женщину — остался вѣрен ея памяти и досслѣ не пожелал вступить во второй брак. В ранней молодости подавал много надежды на сформированіе из себя честнаго же человѣка и гуманнаго государя бывшій наслѣдник престола, старшій сын императора, Николай. Вся Россія искренно жалѣла об этой потерѣ и, конечно, не без основанія, потому что Николай был бы человѣчнѣе своего брата, заступившаго его мѣсто и нынѣ напомнившаго во многом не только Николая I, но даже и Павла.

Из женской половины царскаго дома, если не особенно горячими симпатіями, то уваженіем пользовалась вдова пресловутаго капрала, Михаила Павловича, — Елена Павловна. Она еще при жизни Николая умѣла держать себя честно и независимо; при Александрѣ II около нея группировались лучшіе представители гуманных реформ, особливо крестьянской. И в частном быту она была извѣстна своим человѣколюбіем, направленным при том в очень разумную сторону, а именно, она не только помогала бѣдным вообще, но бѣдным художникам и ученым в особенности. Говорили даже, что однажды, не найдя в своей кассѣ достаточно денег для пособія одному даровитому музыканту, она посылала заложить в ломбард или у ростовщика нѣкоторыя из своих драгоцѣнностей. Разумным поземельным устройством

*) Этот великій князь, к сожалѣнію, не избѣг, однако, как бы «эмпирическаго» закона династіи Романовых. Слишком извѣстны его позднѣйшія похожденія с французской актрисой Балета.

своих крестьян в имѣніи Карловкѣ, она предупредила закон 19 февраля 1861 года; и хотя тут побужденія ея были прежде всего побужденіями хорошей хозяйки, желавшей добра, т. е. обогащенія самой себя, но и то уже было важно, что она на примѣрѣ показала русскому дворянству, что можно отказаться от рабовладѣнія, не унижая и не разоряя себя.

Мы не предполагали говорить здѣсь о тѣх членах царской семьи, да и вообще русскаго общества, которые в царствованіе Александра II были еще недорослями, людьми, не стоявшими вполнѣ на своих ногах, а потому оставим теперь «двор», чтобы познакомиться с «дворней». Думаем, что этот презрительный эпитет вполнѣ пригоден для русской «знати», хотя, разумѣется, и среди нея бывали счастливыя исключенія. Просматривая слѣдующія за сим страницы, читатель, конечно, без труда увидит, что нравственная порча этой знати больше всего обуславливается ея близостью ко двору и что лучшіе представители аристократіи не выдерживали до конца близости и удалялись из дворцовой атмосферы, иногда даже становились в ряды оппозиціи но, разумѣется, лишь пассивной, потому что на активную не было ни сил, ни желанія, ни явной возможности. Активную борьбу с деспотизмом русское «боярство» второй половины XIX столѣтія предоставляло средним сословіям и само не выставило ни одного не только Мирабо, но даже Лафайета.

М. Венюков.

РОСС. ФЕД. СОВ. РЕСП.
Сов. Раб. и Кр.-Арм. Деп.
Петербургской стор.
Конфликтная комиссія
при
Жилищном отделе
Каменноостровскій пр. 26/28 кв. 12
Телефон 584-33
№ 2468.

Петербург, Октября 21-го
дня 1918 г.

Гражданину Маргулис
Здесь
Каменноостровск. пр. 26/28
кв. 6

Настоящим Жилищный Отдел Петербургскаго Районнаго Совдепа извещает Вас, что кв. № 6 по Каменноостровскому пр. 26/28 нами конфискуется со всей находящейся в ней обстановке.

(печать)

Заведывающий Отделом:
Заведыв. Жилищ. Подотделом:
Делопроизводитель:

НА ЭКРАНѢ МОЕЙ ПАМЯТИ

Заглавіе вполнѣ точно опредѣляет содержаніе моих очерков. Это конечно не автобіографія, но даже и не мемуары. И то и другое требует извѣстной систематичности изложенія. Я не стремился к такой систематичности, а просто, вглядываясь в даль прошлаго, воскрешал в своей памяти картины исчезнувшаго быта, нѣкоторыя, болѣе ярко запечатлѣнныя в ней событія моей личной и общественной жизни и образы встрѣчавшихся мнѣ на моем жизненном пути людей, по большей части давно уже умерших, и, если я дѣлал нѣкоторый отбор картин, отображенных на экранѣ моей памяти, то руководствовался не столько значительностью их сюжетов, сколько типичностью для нравов, настроеній и быта описываемаго времени.

I ПЕТЕРБУРГ

Петербург времени моего дѣтства был гораздо больше похож на Петербург Пушкинских времен, когда «нѣмец булочник не раз уж отворял свой васисдас», чѣм на тот великолѣпный міровой город, величественный Петроград, каким он был перед революціей.

Я родился на Малой Итальянской улицѣ (впослѣдствіи — улицѣ Жуковскаго), в большом четырех-этажном домѣ. Он и теперь существует и кажется маленьким и приземистым среди выросших вокруг него новых гигантов. А тогда этот свѣтло-оранжевый дом, в котором помѣщалась и женская гимназія моей матери, был самым большим на этой улицѣ, сплошь застроенной одно и двух-этажными домиками, наполовину деревянными.

Болѣе двадцати лѣт прожил я в этом домѣ с тѣм же старшим дворником, огромным гвардейцем с окладистой бородой, на

моих глазах ставшей из темно-русой совершенно бѣлой, и с тѣм же швейцаром Иваном, который жил в маленькой квартиркѣ под лѣстницей с тощей, вѣчно беременной женой и все увеличивавшимся количеством малокровных ребят. Он страдал запоем, что, впрочем, не отражалось на его здоровьѣ и только нос его, красноватый в моем раннем дѣтствѣ, стал сизо-лиловым в дни моего студенчества.

Помню, как каждое утро меня будил звук трубы: Ту-у, ту-ту, ту-ту-у, доносится откуда-то издалека. Я уже знаю, что это значит. Выскакиваю из теплой постельки, карабкаюсь на подоконник и, прильнув к стеклу, жду ежедневно повторяющагося, но полнаго для меня захватывающаго интереса зрѣлища. «Ту-у, ту-ту, ту-ту-у», раздается все ближе и ближе, и вот я вижу, как по улицѣ проходят одна за другой степенныя, дородныя коровы — рыжія, черныя, пестрыя. А за ними пастух с длиннѣйшей саженной трубой. Пастух трубит, и ворота маленьких деревянных и каменных домиков, что против нас, отворяются, а из них выходят такія-же, столь хорошо мнѣ знакомыя рыжія, черныя и пестрыя коровы, которыя здороваются со своими подругами веселым, бодрым мычаніем...

Днем меня облекают в подпоясанную красным кушаком поддевку, на голову надѣвают круглую ямщицкую шапку с павлиньими перьями и отправляют гулять с толстой няней, Авдотьей Михайловной.

Я очень любил свою няню, степеную чистенькую старушку с мягкой бородавкой на носу и плакал, когда она умерла от весьма странной болѣзни: горничная Аксюша таинственно сообщила мнѣ, очевидно в педагогических цѣлях, что она умерла от того, что потихоньку курила... Я знал, что она курила потихоньку и любил знакомый мнѣ запах табака, которым она меня, цѣлуя, обдавала, и очень был огорчен и озадачен извѣстіем, сообщенным мнѣ горничной Аксюшей...

Итак, няня ведет меня гулять. Обычная наша прогулка — в скверик при Греческой церкви.

Когда я впослѣдствіи, уже взрослым, проходил мимо этого скверика, я каждый раз удивлялся, что он такой маленькій, ибо в раннем дѣтствѣ он мнѣ казался очень большим, так-же как огромной казалась и маленькая, точно вросшая в землю Греческая церковь.

Но я предпочитал другую, болѣе далекую прогулку — к Лѣтнему саду.

Туда мы с няней ходили рѣдко, но каждый раз я испытывал от этой прогулки величайшее удовольствіе. Не самый Лѣтній сад с его дѣдушкой Крыловым и с загадочными бѣлыми людьми прельщал меня. Этих бѣлых голых людей я даже нѣсколько побаивался, особенно одного страшнаго каменнаго человѣка, пожиравшаго бѣлаго ребенка. Я старался не проходить по дорожкѣ, гдѣ стоял этот страшный человѣк и тянул няню в боковую аллею, к доброму дѣдушкѣ, окруженному добрыми звѣрями.

Привлекательность прогулки в Лѣтній сад была для меня не в самом Лѣтнем саду, а в том, что путь в него лежал через Цѣпной мост.

Молодое поколѣніе петербуржцев не помнит этого удивительнаго фантастическаго моста, висѣвшаго над Фонтанкой на системѣ пестро раскрашенных цѣпей. Это было одно из красивѣйших и оригинальнѣйших сооруженій стараго Петербурга и я не могу понять, как могла петербургская дума рѣшиться на его уничтоженіе. Экзотическая красота Цѣпного моста восхищала меня и в раннем дѣтствѣ, но самым привлекательным в нем было то, что он весь качался на своих цѣпях, когда по нем проѣзжали экипажи. Я и сейчас ясно представляю себѣ отчетливый конскій топот по доскам Цѣпного моста и его мѣрное покачиваніе, приводившее меня в полный восторг. Я готов был без конца взад и вперед ходить по этому волшебному мосту....

Как измѣнился Петербург за время моей жизни! Подобно многим европейским городам, он рос больше ввысь, чѣм вширь, и в моем дѣтствѣ занимал площадь, почти такую-же, как и теперь.

Но тогда не было единаго Петербурга. Петербург — центр и Петербургскія окраины жили совершенно обособленной жизнью. «Наш» Петербург, т. е. Петербург дворянско-чиновничій, был по площади в сущности небольшим городом. Таврическій Сад Лиговка (до Невскаго), Загородный проспект, Большой Театр, Галерная и теченіе Невы с захватом небольшой части Васильевскаго Острова — вот примѣрно границы всего Петербурга, на пространствѣ котораго жили всѣ наши родственники и знакомые, гдѣ мы росли, учились, гуляли, служили, умирали.

На Выборгскую сторону ѣздили только на Финляндскій вокзал, на Петербургскую — при катаніи на острова. Это были

по виду захолустные уѣздные городки с деревянными домиками, крашеными заборами, окаймлявшими огромные пустыри, с универсальными лавочками, в которых продавались и духи и деготь...

Такое-же уѣздное захолустье представляли собой и «Пески», т. е. вся часть Петербурга по ту сторону прямой, проведенной от Таврическаго Сада к Николаевскому вокзалу. Пески мнѣ казались в дѣтствѣ какой-то загадочной, а потому интересной страной, которая начиналась как-раз послѣ столь знакомой мнѣ Греческой церкви. На Пески меня гулять не пускали, считая, что я там могу заразиться разными болѣзнями, а няня находила прямо неприличным водить туда гулять господскаго сына. Живя совсѣм близко от этой части города, я туда в первый раз забрел, уже будучи гимназистом старших классов.

Кто из петербуржцев не знает Пушкинской улицы, начинающейся от Невскаго, недалеко от Николаевскаго вокзала. Это теперь одна из видных центральных улиц, сплошь застроенная пятиэтажными домами. А в моем дѣтствѣ эта улица, носившая тогда названіе «Новой», проходила среди пустырей и дровяных складов, а вечером по ней считалось опасным ходить, потому-что там грабили.

В раннем моем дѣтствѣ не существовало и Александровскаго сада, а среди огромной площади, от Сената до Зимняго дворца, с одной стороны скакал «Мѣдный всадник», а с другой возвышалась Александровская колонна. До сих пор у меня осталось ясное воспоминаніе о величественной красотѣ этой площади, с видом на Исаакіевскій собор, Адмиралтейство и Зимній дворец и с мчащимся по ней Мѣдным всадником. Такой она была и в день декабрьскаго возстанія 1825 года.

Меня часто возили к знакомым на Галерную улицу и, проѣзжая по Сенатской площади в каретѣ, я смотрѣл на нее из окна со смѣшанным чувством восхищенія и жути, внушенной мнѣ разсказами о декабристах, из которых один — Свистунов, высокій старик в коричневом бархатном пиджакѣ, с бѣлыми кудряшками мягких волос, обрамлявшими его доброе, привѣтливое лицо, часто бывал в нашем домѣ и качал меня на колѣнях.

Два слова о каретѣ. Наша семья в кругах родственников моего отца считалась «бѣдной». Понятіе это, конечно, весьма относительное, но во всяком случаѣ родители мои не имѣли возможности держать собственных лошадей, а потому, когда

нужно было куда-нибудь ѣхать в гости, то нанималась за четыре рубля наемная «извощичья» карета, на козла которой садился наш лакей.

Извощичьи кареты имѣли какой-то особый кисловатый запах, который мнѣ очень нравился.

Общественных экипажей, кромѣ «сорока мучеников» — огромных колымаг, запряженных четверкой и ходивших по Невскому и далѣе на острова, — совершенно не существовало. Первая конка появилась уже на моей памяти. Поэтому по Петербургу либо ходили пѣшком, либо ѣздили на своих лошадях и на извощиках, которые за 30-40 копеек возили с одного конца Петербурга на другой.

Но что это были за извощики или «ваньки», как их тогда называли. Лошади — одры, а экипажи, неудобнѣе которых и не представишь себѣ. Это были дрожки с огромными стоячими рессорами. Онѣ были так узки, что два человѣка, нѣсколько склонные к тучности, могли умѣстить на них лишь половины своих тѣл, а вторыя половины висѣли в воздухѣ. Трясли «ваньки» на булыжных мостовых отчаянно, а рессоры их вѣчно ломались и обычно были перевязаны веревками. Моя мать рѣдко рѣшалась сѣсть на «ваньку» и уж, конечно, не позволяла мнѣ на них кататься, считая такую прогулку опасной для моей жизни. Вот почему, между прочим, мнѣ так памятны милыя извощичьи кареты с пріятным кислым запахом и уютно дребезжащими стеклами.

Москва, гдѣ в тѣ времена мостовыя были еще гораздо хуже, чѣм в Петербургѣ, и которая вообще была во много раз грязнѣе и примитивнѣе в смыслѣ городского благоустройства, имѣла однако извощиков с широкими пролетками на лежачих рессорах. Они составляли гордость москвичей, которые, пріѣзжая в Петербург, подымали на смѣх наших нелѣпых «ванек.»

Милый старый Петербург! Потому-ли, что я провел в нем все свое дѣтство, или потому, что он неразрывно связан с пушкинской поэзіей, но воспоминанія о нем во мнѣ всегда вызывают поэтическія ощущенія.

Вспоминаю вербы перед Гостиным двором, гдѣ я неизмѣнно каждый год покупал пару сѣреньких чечеток с малиновыми головками, а затѣм выпускал из окна и смотрѣл, как онѣ неумѣло и растерянно прыгают по крышѣ противуположнаго дома..

Сколько было традиціонной прелести в пучках верб с во-

сковыми ангелочками, в танцующих в пузырьках «американских жителях», в разложенных на лотках стручках и маковых пряниках, в гомонѣ, шумѣ, зазываніи торговцев, в веселой смѣшанной толпѣ, накупающей всякую дрянь в парусиновых лавочках!

Когда впослѣдствіи «порядка ради» вербное гулянье перевели с Невскаго на Конногвардейскій бульвар, как то сразу пропало его прежнее обаяніе. И восковые ангелочки и «американскіе жители» уже казались какими-то не настоящими.

А балаганы на Царицыном Лугу!.. Я не жил в Петербургѣ, когда их оттуда перевели куда-то на окраину города, но, узнав об этом, испытал ощущеніе оскорбленія національнаго чувства.

Сколько в них было непосредственнаго народнаго творчества!... — Лучшими считались балаганы Малофеева и Лейферта. Нелѣпыя, примитивныя пьесы, непремѣнно с выстрѣлами, сраженіями, убитыми и ранеными, примитивные актеры с лубочно намалеванными лицами и неуклюжими движеніями... Но что-то увлекало в этих сумбурных зрѣлищах. Не говоря уже о простонародьѣ, которое валом валило в балаганы, гдѣ зрители с увлеченіем участвовали в игрѣ бурным смѣхом, или возгласами поощренія и негодованія, но и так называемая чистая публика охотно их посѣщала. Очевидно в этом народном лубкѣ было нѣчто от подлиннаго искусства.

А балаганные «дѣдки», с длинными бородами из пакли, разсказывающіе с балаганных балкончиков тысячной гогочущей толпѣ всякія смѣшныя сказки или исторіи, не всегда приличныя, но полныя блестящаго простонароднаго юмора! Тут была и проза и импровизированная рифмованная рѣчь, уснащенная всякими приговорками и прибаутками...

Были среди балаганных дѣдок и настоящіе самородные таланты.

Попадая в веселую густую толпу на балаганах, как-то сразу сливался с ней и радостно чувствовал себя в ней «своим». Балаганы были, может быть, единственным мѣстом стараго Петербурга, гдѣ в одной общей толпѣ смѣшивались люди всѣх кругов и состояній, гдѣ рядом с поддевкой ломового извощика можно было видѣть шикарную сѣрую шинель с бобровым воротником и треуголку лощенаго лицеиста или правовѣда, и гдѣ всѣ были равны в общем незамысловатом весельѣ. В балаганной толпѣ растворялись всѣ касты еще сохранившейся тогда в русском бытѣ старой крѣпостной Россіи, и вѣроятно именно эта ея де-

мократичность, или, говоря русским словом, — народность, увлекала и безсознательно радовала и людей в поддевках и людей в шинелях.

Вокруг Царицынаго Луга на Масленой недѣлѣ неслись веселыя компанiи на звенящих «вейках», обгонявших чопорно ѣдущiя придворныя кареты с институтками. Это тоже была традицiя, вѣроятно , с Екатерининских времен — катать институток в каретах вокруг балаганов. В балаганную толпу их, конечно, не пускали, и из каретных окон, потихоньку от чинных классных дам, онѣ посылали улыбки своим бальным кавалерам — учащимся разных военных и штатских учебных заведенiй, приходившим на балаганы, чтобы обмѣняться украдкой нѣжными взглядами с юными затворницами, дамами своего сердца.

Балаганы с Царицынаго Луга исчезли, и я не знаю, гдѣ они ставились впослѣдствiи. Во всяком случаѣ поэзiя их была нарушена.

А старое названiе площади, на которой ставились балаганы, — «Царицын Луг», замѣнилось другим — «Марсово Поле».

Исчезли и «вейки». Точнѣе говоря не исчезли, а были полицейскими распоряженiями оттѣснены на окраины города. Да и вейки то послѣдних лѣт были не настоящiе, а по большей части — переряженные петербургскiе извощики.

В моем дѣтствѣ «вейки» были самые настоящiе, подлинные «пасынки природы», прiѣзжавшiе массами на своих маленьких сытых лошадках из далеких финских деревень. С перваго дня Масленой недѣли весь город заполнялся вейками (Бог знает почему их так называли). Они не знали улиц Петербурга и за любой конец брали «ривенник» — единственное русское слово, которое умѣли произносить. И вот, за «ривенник» в маленькiя финскiя санки насаживалось 4-5 человѣк, а суровый флегматик финн мчал во весь опор такую веселую компанiю через весь Петербург. По Невскому вейки носились цѣлыми тучами на перегонки, поощряемые подвыпившими сѣдоками. Мужчины гикали, женщины визжали, а бубенчики заполняли воздух своими веселыми переливами.

Мало кто в дни Масленой недѣли садился на извощиков, которые имѣли угрюмый вид и норовили хлестнуть кнутом всякаго обгонявшаго их вейку: — «Ишь черт желтоглазый».

Масленичные вейки были одной из достопримѣчательностей Петербурга, и как то странно, что этот самый холодный и чинный

из русских городов умѣл так преображаться в дни широкой масленицы...

А гдѣ теперь музыка Петербургских дворов — безконечно разнообразные напѣвы разносчиков!... Сколько в ней было особой неуловимой прелести.

С ранняго дѣтства я знал всѣ их пѣвучія скороговорки, врывавшіяся весной со двора в открытыя окна, вмѣстѣ с запахом распускающихся тополей.

Вон мальчик в бѣлом фартукѣ тоненьким голоском выкликает:

«Вот спички хоро-о-о-о-о-ши,
«Бумаги, конверт-а-а-а-а-а-а.

Его смѣняет баба со связкой швабр на плечѣ. Она останавливается среди двора и, тихо вращаясь вокруг своей оси, грудным голосом поет:

«Швабры п-о-о-ловыя-а-а-а-а-а-а-ааа»

Потом, покачиваясь и поддерживая равновѣсіе, появляется рыбак с большой зеленой кадкой на головѣ, в которой на днѣ плещется живая рыба, а сверху на полочкѣ разложена сонная:

«Окуни, ерши, сиги,
Есть лососина-а-а-а-а-аааа»

Потом — толстая торговка селедками с синевато-красным лицом, как-то захлебываясь, взывает:

«Селледки голански
Селледки-и-и-и-и-иии»

А то в'ѣзжает во двор зеленщик с телѣжкой и заводит свою заунывную пѣсню

«Огурчики зелены,
Салад кочанный,
Шпинат зеленый,
Молодки, куры биты».

В это разнообразіе напѣвов то и дѣло врывается угрюмое бурчаніе татар-старьевщиков:

«Халат, халат,
Халат, халат».

Почему-то точильщики и торговцы обувью всегда начинали свои пѣсни особым басистым рычаньем, которое дѣлало обыкновенныя слова какими-то непонятными и страшными:

«Т-х-ашить ножи, ноожницы»,

заводили точильщики и затѣм, как пѣтухи, послѣ своего крика, добавляли басом себѣ под нос:

«Бритвы править».

А торговцы обувью дикими голосами ревѣли:

«Башхмакхи, — тухли, тухли»....

Иногда поющих торговцев смѣняли шарманщики-итальянцы с мотивами из Травіаты и Риголетто, или какая нибудь еврейская дѣвица пѣла гнусавым голосом:

«Я хочу Вам разсказать,
Разсказать, разсказать...

А из форточек высовывались руки и бросали «гонорар» — мѣдныя монеты, завернутыя в бумажку.

Шарманщики, пѣвцы и торговцы плѣняли нас своими мелодіями только во дворах. На улицах эта музыка была запрещена. Но были почему то привилегированные, напримѣр, торговцы мороженным ходили по улицам с кадушками на головах и бодро голосили:

«Морожина харо-ошее».

Я с завистью смотрѣл на уличных ребят, окружавших такого мороженника и с упоеніем лакавших мороженное костяными ложечками из маленьких стаканчиков.

Мнѣ это удовольствіе было строго-на-строго запрещено, потому что дѣлали это мороженное.... из молока, в котором купали больных в Петербургских больницах.

Непонятно, откуда взялась эта странная легенда. Но она была очевидно, весьма стариннаго происхожденія, ибо и предшествовавшее мнѣ поколѣніе нисколько не сомнѣвалось в больничном происхожденіи мороженнаго. Курьезно, что вѣрили подобной глупости не только дѣти, но и взрослые культурные люди.

Четкое воспоминаніе сохранилось у меня об иллюминаціях, которыя устраивались во всѣ царскіе дни.

На всѣх улицах на разстояніи трех-четырех саженей друг от друга разставлялись так называемыя «плошки», т. е. нѣчто вродѣ маленьких лампадок, в которых горѣло какое-то масло. Любители выволакивали на улицу старыя галоши, наливали их керосином и тоже поджигали.

От горящих плошек, а особенно от галош, на улицах стоял вонючій смрад.

Казенныя и общественныя учрежденія обязаны были ста-

вить на каждое окно по двѣ зажженых стеариновых свѣчи. Полиція строго за этим слѣдила.

Только на Невском Морской и еще на нѣскольких больших улицах, гдѣ керосиновые фонари уже были замѣнены газовыми, иллюминаціи имѣли болѣе торжественный вид, ибо там фонари в таких случаях отвинчивались и замѣнялись звѣздами, свѣтившими рядами язычков горящаго газа. Городская Дума, Публичная Библіотека, Министерства и Дворцы нѣсколько разнообразили картину горящими на них вензелями или гирляндами разноцвѣтных лампочек. Вот и вся иллюминація. Но в дѣтствѣ все это представлялось и красивым и, главное, интересным. В дни иллюминаціи мнѣ разрѣшалось позже ложиться спать и кто-нибудь брал меня прогуляться по нашей Малой Итальянской и по Литейной. По Невскому вечером не полагалось ходить пѣшком, а потому знаменитыя газовыя звѣзды я видѣл очень рѣдко лишь из окна кареты.

Помню, как мы в каретѣ ѣздили по Невскому и Морской смотрѣть иллюминацію по случаю взятія Плевны. Иллюминація была столь же незатѣйливая, но настроеніе было торжественное. Весь Петербург высыпал на улицы. По Невскому экипажи двигались в нѣсколько рядов сплошной вереницей, а на панелях стиснутые в густой толпѣ люди кричали ура...

Невскій во время самых торжественных иллюминацій был всетаки значительно темнѣе Невскаго послѣдующих времен, освѣщеннаго электрическими фонарями. Первые электрическіе фонари появились в Петербургѣ, когда мнѣ было лѣт девять, на только-что построенном тогда Александровском мосту.

По имени изобрѣтателя системы фонарей — Яблочкова, петербуржцы называли электрическое освѣщеніе «яблочковым освѣщеніем» и ходили толпами к Александровскому мосту смотрѣть на это новое чудо.

Да, вот еще о мостах. Из всѣх, существующих теперь невских мостов, в моем дѣтствѣ был только один — Николаевскій. Охтенскаго совсѣм не было, а Дворцовый, Троицкій и Литейный были пловучими на баржах. При поднятіи в Невѣ воды, мосты горбились и представляли собой довольно крутыя горы которыя не без труда брали извощичьи лошади. А во время наводненій или ледохода мосты совсѣм разводились и сообщеніе с Выборгской и Петербургской сторонами шло через Васильевскій остров. Я помню, как, пріѣхав однажды из Финляндіи во время неболь-

шого наводненія, мы с Финляндскаго вокзала ѣхали домой, на Малую Итальянскую около двух часов.

Конечно, несмотря на все это, Петербург по сравненію с провинціальными городами и даже с Москвой, казался европейским городом и только, пріѣзжая из заграничных поѣздок, петербуржцы понимали культурную отсталость своей столицы.

В этой причудливой смѣси европейской культуры со старым русским бытом и заключалась своеобразная прелесть стараго Петербурга и его особый характер, его «пейзаж», по выраженію Муратова, отличавшій его от всѣх других русских городов. Таков вѣдь был и образ его великаго основателя.

И не мудрено, что Петербург имѣл свой говор, менѣе характерный, чѣм московскій, но «свой», отличный от других. Петербуржца можно было всегда отличить по произношенію нѣкоторых слов: «Что» вмѣсто обычнаго «што», «сем» и«восем» вмѣсто «семь » и «восемь». Нѣкоторые неправильные обороты русской рѣчи, заимствованнные из французскаго языка, были свойственны только петербуржцам. Одни только петербуржцы лежали «в кроватях», когда бывали больны, в то время, как остальные русскіе в таких случаях ложились «в постель» или «на кровать».

Горничныя, отворяя двери, говорили визитерам: «барыня в кровати и не принимают». В хорошую погоду петербуржцы не гуляли, а «дѣлали большія прогулки» и т. д.

Петербург был большим мастером руссификаціи иностранныхъ слов и выраженій. Нѣкоторые из них так и оставались достояніем Петербурга. Я помню, как в моем дѣтствѣ соперничали между собой два иностранных слова, обозначавших один и тот же предмет, при том предмет, в западной Европѣ совершенно не существующій: «форточка» и «васисдас», ставшій знаменитым благодаря Пушкину. В русской рѣчи чаще употреблялась «форточка», но по французски всегда говорили: «Ouvrez le vas-is-dasse». Теперь «васисдас» исчез окончательно из лексикона петербуржчев, а форточка стала русским словом.

Еще было одно распространенное петербургское слово, теперь изчезнувшее: «фрыштыкать». В других городах Россіи завтракали или закусывали, а в Петербургѣ — фрыштыкали, и лакеи говорили« «На сколько персон прикажете накрывать фрыштык?», или торжественно докладывали: «фрыштык подан».

Другія иностранныя слова ассимилировались с русской рѣчью в Петербургѣ, а затѣм, в качествѣ русских, восприни-

мались всей Россіей. Нѣкоторыя — «амуниція», «полиція», «ефрейтор», «платформа»—продолжали звучать по иностранному, а другія, как «мундштук», «шаромыжник» (cher ami) «кулебяка», (Kohl gebacken), «шарманка» (Oh, que c' est charmant! — говорили наши бабушки, впервые слушавшія мелодіи шарманок) — совсѣм обрусѣли и, если-бы были живыми существами, с негодованіем отвергали-бы свое иностранное происхожденіе....

Нѣт теперь больше ни вербных ангелочков, ни «ванек», ни «веек», нѣт ни пастухов с длинными трубами, ни старых лакеев с бакенбардами, ни вонючих плошек. А пушкинскій нѣмец-булочник навсегда закрыл свой васисдас.

Но память еще хранит полный своеобразія образ стараго Петербурга....

II. КУДРИНО.

Каждое лѣто, проѣздом в деревню, мы останавливались недѣли на двѣ в Москвѣ, у моей тетки, Марьи Алексѣевны Ладыженской, которая жила в Кудринском переулкѣ, в собственном домѣ, или, точнѣе говоря, в собственной усадьбѣ.

Послѣ зимняго заточенія в петербургском каменном домѣ, в Москвѣ я попадал в полудеревенскую обстановку. Я мог с двоюродным братом Гришей играть в прятки в саду, густо поросшем кустами сирени и бузины, пускать змѣя на обширном дворѣ забѣгать в конюшню, гдѣ так успокоительно фыркали двѣ сытыя лошади темно-караковой масти. До сих пор запах весенней сырой земли мнѣ всегда напоминает Кудринскій переулок, очевидно потому, что на границѣ сознательнаго возраста я впервые там вдыхал этот, совершенно незнакомый петербургскому ребенку, живительный запах.

И вся обстановка и образ жизни обитателей Кудринскаго переулка гораздо были ближе к деревнѣ, тогда еще недавно вышедшей из условій крѣпостного права.

В Петербургѣ у нас была случайная наемная прислуга, а здѣсь, в Кудринѣ, еще сохранились старые дворовые, конечно, получавшіе жалованье, но жившіе в кудринском дворѣ больше по старой привычкѣ, чѣм по необходимости. Все это были скорѣе друзья, чѣм услужающіе.

Главной персоной во дворѣ была бывшая дворовая моей тетки, вынянчившая ея старших дѣтей, Лизавета Лактіоновна.

От какой-то болѣзни она была совсѣм кривобока, но ея кривая фигура постоянно мелькала по двору, из дома во флигель и обратно. Вѣдая всѣм домашним и дворовым хозяйством, она позванивала ключами и властным голосом отдавала приказанія другим слугам.

Долго, в теченіе всего моего дѣтства и юности, Кудринская усадьба хранила свой особый быт, — нѣчто от старой дореформенной Москвы,—столь отличный от нашего петербургскаго полуевропейскаго быта.

Постепенно, богатая когда-то усадьба скудѣла. Не только большой дом в саду, уже в дѣтствѣ моем отдававшійся в наем, но флигель и даже часть дома, выходившаго на улицу, в котором жила семья моей тетки, заселились платными жильцами.*) Исчезли караковыя лошади, полиняла безсмѣнная обивка знакомой мебели в гостиной... Перемѣнилась и хозяйка усадьбы, перешедшей послѣ смерти моей тетки к ея дочери, Елизаветѣ Сергѣевнѣ Боратынской. И, несмотря на это, несмотря на то, что муж моей двоюродной сестры, Л. М. Боратынскій в теченіе долгих лѣт занимал довольно видный пост московскаго вице-губернатора, Кудрино сохраняло старый облик моего дѣтства.

В Петербургѣ, гдѣ я постоянно жил, у нас не было «знакомых извощиков», а у кудринских жителей — было нѣсколько, считавших их «своими господами». И, когда кто-нибудь ѣхал из Кудрина в город (так и говорили — «в город»), то посылали на Кудринскую площадь лакея или горничную нанять не вообще извощика, а Ивана или Петра, и наказывали, что, если сегодня Петр выѣхал на вороной, — то Петра, а если на гнѣдой — то Ивана. И у меня, в родном городѣ садившагося на перваго попавшагося извощика, в Москвѣ, гдѣ я юношей бывал даже не каждый год, был свой извощик Яков, который, завидѣв меня издали, уже снимал шапку и, отвѣшивая низкій поклон, говорил: «Здравья желаем вашему сіятельству, давненько к нам не жаловали», а затѣм, надѣв шапку на затылок, небрежно добавлял: «куда отвезти прикажете?»

И я чувствовал, что он «мой». Но в гораздо большей степени я был — «его», ибо не сѣсть на него и не поѣхать без торга было бы с моей стороны нарушеніем какого-то его права и моей обя-

*) Одно время в числѣ жильцов был худощавый студент Ф. Ф. Кокошкин, с которым я познакомился впервые в кудринском домѣ.

занности, заключавшейся также в том, чтобы платить ему раза в три дороже нормы.

Кромѣ своих извощиков, были в Кудринѣ и «свои» нищіе, которых прикармливали, одѣвали и снабжали копейками, завѣдомо шедшими на пропой. Имен этих нищих никто не знал, но каждый имѣл свою кличку. Одного, помню, звали — «болячка», другого — «бородавка», третьяго — «сухорук» и т. д. Каждый имѣл свой день для появленія на кудринском дворѣ и в эти дни происходили такіе разговоры:

— Лиза, принеси старые клѣтчатые штаны, что я отложила для Болячки.

— Зачѣм вы его балуете, Елизавета Сергѣевна, он вѣдь их все равно пропьет.

— Что-же дѣлать, нельзя-же, чтобы человѣк по морозу в таких штанах ходил, как у него, — одна дыра.

И клѣтчатые штаны появлялись в об'ятіях счастливаго Болячки, который однако находил, что водка, на них обмѣненая, является гораздо болѣе дѣйствительным средством для согрѣванія его хилаго тѣла.

Весь Кудринскій переулок состоял из нѣскольких домов. Два-три барских особняка, а ближе к Кудринской площади — извощичій двор и питейное заведеніе «распивочно и на вынос». Рѣдко кто проходил или проѣзжал по переулку. Поэтому шум приближающагося экипажа вызывал в обитателях Кудрина живѣйшій интерес. Кто ѣдет и к кому? К нам или к сосѣдям? Спорили: «вот я говорила, что не к нам» и т. л.

Иногда выходившіе из питейнаго заведенія пьяные затѣвали драку. Это тоже было событіем в Кудринском переулкѣ. Посылали узнать, из-за чего дерутся, волновались за судьбу избиваемаго, иногда вызывали знакомаго городового...

Москва разросталась и застраивалась столичными многоэтажными домами, водопровод смѣнил лѣнивых водовозов, черпавших бадьями воду из Кудринскаго фонтана; мѣнялись жизнь и нравы старой Москвы.

А Кудрино точно застыло. И всякій человѣк, долго проживавшій в нем, точно уходил из жизни и покрывался плѣсенью.

Моя тетка послѣ смерти своего мужа облеклась в черное монашескаго покроя платье и нѣсколько лѣт подряд никуда из Кудрина не показывалась. Постепенно у нея сдѣлалось нѣчто в родѣ боязни пространства и, переѣхав потом на жительство

в Петербург, в нашу семью, она выходила из квартиры только при переѣздах в деревню. А, когда хозяйкой кудринской усадьбы стала ея дочь, то эта прежде общительная, умная и образованная женщина вдруг тоже стала затворницей. Никто не мог ее заставить пройти или проѣхать по улицам Москвы. Зиму и лѣто она ходила в домашних ситцевых балахонах, кутая колѣни в знакомый нам всѣм старый ваточный ватерпруф с облѣзлой лиловой подкладкой. Так и прожила двадцать лѣт.

В теплые лѣтніе дни можно было видѣть эту оригинальную вице-губернаторшу, сидящей в переулкѣ на скамейкѣ, у ворот своего дома и поджидающей дѣтей из гимназіи, или мужа со службы.

Муж ея, тоже культурный и умный человѣк, как и она, нигдѣ почти, кромѣ службы, не бывал. Ходил всегда в затрапезном, замусоленном пиджачишкѣ, а лѣтом — в грязной чесучѣ и бѣлой, мятой фуражкѣ, и вообще внѣшним видом больше походил на провинціальнаго статистика, чѣм на московскаго вице-губернатора. Говорили, что такая внѣшность, замкнутый образ жизни и неосторожный выбор нѣкоторых неблагонадежных знакомых помѣшали ему сдѣлать дальнѣйшую карьеру.

Кудринскій дом представлял собой в это время совершенный Ноев ковчег. Кромѣ семьи хозяев, состоявшей из шести человѣк, в цѣлом рядѣ комнат жили постояльцы, которые, благодаря исключительной добротѣ и благодушію моей двоюродной сестры, были на положеніи членов семейства и чувствовали себя, как дома. Часто недѣлями и мѣсяцами гостили родные и друзья, пріѣзжавшіе из провинціи.

Всѣ эти люди входили и уходили, обѣдали, распивали чаи и создавали невѣроятную сутолоку. А, так-как добродушная хозяйка не очень слѣдила за порядком, то грязь развелась ужаснѣйшая на этом постоялом дворѣ.

Клопов было великое множество. Раз утром, зайдя в комнату своих племянников, я застал их за оригинальным спортом: они выманивали из щелей клопов и пригвождали их к стѣнам булавками. Таких булавок с нанизанными на них клопами торчало очень много. Оказалось, что этот вид охоты был довольно обычным развлеченіем маленьких гимназистов.

Никогда не забуду, как однажды, когда я остановился в Кудринѣ, моя двоюродная сестра меня спросила; «На каком диванѣ ты хочешь ночевать — на узком без клопов или на ши-

роком с клопами?» Такіе вопросы могли задавать только в Кудринѣ. Но самое удивительное, что нашелся ночлежник, который тут-же заявил, что предпочитает широкій диван с клопами...

Таково было Кудрино в період декаданса. Но семейная хроника кудринскаго дома хранила и красивыя воспоминанія о его прежних обитателях. Вот одно из них о том, как там умѣли любить и чутко относиться к любви.

Сестра моей матери, Марья Алексѣевна Ладыженская, рожденная Дьякова, была в юности удивительно красива. И не мудрено, что уже с шестнадцати лѣт к ней стали свататься женихи. В тѣ времена браки по любви были величайшей рѣдкостью. Обыкновенно замуж выдавали родители. Так было и с моей тетей Машей.

В московском свѣтѣ блистал тогда преображенскій офицер, Сергѣй Михайлович Сухотин. Он был богат, для своего времени образован, и в возрастѣ, уже достаточно солидном для супружеской жизни, к которой и сам стремился. И вот мачеха, воспитывавшая мою мать и ея двух сестер, рѣшила выдать за него замуж старшую свою падчерицу Машу.

Сухотин был приглашен бывать в домѣ, и в первый свой визит попал на домашній урок танцев. Красавица Маша танцевала при нем модные танцы того времени, и он сразу ею так плѣнился, что в слѣдующій свой визит сдѣлал предложеніе и получил согласіе мачехи.

Маша стала Марьей Алексѣевной Сухотиной, одной из самых красивых и обаятельных женщин Москвы.

В мужѣ ей посчастливилось. Сергѣй Михайлович оказался почтенным и добрым человѣком, нѣжно любил и опекал свою жену, которая была лѣт на двадцать моложе его и гордился ея успѣхами в свѣтѣ, гдѣ у нея появилось множество поклонников. Она тоже привязалась к нему, но, выходя замуж без малѣйшаго чувства любви, сохранила свободное сердце.

И вот, когда у них было уже трое дѣтей, в Марью Алексѣевну страстно влюбились одновременно два человѣка: один — мой дядя, морской офицер, князь А. В. Оболенскій, а другой — студент московскаго университета, С. А. Ладыженскій.

Послѣдній стал героем романа, и вскорѣ добрый С. М. Сухотин, увидав, что его молодая жена не может справиться с заполнившим ее чувством, предложил ей развод.

Марья Алексѣевна обвѣнчалась с Ладыженским и поселилась

с ним в Кудринѣ, а ея прежній муж, продолжавшій ее нѣжно любить, с тѣх пор стал жить неподалеку, в своем особнякѣ, в Денежном переулкѣ, и, хотя по свѣтским понятіям это считалось ridicule, часто бывал в домѣ своей прежней жены, как хорошій знакомый.

А другой поклонник Марьи Алексѣевны, ею отвергнутый, кн. Оболенскій, уѣхал с горя в кругосвѣтное плаваніе на знаменитом фрегатѣ «Палладѣ», вмѣстѣ с Гончаровым.

Прошло нѣсколько лѣт. «Фрегат Паллада» вернулся из плаванія и привез моего дядю в неизлѣчимом недугѣ. Из-за болѣзни спинного мозга он лишился ног и стал постепенно угасать. Он сознавал, что умирает,и имѣл лишь одно желаніе: перед смертью жить по близости от глубоко любимой им женщины.

Марья Алексѣевна не могла отказать ему в этом его послѣднем желаніи и пригласила его поселиться во флигелѣ кудринской усадьбы.

И вот мечта несчастнаго больного осуществилась. Обожаемая им женщина навѣщала его каждый день, и он, сидя в креслѣ на колесиках, в котором его выкатывали в кудринскій сад, любовался ею, пока она читала ему вслух. Она присутствовала и при его смерти...

Еще прошло нѣсколько лѣт,и смерть унесла горячо любимаго ею человѣка — С. А. Ладыженскаго, умершаго еще во цвѣтѣ лѣт. С этих пор М. А., как я выше упоминал, одѣла черное полумонашеское одѣяніе и жила в Кудринѣ безвыѣздно и безвыходно.

А старый Сухотин продолжал жить в Денежном переулкѣ, куда и меня иногда водили. Как живой представляется мнѣ этот свѣжій, чисто выбритый старичек, от котораго всегда пріятно пахло одеколоном. Он постоянно со мной балагурил и добродушно меня поддразнивал.

Еще прошел ряд долгих лѣт. Марья Алексѣевна, которой уже было за пятьдесят, пріѣхала как-то из Петербурга погостить к дочери. В это время ея первый муж уже совсѣм состарился, почти впал в дѣтство.

Одиночество очень тяготило его, и он все чаще и чаще стал заходить в Кудринскій переулок и длинными вечерами играл там в безик, или раскладывал пасьянсы. Иногда засиживался поздно и его оставляли ночевать. Постепенно он перетащил свою кровать и окончательно водворился в семьѣ своей жены, к кото-

рой был по прежнему привязан и ради которой разбил свою собственную жизнь.

И опять же она закрыла ему глаза, когда он умер на ея руках...

Марья Алексѣевна умерла в 1889 году. Послѣ ея смерти лѣт около двадцати Кудринская усадьба понемногу чахла, но сохраняла еще прежній вид. Наконец умерла и дочь М. А., Е. С. Боратынская, а вскорѣ и ея муж. Наслѣдниками усадьба была продана.

Незадолго перед войной я был в Москвѣ и зашел в Кудринскій переулок. Мѣсто, на котором была расположена усадьба, было вскопано и рабочіе закладывали фундамент новаго строющагося дома. Дом в саду и флигель уже были разрушены, а главный дом, так знакомый мнѣ по воспоминаніям, стоял еще, лишь наполовину разобранный. Точно нарочно ждал, чтобы я мог сказать ему послѣднее прости...

В. Оболенскій.

ИЗ ВОСПОМИНАНІЙ ВОСЬМИДЕСЯТНИКА.

I.

МОСКВА.

В 1884 г. (сорок пѣт тому назад) я окончил Оренбургскую гимназію и направился в Москву для поступленія на историко-филологическій факультет Московскаго университета. Ближайшим университетским городом к Оренбургу была Казань и большинство воспитанников Оренбургской гимназіи по окончаніи гимназическаго курса поступало в Казанскій университет. Но меня неудержимо влекла к себѣ Москва. Уже в средних классах гимназіи я принял твердое рѣшеніе посвятить себя изученію русской исторіи и к Москвѣ меня притягивало, словно магнит, имя Ключевскаго, тогда только-что прогремѣвшее в связи с его блестящим докторским диспутом, на котором он защищал диссертацію: «Боярская Дума древней Руси». Появившіяся в газетах подробныя описанія этого диспута (в «Голосѣ» о диспутѣ написал цѣлый фельетон М. М. Ковалевскій) я читал с замираніем сердца и, словно арестант в казематѣ, отсчитывал мѣсяцы, недѣли и дни, в ожиданіи того вожделѣннаго момента, когда можно будет, наконец, выпорхнуть из оренбургскаго степного захолустья в эту заманчивую Москву, которая рисовалась мнѣ в моих мечтах лучезарным центром кипучей умственной работы.

И вот — мечта претворилась в дѣйствительность. В серединѣ лѣта 1884 г. я очутился в Москвѣ, на Мясницкой, в номерах «Швейцарія». На первых порах Мясницкая меня ошеломила. Мнѣ показалось, что я попал в какое то вавилонское столпотвореніе. Непрерывный грохот экипажей; безчисленное количество торопливо снующих по разным направленіям людей; столбы, обклеенные саженными плакатами со всевозможными об'явленіями; рѣзкіе звонки омнибусов, — все это дурманило меня, привыкшаго к сонной тишинѣ провинціальнаго медвѣжьяго угла. И сердце билось радостно. Какой-то новый невѣдомый мір, полный

движенія и красок, готов был раскрыться перед моими взорами. Было такое чувство, словно я из тихаго затончика выбѣжал на легком челнокѣ в необозримое открытое море, и уже было предчувствіе, что это море сулит мнѣ и радости и бури.

Разумѣется, я прежде всего сбѣгал в университет и подал прошеніе о зачисленіи меня в студенты историко-филологическаго факультета. До начала учебных занятій оставалось еще около двух мѣсяцев и я мог без всякой помѣхи предаться на нѣкоторое время изученію этой многошумной и многокрасочной Москвы, которая зачаровала меня сразу и на всю жизнь.

Тогдашняя Москва, столь ошеломившая на первых порах юнаго провинціала своей громадностью, своим шумом и кипѣніем, в сущности в значительнѣйшей мѣрѣ оправдывала столь часто прилагавшееся к ней названіе «большой деревни». Я попал в Москву и стал москвичем как раз наканунѣ нѣкоего перелома в ея внутренней жизни. Уже на моих глазах, в самом концѣ 80-х годов и затѣм в 90-х годах минувшаго столѣтія Москва стала быстро изощрять свое европейское обличье. Сначала стали выростать то там, то тут небоскребы, многоэтажные дома с массою квартир, а на «Дѣвичьем полѣ» словно по мановенію волшебнаго жезла раскинулся цѣлый городок превосходно устроенных университетских клиник (все на пожертвованія крупнаго московскаго купечества), потом пришли телефоны, автомобили и трамваи. В серединѣ 80-х годов всего этого и в поминѣ не было. «Дѣвичье поле» было тогда дѣйствительным, подлинным полем, не стиснутым каменной броней и не уставленным роскошными клиническими дворцами, а было оно покрыто высокой зеленой травой, которая тянулась сплошным ковром от конца Пречистенки и Плющихи до самого Дѣвичьяго Монастыря, что стоит на берегу Москвы - рѣки лицом к лицу к Воробьевым горам.

Появленіе автомобиля на улицах Москвы привело бы тогда москвича в такой же недоумѣнный трепет, в какой приводило древне-русскаго лѣтописца появленіе кометы на небѣ, а вмѣсто стремительных электрических трамваев по улицам Москвы с невозмутимой медлительностью ползали, как черепахи, так называемыя «конки»—омнибусы конной тяги, в которых внутреннее мѣсто стоило пять копѣек, а за три копѣйки можно было взобраться по винтовой лѣсенкѣ на крышу вагончика и сидѣть там на скамейкѣ под открытым небом. «Конка», влекомая парою лошадок, двигалась так медленно, что пассажиры входили и схо-

дили на ходу, именно входили и сходили, с полным спокойствіем, а не «вскакивали» и не «соскакивали». И по-истинѣ удивительно, что и при таком черепашьем ходѣ вагоны «конки» ухитрялись весьма часто сходить с рельс и тогда начиналась нескончаемая канитель: пассажиры очищали вагон и вмѣстѣ с кондуктором и кучером долгими и терпѣливыми усиліями вталкивали непослушный вагон на рельсы. Уже окончив университетскій курс и став учителем гимназіи, я извѣдал в полной мѣрѣ школу терпѣнія во время поѣздок на этих «конках» на уроки. Такая масса времени уходила на эти поѣздки, что я, работая тогда над подготовкой к экзамену на магистра, положил себѣ нѣкоторые вопросы программы подготовить исключительно в вагонах «конки» и выполнил это рѣшеніе.

Многоэтажные дома в тогдашней Москвѣ являлись исключеніем. Цѣлыя улицы и особенно переулки представляли собою сплошныя линіи одноэтажных и самое большее двухэтажных особняков — настоящих барских усадьб, — которые перемежались деревянными хибарками и лавченками. Такія зданія, как генерал-губернаторскій дом или гостиница «Дрезден», оказавшіяся впослѣдствіи такими скромными среди новых «небоскребов», представлялись в то время внушительными сооруженіями.

Первобытному характеру внѣшней обстановки соотвѣтствовала тогда и первобытность внутренняго склада общественной жизни. В серединѣ 80-х годов в Москвѣ можно было еще наблюдать в полной жизненной крѣпости остатки старинных форм барской жизни. В особняках на Поварской и Малой Никитской и в громадном лабиринтѣ переулков и переулочков, связывавших Поварскую, М. Никитскую, Арбат и Пречистенку, ютился совсѣм особый мірок, в котором, несмотря на всѣ глубокія соціальныя метаморфозы, развернувшіяся со времени паденія крѣпостного права, свято сохранялись различные обычаи дворянской старины. Геральдическіе львы на воротах большого двора, в глубинѣ котораго располагался барскій особняк с разными надворными «службами», — как бы заранѣе предупреждали своим видом всякаго приходящаго, что, переступив порог этого дома, он сразу шагнет на нѣсколько десятков лѣт назад в казалось бы, отжитое прошлое. Там найдет он большія залы с старинными диванами и креслами, с громадными люстрами, с хорами, на которых помѣщается оркестр во время балов; большія

библіотеки, наполненныя нарядными изданіями XVIII вѣка; многочисленную прислугу, — пережиток старинной дворни; величавых старух, по королевски возсѣдающих в пышных креслах в окруженіи своры комнатных собачек; визитеров во фраках и мундирах, являющихся аккуратно по всѣм праздничным дням приложиться к пергаментной рукѣ такой величавой старухи.

Проходя по этим переулкам между Поварской и Пречистенкой, усѣянным маленькими церковками, иногда с весьма странно звучащими, но чисто историческими названіями (чего стоит хотя бы: «Никола на курьих ножках»), вы могли весьма нерѣдко встрѣтить запряженную парой колымагу с двумя ливрейными лакеями на запятках. Нужды нѣт, что обитавшее в этих переулках дворянство было уже все в прошлом. Оно тѣм не менѣе отнюдь не думало сдавать свою позицію пред напором обновляющейся жизни и вовсе не смотрѣло на себя лишь, как на музейное украшеніе историческаго города. Оно подавало свой голос и в великолѣпной колонной залѣ дворянскаго собранія и, может быть, с еще большим вѣсом, в разных гостиных и салонах. И этот голос имѣл свой резонанс, вносил свою ощутимую струю в общественную жизнь тогдашней Москвы. Обладатели барских особняков выдержали свою линію, фрондируя против либеральных петербургских реформ, а с середины 80-х годов они как раз стали чувствовать себя все бодрѣе и увѣреннѣе, ибо и с берегов Невы окончательно потянуло иным вѣтром, оживлявшим в них заманчивыя надежды.

Бок о бок с старозавѣтным дворянством стояло в тогдашней Москвѣ и старозавѣтное купечество. Подобно Поварской и Пречистенкѣ, и Замоскворѣчье еще довольно твердо держалось своего материка. «Титов Титычей» можно еще было наблюдать живьем и опять таки не в положеніи каких нибудь окамѣнѣлостей, застывших, словно муха в янтарѣ, а в положеніи живой соціальной силы, налагавшей свой отпечаток на строенія текущей дѣйствительности. Это уже послѣ, на моих глазах, вмѣстѣ с телефонами и автомобилями вышел на сцену новый купец, «джентельмен», меценат, политическій фрондер, библіофил, декадент. В серединѣ 80-х годов этот общественный тип только еще выпочковывался, только еще назрѣвал в каких то потаенных складках жизненной ткани. А на виду стояли Могикане Замоскворѣчья в стилѣ комедій Островскаго. На дирижирующую роль в общественной жизни они не претендовали, по старинкѣ

вели свои торгово-промышленныя предпріятія, ни о какой политической фрондѣ даже в самой глубинѣ своего духа не помышляли и ограничивали свои отношенія к носителям власти тѣм что безпрекословно открывали неограниченный кредит патріархально воеводствовавшему на Москвѣ генерал-губернатору кн. Долгорукову.

Это старозавѣтное купечество и в высших и в низших своих слоях было тогда глубоко консервативно. Яркое выраженіе получал этот консерватизм в отношеніях «Охотнаго ряда» к его территоріальному сосѣду: «университету». «Охотный ряд», — крупнѣйшій московскій рынок, — и университет, это были тогда Рим и Карфаген. Уже много позднѣе, как раз когда представители крупнаго модернизированнаго купечества стали заводить у себя политическіе салоны и мечтать о конституціи, необходимой для экономическаго прогресса, охотнорядцы начали сочувствовать студенческим демонстраціям или, как их называли тогда, «студенческим исторіям» и, кажется, главным источником этих симпатій охотнорядцев к «студенческим исторіям» служило чрезвычайное озлобленіе охотнорядских торговцев на притѣсненія и вымогательства полиціи.

Но в серединѣ 80-х годов охотнорядцы еще неукоснительно пребывали в увѣренности, что «господа» бунтуют против начальства за то, что царь отмѣнил крѣпостное право. И как только вспыхивали студенческія волненія, охотнорядцы «рвались в бой» и засучивали рукава. Когда я пріѣхал на жительство в Москву, студенческія мансарды были еще полны живых воспоминаній о незадолго перед тѣм происшедшей «битвѣ под Дрезденом». Состояла она в том, что близ гостиницы «Дрезден» охотнорядцы произвели грандіозное побоище студентов, выступивших с политической демонстраціей.

В этот дворянско-купеческій старозавѣтный жизненный усклад клином врѣзалась передовая интелигентная Москва. Она блестѣла яркими именами. Ея престиж стоял весьма высоко. Но соціальная сфера, на которую этот престиж распространялся, была не широка, и формы общественной жизни, в которых выражалось его воздѣйствіе, не отличались большим многообразіем. Наступала тихая полоса. Подпольная политическая борьба, достигшая к концу 70-х годов столь потрясающих эффектов, послѣ 1 марта 1881 г. стремительно пошла на убыль. К серединѣ 80-х г. г. от нея почти уже не оставалось слѣда. Послѣдніе остатки

кружков народовольческаго типа были только что ликвидированы. Пропагандистская дѣятельность революціонно настроенной молодежи среди фабричных рабочих еще не начиналась. В ход пошло толстовство с его лозунгом непротивленія. «Охранка» ломала голову над тѣм, как бы оживить изсякавшее подполье, столь необходимое для оправданія необходимости всяких «охранных» учрежденій. Но будущіе матадоры полицейской провокаціи только еще пробовали помаленьку свои силы. Когда я был уже на третьем курсѣ и увлекался хожденіем по лавочкам букинистов, отыскивая разныя старинныя историческія книжки, на Воздвиженкѣ, на самом углу перед Никитским бульваром, появилась книжная лавочка, гдѣ можно было очень дешево пріобрѣтать книжки, в особенности из разряда «запрещенных». Продавал их молодой человѣк, охотно вступавшій с покупателями-студентами в продолжительные разговоры. Но вскорѣ по студенчеству пошла молва, что этой лавочки нужно остерегаться, ибо было уже нѣсколько случаев, наводивших на тревожныя размышленія: у студента, купившаго в этой лавочкѣ запрещенную книжку, ночью внезапно производился полицейскій обыск, книжка отбиралась, а обладатель ея попадал в узилище. Студенты, разумѣется, отпрянули от коварной западни. Называли тогда и фамилію любезнаго лавочника, котораго и мнѣ приходилось видѣть за прилавком. Тогда эта фамилія ничего не говорила. Впослѣдствіи она прогремѣла. То был Зубатов, котораго мнѣ, таким образом, пришлось узнать при самом началѣ его карьеры.

Разгромив «подполье», правительство 80-х годов стремилось сжать в тиски и легальную оппозицію, которая проявлялась в земских учрежденіях, отчасти в городском самоуправленіи и в печати.

Когда я прибыл в Москву, я застал там еще очень оживленные толки о нашумѣвшем инцидентѣ в жизни московской городской думы. Прогрессивная часть городской думы ухитрилась провести на пост московскаго городского головы знаменитаго профессора Б. Н. Чичерина. Но Чичерин пробыл на этом посту весьма недолго. Он произнес рѣчь, в которой выразил ту мысль, что успѣхи подпольной крамолы возможны только вслѣдствіе полной неорганизованности легальной части общества и, таким образом, в широком развитіи общественной самодѣятельности и самоуправленія лежит залог мирнаго преуспѣянія страны. Казалось бы, высказанныя в этой рѣчи мысли дышали полной

благонадежностью. Но правительственная власть боялась тогда, как огня, развитія общественной самодѣятельности, даже подполье казалось ей не столь страшным, ибо с подпольем она уже наловчилась бороться, и Чичерин по высочайшему повелѣнію должен был оставить должность городского головы, едва успѣв вступить в отправленіе своих обязанностей. Этот случай показал воочію, что самыя умѣренныя и невинныя проявленія политической мысли в работѣ общественнаго самоуправленія будут пресѣкаться самым рѣшительным образом. И московская городская дума на долго ушла цѣликом в «малыя дѣла» текущаго хозяйства.

Естественным рупором политической мысли оставалась печать. Что представляла она собою в тогдашней Москвѣ? В «Московских Вѣдомостях» гремѣл Катков, только что, — с появленіем на посту министра внутренних дѣл гр. Димитрія Толстого, — почувствовавшій за собою полную силу и ставшій злопыхательным публицистическим трубадуром начавшейся эры «контрреформ». Иван Аксаков печатал в «Руси» краснорѣчивыя статьи, в которых вел старую славянофильскую линію, и, хотя и являлся прямым противником Каткова в общих взглядах на общественное самоуправленіе, но в цѣлом рядѣ конкретных вопросов, в сущности, подавал руку Каткову из боязни, что прогрессивныя общественныя стремленія приведут к столь ненавистной славянофилам конституціи. Затѣм подкаретным подголоском «Московских Вѣдомостей» выступал «Московскій Листок», прообраз московской малой, уличной прессы, но прообраз самый первобытный, от котораго вѣяло еще допотопным духом Ѳаддея Булгарина. Издавался этот листок Пастуховым, человѣком невѣжественным, топорно-неотесанным, не имѣвшим никакого понятія о литературном ремеслѣ. И хотя на страницах этого листка и пожинал тогда свои первые, дебютные лавры знаменитый впослѣдствіи Дорошевич, но настоящей фельетонной бравурности, литературной пикантности, ѣдкаго задора, — чѣм живет и дышет малая пресса — в «Московском листкѣ» и в поминѣ не было. Тѣм не менѣе он имѣл чрезвычайный успѣх среди лавочников, мелких чиновников и мелкой артистической братіи. «Не в шитьѣ была там сила». Успѣх создавался тѣм, что «Листок» наполнялся личными пасквилями, в которых об'екты пасквильнаго нападенія изображались такими прозрачными чертами, что обыватели того или иного околотка без труда узнавали своего мѣстнаго

героя и упивались скандальными разоблаченіями. А «Листок» попав в цѣль, все усиливал аттаку и поддавал перцу, пока... жертва поднятой травли не догадывалась внести в кассу газетки приличную сумму, и тогда бомбардировка мгновенно прекращалась.

Литературные пріемы Пастухова хорошо обрисовываются слѣдующим образчиком. Однажды он вздумал посѣтить цирк, существовавшій тогда на Воздвиженкѣ. Как нарочно, в циркѣ в этот вечер не оказалось ни одного свободнаго мѣста. Не получив доступа на представленіе, Пастухов пришел в ярость и заявил, что напишет рецензію на представленіе, и не побывав в циркѣ. И, дѣйствительно, «рецензія» появилась. Она была кратка и выразительна. «В циркѣ на Воздвиженкѣ — сказано было там — треснула крыша и грозит обвалиться». Этого было достаточно, чтобы на слѣдующій день в кассѣ цирка не было продано ни одного билета. Нѣсколько дней под-ряд цирк пустовал и терпѣл огромные убытки. Нечего дѣлать, пришлось идти с повинной и внести в кассу «Московскаго Листка» изрядную сумму. Тогда появилось в «Листкѣ» сообщеніе, что крыша в циркѣ исправлена за ново и все обстоит вполнѣ благополучно.

В этой атмосферѣ реакціоннаго злопыхательства, славянофильскаго прекраснодушія и Пастуховскаго газетнаго мародерства, знамя честнаго и независимаго печатнаго слова высоко подняли «Русскія Вѣдомости», как раз в то время попавшія в руки тѣсно сплоченной группы прогрессивных профессоров с В. М. Соболевским во главѣ.

Эта «профессорская газета» сыграла, как извѣстно, крупную роль в формированіи прогрессивнаго общественнаго мнѣнія в Россіи. Она выносила на своих плечах служеніе независимому публицистическому слову среди самых неблагопріятных условій. Она шла «против теченія», указывая на грядущія опасности от восторжествовавшаго в то время реакціоннаго курса. Ей приходилось совершать это трудное дѣло с чистотою голубя и мудростью змія. Читатели, цѣнившіе уравновѣшенное, осмотрительное, но неподкупное и строго послѣдовательное отстаиваніе прогрессивных идеалов на страницах этой газеты, и не подозрѣвали всю степень того упорства и самоотверженія, с которыми руководителям этой газеты приходилось проводить свою утлую ладью среди подводных камней, загромождавших ея фарватер. Порой на газету пеняли за чрезмѣрную осторожность. Но эти

упреки об'яснялись тѣм, что со стороны нельзя было и вообразить, до чего доходило иногда негласное административное давленіе на печатное слово.

Может быть, наиболѣе ярко выразилась тогда безудержность торжествующей реакціи в запрещеніи в какой бы то ни было формѣ чествовать день отмѣны крѣпостного права! Теперь это может показаться невѣроятным, но то был подлинный факт: власть эпохи «контр-реформ» додумалась до того, что день 19 февраля был об'явлен опальным и желаніе отмѣтить годовщину великой реформы принималось за проявленіе высшей мѣры политической неблагонадежности. Даже об отмѣнѣ крѣпостного права приходилось писать с оглядкой на цензурные перуны. Не достаточно ли этого примѣра, чтобы понять, какая сила выдержки требовалась тогда для веденія независимаго публицистическаго органа. Чрез посредство Джаншіева в «Русскія Вѣдомости» в тѣ времена Кони доставил нѣсколько очерков с воспоминаніями, исполненными преклоненія пред эпохой великих реформ. Эти очерки Кони рѣшился тогда дать «Русским Вѣдомостям» не иначе, как под строжайшим incognito, без обозначенія своего имени. Столь опасна была тогда эта тема. И, печатая эти очерки, «Русскія Вѣдомости» шли на сознательный риск.

Кстати о Джаншіевѣ. Он выпустил книгу «Эпоха великих реформ». Книга имѣла большой успѣх и выдержала ряд изданій, все увеличиваясь в об'емѣ. Многія главы этой книги первоначально печатались в «Русских Вѣдомостях». Теперь эта книга может показаться довольно слабой в историческом отношеніи, в ней преобладает публицистическая лирика в тонѣ восторженнаго панегирика эпохѣ реформ. Но для оцѣнки значенія этой книги надо именно имѣть в виду время, когда она издавалась. Книга была отвѣтом на предпринятое тогда властью безсмысленное гоненіе на всякія попытки помянуть добром реформы 60-х годов, начиная с отмѣны крѣпостного права. Изданіе этой книги было актом гражданскаго мужества.

Указанное теченіе в правящих сферах не было мимолетным капризом. Нѣт, оно шло все crescendo в теченіе цѣлаго десятилѣтія. По воцареніи Николая II совѣт московскаго университета обсуждал текст привѣтственнаго адреса новому государю. Там была фраза, выражавшая надежду, что новый государь пойдет по стопам своего отца. Профессор Эрисман предложил добавить два слова: *«и дѣда»*. Это предложеніе было встрѣчено смущен-

нымъ молчаніем и осталось без одобренія, а послѣ засѣданія профессора, не рѣшившіеся гласно поддержать столь «крамольное» предложеніе, потихоньку жали Эрисману руки и привѣтствовали его гражданскую смѣлость. Вот для каких скромных оказательств в то время требовался уже запас гражданскаго мужества. Зато Эрисман и не усидѣл в Москвѣ. Не по этому именно поводу, но по всей совокупности своего независимаго поведенія он должен был покинуть каѳедру в Москвѣ и прожил остаток своих дней в Цюрихѣ.

Когда подошло двадцатипятилѣтіе со времени отмѣны крѣпостного права, московскій генерал-губернатор потребовал от редакторов всѣх московских газет, чтобы в этот день в номерѣ не было сказано ни слова про опальную реформу. Всѣ газеты подчинились этому требованію, кромѣ «Русских Вѣдомостей», которыя не сочли возможным пойти на такое неприличіе.

Номер «Русских Вѣдомостей» в этот день совсѣм не вышел. Эта молчаливая демонстрація достигла цѣли, всѣ замѣтили и оцѣнили ее, а начальство поставило это газетѣ на счет. Вскорѣ «Русским Вѣдомостям» пришлось прибѣгнуть к аналогичному пріему. Умер Катков. Безпристрастная оцѣнка дѣятельности этого оффиціознаго публициста была сопряжена с большим риском. И, не желая покривить душой, «Русскія Вѣдомости», сообщив читателям о смерти Каткова, не помѣстили никакой некрологической статьи. Однако, молчать было тогда подчас столь же опасно, как и говорить. Вскорѣ была запрещена розничная продажа «Русских Вѣдомостей» и начальник главнаго управленія по дѣлам печати Ѳеоктистов об'яснил принятіе этой мѣры слѣдующим образом: «скверная газета, скверно говорит, скверно и молчит».)

Между тѣм пресса была тогда почти единственной ареной, гдѣ можно было, хотя и при помощи эзоповскаго языка и с большими ограниченіями, гласно обсуждать общегосударственные вопросы. Вообще формы общественных выступленій были в тогдашней Москвѣ не очень многообразны. Публичная лекція профессора, например, была тогда такой рѣдкостью, что о ней говорили и писали, как о незаурядном происшествіи. А когда по случаю голода 1891 г. комитет грамотности устроил цѣлую

---

*) См. исторію «Русскихъ Вѣдомостей» в интересной книгѣ В. А. Розенберга «Из исторіи русской печати». Прага 1924 г.

серію публичных лекцій разных профессоров, в пользу голодающих, это было уже настоящее событіе. Как все измѣнилось потом за 15-20 лѣт, когда чуть-ли не ежедневно в разных концах Москвы стали устраиваться публичныя лекціи, читавшіяся и профессорами и писателями и людьми, никогда не занимавшимися ни наукой, ни литературой. Дѣло дошло, наконец, до того, что появилась афиша о публичной лекціи, которую «прочтет человѣк, ходящій по Москвѣ зимою босиком». На первую лекцію этого босоногаго человѣка пришло нѣсколько слушателей. Не знаю, о чем он говорил. Была об'явлена и вторая лекція его, но на этот раз никто слушать не пришел. Очевидно, всѣ признали отсутствіе обуви на ногах еще недостаточным для того, чтобы созывать публику себя слушать.

Если публичныя лекціи были рѣдкостью в срединѣ 80-х годов, то о публичных митингах, разумѣется, не приходилось и помышлять. Суррогатом их являлись до нѣкоторой степени иныя засѣданія Юридическаго Общества при Московском Университетѣ и в особенности банкеты, устраивавшіеся в Татьянин день, в день 19 февраля, или по случаю юбилеев разных лиц.

Юридическое Общество было ученым обществом. Но по органической связи юриспруденціи с вопросами общественной жизни доклады и дебаты, происходившіе там, сплошь да рядом получали политическій характер. Под флагом научнаго засѣданія еще можно было затрогивать нѣкоторыя политическія темы, о которых нельзя было бы и пикнуть при иной обстановкѣ. Конечно, и здѣсь приходилось держать себя в руках, памятовать, что «ходить бывает склизко по камешкам иным» и налегать болѣе на отвлеченности, нежели на вопросы практической политики. Да и в этих рамках не всѣ могли позволять себѣ роскошь устнаго высказыванія. В. А. Гольцев, отсидѣвшій нѣкоторое время под арестом за неблагонамѣренный образ мыслей, был освобожден с условіем, что он не будет ничего говорить на засѣданіях Юридическаго Общества, в чем он и должен был дать подписку. И вот, когда на одном засѣданіи этого общества во время преній по какому то докладу М. М. Ковалевскій стал разносить одну статью Гольцева, присутствовавшій Гольцев встал и подал Ковалевскому записку, а Ковалевскій, взглянув в записку, поперхнулся и на полусловѣ прервал свою рѣчь. Гольцев написал Вы можете сколько угодно разносить меня, я не в состояніи вам

отвѣтить, ибо с меня взята подписка не выступать в Юридическом Обществѣ ни с какими рѣчами».

И все же капля долбила камень. Юридическое Общество несомнѣнно сыграло в то время не малую роль в дѣлѣ популяризаціи конституціонных идей в русском обществѣ. Даже по одной внѣшней обстановкѣ своих засѣданій оно могло служить своего рода школой гражданскаго воспитанія. Недаром предсѣдательствовал там С. А. Муромцев, которому чрез двадцать лѣт довелось стать предсѣдателем перваго русскаго парламента. Думаю, что вихрь послѣдующих событій не затуманил в памяти россіян величавый образ предсѣдателя первой Государственной Думы и то впечатлѣніе, которое он производил на всѣх своим предсѣдательствованіем. Помню, как один крестьянскій депутат первой Государственной Думы, любуясь предсѣдательствованіем Муромцева, сказал с умиленной улыбкой: «точно обѣдню служит».

Совершенное знаніе парламентских порядков и обычаев, величавое самообладаніе, строгая корректность всякаго слова и жеста и торжественная серьезность, от которой вѣяло высоким уваженіем к самой идеѣ народнаго представительства, — все это производило такое впечатлѣніе, как будто Муромцев весь свой вѣк провел в стѣнах парламента. А вѣдь роль предсѣдателя парламента досталась ему под самый конец жизни. Но он не был застигнут ею врасплох. Он с юности любил представительныя учрежденія; введеніе их в Россіи было его завѣтной мечтой, в осуществленіе которой он вѣрил, несмотря ни на что и готовился к этому вожделѣнному моменту. В его юношеском дневникѣ нашлась изумительная пророческая запись: «в таком-то году я окончу университет, потом сдѣлаюсь профессором; потом буду лишен каѳедры за политическую неблагонадежность и через нѣсколько лѣт буду предсѣдателем перваго русскаго парламента». И все сбылось по писанному.

В 80-х и 90-х годах минувшаго столѣтія Муромцев вел засѣданія Юридическаго Общества в небольшой круглой залѣ университетскаго правленія с точно такой же торжественной выдержкой, которой он впослѣдствіи плѣнял всѣх в громадной залѣ Таврическаго дворца. Живо помню, какое сильное впечатлѣніе произвело на меня то засѣданіе, на которое я впервые попал в Юридическое Общество студентом перваго курса. За столом сидѣли Ковалевскій, Янжул, Чупров, Гольцев, Звѣрев, Гамбаров и др. На предсѣдательском креслѣ возвышалась кра-

сивая фигура Муромцева. Блестя очками, он озирал собраніе. Докладывая текущія дѣла, он при чтеніи всякой бумаги вставал и начинал неизмѣнно одной и той же фразой: «имѣю честь доложить Обществу». Произносил он эту фразу артистически, тоном, в котором равномѣрно выражалось предсѣдательское достоинство и почтеніе к Обществу, которое он возглавлял. Без преувеличенія скажу, что звук этой фразы в єго устах доставил мнѣ тогда такое же наслажденіе, как самая восхитительная арія тогдашняго кумира москвичей пѣвца Хохлова. Слушая эти слова, наблюдая его манеру, я не то что разсудком сознавал, а инстинктом ощущал, в чем состоит отличіе общественнаго дѣятеля, несущаго общественную работу, и обывателя, ведущаго свои частныя дѣла. И то, как Муромцев произносил вышеприведенную сакраментальную свою фразу, и то, как он руководил преніями и формулировал их итоги, и то, как он вѣжливо и твердо остановил Янжула, гулким басом начавшаго было разговаривать с сосѣдом во время чтенія доклада, — как-то безотчетно и в то же время отчетливо раскрыло мнѣ многое в смыслѣ общественной дисциплины, в пониманіи существа общественной работы. Это был предметный урок, давшій мнѣ гораздо больше, нежели могли бы дать подробныя умозрительныя раз'ясненія. Возвращаясь домой с этого засѣданія, я как то сразу почувствовал, что во мнѣ прибавилось общественной зрѣлости.

Юбилейные банкеты служили тогда той отдушиной, в которую москвичи выпускали принудительно сдерживаемыя цивическія настроенія. Здѣсь громом апплодисментов покрывались рѣчи популярных застольных ораторов, которые дѣйствительно нерѣдко воспаряли на высоты истиннаго краснорѣчія. Необходимой принадлежностью каждой такой рѣчи являлся нѣкоторый оппозиціонный душок, достаточно прозрачный, чтобы вызвать в слушателях пріятное возбужденіе и, в то же время достаточно умѣренный, дабы пир не окончился бѣдою. Отправляясь на такой банкет, можно было заранѣе предвкушать удовольствіе от ѣдкой и пикантной рѣчи Гольцева, наполненной острыми шпильками по адресу вершителей русских судеб; от воодушевленной импровизаціи Чупрова, обвѣянной мягкой доброжелательностью и высоко настроенным чувством; от пылких воспоминаній о далеких временах Грановскаго и Герцена, которыя лились из уст убѣленнаго сѣдинами, но не старѣющаго душой Митрофана Павловича Щепкина. И удовольствіе слушателей достигало высшей точки,

если ко всему этому прибавлялось ювелирно-художественная рѣчь Ключевскаго, сверкающая поражающими сближеніями и отточенными афоризмами, и облекавшая в изумительно красивую форму тонкія струйки мефистофельскаго яда.

Эти банкеты доставляли участникам их хорошій психическій моціон, послѣ котораго, однако, наступал своего рода каценяммер в видѣ сознанія, что словами не сокрушишь стѣн Іерихона.

В общем на всѣх слоях мыслящей интеллигентной Москвы тяготѣло ощущеніе тяжелой придавленности, какой то никчемности существованія, суженности жизненнаго горизонта. Это обостряло «плѣнной мысли раздраженье», которое взрослые умѣли запрятывать вглубь души и которое у молодежи время от времени прорывалось в упомянутых уже выше «студенческих исторіях». Эти исторіи только и нарушали тогда тишь да гладь общественной жизни. Но болѣе подробная рѣчь о них еще впереди.

Я пытался набросать общую картину московской жизни того времени в самых крупных чертах ея, чтобы дать хотя нѣкоторое представленіе о той жизненной атмосферѣ, среди которой Московскій университет развертывал тогда свою учено-учебную работу. Войдем же теперь под кровлю Московскаго университета. В слѣдующих главах я предложу вниманію читателя свои студенческія воспоминанія.

А. Кизеветтер.

ПИСАТЕЛИ-МУЧЕНИКИ.

(Письмо Глѣба Успенскаго о цензурѣ)

Письмо Г. И. Успенскаго 15 марта 1888 г., адресованное А. М. Евреиновой, которая стояла во главѣ редакцiи «Сѣвернаго Вѣстника», и посвященное цензурѣ, представляет исключительный интерес.

Сколько мы знаем жалоб русских писателей на цензуру, из негодующих отрывков, их протестов. Но тут — крик наболѣвшей души писателя-мученика.

Это письмо Гл. Успенскаго является, быть может, одной из наиболѣе ярких страниц из тѣх, которыя в русской литературѣ посвящены гнету цензуры.

Мы воспроизводим это письмо со всей орфографической точностью подлинника, в виду писхологическаго интереса, который могут представить для бiографа Успенскаго сами ошибки и описки письма.

Л. Б.

Анна Михайловна! В послѣднiе дни «в городѣ» т. е. в кругу лиц, с которыми приходится встрѣчаться по всяким дѣлам и случаям, — ходят слухи о том, что Вы недовольны Сѣверным вѣстником и особэнно Н. К. Михайловским как виновником того, что содэржанiе С. Вѣстн. тускло нежизненно —незахватывает массы живых явленiй жизни о которых должно говорить *непремѣнно*.

Такая характеристика Сѣв. Вѣст. совершенно справедлива, и так его характеризуют ужъ давно многiе из числа сотрудников мало в немъ работающих. Так как я работал очень *часто*, и слѣдов. до нѣкоторой степени, в случаѣ неуспѣха С. Вѣстн. должен принять и на свою шею нѣкоторую долю вины, то вот я

и хочу обратить Ваше вниманіе на существенную причину неуспѣха (да правда ли еще это?) С. Вѣстн.

Искать «виноватаго», который бы собств. руками дѣлал неуспѣх вмѣсто успѣха, — это совершенно несправедливо. Я, мелкая сошка, — знаю по себѣ почему может *бледнѣть* не только журнал, а и цѣлый человѣк и вся его духовная дѣятельность. Я начал в Сѣв. Вѣстн. *ряд* разсказов «Хорошаго по немножку». И первая статья была зачеркнута цензурой *вся*; это заставило меня бросить весь заготовленный и обдуманный для очерков матерьял. Второй раз я начал *ряд* оч. под названіем «*Мечтаніе о трудовой жизни*». И первая статья была до того изуродована безбожно и безчеловѣчно, что и эту тему я бросил, и матерьялы разсыпались прахом по разным фельетонам. Только тогда я *скрепя сердце* рѣшился писать очерки под безсмысленным названіем *Кой-про-что*. Я всегда писал так, что начиная первый оч. знал какой будет и десятый. Тут в Сѣв. Вѣстн. я впервые перестал знать — что писать, стал постоянно *ослаблять* работу своей мысли, стал покоряться безобразіям цензуры и положительно махнул рукой, непротестовал ни словом, являясь перед моими читателями в самом изуродованном расплюевском видѣ. Есть корректуры на которыя страшно смотрѣть. Пять строк от конца одной главы — столько же от начала другой — соединялись метранпажем «ручным способом» и получалась *глава*. Это было полное униженіе, а чувствуя его в совѣсти, — небезпокойтесь, не процвѣтешь. Теперь вот с Жив. Циф.*) Конец послѣдняго очерка так изуродован, что мнѣ невозможно продолжать и я должен бросить писать то, что задумано или передѣлать и перекалѣчить все вновь для фельетонов.

Если от цензуры, от этой тюрьмы, — может бледнѣть и угасать изданіе, — то потому, что она же угасает и ум, мысль, талант писателя. Слѣдов. справедливость требует сожалѣнія к людям, которые сидят в этой тюрьмѣ.

Что, например, я мог бы сдѣлать для моих читателей (об их желаніях и отношеніях ко мнѣ вы знаете из адресов), если я, принимаясь за перо, должен думать только о том чтобы мое писаніе прошло? А вѣдь мнѣ теперь самая пора работать как слѣдует и дѣйствительно со всею искренностію! К Сѣв.

*) «Живыя цифры» — ряд очерков Гл. Успенскаго под этим общим заглавіем.

Вѣстн. я пристал потому, что натерпѣлся в барышническом кругу и потому что здѣсь можно было (казалось) дружнѣй работать, здѣсь больше литературнаго интереса. Матеріальной выгоды, — нѣт для меня никакой. Вездѣ я получал и получаю 250 р. за лист. В Рус. Вѣд. — 20 к. за строку, — больше чѣм в Сѣв. Вѣстн. Предполагалось, что все поправится и будет устранена главная язва, препятствующая успѣху журнала, — т. е. цензура. И вот оказывается, что виноваты кой какіе из главных сотрудников. Они виноваты тѣм, что добровольно подчинились лютому врагу, цензурѣ, и согласились на униженіе — являться перед читателями «не в своем видѣ». Это долго продолжаться не может. Еще год такой работы, — забудешь что такое и литература и жизнь и употребишь всѣ усилія чтобы писать так — чтобы ни чего не вышло.

Вот Вы и разсудите это серьезно. Какія такія свѣтила работают в Вѣстн. Европы например? Не будь *одной только живой* души Арсеньева*), — и что-бы он был? В Русской мысли также одна только *живая душа* — Шелгунов, — а вся та орда, которая осуждает литературу и сулит журавля в нєбѣ, — либо ничего не пишет, либо пишет то, что никто не читает. В Сѣв. же Вѣстникѣ собралось у Вас положительно все мало мальски талантливое и все это обречено изничтожиться, превратиться в ничто если будет свои произведенія носить в руки цензуры, т. е. литературной полиціи и добровольно просить ее запретить всякую свободную мысль.

Не сердитесь на это письмо, и не обижайте напрасно невиноватых, а если у Васъ есть возможность, связи, знакомства, — хлопочите о выходѣ из под цензуры и тогда дѣльныя статьи Н. Конст. (вродѣ ст. о Сергіевском**) — будут помѣщаться в С. Вѣс. вмѣсто пустяков. За дѣло примутся и всѣ Ваши сотрудники и будут работать гораздо лучше чѣмъ геніальные Воропановы или еще какіе там мужи. Всѣм есть что сказать и написать, — бѣда в том что именно этого-то и нельзя сдѣлать.

Не смѣю я входить, мѣшаться в Ваши планы. Я только хочу

---

*) К. К. Арсеньев, писавшій в теченіе многих лѣт «Общественную хронику» в «Вѣстникѣ Европы», гдѣ появились его критическіе этюды.

**) Статья Н. К. Михайловскаго — «Наука-ли?», посвященная книгѣ проф. Сергіевскаго «Наказаніе в русском правѣ». Статья появилась в «Сѣверном Вѣстникѣ».

сказать: увѣрены-ли Вы, что Сѣв. Вѣстн. оставаясь под цензурой, и обзаведясь какими либо новыми сотрудниками, будет имѣть больше успѣха чѣм теперь?

«Русское Богатство» не смотря на участіе Льва Толстого, — и на всевозможныя поддержки в денежном отношеніи, — умирает, п. ч. под цензурой, т. е. потому, что *обязано* (как и Сѣв. Вѣстн.) *неотвѣчать* на предъявляемыя обществом литературѣ требованія и может только ходить вокруг да около.

*Дѣло**) подцензурное, — также окончило свои дни поглотив множество денег напрасно. Напротив, плюгавый Наблюдатель**) — идет и умирать не хочет. Но он не под цензурой.

Нѣт Анна Михайловна! Оставьте напрасныя личныя для Вас непріятности и постарайтесь если можно искоренить главнаго виновника — цензуру. Вот хорошій журнал *Юрид. Вѣстн.****), — но он без цензуры. Словом, — что не возьми, все хорошо, когда миновало литературнаго околодочного и участка. Щедрин не пишет в Сѣв. Вѣстн. единственно только потому что он под цензурой.

Таким образом вот гдѣ *все горе* Сѣв. Вѣстн., Ваше и всѣх Ваших сотрудников и всѣх Ваших читателей.

Относительно всѣх сотрудников С. Вѣстн. могу сказать по совѣсти: всѣ дѣлали то, что только было возможно. И я вполнѣ увѣрен, что вы с этим согласитесь а потому и оканчиваю это письмо заявленіем Вам моего искреняго уваженія.

Г. Успенскій.

15 Март 88 г.

---

*) Журнал «Дѣло», издававшійся в 70-х и в началѣ 80-х годов; был закрыт в 1884 г.

**) Журнал «Наблюдатель», издававшійся под редакціей А. Я. Пятковскаго.

***) «Юридическій Вѣстник», издававшійся под редакціей С. А. Муромцева и при ближайшем участіи В. Гольцева; нѣсколько лѣт спустя был закрыт.

ВСТРѢЧА С В. КН. МИХАИЛОМ АЛЕКСАНДРОВИЧЕМ.

Около 15 іюня 1918 года я был проѣздом в Перми.

— Вы не хотѣли бы повидаться с великим князем Михаилом Александровичем? — спросил меня предсѣдатель мѣстнаго комитета партіи Народной Свободы г. Х., у котораго я остановился.

— А развѣ это возможно?

— Не знаю; попытайтесь. Он живет здѣсь в гостиницѣ. Иногда гуляет по городу. Кажется, время от времени у него бывают знакомые.

Увидѣть великаго князя мнѣ было очень интересно. Ведя перед тѣм в теченіе шестнадцати лѣт общественный фельетон в «Русском Словѣ», а затѣм в самое послѣднее время сотрудничая в «Русских Вѣдомостях», я никогда никого не интервьюировал, но этот случай был исключительным. Побесѣдовать с человѣком, незакономѣрно отказавшимся от незакономѣрно предложеннаго ему престола, увидѣть человѣка, от дѣйствій котораго в недавнем прошлом, может быть, в значительной степени зависѣли историческіе пути Россіи, — для журналиста было почти обязательно.

Я отправился по указанному мнѣ адресу:

«Сибирская улица, Королевскіе нумера».

«Королевскіе нумера» — это звучало гордо; зато от слов «Сибирская улица» вѣяло мрачным предзнаменованіем.

Впрочем, «Королевскіе нумера» оказались всего на всего нумерами в домѣ Королева, плохонькой провинціальной гостиницей.

Пребываніе в ней великаго князя и его двух спутников, о которых я скажу ниже, не мѣшало маленькой гостиницѣ функціонировать нормальным образом: входили и выходили жильцы и внутри не было никаких признаков охраны.

Г. Х. рекомендовал мнѣ обратиться с просьбой о свиданіи к секретарю великаго князя, Николаю Николаевичу Джонсону.

Я так и сдѣлал. Н. Н. Джонсон принял меня в своей комнатѣ, с уныло старой рыночной мебелью. В комнатѣ не было ничего, говорящаго об уютѣ, ни одной вещи, от которой не несло бы гостиничным штампом.

Я сказал своему собесѣднику, что не принадлежу к назойливой породѣ журнальных хроникеров; что если великій князь захочет меня принять — это не значит, что его бесѣда со мною непремѣнно появится в печати. Помѣщу я ее в газетѣ только в том случаѣ, если он ничего не будет имѣть против этого, и напечатаю лишь то, что он сам найдет возможным и желательным.

Н. Н. Джонсон отвѣтил мнѣ, что великій князь почти все это время — кажется около двух мѣсяцев — подвергался очень суровому режиму, что только совсѣм недавно ему предоставлена относительная свобода, и он, Джонсон, опасается, как бы свиданіе с журналистом не отразилось на судьбѣ узника.

Спорить против этого, конечно, не приходилось. Я был совершенно удовлетворен такими соображеніями, и просил только сдѣлать так, чтобы великій князь знал о моем приходѣ и подтвердил то, что сказал его секретарь.

Джонсон вышел и возвратился через пять минут. Великій князь рад будет принять меня не в качествѣ журналиста, а в качествѣ своего «стараго знакомаго», каким он считает меня, в продолженіи чуть ли не двадцати лѣт читая мои статьи.

Это было очень любезно. Однако, великій князь просил меня, если можно, отложить нашу бесѣду до половины второго (было около полудня) так как он скоро будет завтракать.

Возвратясь, я разсказал о моей попыткѣ предсѣдателю кадетскаго комитета. Он предложил мнѣ передать Михаилу Александровичу только что отпечатанную Комитетом партіи географическую карту Россіи в новых границах, установленных Брестским миром. На картѣ значилась прежняя и новая территорія Россіи.

— Возьмите три экземпляра: может быть, приближенные князя тоже заинтересуются.

К половинѣ второго, держа в руках свернутыя трубкой карты, я снова подходил к Королевским номерам.

У под'ѣзда гостиницы я увидѣл на этот раз одного или двух солдат-красноармейцев. Войдя в под'ѣзд гостиницы, я и там нашел солдат; поднявшись на слѣдующую площадку лѣстницы — тоже. Мелькнуло опасеніе, не попал ли я в ловушку и не

подвел ли того с кѣм иду бесѣдовать. Впрочем, на меня эти солдаты не обратили никакого вниманія, и я, свободно, как и в первый раз, увидѣлся с Н. Н. Джонсоном. Он меня принял в другом номерѣ гостиницы, ничѣм не отличающемся от его собственнаго, и познакомил с хозяином этого номера. Фамиліи его я не разслышал, а когда потом спрашивал кое-кого из могущих знать, кто находился в то время с князем, — мнѣ называли разныя фамиліи. Так я и до сих пор не знаю, кто был этот очень небольшого роста человѣк, с мало привлекательным чиновничьим лицом, почти все время молчавшій.

В комнатѣ, гдѣ я сейчас находился, очевидно, и происходил завтрак: на раскрытом карточном столѣ стояли три или четыре тарелки, покрытыя газетами, в них была недоѣденная пища; на одной из тарелок, из под газеты, я увидѣл куски чернаго хлѣба.

Кухня «высокаго узника» и его приближенных была болѣе чѣм скромная; это бросалось в глаза, и об этом я сужу еще по словам содержательницы музыкальнаго магазина в Перми, организовавшей тогда мои публичныя лекціи по литературѣ. Это была пожилая еврейка.

— Мы, евреи, — сказала она, — мало имѣем основаній питать нѣжныя чувства к царской фамиліи, но когда я вижу, как великій князь часами стоит «в хвостѣ», с кружкой в руках, чтобы получить пол фунта сметаны, — мнѣ плакать хочется.

Я не помню сейчас, о чем я, Джонсон и неизвѣстное мнѣ лицо бесѣдовали втроем в теченіе двух-трех коротких минут. Помню только, что мнѣ показалось неудобным входить к великому князю, находящемуся, собственно, в заключеніи, держа в руках сверток бумаг. Я думал, что это может показаться подозрительным и поэтому, сказав Джонсону, что это за бумаги, я спросил, не найдет ли он возможным передать их при случаѣ?

— Да вы сами и передайте, — отвѣтил он таким тоном, точно ни о какой неволѣ и помину не было.

И мы втроем направились в комнату, которую занимал Михаил Александрович. Эта была значительно больше тѣх двух, которыя я уже видѣл, но так же жалко, по казенному меблирована.

Из собственных вещей ея обитателя здѣсь были лишь натянутыя на колодки двѣ пары сапог для верховой ѣзды, да на столѣ стояло два очень скромных вазона цвѣтов.

Когда мы вошли в комнату, в противоположном концѣ ея быстро поднялся со стула высокій, стройный человѣк, быстро подошел ко мнѣ, протянул руку:

— Вы только что из Москвы?

И спросил он так, как будто бы в самом дѣлѣ мы были старыми, престарыми знакомыми, многократно вели привычныя, долгія бесѣды и встрѣчаемся послѣ разлуки. Много привѣтливости и как будто бы радости было в его голосѣ. Он казался гораздо моложе своих лѣт. Одѣтый в лѣтній свѣтлый спортсмэнскій костюм, с поясом вмѣсто жилета, гибкій и тонкій, он производил впечатлѣніе почти юноши. Правда, на темени была нѣкоторая проплѣшинка, но высокій рост Михаила Александровича позволял ее видѣть только тогда, когда он наклонял голову.

Один за другим он начал задавать мнѣ вопросы; оживленно, быстро; очень внимательно выслушивал мой разсказ, и походило на то, словно я пріѣхал из его родного дома, гдѣ он давно не был и гдѣ за это время произошло много интересующих его событій.

Таким образом, вмѣсто того, чтобы слушать, как я это предполагал, я оказался в роли повѣствователя. Поразсказать, конечно, было о чем. Переживавшееся тогда время характеризовалось полной неопредѣленностью дозволеннаго и запрещеннаго: еще на митингах можно было произносить страстныя рѣчи против большевиков, но всѣ и каждую минуту находились в ожиданіи всяких расправ, за какую угодно вину и безо всякой вины. Еще продолжали выходить прежнія «буржуазныя» газеты, но на них уже обрушился цѣлый ряд кар. Чуть ли не наибольшая в Европѣ типографія Сытина, гдѣ печаталось до этого времени «Русское Слово», была реквизирована. Большевики печатали там свои «Извѣстія» на огромных запасах чужой бумаги, которую они, расходуя, в то же время заложили в банкѣ за два с половиною милліона. «Русскія Вѣдомости» — газета, которую никогда не рѣшалось тронуть даже самодержавное правительство, считаясь с исключительным уваженіем, которое она завоевала в странѣ, — были закрыты, и, послѣ больших усилій, возродились под пикантным названіем «Свободныя Вѣсти».*) Еще функціонировали политическія партіи, но чуть

*) За точность названія не ручаюсь, но ручаюсь за его смысл.

не ежедневно на них совершались набѣги, происходили обыски, аресты, высылки, разстрѣлы. Террор еще не был возведен в стройную послѣдовательную систему, но постоянно проявлялся и всѣ чувствовали себя в положенiи попавшаго в капкан животнаго: вот-вот явятся и расправятся. Повсечасное ожиданiе ужасов создавало в населенiи тупую, оскорбительную покорность. Она усилилась еще и с большим трудом избытой холодной зимою без дров, с замерзающей в комнатах водою и с голодом (паек отвратительнаго суррогата чернаго хлѣба в ⅛ фунта был не всегда обезпечен), и неизбѣжным стоянiем по многу часов в «хвостах», и всею полнотою развала прежней культурной жизни.

Обо всем об этом я разсказывал, передавая наиболѣе выдающiеся эпизоды.

Бесѣда шла так просто и непринужденно, что минут через десять послѣ начала ея я с удивленiем замѣтил, что сижу, как и мои собесѣдники, заложив ногу на ногу. Я менѣе всего, конечно, склонен был проявлять фамильярность по отношенiю к человѣку, вчера бывшему окруженным всяким угодничеством и сегодня безопаснаго для ослиных копыт. Непринужденность наших поз свидѣтельствовала только о непринужденности и искренности общаго настроенiя.

Зашла рѣчь о том, что дѣлают большевики в области религiи. Как раз за двѣ недѣли перед этим, во время первомайскаго праздника, они завѣсили красным кумачем висящiя на кремлевских стѣнах двѣ наиболѣе чтимыя Москвой иконы: Божiей Матери и Николая угодника. Члены церковнаго собора отправились тогда к большевикам с просьбой «распечатлѣть» ни в чем неповинныя святыни. Просьба была удовлетворена только наполовину: с иконы Богородицы кумач был снят, изображенiе же святого осталось попрежнему завернутым в матерiю.

Во время прохожденiя произошел странный случай: икона освободилась из своей кумачевой тюрьмы. Одни говорили, что рѣзкiй и холодный вѣтер дувшiй в тот день, разорвал кумач с помощью остраго металлическаго стержня, в который надѣвалась лампадка; другiе увѣряли, что видѣли, как по матерiи в разныя стороны поползли, словно змѣйки, линiи тлѣнiя, и она разсыпалась.

Было ли это случайностью, или искусно придуманной хитростью — не знаю, но факт был на-лицо; он произвел, конечно, огромное впечатлѣнiе на народ. В послѣдующiе дни к иконѣ

стали собираться огромныя массы людей, начали служить молебны, а совѣтская власть разгоняла толпы выстрѣлами, впрочем, кажется, только в воздух.

Великій князь (котораго, кстати сказать, я во время бесѣды не называл этими словами и не титуловал, ограничиваясь употребленіем личнаго мѣстоименія множественнаго числа), — великій князь слушал этот разсказ с особенным волненіем, потом вскочил со стула и вскрикнул:

— Они поступают и глупо и подло!

В этом восклицаніи было много непосредственности, прямоты, честности, но и сказывалась как будто наивность, импульсивность, характеризующая обыкновенно слабую волю.

Такое же глубокое волненіе вызвала в Михаилѣ Александровичѣ и географическая карта послѣбрестской Россіи. Было очевидно, что этот человѣк любит родину, может быть, даже больше, чѣм любит ее всякій хорошій гражданин. Чувствовалось, что к общегражданской любви здѣсь присоединяется и еще нѣчто. Что именно? Впитанное ли вѣками сознаніе своего провиденціальнаго отношенія к этой странѣ? Чувство ли личной отвѣтственности, в связи с отказом принять на себя власть? Ощущенія ли вотчинника при видѣ уничтоженія взбунтовавшимися рабами его «собственной» земли? — Кто знает? Но чувство было яркое и искреннее.

Наконец, мнѣ удалось перевести бесѣду на событія, окружающія моего собесѣдника. Разсказывать начал он. В его разсказы врывался Джонсон; он дѣлал это очень часто, подчас он почти безцеремонно возражал великому князю. Мнѣ казалось это несогласным не только с каким бы то ни было этикетом, но и просто с отношеніем к лицу, находящемуся, как-ни-как, в исключительном положеніи.

Михаил Александрович разсказывал о том, как с момента взятія его большевиками с ним обращались грубо и жестоко; как ему ежедневно угрожали тюрьмою, примѣняя суровый режим, грозили расправой. Говорил он обо всем этом безо всякаго волненія или раздраженія, мягко, спокойно и очень кротко.

— Только в самое послѣднее время этот режим значительно смягчился для меня. Нѣт прежняго строгаго наблюденія; разрѣшены прогулки; на днях ко мнѣ приходила гимназистка приглашать на свой спектакль, и я был в театрѣ.

Однако и теперь великій князь должен ежедневно являться

«по начальству» и докладывать, что он имѣется на-лицо. Вся корреспонденція передается ему распечатанной; от своих из Екатеринбурга он давно уже не имѣет извѣстій, и это его очень безпокоит. Говоря о том, что происходит в странѣ и какія формы приняла революція, Михаил Александрович сказал:

— Я и в то время был убѣжден, что должен отказаться от престола, хотя не мог предвидѣть, что событія примут такой характер; теперь же я с каждым днем все больше убѣждаюсь в правильности своего рѣшенія.

С таким взглядом недавняго кандидата на престол совершенно не был согласен Джонсон, и он разсказал о том, при какой обстановкѣ произошел окончательный отказ великаго князя:

— Послѣ бесѣды с общественными дѣятелями, из которых, как извѣстно, одни стояли за отреченіе от престола, а другіе — за принятіе власти, было рѣшено, что на другой день всѣ отправятся к военному министру, и там этот вопрос рѣшится окончательно.

— В Петроградѣ, — продолжал Н. Н. Джонсон, — в это время было уже очень неспокойно, шла перестрѣлка, поѣздка представлялась небезопасной, и я отправился вперед для того, чтобы по возможности устранить эти опасности. К удивленію, я узнал, что ни одно из лиц, которыя должны были ѣхать с великим князем к министру, не явилось: один оказался занят каким то экстренным дѣлом, точно в этот момент могло быть какое нибудь дѣло, болѣе экстренное, чѣм вопрос о престолѣ, другой был слишком утомлен и т. д. Великій князь отправился к министру один, и результатом их бесѣды было окончательное отреченіе от престола. Я убѣжден, что если бы эти люди не покинули его высочество — результат бесѣды у министра был бы иным, и вмѣстѣ с тѣм иным был бы и весь ход событій.

Михаил Александрович слушал эту рѣчь своего секретаря с ласковой, добродушно-иронической улыбкой и в мѣстах наиболѣе категорических утвержденій отрицательно качал головой. Однако, он не прерывал говорившаго ни одним словом, и было до странности много терпимости и доброты во всем его обликѣ.

В поведеніи Джонсона меня удивило не только то, что он находил возможным спорить с великим князем по поводу таких вопросов, как отреченіе от престола, да еще в присутствіи журналиста; меня поразила и еще одна черта: это было, когда я уже поднялся уходить, на прощаніе договаривалось недого-

вореніе, вспоминалось то, чего обѣ стороны не успѣли досказать. Джонсон вдруг обратился ко мнѣ:

— Распускают слухи, будто бы великій князь нервно болен; вот вы провели в бесѣдѣ с ним около трех часов; скажите сами: замѣчаете ли вы слѣды какой либо повышенной нервности?

Нужно было много выдержки для того, чтобы не выразить изумленія по поводу такого болѣе чѣм неделикатнаго обращенія. Другими словами это можно было перевести:

— Скажите искренно: кажется ли вам великій князь сумасшедшим, или вы считаете его здравомыслящим?

Никакой нервности, ни повышенной, ни самой обычной я в чем не находил. Восклицаніе, о котором я упомянул выше, было слишком естественным; волненіе, с которым он слѣдил за моим разсказом, нисколько не было обострено; оно вполнѣ вызывалось сущностью бесѣды; наоборот, человѣк, менѣе воспитанный, не привыкшій всегда ограничивать свои чувства рамками этикета, проявил бы их гораздо рѣзче и непосредственнѣе.

Однако, вопрос был задан, и великій князь стоял передо мною с тою же доброй ласковой улыбкой, которая была преобладающим выраженіем на его лицѣ во время всей бесѣды, и словно ожидал отвѣта.

Я отвѣтил великому князю, что удивляюсь только тому, что, несмотря на все происшедшее, ему удалось сохранить такую полноту уравновѣшенности, и что я не вижу никаких признаков нервности.

Повторяю, я совершенно не умѣю понять, как не только человѣк того круга, к которому вѣроятно принадлежал Джонсон, но просто деликатный человѣк мог задать подобный вопрос. Если что могло вызвать сомнѣніе в состояніи «нервной системы» великаго князя, то единственно возможность постановки этого вопроса.

Невольно напрашивалась мысль о провокаціи; приходила в голову мысль о том, что Михаил Александрович окружен недостаточно надежными друзьями.

Я предполагал дней через десять послѣ этого снова вернуться в Пермь, чтобы прочесть здѣсь и в сосѣдних городах нѣсколько публичных лекцій. Михаил Александрович разспросил меня о темах их, и послѣдними словами его, когда я выходил из комнаты было:

— Непремѣнно буду на ваших лекціях.

Бесѣда наша продолжалась почти три часа.

— Вы знаете, — сказал я, — что сейчас нельзя всего этого напечатать, а с другой стороны было бы слишком самонадѣянно положиться на свою память, — разрѣшите ли вы мнѣ занести то, о чем мы говорили, в мою записную книжку?

Я получил немедленное и как бы устремленное согласіе; Бесѣда была в тот же день мною записана; двумя-тремя буквами каждое слово, так что возстановить ее мог только один я, но за то я мог возстановить ее и подробно и вполнѣ точно. Пріѣхав в Москву, я положил книжку в письменный стол и дня через два снова уѣхал из города. А в мое отсутствіе у меня был произведен обыск и выемка, на которые я совершенно не разсчитывал: своих взглядов я не только не скрывал, но всячески старался открыто распространять их: писал статьи, выступал с публичным словом — одним словом, жил в стеклянном домѣ, и искать у меня было нечего.

Обыск я могу приписать только личной мстительности большевиков: чуть ли не наканунѣ его под моим предсѣдательствованіем прошло общее собраніе Московскаго общества дѣятелей періодической печати и литературы, на котором мы исключили из состава общества неистовствовавшаго над прессой комиссара по дѣлам печати Подбѣльскаго (бывшаго хроникера «Русскаго Слова»), исключили точно также комиссара по иностранным дѣлам профессора Фриче и поставили на вид поэту Валерію Брюсову всю двусмысленность его положенія на службѣ у большевиков, в качествѣ — в то время — аполитичнаго регистратора выходящих в свѣт книг и журналов.

Свидѣтели обыска мнѣ передавали, что записную книжку изслѣдовали очень долго, и хотя даже приблизительно не могли добраться до того, в чем именно заключалась бесѣда, но с кѣм происходила эта бесѣда — они поняли. В то время большевики были увѣрены, что партія Народной свободы мечтает посадить великаго князя Михаила Александровича на престол, и так как мои поѣздки по Россіи совершались по порученію партіи — для установленія общенія между губернскими комитетами, и бумаги, в которых комитет предлагал мнѣ поѣздки, лежали на столѣ, то этому всему, повидимому, было придано большое значеніе.

Ѣхать снова в Пермь мнѣ уже не пришлось: за мною была устроена облава.

Великій князь исчез из Перми через двѣ недѣли послѣ того, как мы видѣлись.

Сейчас, через пять лѣт, не имѣя никаких записей, я боюсь быть неточным и считаю возможным сообщить об этом свиданіи только в самых общих чертах, скорѣе, впечатлѣніе от бесѣды, чѣм самое бесѣду.

Сергѣй Яблоновскій.

БѢЛЫЕ ТЕРРОРИСТЫ.[1])

С начала 1918 года в Петербургѣ возникает цѣлый ряд заговоров против большевиков, существованіе которых, впрочем, большей частью было непродолжительным. Мнѣ лично пришлось участвовать в 3-х таких организаціях, а в одной из них быть и в числѣ ея основателей. Первая возникла 1-го января и, будучи самой мощной из всѣх, прекратила свое существованіе в концѣ марта. Причиной гибели явилась болтливость, неумѣлое обращеніе с деньгами, разбрасываемыми понапрасну, что и «развратило» часть членов ячейки. Попытки вернуть организацію к жизни не дали положительных результатов, и она уступила мѣсто новым.

В маѣ того же года я был приглашен через Л. А. Канегиссера (тогда еще незнакомаго мнѣ) к «одному генералу», будто бы «много слышавшему» обо мнѣ. Роль опытнаго заговорщика, которую мнѣ приписывали, конечно, была для меня не по силамъ, но любопытство взяло верх, и, в одно прекрасное утро, я предстал пред очами ген. N[2]). Послѣ довольно внушительной рѣчи на тему о современном положеніи и о том, что имъ предположено сдѣлать, я узнал, что ген. N. разсчитывает, при помощи рабочих, произвести переворот, и что во главѣ всей организаціи, замышляющей этот переворот, будто бы, стоит ген. Лечицкій. Мнѣ тогда же была предложена роль коменданта и самостоятельнаго организатора возстанія в раіонѣ, омываемом Невой и Фонтанкой. От участія в этом предпріятіи я, однако, отказался.

Проявив себя неудачным красносельским возстаніем полк. Морена в іюлѣ этого же года, организація тотчас же прекратила свое существованіе. Завязавшееся благодаря этой ячейкѣ знакомство с Канегиссером и дальнѣйшія встрѣчи дали мнѣ возможность ближе узнать и полюбить эту прямую и честную на-

---

[1]) Рукопись получена редакціей от В. Л. Бурцева.
[2]) Один из молодых генералов, служащих нынѣ не за страх, а за совѣсть большевикам.

туру. На борьбу с большевиками он смотрѣл, как на святой подвиг, и был готов пожертвовать жизнью в этой борьбѣ, что он впослѣдствіи и доказал на дѣлѣ. Незадолго до его прихода ко мнѣ, я встрѣтился с Филоненко, с которым мнѣ приходилось работать еще в первой организаціи. Он развивал теорію борьбы с большевиками путем террора и предложил мнѣ ближе познакомиться с ней, поговорив с одним молодым человѣком, так как он сам временно уѣзжал в Москву, на свиданье с Савинковым, организовавшим там террористическіе акты. Тогда я не воспользовался этим предложеніем; молодым же человѣком, как оказалось впослѣдствіи, и был Канегиссер. Мой отказ работать в организаціи ген. N его огорчил; сознаваясь в том, что у них нѣт денег, он, горячо вѣря в людей, доказывал, что можно работать и без средств, так как на призыв во имя Родины откликнутся широкія массы. Послѣ этого я потерял его из виду, но снова встрѣтился в концѣ мая, в Таврическом клубѣ, гдѣ бывал почти ежедневно. Он предложил мнѣ вступить в террористическую организацію, возглавляемую М. М. Филоненко, цѣлью которой было истребленіе видных большевицких дѣятелей.

На другой же день я пошел для переговоров к Филоненко. В это время, в цѣлях конспираціи, он уже имѣл нѣсколько квартир и рѣзко измѣнил свою внѣшность, отпустив бороду и усы. Слова Филоненко о необходимости террора были так ярки, доводы так убѣдительны, что я, не колеблясь, согласился стать в ряды активных работников. Кромѣ Филоненко, в организацію входил Канегиссер, студент Г. , семья котораго была разстрѣлена Урицким, и еще один господин, собственник автомобиля, котораго назову г. Х. Тогда же было рѣшено начать слѣжку за Урицким, бывшим тогда предсѣдателем Всероссійской чрезвычайки и являвшимся одним из столпов Сѣверной коммуны. Как оратор, Урицкій почти не выступал, но как предсѣдатель Ч. К. он, обладая желѣзной волей, дьявольской проницательностью и абсолютным отсутствіем нервов, был по своему «незамѣним».

Я предложил принять в организацію моего друга адвоката К., который и был принят на роль вспомогательнаго сотрудника и должен был доставать бензин для машин и предоставить свою квартиру для сборов организаціи.

Было начало іюня. Слѣжка подвигалась медленно. Хотя Канегиссеру и удалось прослѣдить Урицкаго до его квартиры

на 11 линіи В. О., но оказалось, что он почти не бывал дома, оставаясь даже ночевать в Ч. К. Вторым препятствіем являлась малолюдность улицы. Я выходил на слѣжку нѣсколько раз в роли разносчика папирос, но безрезультатно, и первоначальный план — убить Урицкаго у его квартиры — нам пришлось оставить. Вскорѣ через Филоненко были получены свѣдѣнія, что Урицкій ѣдет на совѣщаніе в Москву. Эти свѣдѣнія ему удалось добыть, пробравшись под видом маляра в самую Ч. К. Послѣ цѣлаго ряда предположеній, остановились на слѣдующем: к отходу поѣзда Канигиссер должен был пробраться на платформу и ждать Урицкаго у вагона, Г. у главнаго входа в Николаевскій вокзал, я у входа на платформу со стороны Лиговки, Филоненко же должен был ходить межу нами тремя. Автомобиль предполагалось поставить на углу площади и Лиговки, чтобы воспользоваться им, если не удастся сразу же скрыться в толпѣ.

Заняв пост с 4-х часов, я бродил по своему участку, но Уриц .аго все еше не было. Стрѣлки на часахъ ползли медленно, поѣзда уходили. Было уже почти 6 часов. Я собирался уходить, — как вдруг увидѣл Филоненко, который сообщил, что в послѣднюю минуту выяснилось, что Урицкій не ѣдет. Эти же свѣдѣнія принес и Канегиссер, которому также надоѣло безплодное ожиданіе, и он обратился за справкой к какому-то комиссару. Покушеніе не удалось и снова нѣсколько дней прошли для нас в полном бездѣйствіи.

В это время начались аресты членов нашей первой организаціи, и мнѣ пришлось ночевать у К., что было особенно удобно, так как в его квартирѣ была наша база и происходили постоянныя совѣщанія.

На одном из совѣщаній Филоненко было предложено нѣсколько измѣнить тактику. Представлялась возможность произвести террористическіе акты над цѣлой группой лиц. Филоненко удалось достать 5 баллонов с синильной кислотой, которые, по его плану, должны были быть разбиты на предполагавшемся в скором времени Всероссійском с'ѣздѣ совдепов, результатом чего явилась бы смерть если и не всѣх, то большинства собравшихся. При этом, конечно, такая же участь постигла бы и нас. Мнѣ этот план был по душѣ.

Террористическіе акты в отношеніи отдѣльных лиц, как показал опыт, требовали много времени, а кромѣ того постоянно приходилось сталкиваться с непредвидѣнными препятствіями.

Наконец,—дѣйствуя в узком масштабѣ,—мы добивались только репрессій со стороны противников, но не смогли бы их даже устрашить. Я и раньше доказывал необходимость болѣе широкаго образа дѣйствій, но этого не допускала малочисленность организаціи, пополнить которую, при инертности общества, было трудно, тѣм болѣе что наряду с нами работали и другіе, как в Питерѣ, так и в Москвѣ, гдѣ в это время Савинков организовывал покушеніе на Ленина и Троцкаго.

Первым дѣлом рѣшено было добыть мандаты на с'ѣзд. Это не составляло особаго труда и за это взялся Филоненко. Затѣм пришлось перевозить и прятать баллоны. Обращеніе с ними требовало осторожности; они легко могли разорваться от толчка или при температурѣ выше 22-х градусов. Оставить их на квартирѣ у Филоненко, гдѣ они хранились все время, было невозможно; за ним и за его квартирой уже начали слѣдить. Их перевезли к К, который и спрятал их в несгораемый шкап. Все начинало налаживаться; вѣра в удачу крѣпла, и я с нетерпѣніем ждал дня, когда удастся избавить Россію, по крайней мѣрѣ, от нѣскольких сот крупных мерзавцев. Правда, помимо самой цѣли привлекал еще и риск, и та напряженность, которые были неразрывно связаны с нашей работой. Для Канегиссера же это было вопросом жизни и чести.

На другой день, это было во второй половинѣ іюня, мы опять собрались у К. Здѣсь в гостях были З. и Р. (члены спортивнаго кружка). К., вернувшійся домой около 11 часов, сообщил, что убит комиссар по дѣлам печати Володарскій и что стрѣлявшій в него успѣл скрыться. По нѣкоторым данным и здѣсь было ясно участіе Филоненко. Поиграв в бридж, «заговорщики» разошлись. Остались ночевать только З. и я. Было 3 часа ночи; мы собирались ложиться спать, как раздался сильный звонок и стук в парадную дверь. На вопрос К. «кто стучит?» из-за двери отвѣтили: «откройте, с обыском». Блѣдный и растерянный К. опустился на стул от испуга. Его, обыкновеннаго обывателя, судьба заставила подняться по лѣстницѣ политических заговоров.

Он при первом же столкновеніи с опасностью растерялся и совершенно не смог владѣть собой. Однако бѣжать было поздно и некуда. Открыв дверь, я впустил комиссара, двух красноармейцев и предсѣдателя домового комитета. Перешли в кабинет и начался допрос сначала К—а, как хозяина, потом нас. Мы ска-

зали, что были в гостях, остались ночевать из-за поздняго времени и пред'явили свои документы. Я — свой отпускной билет, сроком на три мѣсяца, от ноября 17 г., давно уже не имѣвшій никакого значенія, — но комиссар был им вполнѣ удовлетворен.

На нашу просьбу отпустить нас домой, комиссар позвонил по телефону к Урицкому, который приказал «прихватить» нас с собой. Приходилось покоряться и, устроившись на диванѣ, мы закурили. Обыск тѣм временем начался и шел своим чередом. На дворѣ уже совсѣм разсвѣло, когда он приходил к концу, не дав никаких результатов, пока очередь не дошла до несгораемаго шкапа. Трясущимися руками К. открыл его и оттуда был извлечен завернутый в бумагу и завязанный ящик. Едва отвѣчая на вопрос, что в нем находится, К. сказал, что ящик ему принесен аптекарем, который предупредил, что в нем ядовитыя вещества. Красноармейцы принялись энергично его распаковывать, а К., блѣдный как смерть, дрожащим голосом умолял их быть осторожными и, наконец, не выдержал, подошел к окну, открыл форточку, ссылаясь на духоту, думая этим предотвратить опасность.

Тогда я заявил, что будучи химиком по образованію, я знаю навѣрное, что только сильные яды держат в запаянных сосудах и попытка открыть их должна привести к неминуемой смерти. Послѣднее вѣроятно не входило в интересы комиссара.

Обыск кончился.

Нас посадили в автомобиль, красноармеец с ящиком сѣл рядом с шоффером, что всю дорогу безпокоило К. В скором времени мы прибыли на Гороховую 2, в Чрезвычайку. Пройдя мимо ряда пулеметов во второй этаж, мы вошли в большую комнату, выходившую окнами в Александровскій сад. Она была раздѣлена стойкой на двѣ части: меньшая — для публики, большая — для канцеляріи. На стойку поставили наш ящик, тут же были драгоцѣнности, вина, оружіе, мануфактура и т. д., повидимому тоже трофеи обысков. Вслѣд за нами ввели нѣскольких лиц, по подозрѣнію в убійствѣ Володарскаго, и, путая с ними, нам все время угрожали разстрѣлом. Судьба часто играет людьми, — охотясь столько времени за Урицким, мы сидѣли, наконец, арестованные под угрозой разстрѣла, в ожиданіи его допроса.

Наконец, вызвали и куда-то увели К., через полчаса за ним послѣдовал З. и очередь дошла до меня. Пройдя двѣ комнаты,

я очутился в небольшом кабинетѣ, в одно окно. Налѣво, в углу, сидѣл красноармеец с винтовкой, вдоль правой стѣны стоял стол с телефонами; за ним сидѣл маленькаго роста брюнет, в пенсне, с тяжелым, проницательным взглядом. Он молча указал мнѣ рукой на кресло, я сѣл.

— Кто вы такой? — спросил Урицкій.

— Капитан л-гв. Преображенскаго полка.

— Отчего вы были у К.?

— Мы с ним друзья по тенис-клубу и артистическому кружку.

— Вы Филоненко, он же Мухин, он же еще кто-то, такой красивый, вы его знаете?

Я сдѣлал вид, что вспоминаю, а затѣм наивным тоном сказал:

— Знаю, он был верховным комиссаром при Корниловѣ, я даже его портрет видѣл.

Урицкій молча и внимательно посмотрѣл на меня.

— П . . . . знаете?

— Конечно, мы одного полка.

— Каких он взглядов?

— Довольно таки лѣвых.

— М . . . . знаете? (М . . . . . был послѣдній предсѣдатель полкового комитета; дѣйствительный статскій совѣтник, он добровольно поступил в полк солдатом, чтобы вести организаціонную работу).

— Тоже однополчанин, знаю.

— Каких он взглядов?

— Он правѣй П . . . . .

— А вы каких взглядов?

— Какіе теперь могут быть взгляды, когда ѣсть нечего?

Как понял меня Урицкій, я не знаю, да и я сам впослѣдствіи не понимал, что хотѣл этим сказать.

— Что вы дѣлали у К.?

— Играли в бридж.

— И часто вы там бываете?

— Часто; у нас бывают спортивныя и театральныя засѣданія.

— Какіе же разговоры вы ведете?

— Спортивные, о театрѣ.

— И за бриджем вы ведете спортивные разговоры?

— Нѣт, за бриджем — бриджевые.

Опять пристально-пронзительный взгляд. Я отвѣтил ему наивным. Он не выдержал и отвел глаза.

— Можете итти.

Обрадованный, я быстро спросил:

— Домой?

— Нѣт, в камеру; дома мы у вас и без вас побываем.

Дома же у меня были 3 винтовки, рѐвольвер, патроны и много разных кинжалов.

— Не разрѣшите ли вы мнѣ позвонить домой, чтобы предупредить мать, чтобы она не безпокоилась обо мнѣ?

— Нѣт, но написать можете, — отвѣтил Урицкій и предупредительно протянул лист бумаги и карандаш.

— Я могу послать матери деньги?

— Можете.

В письмѣ я написал, чтобы дома отдали комиссару 3 винтовки и не безпокоились.

— А тѣ, которые пойдут с обыском, не утаят мои деньги? — спросил я.

— Можете быть спокойны.

— Еще одна просьба, — не посылайте обыска ночью, чтобы не напугать домашних.

— Хорошо.

— А скоро меня выпустите?

— Когда выяснятся ваши спортивныя отношенія к К.

Меня повели по черной лѣстницѣ в канцелярію коменданта. Странно было то, что меня за все время ни разу не обыскали, а я, забыв револьвер дома, не смог воспользоваться таким удобным случаем, когда убить Урицкаго ничего не стоило. Это отсутствіе обыска было тѣм болѣе странно, что при одном моем движеніи опустить руку в карман за платком Урицкій весь передернулся и насторожился.

В Ч. К. было двѣ камеры: верхняя и нижняя. Меня помѣстили в послѣдней. Камера была шагов 15 длины и столько же ширины. Единственное окно ея вело во двор, а дверь — в маленькую комнату, гдѣ помѣщался караул. Я вошел когда раздавали обѣд; получив свою порцію — малосъѣдобный суп из соленой рыбы и четверть фунта хлѣба, я быстро покончил с ней и начал оглядываться. Всего в камерѣ было человѣк 60. Ни К — а, ни З. в камерѣ не оказалось, их помѣстили в верхней, но зато к моему удивленію на одной из кроватей я увидѣл

N. Это был мало-симпатичный человѣк, с которым, однако, мнѣ приходилось встрѣчаться и раньше, работая в других организацiях. Его арестовали и увезли той же ночью, не тронув и даже не разбудив ген. X, который у него ночевал и был одним из столпов заговора в Петербургѣ. Причина его ареста, повидимому, не имѣла отношенiя к организацiи. В числѣ арестованных был и ближайшiй помощник ген. X, полковник Вакуловскiй (он же Адлер), котораго Урицкiй постоянно вызывал на допрос. Он 3-iй день голодал, говоря, что этим хочет добиться или смерти, или освобожденiя. О нем еще раньше ходили слухи, что он провокатор, но ген. X, всецѣло ему довѣряя, не хотѣл ничего слушать. Через нѣсколько дней послѣ моего прибытiя он был выпущен, а еще через недѣлю убит на островах полковником У. за предательство.

В числѣ арестованных в нашей камерѣ были сенатор Кутлер, писатели Брешко-Брешковскiй и Амфитеатров, ген. Арсеньев, ген. Раух, много офицеров, адвокатов, комитет минной дивизiи, ряд видных рабочих, подозрѣваемых в убiйствѣ Володарскаго, мой прiятель англiйскiй офицер Гольдингер, нѣсколько членов нашей январьской организацiи, нѣсколько мелких воров, которых всѣ уже знали и даже знаменитый налетчик «Черный капитан», уже два раза уходившiй с Гороховой, о чем каждый раз предупреждал, а однажды умудрившiйся увести с собой и слѣдователя, который позволил себѣ грубость в отношенiи его жены.

Одним словом, большее разнообразiе по составу, чѣм наша камера, трудно себѣ представить. Напротив нашей была женская, рядом с ней отдѣльная, гдѣ помѣщалась арестованная гр. Брасова, жена вел. кн. Михаила Александровича.

Условiя жизни были сносныя, мы могли получать из дому посылки, посылать за покупками, часовые относили наши письма и доставляли отвѣты. У нас были книги и шахматы.

Прошло 3 дня. Многих за это время вызывали к допросу, перевели в «Кресты». Я знал, что обо мнѣ хлопочут через германское и шведское посольство. Наконец, к концу пятаго дня меня снова повели к Урицкому.

— Я вас освобожу, если вы дадите подписку не заниматься контр-революцiей и не служить в красной армiи, — сказал мнѣ Урицкiй.

— Чтобы ее не разлагать, — добавил он еще не предпола-

гая, что этим он натолкнул меня на дальнѣйшую работу. Дав подписку, я быстро вышел из кабинета, совершил ряд формальностей и вмѣстѣ с З. и сыном ген. Рауха очутился на улицѣ.

На душѣ было свѣтло и радостно.

Казалось, что мы воскресли из мертвых. К. остался в Ч. К. он запутался на допросах, затѣм был переведен в «Кресты», гдѣ он сидѣл еще в сентябрѣ мѣсяцѣ. Дальнѣйшая судьба его мнѣ осталась неизвѣстна.

Послѣ выхода из Ч. К. я не принимал уже активнаго участія в организаціи, так как вскорѣ уѣхал из Петербурга. Работа же там шла своим чередом. Канегиссеру, наконец, удалось прослѣдить Урицкаго и при выходѣ послѣдняго из автомобиля у самой Ч. К. он убил его 4-мя выстрѣлами в упор. Затѣм, вскочив на велосипед, Канегиссер пытался скрыться. Ему удалось доѣхать до Милліонной улицы, войти в один из домов, гдѣ он должен был переодѣться, но тут его уже успѣли прослѣдить и арестовали. Никого не выдав на допросах, он через нѣсколько дней был разстрѣлен. Так погиб один из лучших людей, вѣрный своему долгу и любви к Родинѣ. Убійство Урицкаго, покушеніе на Зиновьева, когда была брошена бомба в Асторію, убійства ряда мелких дѣятелей, организатором которых был Филоненко, привели к массовым арестам и страшному террору в Петербургѣ, т.е. к тому, чего я боялся и с чѣм не хотѣл считаться Филоненко.

Впрочем, для большевиков это не прошло безнаказанно. Красный террор пробудил к жизни тѣ офицерскія массы, которыя впали в апатію, превратились в мелких торгашей, наводнивших улицы Петербурга, или артельных рабочих. В силу обстоятельств они были вынуждены стать активными и пополнить ряды противобольшевицких армій, собиравшихся на Югѣ и Сѣверѣ.

Н. Н—ъ.

ИЗ ДОКУМЕНТОВ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО.

(Из частнаго письма 22 марта 1922 г.)

«Вы спрашиваете, как справляемся мы с мѣстной дороговизной и с трудностями теперешней жизни? Пока кое-как выкарабкиваемся, стараясь не думать о будущем. Один внѣшній вид города может навѣять на каждаго, кто еще не перестал быть человѣком, безысходную тоску. Всюду по городу (на главных улицах, на базарѣ и в переулках) валяются люди, умирающіе от голода, а среди них уже окоченѣвшіе трупы. Стоны этих несчастных, вопли о помощи, мольбы дать «хоть крошку хлѣба» не вызывают никакого сочувствія у равнодушных прохожих. Безучастно, и не без доли даже нѣкотораго любопытства, смотрят они на предсмертныя судороги голодающих. Помочь вѣдь все равно нѣт возможности, а каждаго из них, быть может, ждет та же участь. Не сегодня, так завтра он сам выйдет на улицу и умрет на тротуарѣ. Матери выбрасывают на улицу своих дѣтей. Грудные младенцы, завернутые в грязныя тряпки, валяются под стѣнками домов и заборов, рискуя быть затоптанными прохожими; 2-х и 3-х лѣтніе малыши, брошенные родителями, в одних лохмотьях цѣпляются за вас и молят дать «крошку хлѣба». Мальчишки постарше, лѣт 8-10, промышляют кражей и грабежом на базарѣ. Они собираются компаніей и совершают налеты на базарных торговцев. Особенно тяжелое впечатлѣніе производят татары. Цѣлыми группами собираются они на углах улиц и молча умирают. И это молчаливое страданіе во много раз хуже самых диких воплей и стонов.

На базарѣ продукты есть. Но купить их нѣт возможности, так как денег нѣт, цѣны баснословны. Одно время хлѣб доходил до 300.000 р. за фунт. Теперь подешевѣл до 150.000 р. фунт. Помимо дороговизны, хлѣб трудно купить чисто технически. Трудно унести его с базара, так как его у вас просто отнимают силой, вырывают из рук болѣе дерзкіе из мальчишек. У меня как-то вырвали деньги.

Не проходит и часа, чтобы в парадную и черную дверь вашей квартиры не стучали и не просили хлѣба. За дверью слышен часто дѣтскій плач. Тетя Лена не подходит к дверям, она не может слышать этого плача. Слишком она любит дѣтей , а помочь не может. Таковы картинки Севастопольской жизни.»

С.

НѢМЦЫ В МОСКВѢ 1918 г.

В № 1476 «Послѣдних Новостей» (15 февраля 1925 г.) мною напечатана была статья под заголовком «Пріоткрывающаяся завѣса». Дѣло касалось пресловутаго вопроса о взаимоотношеніях большевиков и германскаго дореволюціоннаго правительства, но только в період, когда большевики сдѣлались уже временными властителями в Центральной Россіи. Статья моя вызвала отклики во французской печати и сопровождалась, повидимому, молчаніем печати нѣмецкой, которая, естественно могла раз'яснить многое из того, что является и по сю пору неясным и таинственным.

Теперь я печатаю выдержки из дневника моей жены за это время — выдержки, которыя дают нѣкоторыя конкретныя иллюстраціи к положеніям, выдвинутым статьей. И мнѣ кажется, что наиболѣе подходящим предисловіем к дневнику будет воспроизведеніе упомянутой статьи. Не всѣ читатели нашего журнала, вѣроятно, имѣли возможность с ней ознакомиться, между тѣм ознакомленіе с ней пояснит многое непонятное в дневникѣ и избавит от необходимости повторять в комментаріях уже сказанное.

Но надо сказать нѣсколько слов о самих записях в дневникѣ. Онѣ воспроизводятся, как своего рода документ, т. е. так, как в свое время были сдѣланы. Это дѣйствительно, документ, охватывающій вопрос шире, чѣм заголовок, под которым мы его печатаем, говорящій о настроеніях в Москвѣ в первую половину 1918 г., о той информаціи, о тѣх слухах, о той атмосферѣ, общественной и бытовой, в которых мы жили. Да, дневник передает иногда только *слухи*, только *разсказы*. По временам это также своего рода политическій фольклор, подобный дневнику В. В. Каррика, который мы напечатали в «Голосѣ Минувшаго» (1918 г.) и который был посвящен настроеніям и слухам в Петербургѣ во время міровой войны и наканунѣ революціи.

«Легенду» от «факта» подчас еще трудно отличить. Иногда

запись вращается, дѣйствительно, только около истины. Так спутана и столь фантастична была наша дѣйствительность того времени.

Печатаніе этого дневника с неизбѣжным еще скрываніем имен, имѣет цѣлью прежде всего вызвать опубликованіе других аналогичных матеріалов и раз'яснить чрезвычайно важные для исторіи русской революціи вопрсcы.

При чтеніи дневника надо, однако, всегда имѣть в виду, что это только выдержки, вынутыя из об'емистых тетрадей по признаку темы, которой мы касаемся в данном случаѣ. Без этой оговорки онѣ иногда могут дать невѣрное представленіе об общэй картинѣ. Весьма естественно, что автор под вліяніем возмущенія перед слухами и отдѣльными проявленіями «германофильства» в московском обществѣ, тщательно региструет именно эти факты, не противопоставляя их фактам другого порядка и умалчивая о чувствах противоположных. Нельзя, конечно, отрицать того, что извѣстнаго вида «германофильство» все больше и больше проявлялось в общественных настроеніях и, как мы знаем, не только в так называемых обывательских кругах, мечтавших при большевиках лишь о спокойствіи и порядкѣ. Война фактически кончилась, а двойственная и неопредѣленная политика союзников в отношеніи большевиков вносила разочарованіе. И все же общій тон жизни, общій тон настроеній был иной, как видно из отмѣток того же дневника.

С. Мельгуновъ.

I. ПРІОТКРЫВАЮЩАЯСЯ ЗАВѢСА.

В № 6-7 «Знамя борьбы» (выходящій в Берлинѣ орган лѣвых соціалистов-революціонеров и союза с.-р. максималистов) в октябрѣ (1924 г.) напечатана была замѣтка, на которую в печати никто не обратил вниманія, несмотря на то, что она представляла собою исключительный интерес. Былые соратники большевиков, начавшіе, как будто, в послѣднее время нѣсколько прозрѣвать, напечатали в своем органѣ под заголовком «Запрос большевистскому правительству» документ важности чрезвычайной — выдержку из протокола совмѣстнаго засѣданія партійнаго совѣта и парламентской фракціи германских соц. демократов 23 сентября 1918 г., на котором Шейдеман дѣлал доклад о политическом положеніи. Эта выдержка гласит: «12 сентября состоялась конференція всѣх парламентских фракцій, на которой говорилось о положеніи вещей и спеціально дополнительных к Брест-Литовскому договору соглашеніях (с Россіей)... В дальнѣйшем выяснилось, что, помимо этих дополнительных соглашеній, существует еще протокол, в котором содержатся опредѣленныя военныя соглашенія, относящіяся к участію германских войск в освобожденіи Мурманскаго побережья. О подробностях я не могу больше ничего сказать. Наряду с этими планами, которые установлены в полном согласіи с большевистским правительством, существовали еще особые планы генерала Гофмана и г. Гельфериха, которые, однако, рѣшительно отклонялись канцлером (графом Гертлингом) и министром иностранных дѣл Гинце. Рѣчь идет о возможном вступленіи (германских войск) в Петербург, которое самими большевиками принималось в расчет ради их собственной защиты».

Помѣщая этот документ «Знамя борьбы» сопроводило его таким комментаріем: «Ради какой «защиты» большевики сговаривались в 1918 году с ген. Гофманом о занятіи Петербурга? Ради защиты того же Мурманскаго побережья? Или они собирались защищаться штыками германской арміи от бурно наро-

ставшаго в тѣ мѣсяцы движенія рабочих в Петербургѣ? Было ли это приглашеніе германских войск в дни засѣданій «собраній уполномоченных рабочих Петербурга» или в дни, когда с разстрѣлом 512 заложников начался свирѣпый «красный террор?»

Знаменательно, что всѣ эти вопросы задают большевистской власти тѣ самые лѣвые с.-р., которые с достаточной старательностью негодовали в свое время на обвиненіе большевиков в связях с нѣмецким военным штабом и которые принимали непосредственное участіе в Брест-Литовских переговорах и т. д.

К сожалѣнію, «Зн. Б.» не указывает источника, из котораго оно заимствовало свое сенсаціонное сообщеніе. Между тѣм давно пора представителям германской демократіи приподнять завѣсу над тайной, которая все еще опутывает взаимоотношенія большевиков и старой правившей Германіи. Затушеван был, а затѣм и похоронен, запрос Бернштейна о деньгах, полученных большевиками в дни революціи от нѣмецких властей по одной версіи, и от нѣмецких соціалистов по версіи другой, исходящей от самих большевиков (см. мою замѣтку: «Большевицкій историк о русской революціи» в № 8 «На Чужой Сторонѣ»).

Новый документ говорит уже не об этом первом этапѣ «предательства» интересов страны во имя фанатическаго догматизма. Он отвѣчает на сомнѣнія, которыя были у Эд. Бернштейна: не сдѣлались ли большевики въ дни Бреста жертвами необдуманнаго шага, когда они ради своей агитаціи по дѣловым соображеніям воспользовались деньгами. Мы видим в дѣйствительности послѣдовательно проводимую политику. На эту сторону надлежало бы обратить вниманіе тѣм политическим дѣятелям Франціи, которые подчас склонны утверждать, что лишь неправильная тактика французскаго правительства оттолкнула большевиков от сближенія с Франціей. Вѣдь не только капитан Садуль склонен утверждать и тѣм смущать своих прежних друзей из «Роте Фане», что Ленин и Троцкій в концѣ 1917 года мечтали о продолженіи войны с Германіей в союзѣ с Франціей. Сам Эрріо готов был повѣрить версіям Каменева и Троцкаго, о которых он разсказывал в своей прямо исключительно наивной книжкѣ «La Russie Nouvelle». Троцкій проливал «слезы» перед Нулансом, задумывая одновременно ту «педагогическую демонстрацію», о которой он повѣдал нынѣ в своей книгѣ о Ленинѣ, а именно формулой «войну мы прекращаем, но мира не под-

писываем» — дать «рабочим Европы» доказательство «смертельной враждебности» большевиков к правящей Германіи. «Педагогическая демонстрація» совершенно стушевалась однако перед опасеніем «военнаго разгрома революціи». И то, что так смѣло большевиками говорилось, по мнѣнію Эрріо, в Брестѣ ген. Гоффману, на других производило впечатлѣніе чрезмѣрно странной податливости. Не только мир был подписан. Столь ярые враги тайной дипломатіи, какими оффиціально проявляли себя большевики, поспѣшили заключить и дополнительные тайные договоры.

Все это наполовину еще загадка, требующая раз'ясненія. И только неожиданная публикація «Зн. Б.» побуждает приподнять завѣсу и коснуться документов, от пользованія которыми мы пока воздерживались, так как нѣкоторыми из них можно воспользоваться лишь отрывочно и частично..

Передо мною лежит копія конфиденціальной ноты ф. Гинце к Іоффе, полученная мною еще в 1918 г. из авторитетнаго источника. Об апокрифичности ея не может быть и рѣчи — содержаніе ея находится в полном соотвѣтствіи с изложеніем Шейдемана.

Несомнѣнно, это именно та нота, о которой упоминает тогдашній лидер нѣмецких с.-д. в своем докладѣ. Она помѣчена 27 авг. 1918г. Вот она. Привожу ее цѣликом (в «Посл. Нов». были напечатаны лишь выдержки).

Нота Гинце

Министерство иностранных дѣл. Берлин, 27 августа 1918 г.

Глубокоуважаемый господин Іоффе. Согласно наших переговоров относительно подписаннаго сегодня дополнительнаго договора к мирному договору, я имѣю честь подтвердить вам от имени императорскаго германскаго правительства конфиденціально, к отдѣльным постановленіям этого договора нижеслѣдующее:

1) К статьѣ 2, гл. 1. Установленная русско-германской комиссией пограничная линія должна проходить по восточному берегу Наровы, на разстояніи около километра от рѣки, соблюдая при этом границы волостей, и должна захватить и город Нарву с областью, необходимой для него в экономическом отношеніи. Напротив, восточный выступающій угол Курляндіи,

расположенный южнѣе Двины, должно округлить в общих чертах по линіи Двинск-Дрисвяты при соблюденіи границ волостей. По линіи: Юго-западный угол Псковскаго озера — Лубанское озеро — Ливенгоф, граница должна быть проведена при возможном соблюденіи административных единиц, равно как и слѣдующих соображеній: с одной стороны, экономическія условія для города Пскова и положеніе русскаго Печерскаго монастыря говорят за проведеніе границы возможно восточнѣе, — с другой стороны, в области юго-западнѣе Псковскаго озера граница должна оставаться удобной для обороны Лифляндіи.

2) К ст. 4. В проведеніи этого постановленія Германія будет так же настаивать, чтобы из Украйны не находило военной поддержки образованіе внутри Россійскаго Государства самостоятельных государственных единиц.

3) К ст. 5. Присутствіе в сѣверных русских областях военных сил держав Согласія представляет постоянную серьезную угрозу находящимся в Финляндіи германским военным силам. Если, поэтому, предусмотрѣнныя в ст. 5. отд. 1, русскія дѣйствія не достигли бы в скором времени цѣли, то Германія сочла бы себя вынужденной предпринять со своей стороны такое дѣйствіе, в случаѣ нужды с привлеченіем финских войск. При этом русская область между Финским заливом и Ладожским озером, равно как южнѣе и юго-восточнѣе этого озера не будет затронута без опредѣленнаго согласія Россійскаго правительства германскими и финскими войсками. Германское правительство ожидает, что такое выступленіе не будет разсматриваться Россіей, как враждебный акт и не встрѣтит никакого сопротивленія.При этом предположеніи оно завѣряет, что по окончаніи этого выступленія, послѣ изгнанія военных сил держав Согласія и послѣ заключенія всеобщаго мира, занятыя русскія области будут очищены от германских и финских войск, поскольку онѣ не отходят к Финляндіи по русско-финскому мирному договору. Также послѣ изгнанія военных сил держав Согласія оно возстановит русскія гражданскія власти в этих областях.

4) К ст. 7. В теченіе переговоров относительно Эстляндіи и Финляндіи было с русской стороны выражено желаніе, чтобы Германія взяла на себя поручительство за длительное разоруженіе Ревеля. Германское правительство полагает, что оно не может войти в этом отношеніи в договорное соглашеніе, так

как опыт показал, что подобныя соглашенія являются источником международных треній. Оно однако рѣшительно заявляет, что со стороны Германіи существует намѣреніе уничтожить послѣ всеобщаго мира крѣпостныя сооруженія Ревеля и в будущем не отстаивать Ревель, как крѣпость.

5) К ст. 12 гл. 2. Германское правительство ожидает, что Россія примѣнит всѣ средства, которыми она располагает, чтобы немедленно подавить возстаніе генерала Алексѣева и чехо-словаков. С другой стороны и Германія выступит всѣми имѣющимися в ея распоряженіи силами против генерала Алексѣева. Взамѣн этого Россія будет требовать очищенія указаннаго в ст. 12, сл. 2, разд. I желѣзнодорожнаго участка лишь тогда, когда это позволит военное положеніе и при том соразмѣрно с особым относительно этого соглашеніем.

6) Ст. 12 гл. 3. Германія будет настаивать на том, чтобы Россія получила по мирному договору с Украйной часть Донецкаго бассейна, соотвѣтствующую ея экономическим потребностям. С другой стороны Россія будет требовать очищенія отходящей к ней части Донецкаго бассейна не ранѣе заключенія всеобщаго мира, не нарушая постановленія ст.II гл. 2. Далѣе Германія будет настаивать на том, чтобы Украйна предоставила одну треть своей добычи желѣзной руды для вывоза в Россію, согласно особаго по сему соглашенія.

7) К ст. 13. Германія будет настаивать на том, чтобы Россія могла получить из Грузіи одну четверть вывоза добытой там марганцевой руды, соразмѣрно особаго относительно этого соглашенія.

8) К ст. 14, гл. I. Согласіе Германіи не оказывать содѣйствія никакой третьей державѣ при возможных военных операціях на Кавказѣ, исключая Грузіи, или указанныя в ст. IV гл. 5 мирнаго договора, имѣет силу и в том случаѣ, если в теченіе этих операцій по несчастному стеченію обстоятельств произошло столкновеніе между русскими войсками и третьей державой. Такія столкновенія поэтому подали бы повод Германіи для какого либо вмѣшательства, пока русскія войска не перейдут границы Турціи, включая и указанные округа, или границы Грузіи.

9) К ст. 14, гл. 2. Германское правительство ждет до 30 сентября 1918 г. предложеній Россійскаго правительства относительно цифры наименьшаго ежемѣсячнаго количества не-

очищеннаго масла и продуктов его, которые должны поставляться Россіей.

10) К ст. 15. Германія оставляет за собой право употреблять в мирных цѣлях военныя суда Черноморскаго флота, вернувшіяся из Новороссійска в Севастополь, пока они остаются под германским наблюденіем, согласно ст. 2 этой главы, в особенности для очищенія от мин, равно как и для портовой и полицейской службы. Так-же может послѣдовать примѣненіе в случаѣ военной необходимости для разных военных цѣлей. За возникшую за время пользованія порчу или возможные причиненные убытки Германія полностью вознаградит Россію.

11) Германія направит свои усилія на то, чтобы по ея представленію Финляндское правительство отпустило задержанных в качествѣ плѣнных финских красно-гвардейцев, поскольку они не находятся за обыкновенныя преступленія в заключеніи, предварительном или по приговору, освободило их от своего подданства и позволило им в'ѣзд в Россію. Напротив Россія обязуется принять этих лиц в русское подданство и не употреблять их в военных дѣйствіях против Финляндіи или граничащих с Финляндіей русских губерній, а также селить их в этих губерніях. Прошу Вас сообщить согласіе Россійскаго Правительства на постановленіе 1-2 по указанным вопросам, а также озаботиться о том, чтобы содержаніе этой ноты сохранилось конфиденціально, и пользуюсь случаем еще раз увѣрить Вас в моем совершенном и глубоком уваженіи

Фон-Гинце.

Еще задолго до конфиденціальной ноты Гинце для московских общественных кругов отнюдь не была секретом сущность переговоров, которые велись большевиками с нѣмцами... Орган народных соціалистов московское «Народное Слово» был закрыт большевиками за один намек о дополнительных пунктах к Брест-Литовскому договору, в которых говорилось о Польшѣ. За нахожденіе копіи этих пунктов при обыскѣ поляк Лютославскій был разстрѣлен лѣтом 1918 года внѣсудебным порядком со спѣшностью, чрезвычайной и для большевиков того времени. Большевики старательно выполняли предписанія императорскаго германскаго правительства: «озаботиться о том, чтобы содержаніе этой ноты сохранялось конфиденціально», как заключал фон Гинце свое письмо Іоффе. Но свѣдѣнія разными

путями просачивались, как видно хотя бы из замѣтки, помѣщенной в началѣ августа в № 1 нелегальнаго «Информаціоннаго Листка», фактически издававшагося Союзом Возрожденія. Излагая требованія Германіи, переданныя Москвѣ через дипломатическаго представителя, «Инф. Лист.» сообщил и отвѣт Совѣта Комиссаров: «Совѣт Комиссаров отвѣтил в том смыслѣ, что подавленіе чехо-словацкаго мятежа и борьба с англійским дессантом вполнѣ в силах русскаго правительства при условіи привлеченія для этой борьбы всѣх красноармейских частей, находящихся на оршанском, курском, гомельском и донском фронтѣ. Поэтому Совѣт Комиссаров гарантирует Германіи исполненіе ея требованій, если Германія с своей стороны гарантирует неприкосновенность демаркаціонной линіи, как с своей стороны, так и со стороны Краснова».

Итак, нѣмцы должны были помочь большевикам в дни гражданской войны, а большевики должны были явиться базой для борьбы с Антантой. И развѣ не прав в таком случаѣ В. А. Мякотин, писавшій про тогдашнія настроенія народных соціалистов и «Союза Возрожденія»: «борьба с Германіей и борьба с предавшими ей Россію большевиками связывалась для нас в одно неразрывное цѣлое».

Большевики отнюдь не отрицают теперь участія нѣмцев военно-плѣнных в борьбѣ с чехо-словаками, указывая лишь на количественную незначительность этих образованій. Просматривая свой дневник за это время, я нахожу многочисленныя отмѣтки, свидѣтельствующія о военных образованіях среди военно-плѣнных даже в Москвѣ, а не только на театрах военных дѣйствій.

Тот же «Информаціонный Листок» в полном соотвѣтствіи с дѣйствительностью отмѣчал согласіе большевиков образовать из военно-плѣнных особый батальон для охраны де нѣмецкаго посольства послѣ убійства Мирбаха, при условіи, что эта «германская воинская часть будет одѣта в штатское платье, а отчасти и в *красноармейскую* форму». Дѣло в дѣйствительности пошло гораздо дальше. И не нужно моих личных показаній. При своем обычном цинизмѣ большевики не постыдились напечатать в «Красной книгѣ В. Ч. К.» сообщеніе о том, как нѣмцы предали в руки большевиков остатки савинковскаго отряда в Ярославлѣ.

Взаимоотношенія устанавливались самыя тѣсныя — в сущности в Москвѣ мы жили до извѣстной степени под опекой большевицко-нѣмецкой контр-развѣдки. И снова у меня на руках документ, источник полученія котораго раскрывать во всей полнотѣ еще преждевременно. Один мой добрый знакомый, к которому я мог относиться лишь с полным довѣріем, — человѣк желѣзной воли и исключительной энергіи, нѣкогда, в эпоху самодержавія, член с.-р. боевой организаціи, с нѣкоторой наклонностью к авантюрам — сумѣл войти в контакт с большевицко-нѣмецкой контр-развѣдкой и в Денежном переулкѣ и на Поварской. Ему удалось там сдѣлать выписки (у меня хранятся собственноручныя его записи) из удивительнаго документа, представленнаго Мирбаху. Это список лиц, «подлежащих уничтоженію при приходѣ оккупаціонных войск». Трудно сказать, кѣм, в сущности, составлялся этот список, насколько в нем сказалось оффиціозное происхожденіе и насколько он был продуктом группового творчества, быть может, услужливости агентов власти. Не подлежит сомнѣнію лишь его «большевицко-нѣмецкое» происхожденіе. Масштаб захвачен широкій — не болѣе, не менѣе, как 583 человѣка. Список состоит из трех отдѣлов: 1) список групповой, 2) отдѣльных лиц и 3) военных. В групповой список вошли центральные комитеты, редакціи, бюро правых эсеров, меньшевиков, народных соціалистов Единства. Имѣются спеціальныя оговорки о нѣкоторых лицах, «уничтоженію не подлежащих». При спискѣ нар. соц. есть замѣтка: «Свѣдѣнія будут даны послѣ провѣрки, но во всяком случаѣ Алексинскаго Ив. Пав. щадить не должно»... Здѣсь же Союз городов — «весь коалиціонный состав Правленія, избранный служащими послѣ ноября 1917 г., далѣе идет городская управа — весь состав и т. д.

Список «отдѣльных лиц» сопровождается таким добавленіем: «в виду тревожнаго времени не представляется возможным представить Вам точный список. Но в отдѣльной вѣдомости вы найдете человѣк 40, против уничтоженія которых Вы, я думаю, ничего не будете имѣть». Среди этих лиц фигурируют Струве, Кизеветтер, Бѣлевскій-Бѣлоруссов, Савинков, Новгородцев, Федоров и т. д. При фамиліи Локарта сдѣлана помѣтка: «особенно слѣдить за невыѣздом.» Подобные списки всегда нѣсколько безграмотны — в спискѣ «отдѣльных лиц» находим мы много несуразнаго. В спискѣ «военных» помѣщены многіе из тѣх, которые погибли затѣм в дни краснаго

террора. В документѣ имѣются указанія, от кого именно получены списки о военных.

Я чувствую всю отвѣтственность за сообщаемое мною, но я большаго сказать сейчас считаю себя не в правѣ.

За этой грандіозной утопіей скрывалась обыденная проза. Вылавленіе и уничтоженіе реальных врагов — живой силы противников: офицеров союзнической оріентаціи. Здѣсь мы сталкиваемся с опредѣленной уже провокаціей со стороны нѣмцев вкупѣ с большевиками.

Ген. Деникин в своих «Очерках» (том III, стр. 84) про лѣто 1918 пишет:

«В Москвѣ и центральной Россіи свирѣпствовал жестокій террор, обрушившійся с особенной силой на голову несчастнаго офицерства. В разгромѣ нѣкоторых московских организацій ясно было сотрудничество нѣмцев с большевиками. Конспирирующая Москва волновалась, возмущалась, называла имена... Когда гетманское правительство сочло необходимым заявить в Берлинѣ протест против большевицкаго террора, германскій министр иностранных дѣл Гинце отвѣтил: «имперское правительство воздержится от репрессивных мѣр против Совѣтской власти», так как то,что дѣлается в Россіи,«не может быть квалифицировано как террор, происходят лишь «случаи уничтоженія попыток безотвѣтственных элементов...провоцирующих безпорядок и анархію.» Да и как было вступиться нѣмецкому правительству, когда в Москвѣ его представители — старшій совѣтник посольства Рицлер и начальник контр-развѣдки Мюллер находились в тѣсном сотрудничествѣ с Караханом и Дзержинским и снабжали их списками адресов, гдѣ должны были быть обнаружены преступныя воззванія и сами заговорщики...против совѣтской власти.» (Обратим вниманіе, что ген. Деникин здѣсь дѣлает ссылку на «Красную книгу В. Ч. К.»).

Я цѣликом готов подтвердить утвержденія ген. Деникина. В свое время мы печатно должны были предупредить в нашем нелегальном листкѣ о сомнительности нѣкоторых военных организацій, явно дѣйствующих на нѣмецкія деньги и вовлекающих офицерство в «десятки» с провокаціонными цѣлями. Через то же лицо, которое передало мнѣ документ и которое погибло впослѣдствіе во время попытки к бѣгству при арестѣ, удалось выяснить систематическіе провалы нѣкоторых «десятков» и прослѣдить связь их с нѣмецко-большевицкой контр-развѣдкой.

Ген. Деникин свое повѣствованіе заканчивает словами: «При свѣтѣ этих поздних откровеній, какая жуткая роль приходится на долю руководителей противо-большевистских организацій, работавших в контактѣ с нѣмцами».Да, именно потому среди нас и вызвало такое негодованіе сообщеніе о тѣх переговорах с нѣмцами, которые вели представители правых политических группировок, о которых теперь очень суммарно разсказано в воспоминаніях Гурко («Арх. Русск. рев.» XV) и в показаніях Котляревскаго («На Чужой Сторонѣ» № 8).

Оцѣнка приведенных фактов, мнѣ кажется, вводит существенный корректив к довольно частым теперь утвержденіям об ошибочности той тактики, которая в борьбѣ с большевиками стремилась возсоздать русскій фронт против Германіи. Вся кон'юнктура говорила о том, что война, в сущности, продолжается, хотя и пріобрѣла в Россіи своеобразный характер сплетая войну с гражданской борьбой. В этой кон'юнктурѣ вопрос о так называемой союзнической интервенціи в свою очередь пріобрѣтал совершенно особый характер. Оцѣнивая «ошибочныя мысли», приходится исходить всегда из конкретной дѣйствительности. Московская атмосфера весны и лѣта 1918 года, когда зачиналось и развивалось так называемое «бѣлое» (добровольческое) движеніе, показывает воочію, что во многих отношеніях был прав Союз Возрожденія, считавшій вредной тактику частных выступленій против большевиков в Совдепіи и говорившій о подготовкѣ «болѣе широкаго и планомѣрнаго движенія, которое было бы направлено одновременно и против Германіи и против большевиков» (В. Мякотин. «Из недалекаго прошлаго», «На Чужой Сторонѣ», № 2). В то время начинать это движеніе из центра нельзя было без напрасной растраты сил.

Фактическими хозяевами в Москвѣ тогда, в значительной мѣрѣ, были нѣмцы. В любой момент могли они сбросить большевиков, найдя поддержку в нѣкоторых общественных кругах и в обывательских настроеніях. Они предпочли играть двойную игру: одну со Скоропадским, другую в Совдепіи. Мы знаем, что в правящих кругах Германіи не было единомыслія в этом отношеніи. В итогѣ центральныя державы предпочли покинуть территорію Совѣтов и прекратить переговоры с «дружественным Германіи, но безсильным» большевицким правительством. Чѣм ознаменовалась бы перемѣна курса германской политики в дальнѣйшем, нам не суждено знать. С революціей в Германіи

перевернулась навсегда одна из страниц прошлаго. В этой страницѣ еще необычайно много таинственнаго. Многое напоминает собой сказки Шехеразады, в которыя повѣрить может лишь тот, кто в гущѣ жизни переживал всѣ эти перепитіи нашей революціи.

Многое неправдоподобное становится в освѣщеніи фактов правдоподобным. Когда я перелистываю свой дневник за это время, гдѣ записаны сообщенія современников, я наталкиваюсь на факты, которые могут вызвать лишь ироническую улыбку у скептиков. И, к сожалѣнію, я должен закрывать свой дневник до времени, ибо опубликованіе всѣх этих апокрифических разсказов имѣет смысл лишь при упоминаніи имен. Этого я сдѣлать не могу. Между тѣм, открытія будут подчас самыя неожиданныя. Я не знаю, каковы были реальныя отношенія между Вырубовой и Колонтай. Все-ли слѣдует отнести к легендам, как утверждает Вырубова в своих воспоминаніях, из того, что разсказывали в Совдепіи? Но я не сомнѣваюсь в том, что Вырубова в Смольном не засѣдала; возможно, что обѣ упомянутыя дамы не творили проектов возведенія на престол наслѣдника Алексѣя под регентством Леопольда Баварскаго и Генриха Прусскаго. Но вот что для меня лично несомнѣнно: в концѣ еще 17 года и в началѣ 18 г. среди нѣкоторых большевиков, разочарованных в возможности соціальной революціи, шли разговоры о «сдачѣ» власти и для ускоренія соціальной революціи в будущем они предпочитали сдать власть самому крайнему реакціонному монархизму. Для такого утвержденія у меня, как это ни странно, имѣются авторитетныя свидѣтельства. Это сказка? Подождем и увидим. И кто знает, не послужили ли эти мысли нѣкоторых отвѣтственных большевиков, в связи с переговорами, которые вели другіе с нѣмцами, истинной причиной екатеринбургской трагедіи. Вѣдь это также одна из таинственных страниц недавняго прошлаго.

С. Мельгунов.

II. ИЗ ДНЕВНИКА.

1917.

11 октября. Когда послѣдній раз была на абонементѣ в Большом театрѣ, со сцены какой то господин обратился с призывом о займѣ свободы, говоря, что мы наковальня, над которой занесен нѣмецкій молот и что в нашей власти — разлетится наковальня или молот. В партерѣ поднялась дама, которая все время бросала ему реплики, что свобода наша — ложь; она громко обратилась к публикѣ: «нам говорят о нѣмецкой опасности, но скажите правду, господа, развѣ мы всѣ не мечтаем о нѣмцах?» Послышались голоса: «да» и *никто* не запротестовал; она продолжала: «свободы нѣт, мы трусы и рабы, рабы солдат, рабочих, прислуги, и деньги займа пойдут на этих господ (указывая на ложу совѣтов), а мы будем ждать, что дѣтей наших у нас на глазах будут разбивать о камни. Я получаю 125 рублей и должна содержать семью, я ничего не боюсь, вот гдѣ я сижу, придите, убейте меня, но я буду говорить правду». В партерѣ ей очень сочувствовали и говорили, что вот-де мужчины наши никуда не годны, хоть дама выступила.

28 ноября. Кропоткин говорил сегодня пришедшим поздравить его со днем семидесятипятилѣтія представителям народных соціалистов, что он слышал, что большевики собираются посадить на престол Алексѣя, а регентом Генриха Прусскаго. В условіях мира, между прочим, оккупація Петербурга, нѣмецкіе комиссары во всѣх областях, сдача нѣмцам оружія и торговыя привилегіи на 15 лѣт.

1 декабря. Нѣмцы все больше наглѣют. Пишут в бюро военноплѣнных о том, что их присылают в Москву и чтобы к их пріѣзду были готовы хорошіе экипажи и т. д. Фриче дает нѣмцам удостовѣренія, чтобы не производить у них обыска без представителя шведскаго посла.

Из военных сфер тоже передают о Генрихѣ Прусском.

2 декабря. Лукин-большевик говорил, что Ленин и К° разочаровались в возможности соціальной революціи в Россіи и рѣшили, что для ея ускоренія надо ввести жестсчайшій монархизм, хуже прежняго, а самим тѣм временем отправиться работать в Германію, гдѣ по окончаніи войны должна вспыхнуть соціальная революція; свергнув Вильгельма, они оттуда распространятся сюда.

14 декабря. По слухам от N. прежняя военная контр-развѣдка, сегодня захваченная большевиками, в свое время установила, что в Москвѣ работают три нѣмецких штаба, и что сюда ежедневно прибывают партіи военноплѣнных, одѣтых в русскую солдатскую форму. Зачѣм? Контр-развѣдка успѣла спасти многіе матеріалы, например, документ о том, что большевики получили 75000 руб. от нѣмцев. Начальником контр-развѣдки теперь назначен извѣстный им нѣмецкій шпіон...

Покровскій у нас на засѣданіи «Голоса Минувшаго» *) еще до бойни сказал, что Ленин получил деньги с нѣмецких соціал-демократов.

19 декабря. Нѣмцы все распространяются, уже пять миссій военных в Россіи.

21 декабря. В «Союзѣ Защиты Учредительнаго Собранія» пріѣхавшій из Петербурга делегат передавал, что в Смольном очень прислушиваются к нѣмцам (нѣмецким миссіям) и так как граф Кейзерлинг за открытіе Учредительнаго Собранія, очевидно, оно будет открыто. Вообще начинаются послабленія, связанныя, вѣроятно, с ужасными условіями нѣмецкаго мира.

1918 г.

1 января. Были у С., она разсказывала, что видѣла Толстую, бабушку Анны Вырубовой, и та ей говорила, что у нея была мать Вырубовой — Танѣева, и была весела, как никогда, мечтала пожить в ея чудном имѣніи (Московской губерніи на рѣкѣ Учѣ). О Вырубовой же С. слышала слѣдующую версію: когда Колонтай и Ленин извѣрились в соціалистической революціи, Колонтай рѣшила отыскать Вырубову, явилась к ней и онѣ вдвоем составили план возведенія на престол Алексѣя с регенством Леопольда Баварскаго и Павла Александровича. По разсказу N.,

*) Об этом см. выше статью С. П. Мельгунова.

одна его знакомая была у Ленина, ходатайствуя за Т. Ленин послал ее с своей карточкой в свою канцелярію, и там к ней будто бы вышла Вырубова, которую она знала лично *).

9 января. Сегодня была большевицкая демонстрація, часть которой мы видѣли выходящей из штаба (Александровское училище). Впереди на шести клячах ѣхали какіе то суб'екты страннаго вида, потом матрос и еще двое несли знамена, за ними ѣхали офицер и какой то чин верхом, далѣе восемь музыкантов трубили марсельезу, а за ними шло 200 нѣмецких плѣнных, наряженных в юнкерскія шинели (очевидец сказал мнѣ, что слышал команду по-нѣмецки и их разговоры, да и лица у них не русскія) и переряженные солдатами штатскіе, потом тащилась пушка, автомобиль с сѣном, вѣрно для пушечных кляч, автомобиль с барышней и пулеметом и грузовик с военными и сестрой милосердія. Мимо нас в это время браво прослѣдовал какой то субъэкт изъ Вампуки: красные штаны и каскэтка, локоны, декольтэ и жабо, сѣрая шинель, волочащаяся кавалерійская шашка, воображает себя каким то Сэн-Жюстом. Когда мы возвращались с панихиды, по Волхонкѣ тянулось большое шествіе, вѣроятно, из Хамовник. На Арбатской площади начались отдѣльные выстрѣлы, потом пошла трескотня и всѣ ринулись бѣжать; говорят, что стрѣляли с Никитскаго бульвара, а им отвѣчали из Александровскаго училища. Самая главная свалка была на Красной площади, гдѣ собралось много зѣвак, — при первых выстрѣлах всѣ бросились, топча друг друга (все это видѣл К.), выбивали стекла магазинов и лѣзли внутрь, извозчики давили упавших, красногвардейцы бросились обыскивать дома, подозрѣвая провокацію, и в «Славянском Базарѣ» арестовали и избили пятнадцать офицеров стражи; их потащили в Совѣт, говоря: «там споем им вѣчную память». Говорят, что сигнальный выстрѣл был дан из дома Совѣтов, так как пальба началась вездѣ одновременно. Щ. **) об'ѣзжал лазареты, много раненых, есть убитые, главным образом, большевики. Раны, большею частью, в пятки (ложились на землю). Мальчик 12 лѣт говорит, что был ранен на Цвѣтном бульварѣ, гдѣ нес знамя... Есть раненые нѣмцы. Знакомый С. спросил их по нѣмецки,

*) Это тѣ двѣ легенды, которыя высмѣивает в своих воспоминаніях Вырубова. Но как характерно, что онѣ также упорно держались в Москвѣ, как и в Петербургѣ.

**) Теперь коммунист.

почему они участвуют, — они прямо отвѣтили «Kaiser Wilhelm und Deutschland über alles!»

13 января. Нѣкоторые утверждают, что первыми стали стрѣлять эс-эры из пулемета с крыши Рядов, другіе, что во всѣх частях города были провокаціонные выстрѣлы, за которыми послѣдовала пальба. Факт тот, что в воззваніи «Ко всѣм» Совѣт Рабочих и Солдатских Депутатов заявил, что это буржуазія, и зовет всѣх на борьбу с ней весьма энергично — опять начали утихнувшую было травлю. Масса обысков — ищут оружіе и припасы.

31 января. В воскресенье был у нас N. Разсказывал, что в Жиздрѣ комиссар нѣмец под ложной фамиліей Медвѣдев. И здѣсь в Екатерининском институтѣ комиссар нѣмец — фамилія Малиновскій — он натравливает низших служащих на учителей и др.

Адмирал Колчак говорил, что в Балтійском флотѣ выбиты всѣ офицеры, составлявшіе цѣнность флота, теперь то же в Черноморском; он видит в этом нѣмецкую руку, ибо замѣнить их невозможно — флот обезсилен. В «Русскія Вѣдомости» пришло извѣстіе, что Германія рѣшила поддержать Финляндію против красной арміи...К. слышал на улицѣ, как один красногвардеец вооруженный говорил другому: «du wirst doch ihm gehorchen» на чистѣйшем нѣмецком языкѣ.

8 февраля. Щ. сообщил, что из Смольнаго в «Вечернее Время» получено извѣстіе, что Германія прибавляет еще два условія: 1) заключеніе мира с правительством, признаваемым всей страной, 2) гарантія личности нѣмецким и русским гражданам. Очевидно у большевиков все было заранѣе условлено с Германіей и весь отказ от мира был одной комедіей, теперь же Германія показала им нос. На улицах, пожалуй, небывало-радостное оживленіе — уродливая радость, что нѣмцы принесут порядок. Извозчики рады, что «мостовая будет лучше». Кухарки, что «эту дрянь (большевиков) выгонят, и будет порядок.» Возвращают городовиков; перед домом, гдѣ живет Лешковская (Столовый пер.) стоит прежній, отдает честь: «скоро мы всѣ вернемся», говорит ей. И, дѣйствительно, красногвардейцев замѣняют милиціонеры, а под их маской городовые. Идут «полубуржуй» и солдат, первый радостно: «то-то зададут нѣмцы большевикам». — «А нам что?» — отвѣчает солдат, — «все равно».

9 февраля. Вчера были самые невѣроятные слухи, из-за того,

что нѣмцы идут. В. говорил у нас в клубѣ*), что сегодня Совѣт Солдатских и Рабочих Депутатов бѣжит из Москвы, что нѣмцы взяли Смоленск, что Бологое въ руках плѣнных. И нос совсѣм повѣсил. Его жена добавила, что получила из Вологды письмо, там ждут со дня на день англійской окупаціи. Сегодня слышали, что союзники заключили мир с Германіей и раздѣлили сферы вліянія... Слухи В. всѣ ложь по послѣдним газетам, только вчера во «Власти Народа» отмѣчалось, что нѣмцы об'явили своей Александровскую желѣзную дорогу до Москвы.

12 февраля. Из разговоров в вагонѣ матроса и солдата (Петербург - Москва — ѣхал С.): «а если нѣмцы придут?» — «пусть, порядок заведут»...

Германія согласна на мир на новых условіях, которыя указаны в газетах и на одном, там неуказанном: «окупаціи Москвы и Петербурга нѣмцами для организаціи правильной демобилизаціи и наблюденія за исполненіем условій.» Это передавали из Совѣта Народных Комиссаров. Наш Ц. К. рѣшил сам организовать отряды для борьбы с наступающими нѣмцами, но теперь дѣло мѣняется. Собирается Учредительное Собраніе, и все должно сосредоточиться вокруг него.

Еще сообщал N, что союзники заключили с нѣмцами мир. Вчера был в гимназіи Дервиз бал, говорят, он прошел особенно оживленно из за радости по поводу прихода нѣмцев. Какое то безуміе охватило всѣх, забывают все, думая только о своей сохранности.

13 февраля. Вчера вечером на собраніи представителей различных общественных организацій ясно стало, что большинство подыскивало оправданіе, чтобы радоваться приходу нѣмцев; все сводится к обезпеченію себѣ порядка и покоя в тѣ немногіе часы, которые будут между бѣгством Совѣта и вступленіем нѣмцев, если они, дѣйствительно, придут (у меня внутреннее чувство, что этого не будет). К. говорит, что нѣмцы поставили еще 2 новых условія (кромѣ вчерашних — 1) окупаціи Москвы и Петербурга для правильной демобилизаціи и сбора контрибуціи и 2) разоруженія красной гвардіи): 1) окупація до *всеобщаго мира*, 2) переговоры с признаваемым всѣми правительством, а не с народными комиссарами. В Совдепѣ царит хаос: Московскій совѣт хочет отдѣлиться от Петербурскаго и,

*) Народных соціалистов.

отказавшись от мира, защищать Москву. Там все время рабочіе кричат своим вождям: «предатели, продали» и т. д. Совѣт жаждет, чтобы его смѣстили— отряд в 300-400 человѣк и то мог бы. В штабѣ вчера Крыленко заявил на требованіе удаленія плѣнных с желѣзных дорог: «еще рано!» Видно, всѣ они или многіе продались, а между тѣм, по частным свѣдѣніям эти плѣнные давно сорганизованы. Записалось в Москвѣ по вчерашній день в красную армію 13000 человѣк, и часть их уже отправлена навстрѣчу нѣмцам... К. слышала, что Зиновьев поѣхал к нѣмцам подписывать мир... N говорил, что Управа собирается и озабочена охраной жителей при возможной анархіи, представители Губернской Земской Управы заявили, что они тоже, хоть и свергнуты, но берут на себя охрану губерніи и переговоры с нѣмцами. Солдаты, прибывшіе из Минска, говорят, что нѣмцы разстрѣляли там Совдеп. Из-за новых условій мира с сегодняшняго дня введена военная цензура для газет и ни одна, кромѣ большевицкихъ, не вышла. Дума, Губернская и Городская Управы постановили оставаться в Москвѣ при окупаціи. Учредительное Собраніе на частном совѣщаніи постановило назначить правительство національной обороны и сложить свои полномочія.

15 февраля. Вчера сообщали из биржевых кругов о полученіи извѣстія, что в Петербургѣ на улицах бой большевиков с монархистами и военноплѣнными, которых большевики имѣли глупость или подлость вооружить. Д. сообщил, что двѣсти офицеров сорганизовались в отряд и послали к Муралову делегатов с предложеніем своих услуг по борьбѣ с нѣмцами. Их принял ад'ютант Аралов (Муралов яко-бы уѣхал) и заявил, что их предложеніе будет обсуждено, при этом они ставили условіем: дать им вооруженіе, не вмѣшиваться в их стратегію и не включать их в красную гвардію, а они с своей стороны обѣщали не принимать участія в гражданской войнѣ. «Почему вы не хотите в красную гвардію?» спросил Аралов. «Это наши убѣжденія и об этом слишком долго говорить». На слѣдующій день им сказали, что условія их принимаются, но нужен их список для из'ятія нежелательных и еще надо к ним приставить комиссара. «Для сыска?» спросил один из офицеров, «пожалуйста, но чтобы он не вмѣшивался в командованіе».

Вчера в нашем городском комитетѣ... Л. говорил о том, что мы желаем нѣмцев. Он их желает, потому что большевики

его терроризировали. Но мы возстали против этого. Надо сознаться, что никто не знает выхода...

Кончилось засѣданіе постановленіем выразить консулам союзников наш протест против сепаратнаго мира и напечатать в газетах обращеніе...

Сегодня передано по телефону из военно-промышленнаго комитета в «Земгор» слѣдующее: мир не заключен, рѣшено защищать Петербург... Многіе радуются нѣмцам.

16 февраля. Вчера пришло извѣстіе о заключеніи сепаратнаго мира на еще болѣе тяжких условіях. Отдѣленіе от Россіи части Закавказья с Карсом и Батумом.

К. младшій, вчера говорил, что пріѣхал из Пскова отпущенный нѣмцами старшій врач Земскаго Союза. Он разсказывал, что его призвал генерал и предложил ѣхать, сдав все под расписку, такъ как они будут все оплачивать. Оставили только завѣдующаго хозяйством. Большевиков нѣмцы вѣшают.

Видѣла М., она на фронтѣ переживала «мир» среди солдат. Говорит, что это было ужасно: солдаты толпами шли в нѣмецкіе окопы, хотя их убѣждали посылать делегаціи. Шли распущенно, придя туда, вдруг встрѣтили офицеров, вышедших к ним вмѣсто солдат; выглядывавшіе из окопов нѣмецкіе солдаты мигом спрятались, вперед вышел генерал: «здорово, русскіе герои!» сказал он на ломанном русском языкѣ, и вдруг всѣ они вытянулись в струнку, выстроились, вспомнив давно забытую дисциплину и гаркнули: «здравія желаем, ваше превосходительство!»

Вчера наши представители совмѣстно с эс-эрами,«Единством», Совѣтом Крестьянских Депутатов, Трудовой Интеллигенціи и др. были у всѣх консулов с заявленіем против сепаратнаго мира...

Сегодня А. пріѣхал из Петербурга... Он считает, что главари Смольнаго продали Россію опредѣленно, и в доказательство приводит то, что все военное снаряженіе, весь многомилліонный инвентарь войны заранѣе был свезен в Минск, Двинск, Ревель, и, когда он был свезен, нѣмцы двинулись и все взяли. Из Пскова населеніе до 42 лѣт отправлено в Германію... В Москвѣ Кремль об'явлен на осадном положеніи, и туда свозится все оружіе, причем работают, главным образом, военноплѣнные.

20 февраля. Зиновьев в Москвѣ на засѣданіи Совдепа по поводу мира вчера заявил, что Москва дала в армію только

3000 человѣк, а Петербург 10000. «Если хотите защищать, идите в красную армію». Оказывается, что завод с самой патріотической резолюціей дал всего трех человѣк (двоих мужчин и одну женщину) ...

Днем Щ. сообщил, что условіе нѣмцев: «нейтрализація (?) Петербурга с нѣмецкой полиціей из военноплѣнных, а вечером N. из «Утра Россіи» сообщил, что условіе: окупація Петербурга соотвѣтствующим количеством войска с генералом, ад'ютантом Вильгельма, во главѣ, при нем остается Большой Совѣт и новый главковерх ген. Бонч-Бруевич, а Малый Совѣт (Ленин, Троцкій и К°) переѣзжает в Москву; К. добавил, что оккупація вплоть до Бологого. Это новое прибавленіе к тому, что было извѣстно недѣлю тому назад. Я. говорил, что еще контроль всѣх финансов Россіи *).

---

*) В связи со статьей С. П. Мельгунова в «Послѣдних Новостях» выступил с очень интересным добавленіем С. О. Загорскій эпизод, разсказанный С. О. Загорским.

Вскорѣ послѣ заключенія Брест-Литовскаго мира, в Петроград, как извѣстно, прибыла германская миссія во главѣ с графом Кайзерлингом.

Редакція газ. «День» отрядила к моменту пріѣзда Кайзерлинга одного из своих хроникеров, поручив послѣднему во что бы то ни стало получить у гр. Кайзерлинга интервью. В этот же день мнѣ, как одному из членов редакціи, пришлось быть дежурным ночным редактором. Хроникер дѣйствительно принес ожидавшееся интервью. Около двух часов ночи завѣдующій хроникой с торжеством принес мнѣ это интервью, которое нашему хроникеру удалось получить с большими трудностями, с большой затратой энергіи и ловкости.

В изложенной бесѣдѣ гр. Кайзерлинг выражал удовлетвореніе по поводу заключенія Брестскаго мира и весьма высокомѣрно говорил о будущих отношеніях между Германіей и Россіей.

В концѣ бесѣды германскому представителю был задан вопрос о том, предполагают ли нѣмцы окупировать Петроград.

Отвѣт Кайзерлинга заключался в слѣдующем:

До поры до времени окупація Петрограда не входит в планы нѣмцев. Но она станет вполнѣ возможной и даже неизбѣжной, если в столицѣ возникнут безпорядки.

По всему содержанію и по всему тону заявленій Кайзерлинга было ясно, что под «безпорядками» в данном случаѣ подразумѣваются безпорядки, направленные против совѣтскаго правительства, которое, по всей вѣроятности, не будет чинить препятствій такой оккупаціи. Столь откровенное заявленіе вначалѣ заставило меня колебаться на счет того, являлось ли оно правдоподобным. Хроникер был новичком в нашей редакціи, я лично его не знал и не мог быть в нем увѣрен. Но завѣдующій хроникой поручился мнѣ за добросовѣстность нашего сотрудника. Час был слишком поздній, посовѣтоваться с кѣм либо из товарищей было трудно. Я пустил бесѣду с Кайзерлингом полностью, сопроводив ее нѣсколькими словами от редакціи, в которых подчеркнул истинный смысл послѣдняго пункта заявленій Кайзерлинга, и дал должную оцѣнку совѣтской власти.

22 февраля. Сегодня слышала от N.: по свѣдѣніям «Русских Вѣдомостей», Японія, Франція, Англія, Америка договорились, что Японія и Америка вторгаются в Сибирь для борьбы с Германіей и с большевиками, что они занимают желѣзнодорожную магистраль до Урала от Владивостока, чтобы обезопасить себя от 200 тысяч нѣмецких плѣнных, которые могут захватить магистраль и сдѣлать во Владивостокѣ базу подводной войны с Японіей. Союзники хотят опираться на противо-большевицкія партіи и организаціи в Россіи и стоят за конституціонную монархію...

Во главѣ окупаціоннаго корпуса в Петербургѣ будет стоять ад'ютант Вильгельма, там же останется Бонч-Бруевич (генерал) и нѣмецкая полиція из плѣнных. Занят он уже или нѣт — неизвѣстно, говорят, что занят вчера. Он по договору нейтрален. В этом договорѣ даже не обозначена линія границы. Говорят, что подписали одни русскіе чуть ли не бѣлый лист на милость нѣмцев, которые сказали, что доложат нѣмец ким соціал-демократам, на какія условія пошли их со-

---

На слѣдующій день послѣ появленія в нашей газетѣ бесѣды в, «Извѣстіях» появилось заявленіе комиссаріата по иностранным дѣлам от имени Троцкаго за подписью нѣкоего Залкинда.

В этом заявленіи говорилось, что вся бесѣда с Кайзерлингом, помѣщенная в «Днѣ», вымышлена, что ни один журналист вообще Кайзерлингом не был принят, что, в частности, заявленіе, сдѣланное в концѣ бесѣды, представляет собою гнусную ложь, ибо заявленіе подобнаго рода и не могло быть сдѣлано, что, наконец, — и это самое интересное — Комиссаріат Иностранных Дѣл запросил Кайзерлинга, который категорически отвергнул все напечатанное в нашей газетѣ...

В виду этого к Кайзерлингу снова были отправлены наши хроникеры. Вмѣстѣ с автором бесѣды был направлен один из старых и опытных сотрудников, знавшій хорошо нѣмецкій язык. Он перевел германскому представителю все, что было напечатано в газетѣ, и просил его указать неточности. Кайзерлинг все подтвердил. Тогда наш сотрудник перевел ему заявленіе, напечатанное в «Извѣстіях».

Тут, однако, и Кайзерлинг не выдержал. Он разсказал, что наканунѣ ему телефонировал тот же Залкинд, который от имени Троцкаго просил его опубликовать опроверженіе всего, что было напечатано в «Днѣ». Кайзерлинг категорически отказался это сдѣлать. Тогда большевики сами состряпали свое заявленіе.

Не могу вспомнить, получили ли мы тогда письменное подтвержденіе Кайзерлинга. Во всяком случаѣ «День» снова напечатал полностью и вторую бесѣду с Кайзерлингом. Газета сопроводила эту бесѣду передовой статьей, в которой, разоблачая снова политику совѣтской власти и в частности Троцкаго, предлагала послѣднему привлечь ее к отвѣтственности в том случаѣ, если все изложенное невѣрно.

Отвѣта на это, конечно, не послѣдовало.

братья*) Т. передавал, что при началѣ отступленія Смольный послал 10 телеграмм в Берлин, что на все согласен, а когда В. пришел просить 1½ милліона на оборону, они засмѣялись ему в лицо: «если хотите, обороняйтесь, нам не до того, через три, четыре дня вступят нѣмцы». Комиссары хотят обосноваться в Нижнем; там, по словам Б., для них уже готовы помѣщенія (у него там дом)...

Говорят, что в Псков к нѣмцам ѣздили монархисты для обсужденія возстановленія монархіи. Вообще и в тѣх разсказах о Японіи из «Русских Вѣдомостей» говорилось, что Германія хочет ввести неограниченную монархію (а союзники конституціонную); говорят (Т.), что многіе прежніе сановники приглашены в Петербург нѣмцами... В Минскѣ солдат разоружали нѣмцы, а красно-гвардейцев вѣшали по 9 человѣк из 10, и одного отправляли в Берлин...

К Ж. на днях явился нѣмецкій офицер Ш., который прямо заговорил по нѣмецки. Он сказал, что у них есть контр-развѣдка, как и у Ж., что по свѣдѣніям своей контр-развѣдки Ж. знает, что у них 28 тысяч вооруженных плѣнных, но фактически больше и предложил войти в контакт и дѣйствовать сообща для сверженія большевиков. Ж. заявил, что не желает разговаривать, но тот, не унывая, оставил ему адрес своего штаба (так и сказал) на углу Поварской и Скарятинскаго переулка, и просил подумать. Очевидно, нѣмцы в контактѣ со всѣми и всѣх водят за нос. Боится М., что большевики всѣх перехитрят, но это не может быть, — нѣмцы хитрѣе... К. (вруша) вчера говорила, что часть 1-ой артиллерійской бригады ѣдет в Петербург для охраны его от нѣмцев, при чем на 30 солдат приходится 200 военноплѣнных нѣмцев, взятых для всей черной работы, ими завѣдует нѣмецкій офицер. К., доктор бригады этой, опровергает все, но и он — враль.

4 марта. Странности нѣкоторыя есть: В. встрѣтил на Арбатской площади человѣка, державшаго в руках солдатскую форму и по нѣмецки спрашивавшаго у встрѣчных, как пройти в манеж, но никто не понимал. В. заговорил по-нѣмецки и предложил пойти вмѣстѣ, так как он в ту сторону идет; дорогой разговорились, и тот, вѣрно из благодарности, сказал: «да вы не безпокойтесь, нас много, и мы 17-го все устроим — будет по-

---

*) Эта запись характерна в качествѣ «точных» свѣдѣній, которыми располагало московское общество.

рядок, мы тут стоим, в манежѣ» и указал адрес своего штаба на Поварской. Другой случай: какая то организація была предупреждена, что в Денежном переулкѣ облава; никто из них, кромѣ одного офицера, не пошел туда, а он рискнул пойти и посмотрѣть, его арестовали солдаты и повели; вдруг он слышит, что группа солдат разговаривает по-нѣмецки. Тогда он обратился к ним по-нѣмецки, они вытянулись, отдавая честь и со словами: «entschuldigen Sie Herr Leutenant», отпустили его. Говорят, что нѣмцы предлагали бывшему градоначальнику*) Москвы занять высокій пост, но он отказался.

5 марта. По данным контр-развѣдки N. в Москвѣ 30 тысяч нѣмецких плѣнных и всего только 6800 большевиков, считая и красную армію и красную гвардію, так что взять ее изнутри ничего не стоит, тѣм болѣе, что нѣмцы вооружены.

Нѣмцы, по свѣдѣніям N., готовятся к слѣдующему. В Петербургѣ они будут организовывать власть: бывшій личный атташе при Николаѣ II ... будет военным губернатором округа, фон Коттен — охранщиком, каким был в Москвѣ, и русскій градоначальник. На престол они мѣтят Константина греческаго, как православнаго, внука Александра II и мужа сестры Вильгельма, ибо Романовы и Гессенскіе очень скомпрометированы.

6 марта. N хорошо развѣдывает. Кривошеин субсидирует девятку **) из нѣмецких денег, ибо Кривошеин связан с нѣмецким банком... Второв продает банк (Юнкер) нѣмцам. Оріентація части промышленных кругов — на нѣмцев. И. К. играет двойную роль, он нѣмецкой оріентаціи, получает нѣмецкія деньги и в то же время поддерживает союзническую организацію — девятку. Вездѣ и всюду нѣмцы. Сегодня К. пошел в Кремль за документами. Кремль охраняется военноплѣнными, а между тѣм туда свозится масса вооруженія — они переряжены русскими солдатами. С ним вмѣстѣ подошел офицер в русской формѣ с нѣмецким лицом и обратился к солдатам на чистѣйшем нѣмецком языкѣ. К. плюнул и повернулся уходить, офицер догнал его: «entschuldigen Sie», но К. перебил его: nein, entschuldigen Sie mich—ich will mit Ihnen nicht deutsch sprechen» и предложил говорить по-французски, тот заявил, что он француз и хотѣл осмотрѣть Кремль — но ложь была ясна. Что же дальше? Тут 6800

*) Адріанову.
**) Правая общественная организація.

штыков и 6 броневиков у большевиков и 30000 штыков и 18 броневиков у нѣмцев. Большая Никитская от Никитских ворот до Кудрина почти сплошь занята большевиками, всѣ дома реквизированы, а Поварская — анархистами и военноплѣннымч, послѣдніе охраняют Кремль.

8 марта. Нѣмцы на двѣ недѣли отложили занятіе Москвы. Нѣмцы опутали все. Через И. К. они поддерживают Дон, поэтому там ничего не вышло. Через Кривошеина они связались с нѣкоторыми кадетами, а через старую охранку с монархистами. Они через монархистов входят с предложеніем к Адріанову быть во главѣ Москвы. Нѣмецкій генерал уже в Москвѣ с двумя батальонами ударников из Минска. Оружія у них очень много, больше, чѣм у большевиков. Большевицкіе вожди идут в Новгород. Нѣмцы хотят захватить власть через монархистов.

10 марта. По свѣдѣніям А. нѣмцы отложили захват на 2 недѣли, т. е. до будущаго воскресенья. По свѣдѣніям Т. они перемѣнили план и рѣшили отрѣзать юг, заставив голодом народ свергнуть большевиков. Алексѣевскія организаціи тоже провалились, потому что, не вѣдая того, работали на нѣмецкія деньги, а нѣмцы, давая одной рукой, разрушали эти организаціи, чтобы стянув, погубить всѣ способныя к сопротивленію силы. Это шло под видом банковских субсидій через Б. К.... Ж. говорил, что монархисты предложили ему выступить вмѣстѣ с ними и нѣмцами против большевиков, а сегодня добавил, что был в их совѣтѣ и там был Адріанов (его прочат в начальники Москвы монархисты и нѣмцы). 18-й военный госпиталь, гдѣ я работаю, передан плѣнным. Пришла бумага от Датскаго консула о передачѣ всего госпиталя плѣнному доктору Блашковичу (так как там только плѣнные), который и принял инвентарь и ведет хозяйство, а русскіе доктора просят у него продукты и пр.

19 марта. Адріанов умер от разрыва сердца вчера, а его только что прочили в начальники Москвы монархисты и нѣмцы, и Ж. засѣдал с ним по вопросу о борьбѣ с большевиками.

21 марта. В Петропавловской школѣ были большевики, хотѣли ее реквизировать, совсѣм уже рѣшили, а им говорят: «мы должны извѣстить нашего предсѣдателя» — «Кто это?» — сказали и прибавили: «верховнаго покровителя тоже» — «А он кто?» — «Император Вильгельм» — «нѣт, знаете, ваше помѣщеніе нам не подходит».

30 марта. По поводу ликвидаціи анархистов версіи разныя, по одной у них ликвидаціи «безобразія» требовали нѣмцы для пріѣзда Мирбаха...

4 апрѣля. Сегодня в Москву пріѣхал Мирбах — нѣмецкій посол, по приказу котораго в прошлую пятницу ликвидировали анархистов, — теперь он и поселился в их центрѣ — в купеческом клубѣ. Сегодня В. С. видѣл готовящуюся ему встрѣчу: перед клубом стоял автомобиль, полный цвѣтов, оркестр военной музыки и конный отряд милиціи, — народу мало. Сегодня неожиданный приказ праздновать Ленскіе разстрѣлы — отчего не за нѣсколько дней? Ленскіе разстрѣлы для отвода глаз, празднуют же пріѣзд Мирбаха.

13 апрѣля. Пріѣхал Мирбах, перед ним многіе снимают шапки. Говорят, что максималисты постановили убить его, говорили, что бомба уже брошена, но все это вздор.

17 апрѣля. Был обыск у поляков, искали документ опредѣленный; нашли; говорят, что он подложный, но в то же время говорят, что это тайное условіе мира, в котором есть пункты: 1) через три мѣсяца послѣ ратификаціи всѣ банки должны быть возстановлены, 2) четырнадцать лѣт французскія и англійскія деньги и бумаги не будут пускаться на русскій рынок и 3) агитаторов не будут посылать в Германію, а в Польшу только с нѣмецкаго разрѣшенія.

23 апрѣля. Петлюра наивно утверждает, что они звали только австрійцев и только 30000 человѣк, а пришли нѣмцы и 230000. В Кіевѣ улицы называются по украински и по нѣмецки. Вокзалы, телеграф и телефон в руках нѣмцев. Фактически они хозяева, они и на выѣзд дают разрѣшеніе. На всѣх маленьких станціях надписи по украински и по нѣмецки, вплоть до «Für Frauen». Кіоски полны нѣмецких книг и газет и вездѣ угрожающія надписи на ломанном русском языкѣ, что за попытку покушенія на нѣмецкаго солдата грозит разстрѣл.

29 апрѣля. Слухов без конца, — третьяго дня закрыты газеты «Народное Слово», «Родина», «Вперед» и «Земля и Воля» закрыты за помѣщеніе ультиматума Мирбаха о концентраціи в Москвѣ плѣнных, о разоруженіи латышских стрѣлков и об улучшеніи положенія царской семьи, так как Александру Федоровну он берет под свое покровительство. Говорят из сенаторских кругов, что на днях в Петербургѣ и в Москвѣ будет переворот монархическій. Сенат, во главѣ его, опирается на нѣ-

мецкіе штыки. Трепов (брат) назначается премьером. Реставрація династіи, хотя неизвѣстно в чьем лицѣ. Мирбах рекомендовал нѣмцам на сегодня уѣзжать из Москвы — но пока все спокойно. Вчера говорили, что нѣмцы отложили, потому что на Украйнѣ неспокойно, там якобы покушеніе на Скоропадскаго и Рада замѣняется сѣчевиками.

Вчера газетам не дали разрѣшенія выходить, говорят, надо ждать три-четыре дня для разрѣшенія на возобновленіе под другим именем.

Вчера якобы к Мирбаху явилась депутація черносотенцев с просьбой «не томить и поскорѣе покончить».

30 апрѣля. Порядочные большевики говорят, что это был не «ультиматум». а «пожеланіе» Мирбаха. Графиня К. отправилась к Мирбаху с просьбой вернуть ей разграбленное имѣнье, и ей все вернули.

Нѣмцы идут все вперед без преград. Елизавета Федоровна говорила Дерюжинскому, котораго спрашивала про денежныя дѣла, что она все же считает русскій народ очень хорошим; «вы никогда не были нѣмкой», прибавила она. Она отказалась принять Мирбаха и выслана, чуть ли не по его требованію, в Екатеринбург. Настроеніе в пользу нѣмцев наростает. Мирбах. сказал послѣ антинѣмецкой резолюціи кадетов: «ну, через мѣсяц придут к нам все равно, — пусть еще помучаются». Меньшевики тоже в борьбѣ двух теченій, германофильское начинает преобладать в связи с их идеей о поступательном ростѣ капитализма. Среди офицерства и торгово-промышленных кругов тоже начинают склоняться к нѣмцам.

16 мая. Совѣт народных комиссаров согласился на требованіе Мирбаха пропустить 4 дивизіи на Мурман.

7 іюля. С мая не писала ничего.

Очевидно, сейчас подходит рѣшительный момент, — разстрѣлян Николай II в Екатеринбургѣ по постановленію мѣстнаго Совѣта. Центральному Исполкому осталось только одобрить это, хотя вряд ли они довольны, ибо их господа — нѣмцы, навѣрно, посчитаются с ними за это. Итак, нѣмцы наступают: Орша взята, идут к Смоленску, который якобы эвакуируется. Наступленіе их — отвѣт на убійство Мирбаха, по поводу котораго совѣту был пред'явлен ультиматум: ввод отряда в Москву для охраны посольства. Оффиціально Ленин, при всеобщем одобреніи, отказал в этом, но вчера через Москву проходили

(говорил С.) переодѣтые нѣмцы, якобы к Ярославлю для подавленія тамошняго возстанія. Г. нѣмецкой оріентаціи. Кривошеин стал во главѣ нѣмецкой партіи в Москвѣ, возвести на престол Алексѣя с протекторатом Германіи — было их цѣлью.

Говорят, что оккупаціонный отряд скоро войдет в Москву. Неужели у нас будут так же радоваться, какъ Ф., разсказывавшій с восторгом о порядкѣ и чудесных пирожных в кондитерских при нѣмцах в Кіевѣ. Убійство Мирбаха — знаю от участников (Блюмкин — убійца, бывшій раньше членом нашей партіи). В 3 часа дня к дому Мирбаха (д. Берг в Денежном переулкѣ) под'ѣхал автомобиль, вышли из него двое — Блюмкин и Кузнецов, красноармейцы не хотѣли пропускать, они заявили, что пріѣхали от Дзержинскаго, т. е. от предсѣдателя слѣд ственной комиссіи по борьбѣ с контр-революціей, по важному, мол, дѣлу; их впустили. Мирбах сидѣл за столом, с боков два офицера прусских. Блюмкин подал пакет, гдѣ за подписью Дзержинскаго сообщалось что-то важное, офицеры впились в него глазами. Мирбах читал и по мѣрѣ того, как выяснялось, что бумага подлинная, настороженность офицеров падала; Блюмкин незамѣтно вынул из портфеля маленькій револьвер и выстрѣлил в Мирбаха, тот бросился к двери, Блюмкин за ним, Кузнецов выстрѣлил в обоих офицеров, которые упали, он бросил бомбу, но она не разорвалась, Блюмкин успѣл выстрѣлить в затылок Мирбаху, и тот упал. Оба бросились бѣжать, но один из офицеров приподнялся и выстрѣлил в ногу Блюмкину, попал. Снаружи доносился уже шум, выстрѣлы были услышены стражей. Кузнецов выбѣжал и, перепрыгнув через рѣшотку, вскочил в автомобиль. Шоффер все время отвлекал стражу бесѣдой и убѣждал, что весь шум от мотора только. Блюмкин, раненый, в полном отчаяніи схватил бомбу и вторично бросил ее, она разорвалась и опрокинула его. Еле поднявшись, хромая, добрался он до рѣшотки, благодаря полной растерянности и суматохѣ, его перетащили товарищи, и автомобиль скрылся. Они поѣхали в штаб-квартиру отряда Попова, а туда между тѣм свозили арестованных Дзержинскаго и других. Но скоро большевики явились их освобождать, и всѣ бѣжали, бросив раненаго Блюмкина, который просил Саблина взять его, но тот только рукой махнул. Какая то сестра милосердія повезла его на автомобилѣ в 1-ю городскую больницу. Четыре раза их останавливали, она показывала свои документы и говорила, что на улицѣ

подобрала его. Наконец, довезла. В тот же вечер он послал записку другу, чтобы тот взял его; тот явился. Докторша спросила его, не Блюмкин ли это, он отвѣтил, что нѣт, и прибавил, что все равно не сказал бы, если бы и был Блюмкин. Она согласилась отпустить, несмотря на жар. Тот повез его на квартиру знакомых, гдѣ жил его отец. Ночью же Блюмкин послал его с письмом к N., прося помощи н. с., и пошла писать губернія. Удалось устроить его в частную лечебницу, благодаря И. П. Алексинскому, а потом и вывезти из Москвы. Но он совсѣм развинтился: всѣм болтал почти про все, страдал маніей преслѣдованія.*)

Милюков в Кіевѣ нѣмецкой оріентаціи. Говорят, что он ведет переговоры с нѣмцами о единой Россіи — предсѣдателем совѣта министров должен быть Трепов, его же прочат на гетманство. В Ц. К. кадетов — девятнадцать человѣк при одном воздержавшемся и одном «за» — высказался против Милюкова. С Милюковым — Набоков.

14 іюля. Страшно то, что один из полковников, с которым оставил связь, уѣзжая генерал Б. военный представитель в Союзѣ Возрожденія, оказался монархически-нѣмецкой оріентаціи; «пока то мы якшались с эс-эрами, сказал он офицеру, посланному Союзом Возрожденія, а потом их побѣдим. Как и чѣм нѣмцы хуже союзников?»

С. увѣрен, а теперь это начинает подтверждаться, что есть нѣмецкія военныя организаціи. В Москву введен нѣмецкій эшелон в русской формѣ (я сама слышала, как русскіе солдаты разговаривали на чистѣйшем нѣмецком языкѣ). Денежный, часть Трубниковскаго переулков заняты под них. В Денежном к Е. пришел нѣмец и предложил им выѣхать из дома; они отказались, он удивился: «нам всѣ радуются, мы культурные и сохраним все в цѣлости». За эту цѣлость им уступают квартиры. Пока Е. не тронули. Ярославское возстаніе отчасти было спровоцировано, чтобы показать нѣмцам, что напали одновременно на них (убійство Мирбаха) и на совѣтскую власть — эта власть и теперь докладывает нѣмцам, что 200 с.-р. активных участников возстанія разстрѣляно, а их центральный комитет сидит под арестом.

22 іюля. Очевидно, нѣмцев зовут против союзников и попросту с ними уговорились; вѣдь большевики и в Ярославлѣ

*) **Блюмкин сдѣлался потом коммунистом и даже чекистом.**

усмиряли возстаніе с помощью нѣмцев (якобы 200 вооруженных военноплѣнных, которые сдались возставшим, выдали их большевикам по категорическому требованію — так изложено все в «Извѣстіях»).

Здѣсь нѣмцами в посольствѣ получена телеграмма: французскія газеты будут трубить об огромной побѣдѣ, не считайтесь с этим — нѣмцы отходят, но «по выработанному заранѣе штабом плану» — там огромная побѣда французов, которые вернули все, занятое нѣмцами при послѣднем наступленіи. Нѣмецкая контр-развѣдка (которой содѣйствует N. N.). сообщила большевикам, что 3-го готовится выступленіе, а фактически готовится выступленіе какой то военной организаціи, явно устроенное нѣмцами, что выясняется из нѣкоторых сопоставленій. Правый центр утверждает, что из него ушли кадеты, державшіеся нѣмецкой оріентаціи(?!), а фактически на их собственных засѣданіях в д. Долгоруковой на Спиридоновкѣ, сидят теперь нѣмцы, лейтенант и генерал, и вертят ими; они им предложили: «мы беремся устранить латышей, а вы сами расправитесь с большевиками», хотят стравить; для этого же, устроив военную организацію из десятков, они донесли большевикам о готовящемся выступленіи этой организаціи.

29 іюля. За эти дни в Москвѣ много событій — уѣхал замѣститель Мирбаха — Гильферих — прямо в Берлин, послѣ неудачной попытки покушенія на него (всѣ офицеры были разстрѣляны, один только бѣжал от разстрѣла).Покушеніе было очевидно ночью, потому что в сосѣднем домѣ Мишке на Смоленском бульварѣ, до утра шел обыск и были солдаты. Все же нѣмецкое посольство выѣхало в Петербург. За ним турецкое и другія посольства согласія, кромѣ болгарскаго, заявившаго, что это его не касается...

На обѣдѣ у N. подвыпившій брат Цурюпы разсказал, что один нѣмецкій Oberleutenant из Мирбаховских, был в гостях в домѣ нѣмецкой оріентаціи, там же был Кржановскій; нѣмец сначала молчал, потом, увидав сочувствіе, заговорил и сказал что сейчас Германія не может дать ни одного солдата, но зато, когда она раздѣлается с Франціей, она окупирует Россію и лѣт, через 15-20 водворит у нас благополучіе. Оказывается, С. знает, какой лейтенант и в каком домѣ — их контр-развѣдка всегда очень хороша.

Один вернувшійся из плѣна гвардейскій офицер говорил,

что их провожали в Берлинѣ чудным обѣдом, Вильгельм говорил рѣчь о дружбѣ с Россiей и о единой власти.

4 августа. В контр-развѣдкѣ работает К., который сообщил, что постановлено арестовать Центральный комитет кадетов и эсеров; он принес список лиц, о которых правительство доносит нѣмцам, как о нежелательных среди них. Петербург сдается нѣмцам, и они проходят через него, чтобы перерѣзать путь союзникам, идущим втрое скорѣе, чѣм думали, так как сопротивленiя совсѣм нѣт. Они уже под Вологдой. Большевики протрубили побѣду под Казанью. Туда они бросили всѣ силы латышей, которых в Петербургѣ замѣнят навѣрно нѣмцы.

Послѣднее извѣстiе из нѣмецкаго консульства, что американцы прорвали нѣмецкiй фронт, дошли до ставки, забросали ее бомбами — говорят, Гинденбург убит. В нѣмецком консульствѣ смятенiе. По поводу конспиративной квартиры С. говорил, что у нѣмцев есть таковая и что перед от'ѣздом посольства там было у них совѣщанiе о мирѣ с представителями англичан и французов. Вообще говорят, что в Амстердамѣ идут переговоры о мирѣ, так как Германiя признала себя не побѣжденной, но ослабленной. Россiю якобы хотят взять под протекторат. Большевики усиленно говорят о большевицком движенiи в Англiи и Францiи.

1 сентября. С. дал краткую запись своей бесѣды с одним нѣмцем, участником комиссiи Радека, Лурье и др., прiѣхавшим из Берлина. Собесѣдник между прочим утверждал, что нѣмцы получают полтора милліарда мануфактуры не по рыночным, а по каким то твердым цѣнам. По его словам нѣмцы купили у морского вѣдомства весь запас морского каната. Сам собесѣдник торгует машинами, но не за деньги, а за товар, который опять-таки расцѣнивается фактически низко. Сдѣлки эти дѣлаются через правительство. По его словам 40 тысяч нѣмецких солдат предоставлены уже в распоряженiе большевиков. Они будут направлены на Волгу и Петроград. Часть войск уже привезена гдѣ то близ Орши. Нѣмец усиленно убѣждал ладить с большевиками, которые «все-таки правительство». На Украинѣ, говорил он «хуже».

— Это для вас, для нѣмцев?

— Нѣт, когда мы оттуда уйдем, там будет рѣзня, какой здѣсь и не снилось.

П. Степанова.

ИЗ НАСЛѢДІЯ Л. Н. ТОЛСТОГО.

*Стихотворенія 1852 г.**)

II.

Давно позабыл я о счастьи —
Мечтѣ позабытой души —
Но смолкли ничтожныя страсти
И голос проснулся любви...
На небѣ разсыпаны звѣзды;
Все тихо и темно, все спит,
Огни всѣ потухли: уж поздно,
Одна моя свѣчка горит.
Сижу у окна я и в мысли
Картины былого слѣжу,
Но счастья во всей моей жизни,
Минуту одну нахожу:
Минуту любви, упоенья,
Минуту без мысли дурной,
Минуту без тѣни желанья,
Минуту любви неземной...
. . . .
[Дитя так невольно сказало
Всю душу во взглядѣ одном,
Что слов-бы никак не достало,
Сказать то, что сказано в нем.
И с сладостным трепетом счастья
Значенье его я постиг;
Но слова любви и участья
Сказать не хотѣл я в тот миг.
Слова так ничтожны в сравненьи
С божественным чувством любви...
В их темном, пустом выраженьи
Не сыщешь и искры души.]**)
И тщетно о том сожалѣнье
Проснется в душѣ иногда
И скажет: зачѣм то мгновенье
Не мог ты продлить навсегда?

20 (30) декабря 1852.
Старогладовская.

---

*) Изъ портфеля «Задруги».
**) В скобках заключены подчеркнутые авторомъ стихи.—*Ред.*

ДВА ГЕНЕРАЛА.

(К психологіи гражданской войны).

Нам приходилось уже на страницах «На чужой сторонѣ» (№ 10) обращаться к пачкѣ своеобразных документов, находящихся в нашем распоряженіи — это группа донесеній «тайных агентов» из окружавших правительство и ставку адм. Колчака военных контр-развѣдок иностранных миссій. Как далеко восходили эти донесенія показывает тот характерный сам по себѣ факт, что на оригиналах имѣются даже отмѣтки самого англійскаго «высокаго комиссара» в Омскѣ сэра Эліотта.

Не знаю, слѣдует ли отмѣчать, что всякія агентурныя свѣдѣнія, как бы точно они не воспроизводили подслушанный разговор, имѣют относительную историческую достовѣрность. Мы так и относимся к этим документам. Воспроизводимые ниже рапорты «тайнаго агента» Джона своему начальнику «маіору Марино» передают разговоры частнаго и полуофиціальнаго характера между ген. Дитерихсом и ген. Рябиковым, т. е. между главнокомандующим и начальником его штаба. Они кажутся правдоподобными и вскрывают разность взглядов в высшей военной средѣ в період гражданской войны. С этой точки зрѣнія «документы» представляют большой интерес. Перед нами два міровоззрѣнія в военной средѣ — консервативное и как бы либеральное, оказывающія вліяніе на воспріятіе и оцѣнку различных сторон гражданской войны. Оба собесѣдника искренніе русскіе патріоты; оба причисляют себя к рядам монархическим. Комментировать эти суб'ективныя бесѣды мы не будем. Напомним однако, что ген. Дитерихс в свое время был избран на пост начальника чешскаго генеральнаго штаба самим проф. Масариком.

С. М.

I.

ТАЙНЫЙ АГЕНТ
ДЖОН
№ 46.
Омск, 9-го сентября.
1919 г.

Маіору МАРИНО.

Рапорт.

Сего числа мною получен разговор от агента № 60, происшедшій между генералами Дитерихс и Рябиковым на политическую тему 7-го сего сентября в вагонѣ генерала Дитерихс.

Первоначально разговор коснулся исключительно фронта, дѣл Ставки, впослѣдствіи перешел на политику.

Генерал Дитерихс: Да, будущее сулит нам еще много непріятнаго. Теперь большевики, и могу Вас увѣрить, что будущее сулит нам также лишь войну. Гдѣ это слыхано, Россію, с которой всегда считались, как с могущественным Государством, теперь даже не желают допустить на мирную конференцію, и все это лишь для того, чтобы расчленить Россію и этим ее обезопасить. Если вспомнить 14-ый год, когда Россія выступила, как защитница угнетенных славянских народов, чтобы впослѣдствіи об'единить все славянство, и между ними Россія, как старшая их сестра, — теперь наши доброжелатели, союзнички, нас ни о чем не спрашивают, дѣлят Россію оптом и в розницу, устраивая из нея вродѣ каких-то Удѣльных Княжеств. Так поступать может лишь тот, кто не знает славянства. Но несчастіе тѣм, когда Россія воскреснет и проснется в ней славянскій звѣрь... пощады не будет за всѣ нанесенныя обиды.

Генерал Рябиков: Нѣт, я смотрю совершенно иначе на все это. Что в настояшее время с нами не считаются, это вполнѣ в порядкѣ вещей. У нас полнѣйшій хаос. У нас нѣт правомочнаго Государства, а ждать нас, пока мы успокоимся и введем в Россіи порядок, это болѣе чѣм наивно даже требовать. Весь мір и так устал, и если Россію в настоящее время расчленили, как Вы изволили выразиться, то это лишь потому, чтобы на время создать спокойствіе. Повѣрьте мнѣ, хотя союзники и твердят, что они не для того здѣсь, чтобы вмѣшиваться в наши внутреннія дѣла, но если у нас не будет возстановлен порядок еще год, ничего другого не останется дѣлать союзникам, как взять все у нас в свои руки и раз навсегда водворить порядок, но тогда, поминай, как знаешь, — с надеждой на самостоятельность и Россію заберут и обезсилят так же, как в настоящее время Германію.

Генерал Дитерихс: Из Вашего разговора я заключаю одно: или вы русскій, или же заражены тѣми разсужденіями, которыя можно встрѣтить на каждом шагу. Россія настолько сильна, чтобы встать на ноги одной без всякой помощи, каждая помощь, откуда она ни исходит, кромѣ вреда нам ничего не принесет. Вот Вам явный примѣр послѣдствія помощи так называемых наших славянских братьев-чехов. Я не буду оспаривать то, что они подняли меч против большевизма и этим самым разбудили русскій народ, но никто также не может *) то, что они сдѣлали это, любя Россію; нѣт, все это лишь преслѣдуя свои цѣли, т. е. пробиться во Францію. Сумѣвши так легко сбросить большевистское иго, лишь из-за того, что большевизм в то время не имѣл еще арміи, они, чувствуя себя хозяевами положенія, начали нам навязывать какой-то строй, нежеланный для русскаго народа и этим самым привели нас к тому, что мы опять подходим к Омску. Что же получилось из всего этого — лишь ненависть к ним, которую ничѣм нельзя исправить.

Генерал Рябиков. Вы очень ошибаетесь, если так думаете. Ненависть к чехам лишь среди высших военных чинов. Это ничто иное, как зависть многих, что молодые оказались болѣе опытными, чѣм наши старые генералы, и при том имѣя образованіе Военной Академіи. Здѣсь опять-таки самолюбіе, из-за чего гибнет наша Родина, из-за чего чехи ушли с фронта. Я считаю лучше об этом не говорить, дѣло прошедшее, а теперь мы обязаны во имя спасенія нашей Родины приложить всѣ наши старанія и усилія, чтобы изгладить ту вину перед чехами, которых я считаю нашими спасителями. Раз навсегда должно быть кончено с этими травлями, исходящими от извѣстной группы лиц и поддерживаемыми высшим начальством. С тѣм, что Вы изволили сказать, что они погубили Россію тѣм, что хотѣли нам навязать какой-то строй, с этим я также не могу согласиться. Хотя я сам монархист, да и иначе быть не может, как и мы всѣ старые военные, но здѣсь необходимо пожертвовать своим самолюбіем и всѣм из-за Родины. Монархизм не может больше быть в Россіи и если он и будет, то это вызовет новую гражданскую войну. Мы по себѣ не можем судить о всем населеніи Россіи, но это слишком смѣло утверждать, что вся Россія стоит за монархію. Скажу с увѣренностью, наоборот 95% за демократическій строй

*) Очевидно надо «утверждать».

и лишь 5%, это — мы, за монархію и лишь потому, что она нам выгоднѣе. Я полагаю, что наши союзники, как Франція и Америка, об Англіи я судить не берусь, стоят безусловно за демократическій строй в Россіи...

Ген. Дитерихс: Очень ошибаетесь. Могу Вас увѣрить, что и Франція и Америка в настоящее время убѣдились, что для Россіи единственный подходящій строй — монархическій. Это я говорю не голословно, но на основаніи тѣх данных, которыя я вынес из неоднократных разговоров с представителями этих держав...

Ген. Рябиков: Не смѣю спорить, но сомнѣваюсь, может быть, это высказывали отдѣльныя личности в совершенно частном разговорѣ, но это не может быть мнѣніе наших союзников. Я хочу еще возвратиться к нашему разговору относительно чехов. Я не знаю, чье это было дѣло удалить Гайду, но это была громадная ошибка. Просто его лавры никому не давали покоя. Это, к сожалѣнію, обычное русское явленіе, а тѣм болѣе не русскій, при том чех и умнѣе многих наших генералов. Нельзя же отнять у него то, что Гайда геніальный полководец, несмотря на его молодость. Его обвиняют, что он разложил армію, но об этом и говорить не буду, вѣдь это полнѣйшій абсурд, что он занимался политикой в тылу, на что не имѣл права... всѣ эти обвиненія... лишь зависть и больше ничего... Хорошій Командующій именно должен связать тыл с фронтом, и это удалось лишь Гайдѣ. Гайда ушел, не будь это сказано Вам в обиду, но сознаться мы всѣ в этом должны, — тыл не только разложился, но еще хуже — о фронтѣ всѣ позабыли. Слова Гайды оправдываются во всем, и теперь, ясно что за ним шла вся общественность, иотому что ему она вѣрила слѣпо. Это тоже своего рода умѣніе. Вопрос в тылу о полной реорганизаціи поднимался уже Гайдой, но тогда, его сочли, как врага Россіи, а теперь переворот неминуем, и все потому, что не желали слушать совѣта болѣе молодого человѣка, но к стыду сознаться, болѣе опытнаго. Вмѣсто того, чтобы изгладить нашу вину перед нашими братьями чехами, мы отношенія еще больше обостряем, конечно, между нами говоря, приказом о его арестѣ. Я не знаю, от кого он происходил, но это сдѣлано весьма глупо и необдуманно, и я, как и многіе другіе, не могу, понять, как Верховный согласился на такой шаг. Вѣдь не нужно забывать, что на западѣ никого насильственно не заставишь молчать, помимо того, как будто чехи дадут в

обиду своего человѣка, котораго они всѣ уважают, а тѣм болѣе при таких отношеніях к ним. Смѣшно... глупо... да.... и все, что хотите....

Ген. Дитерихс: Я вижу, что с Вами разговаривать сегодня совершенно невозможно, на вас нашла манія противорѣчить... Мы отвлеклись от нашей темы... Бог с Вами, с Вашим героем Гайда... Мнѣнія расходятся, но меня трудно переубѣдить. Я насчет наших союзничков, которые не считаются больше с Россіей. Вот напримѣр, союзники включили в состав Польши часть Галиціи, прежде находившуюся во владѣніи Австріи, населеніе которой в значительной степени было и всегда будет русским и всегда склонялось к единенію с Россіей. Такое рѣшеніе союзников настолько грубо и попирает право, ими самими обѣщанное, на самоопредѣленіе русскаго народа. Польша, если Вам это извѣстно, захватным путем взяла себѣ Бѣлоруссію и территорію Литвы, к судьбѣ которых возрожденная Россія не может относиться безразлично, но я не буду удивляться если и этот захват будет одобрен союзниками. Вся их задача раздробить и обезсилить Россію, чтобы раз на всегда уничтожить славянскаго врага. Развѣ Россія может остаться безучастной к такому безцеремонному дѣлежу, вся их настоящая помощь — не помощь, направлена к тому, чтобы отнять и кусок Сибири. Простите, но все это... и это слово «союзники»... одно лицемѣріе и больше ничего. Я держусь того мнѣнія, что Россія сама рано или поздно, но воскреснет, и горе тогда тѣм, кто обидѣл ее. Все равно рано или поздно славянству суждено будет соединиться, и это будет единственный исход, чтобы поставить напротив равныя силы западу, так безцеремонно распоряжающемуся обезсиленной страной.

Ген. Рябиков. Нѣт, Вы не правы... Без союзников нам не воскреснуть, и мое мнѣніе, пусть Россія будет меньше и меньше, разноплеменная, и тогда скорѣе возстановится в ней порядок. Вѣдь народ издыхает уже в этой гражданской войнѣ... Проклятая Германія, которая дала нам всѣ эти страданія.

Ген. Дитерихс: Напрасно Вы так говорите, это по моему глубокому убѣжденію единственная страна, которая не может никогда расторгуть свою дружбу с Россіей, да и Россіи это не выгодно быть в вѣчной ссорѣ с сосѣдями.

Ген. Рябиков: Вот, слава Богу, опять дошли до больного вопроса. Лучше об этом не разговаривать, мы с Вами противо-

положнаго мнѣнія и никогда в этом не сойдемся... Да, пора по домам. Я пошел. У меня есть еще нѣкоторыя срочныя дѣла.

Ген. Дитерихс (смѣется): Я Вас все-таки должен обратить в христіанскую вѣру... Ну до слѣдующаго раза...

О вышеизложенном довожу до Вашего свѣдѣнія.

II.

ТАЙНЫЙ АГЕНТ
ДЖОН.
№ 80.
Омск, 13-го октября
1919 г.

Маіору МАРИНО.

Рапорт.

Сего числа мною получен разговор, происшедшій 10-го октября сего года между генералами Дитерихс, Рябиковым и Домантовичем, стенографированный агентом № 60.

Ген. Дитерихс: Странно, что до сих пор нѣт генерала Домантовича. Вы ему передали, что я его сегодня жду.

Ген. Рябиков: Как же сегодня утром послѣ его доклада я ему передал Ваш приказ, но дорога совершенно испортилась, и очевидно из-за этого запаздывает.

(В это время докладывают о генералѣ Домантовичѣ)

Ген. Домантович: Честь имѣю явиться. Извиняюсь, что запоздал, но ѣзда невозможная. (Раскрывая свой портфель). Я принес разработанный мною проэкт относительно улучшенія Административнаго Управленія и всѣх его под'отдѣлов в связи с продвиженіем войск на запад. Необходим Ваш приказ, Ваше Превосходительство, Командующим Арміями, в особенности 1-ой и 3-ей Арміи, гдѣ Командиры совершенно не желают считаться с моими приказами и часто устраивают свои Управленія, а пріѣзжающих с уполномочіями отсюда не допускают к исполненію своих обязанностей.

Ген. Дитерихс: Прошу садиться. Нам необходимо сообща рѣшить нѣкоторыя вопросы, требующіе срочнаго разрѣшенія и ликвидаціи в той или иной формѣ. Какія свѣдѣнія Вы имѣете относительно разслѣдованія этой шайки, задумавшей устроить здѣсь и по всей Сибири переворот. Верховный Правитель мнѣ дал перед своим от'ѣздом неограниченныя права раз навсегда покончить с этими зачинщиками смуты. (Обращаясь к ген. Ря-

бикову) Получен уже отвѣт из Владивостока относительно ареста Калашникова и других всѣх офицеров поѣзда Гайды?

Ген. Рябиков: Нѣт. Генерал Розанов до сих пор не дал отвѣта. Мнѣ кажется, что и едва ли всѣ они там, не будут же люди сидѣть спокойно и ждать своего ареста, тѣм болѣе зная, что их здѣсь ждет. Информація отсюда поставлена, к нашему стыду, образцово, и я желал бы, чтобы у нас люди так же ревностно относились к службѣ свой, как та тайная информація...

Ген. Дитерихс: У Вас что-то недоговоренное.

Ген. Рябиков: Если разрѣшите, я выскажу свой взгляд на все это.

Ген. Дитерихс: Пожалуйста.

Ген. Рябиков: Мое глубокое убѣжденіе, что все это дѣло выѣденнаго яйца не стоит. Немыслимо же арестовывать всѣх людей, не сочувствующих этому направленію и лично не сочувствующих власти Верховнаго Правителя. Вѣдь согласно Вашей волѣ необходимо убрать всѣх людей, идущих в разрѣз с Вашим мнѣніем. Мы не должны забывать, что среди них есть люди, не сочувствующіе этой власти, но истинные патріоты, любящіе свою Родину, а кромѣ того, такими путями мы приближаемся быстрыми шагами к новому возстанію, не справившись еще с большевиками. Всему виною здѣсь политика. Я стою твердо на той точкѣ зрѣнія, что свобода мнѣній и личности должны быть в неприкосновенности, и наша задача должна лишь сводиться к тому, чтобы предупреждать всякія посягательства на настоящую власть. Все это легко достижимо, если в первую очередь мы отбросим свое самолюбіе, и всѣ лишь искренно будем стремиться к уничтоженію большевиков, а не к уничтоженію людей, не раздѣляющих наших взглядов на власть. Мы за этими дѣлами забываем фронт, отнимаем самых лучших людей из арміи, а главное настраиваем все населеніе исключительно против нас. Нечего нам закрывать глаза, с фронта с каждым днем получаются все хуже извѣстія и с ближайшаго тыла, и необходимо будет всю армію превратить в карательные отряды. Легко было писать в газетах всякія дѣла про красных тогда, когда они не поддаются провѣркѣ, но в настоящее время это совершенно неправильный путь. Ближайшій тыл не отдѣлен от нас валом или непроходимым болотом, чтобы сюда не проникла бы правда относительно дѣятельности большевиков. Кажется, из опросов крестьян вновь освобожденных мѣстностей достаточно в насто-

ящее время извѣстно, что в прифронтовой полосѣ, которая подается провѣркѣ, террор исчез и обхожденіе красных с населеніем самое наилучшее, тогда как у нас что происходит. Армія наша отступает ли или наступает, вездѣ одна картина: воровство, грабеж, разореніе хозяйства у крестьян. Это дѣлает наша армія. Теперь вслѣд за доблестной арміей приходит Административное Управленіе со своими карательными отрядами, и что мы видим от них; полуразоренные нашей арміей, крестьяне разоряются до конца доблестными карательными отрядами. Этому должен быть, наконец, положен конец, так продолжаться больше не может, иначе все начатое с тысячами жертв лучших людей, все гибнет, и нам не удержать того, что мы сейчас имѣем. Подобная власть должна быть немедленно переорганизована. Необходимо, чтобы туда вошли люди высоких качеств и умѣющіе разбираться самостоятельно, а не поступающіе без всякаго разбора, согласно предписанію. Генерал Домантович изволил сказать, что он принес с собою доклад относительно улучшенія и увеличенія Административнаго Управленія. Я рѣшительно возстаю против всякаго увеличенія штата, и я надѣюсь, что Ваше Превосходительство согласится со мною. Доказательством моих слов может ясно послужить, генерал, весь Ваш штаб. Люди занимают цѣлый эшелон, с утра до вечера болтаются, дѣлать им рѣшительно нечего, расходы колоссальные, и вот благодаря такому праздношатанію выдумывают всякія провокаціонныя дѣла, для примѣра назову хоть это послѣднее дѣло с переворотом. Я знаю, что есть люди у Вас, генерал, которым Вы слѣпо довѣряете, но которые такими дѣлами в один прекрасный день сломают Вам шею. Все это дѣлается ими, лишь чтобы выслужиться. Достаточно я наслышался вещей относительно Екатеринбургскаго Административнаго Управленія, а здѣсь, продолженіе этой темной работы. Нѣт... так немыслимо, Ваше Превосходительство, дальше вести партійную политику вообще, а в особенности, когда дѣло идет об искорененіи большевизма. Мы такими путями не искореняем, а наоборот вводим его. Необходимо помнить, что истинное государственное строительство заключается не в том, чтобы рубить с плеча здоровую ткань вмѣстѣ с больной, а в том, чтобы для здоровой ткани создать благопріятныя условія, при наличности которых она сама побѣдит болѣзненное начало. Вчера еще, Ваше Превосходительство, в разговорѣ со мною, Вы изволили высказать необхо-

димость изгнать из Арміи всякую лѣвую политику, с которой Вы будете безжалостно бороться. Вопрос большой, чего только мы этим достигнем. Перед нами масса примѣров, гдѣ именно лѣвые элементы составляют самое доблестное войско. Возьмем Ижевцев, или Каппелевскіе отряды; болѣе устойчиваго войска нам не найти. Всѣ они имѣют за собой власть Комитета Учредительнаго Собранія, как и сейчас, считаясь с властью Верховнаго, они задались одной цѣлью — истребить большевизм. В этих обоих отрядах почему то считают возможным служить люди от крайне лѣвых до крайне правых партій, но всѣ они относятся с уваженіем к политическим убѣжденіям каждаго, и там нѣт разности между соціалистами и несоціалистами. Несмотря на такой состав этих обоих отрядов, никто не может спорить о их несплоченности в военных дѣйствіях, и необходимо пожелать, чтобы их примѣру послѣдовали всѣ, а линія поведенія их в боевой обстановкѣ, сдѣлалась руководящей для всей нашей арміи, а в особенности для ея вождей. Лишь в этом случаѣ, я считаю, что залог побѣды для нас обезпечен.

Ген. Домантович: Я из Вашего разговора вижу, что Вы недовольны моими дѣйствіями, но я поступал всегда согласно приказанію и желанію Его Превосходительства; что касается всяких разговоров относительно отдѣльных личностей, находящихся в моем Штабѣ, могу Вас увѣрить, что это лишь злые языки распространяют подобныя лживыя вещи. Относительно моих отрядов, мнѣ приходится впервые подобное слушать от Вас.

Ген. Рябиков: Очень жаль, что Вам ничего не говорят. Я считаю всегда своей обязанностью выслушать мнѣніе различных людей относительно моих предположеній и лишь этим достигаю послѣдовательности своих дѣйствій. Я сам монархист ..... но преслѣдовать людей за то, что они другого убѣжденія, чѣм я, было бы в высшей степени странно. Мы должны в такое время стараться именно об'единить всѣ политическія партіи, а не преслѣдовать людей за то, что они наши политическіе противники. Такими дѣйствіями мы лишь достигаем развала и полнаго пораженія.

Ген. Дитерихс: Нѣт. Я с вами не согласен. Я остаюсь при своем мнѣніи, и в этом меня никто не переубѣдит. Лишь теперь время искоренять лѣвое теченіе, которое нас чуть не привело к новым страданіям. Вы, может быть, находите, что поручик Ни-

кольскій заслуживает снисхожденія. Могу Вас увѣрить, что я буду настаивать перед Верховным Правителем о приведеніи приговора в исполненіе. Таким людям нѣт мѣста в Арміи и вообще нигдѣ. Необходимо выудить этих личностей из Арміи, и я считаю, что лишь такими приговорами я истреблю раз навсегда это лѣвое теченіе в Арміи. Довольно игры с этими приспѣшниками Керенскаго и Чернова. Они теперь стараются захватить источники духовнаго питанія Арміи и населенія. Грозная опасность стоит перед нашими начинаніями, за дѣло которых положено нѣсколько тысяч молодых, лучших жизней Россіи. Я не могу допустить, чтобы над священными могилами этих героев глумились эти лѣвые элементы, приведшіе Родину к гибели. Россія побывала в этих лапах. Нѣт... Довольно. Именем русскаго національнаго возрожденія я требую радикальнаго искорененія этой партійной работы эс-эров. Мы не шутки шутим. Мы ведем войну за возстановленіе жизни нашей Родины и я буду требовать точнаго исполненія моих приказаній, а тот, кто не согласен с моим мнѣніем, может уходить, и совѣтую этим не медлить. Россія достаточно пострадала от так называемой революціонной демократіи, отрекшейся от своего Отечества. Борьба эта не легкая. Партія лѣвых элементов стала на путь, единственно для нея возможный. Это путь — прокрадываться в среду національной работы и, так сказать, тихой сапой подходить к успѣху, созданному вопреки всѣм усиліям Керенскаго и его единомышленников. Я опять повторяю, что мнѣ даны всѣ полномочія бороться с этим злом и не потерплю того, кто станет мнѣ в этом дѣлѣ на дорогѣ. Итак я перейду к дѣлу; не смѣю Вас (обращаясь к ген. Домантовичу) задерживать; прошу Вас оставить свой проэкт здѣсь. Я его разсмотрю сегодня еще и прошу Вас завтра утром побывать у меня. (Ген. Домантович, прощаясь, уходит. Обращаясь к ген. Рябикову) Я Вас совершенно не понимаю, в Вас сидит дух... противорѣчить. Развѣ я могу согласиться с Вашим мнѣніем, это значит снова погубить Россію. Нѣт, я вижу, что едва-ли наша совмѣстная работа принесет какую-либо пользу.

Ген. Рябиков: Я сам это вижу, и не обижайтесь на меня... Я прошу Вас меня уволить... Я вижу ясно... что я не подходящій Вам помощник... Я не умѣю кривить душой....

Ген. Дитерихс: Именно это я в Вас цѣнил и всегда дорожу Вашим мнѣніем, но в этом наши пути, как я вижу, совершенно

расходятся. Я отчасти соглашаюсь с Вами, но тогда укажите путь... как Вы дѣйствовали бы при настоящем, создавшемся положеніи. Вѣдь такое положеніе грозит гибелью всѣм нашим начинаніям.

Ген. Рябиков: Простите, но я этого не понимаю. Никакой опасности я не вижу. Все это раздуто людьми, желающими себя выдвинуть и показать свою работу... К сожалѣнію, Вы вѣрите всѣм тѣм людям, которые льстят Вам, а правду принимаете за обиду и за контр-революціонную пропаганду... Всѣ Ваши приближенные по Административному Управленію — люди ничего не стоящіе... Генерал Домантович... Вы только бы послушали, что в городѣ говорят про него, а его Начальник Штаба... Вѣдь если их послушать, так весь город и вся прифронтовая полоса населены большевиками и лѣвыми элементами, опасными для существующаго строя. Нѣт, у нас хуже, чѣм в старое время, и повѣрьте мнѣ, руки опускаются и работать не хочется совершенно, когда видишь что дѣлается вокруг тебя. Буду-ли я находиться далѣе при Вас, или нѣт, но мой совѣт, именно человѣку, котораго я уважаю, произвести именно чистку тѣх людей, которых Вы к себѣ приблизили. Потом дайте в срочном порядкѣ тѣ реформы, которыя необходимы, не уклоняясь вправо и влѣво, и Вы вспомните меня, что вся рознь исчезнет, и получится налаженная, совмѣстная работа всѣх партій. Лишь такое соединеніе может вывести страну из того омута, в котором она сейчас находится.

Далѣе зафиксировать разговор невозможно было, так как «я срочно был командирован к Начальнику Военных Сообщеній» доносит мнѣ № 60.

О вышеизложенном довожу до Вашего свѣдѣнія.

Тайный Агент *Джон*.

«ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ НЕДОСЯГАЕМОСТЬ».

(К исторіи провокаціи у большевиков).

Под таким заголовком в № 5 «Еженедѣльника В. Ч. К.» (1918 г.) была напечатана слѣдующая замѣтка:

«На днях задержан один украинскій гражданин, только что пріѣхавшій из за границы, с пакетом, запечатанным печатями персидскаго генеральнаго консульства в г. Кіевѣ и адресованным персидскому же консулу в Москвѣ, в коем по вскрытіи оказалось нѣсколько десятков частных писем от частных кіевлян к частным москвичам, своим содержаніем дающих обильную пищу Отдѣлу по борьбѣ со спекуляціей».

Читатель, вѣроятно, припомнит подробности о мифическом бразильском консулѣ графѣ Пирро, которыя разсказывались в № 5 «На Чужой Сторонѣ» на основаніи матеріалов, собранных так называемой «Особой Комиссіей». Это была просто агентура мѣстной Ч. К., входившая в сношенія и с персидским консульством. В свое время мы не сдѣлали сопоставленія с вышецитируемой замѣткой из «Еженедѣльника В. Ч. К.», которая освѣщает и расширяет провокаціонную дѣятельность большевицкаго политическаго сыска.

М.

ПРИЗНАНІЕ ГЕН. ДЕНИКИНЫМ АДМ. КОЛЧАКА.

Приказъ 30 мая 1919 года. — № 145.

(Из воспоминаній и документов.)

Признаніе генералом Деникиным адмирала Колчака Верховным Правителем является одним из интересных эпизодов в исторіи гражданской войны. В этом актѣ с особенной яркостью проявились высокія личныя черты и качества ген. Деникина и пониманіе им его долга и роли в дѣлѣ борьбы с большевиками.

Рѣшеніе ген. Деникина подчиниться адм. Колчаку, как Верховному Правителю, и тѣм самым создать в Россіи единую верховную власть, было принято им внѣ согласія с мнѣніем состоявшаго при нем Особаго Совѣщанія.

Прежде чѣм об'явить свое рѣшеніе по этому вопросу, Главнокомандующій обратился к Особому Совѣщанію с лаконическим письмом такого содержанія: «В связи с данными Аджемова и Вырубова, прошу Особое Совѣщаніе высказать свое мнѣніе, основываясь исключительно на пользѣ Россіи».

Это письмо было доложено в экстренном собраніи Особаго Совѣщанія 28 мая 1919 г. В том же собраніи выслушены были прибывшіе из Парижа в Екатеринодар делегаты Русскаго Политическаго Совѣщанія М. С. Аджемов и В. В. Вырубов, а также сообщенія, полученныя А. А. Нератовым от С. Д. Сазонова в связи с тѣм же вопросом. Рѣшеніе Особаго Совѣщанія было принято только на слѣдующій день, 29 мая. А приказ ген. Деникина, которым он подчинялся адм. Колчаку, об'явлен был поздно вечером 30 мая.

Этим двум оффиціальным засѣданіям Особаго Совѣщанія предшествовали засѣданія политических организацій с участіем пріѣхавших из Парижа делегатов и переговоры с ними.

В кругах близких к Особому Совѣщанію было большое оживленіе. Интерес был возбужден. Создавалось то напряженіе, которое обычно предшествует принятію отвѣтственнаго рѣшенія.

Пріѣзд спеціальной делегаціи из Парижа истолковывался одними, как событіе большой важности. Другіе, напротив того, видѣли в этом попытку вмѣшательства русских кругов Парижа в дѣло Добровольческой Арміи, к которой Париж до тѣх пор, как казалось, относился если не с холодком, то во всяком случаѣ не с достаточным вниманіем и доброжелательством.

Вопрос об отношеніи к адм. Колчаку имѣл уже в Добровольческой Арміи достаточно ясную и удовлетворявшую всѣх постановку.

Первое сношеніе адм. Колчака с ген. Деникиным относилось к январю 1919 г. Через Россійскаго посланника в Аѳинах адм. Колчак увѣдомлял ген. Деникина: «Омская директорія пала послѣ государственнаго переворота. Три ея члена к. д. подали в отставку, но их сотрудничество вполнѣ возможно с адм. Колчаком, который принял верховную власть и вступает в сношенія со всѣми правительствами Юга Россіи, особенно с группой ген. Деникина. Омское правительство с нетерпѣніем ждет вашего рѣшенія и предложеній, содержащих основы, на которых возможны единенія. Требуется возможная срочность для того, чтобы союзныя правительства получили увѣренность и убѣжденіе в возстановленіи Единой Россіи» (Великая Россія 9-22 января 1919 г. № 108).

Отвѣт ген. Деникина через того же посланника в Аѳинах гласил:

«Благоволите передать адм. Колчаку в Омск. Признаем высшую власть, представляемую его превосходительством адмиралом Колчаком, в увѣренности, что вы солидарны с основными положеніями политической и военной программы Добровольческой арміи. Эти положенія слѣдующія:

1. Возстановленіе Единой и Недѣлимой Россіи, не предрѣшая окончательно формы правленія, с принятіем, однако, принципа широкой областной автономіи в тѣх частях бывшей Россійской Имперіи, в которых она нашла бы свое оправданіе историческими и этнографическими мотивами.

2. Борьба до уничтоженія с революціонно-большевистскими организаціями.

3. Военныя дѣйствія сибирских армій должны быть координированы с военными планами главнокомандующаго Добровольческой Арміи.

4. Полное единомысліе с союзными державами по плану будущих операцій.

5. Союзники, с которыми мы вошли в непосредственныя сношенія, всецѣло раздѣляют нашу точку зрѣнія по вопросам и оказывают нам широкую поддержку.» (там же.)

14 апрѣля было опубликовано от Штаба Главнокомандующаго слѣдующее оффиціальное сообщеніе:

«Верховный Правитель Сибири, адмирал Колчак и Главнокомандующій вооруженными силами на Югѣ Россіи, генерал Деникин, обмѣнялись письмами, в которых установлено полное тождество взглядов на основныя цѣли, за которыя борятся арміи Юга и Востока.

Вмѣстѣ с тѣм признано необходимым во имя спасенія Родины полное согласованіе дѣйствій правительства Юга и Востока Россіи и соблюденіе принципа единства Верховной власти и неотдѣлимаго от нея Верховнаго командованія.

Как только установится прочная связь между обѣими арміями, предположена встрѣча Адмирала Колчака с Генералом Деникиным для рѣшенія вопроса об Единой власти и Едином командованіи и о соединеніи правительственных органов в одно цѣлое.

В основу этого разрѣшенія будут положены: политическое значеніе к тому времени правительственной власти на Югѣ и Востокѣ Россіи, стратегическое положеніе армій, территорія и общее политическое ея состояніе; словом — исключительно польза Русской Державы, независимо от личных интересов» (Свободная рѣчь, 14—27 апрѣля 1919 г. № 79).

Всѣм извѣстны были сказанныя еще раньше прямыя и не допускавшія кривотолков слова ген. Деникина о том, что ему будет достаточно десять минут, чтобы при встрѣчѣ с адм. Колчаком в Саратовѣ, договориться с ним и порѣшить всѣ основные вопросы взаимоотношеній. Содержаніе этого ожидаемаго десятиминутнаго разговора не было тайной для тѣх, кто имѣл возможность вглядѣться в моральную личность ген. Деникина и понять его существо. Не честолюбіе руководило им. Он стал во главѣ бѣлаго движенія не из-за влеченія к власти. Власть его тяготила. Он без колебанія передал бы ее другому лицу, если бы видѣл в этом интерес родины, Россіи и того дѣла, которому

служил. В совѣстливом вопросѣ о власти и долгѣ для ген. Деникина не было трудностей психологических. Поэтому не нужно было осложнять положенія и затруднять его рѣшеніе, вводя в него посторонніе и раздражающіе элементы.

Между тѣм присылка Парижским Политическим Совѣщаніем особой делегаціи в Екатеринодар именно внесла в дѣло эти раздражающіе элементы.

Начать с того, что Парижское Совѣщаніе и раньше рѣшительно не умѣло найти надлежащаго тона обращенія с командованіем Д. Арміи. Движимые лучшими побужденіями руководители этого Совѣщанія своими совѣтами и указаніями издалека вызывали протест и сопротивленіе командованія. Здѣсь особенно приходится отмѣтить обращеніе кн. Г. Е. Львова от 26 марта 1919 г., рекомендовавшее образ дѣйствій командованія для успѣха у союзников. Обращеніе вызвало совершенно обратный эффект и рѣзкую отповѣдь со стороны ген. Деникина (Телеграмма 16—29 апрѣля 1919 г.). Совѣты, шедшіе из Парижа, настойчивое требованіе обнаруженія «демократическаго лица» часто воспринимались в Екатеринодарѣ не как попытки согласованія дѣйствій Д. Арміи с общественным мнѣніем запада, а какъ указанія нѣкоего центра, который не прочь был бы присвоить себѣ нѣкія руководящія функціи правящаго характера. Такія впечатлѣнія находили себѣ подтвержденіе и в заявленіях представителей союзников. Так, в письмѣ ген. Франш д'Есперэ на имя ген. Деникина в мартѣ 1919 г., французскій генерал упоминал о «русском правительствѣ в Парижѣ», разумѣя под этим Совѣщаніе из кн. Львова, Сазонова, Маклакова и Чайковскаго. О том же тот же генерал говорил в Одессѣ ген. Санникову (Журн. Общ. Собр. Нац. Центра № 17).

Отсутствіе регулярных связей, совершенно недостаточная информація, нѣкоторое взаимное недовѣріе, проистекавшее из разницы в политических настроеніях, наконец, естественное сознаніе, что дѣло освобожденія дѣлается не в Парижѣ, а на русской землѣ — пораждали значительныя недоразумѣнія между Екатеринодаром и Парижем.

Отсюда, для начала не особенно ласковый пріем делегаціи со стороны Командованія. При первом свиданіи делегатов с командованіем, Предсѣдателем Особаго Совѣщанія, ген Драгомировым, был прежде всего поставлен вопрос о полномочіях тѣх учрежденій и лиц в Парижѣ, которыя ставили вопрос о приз-

наніи правительства Колчака и от имени которых послана была делегація, т. е. о полномочіях Политическаго Совѣщанія в Парижѣ. Специально был поставлен вопрос о правах и полномочіях кн. Львова.

Еще раньше было установлено, что ген. Щербачев, прибывшій с делегаціей, не имѣл права отлучаться без разрѣшенія Главнаго Командованія. Повидимому, какая то служебная оплошность дѣйствительно была допущена и ген. Щербачев, как говорили, был смущен и не явился на первое засѣданіе Особаго Совѣщанія, 28 мая, оговорив, что политическая сторона дѣла его не касается.

Нельзя не имѣть в виду и того, что среди военных самый состав делегаціи производил неблагопріятное впечатлѣніе. В. В. Вырубов, с георгіевской петличкой в петлицѣ, несмотря на всяческую свою сдержанность, встрѣтил холодное и недоброжелательное отношеніе. Генералы видѣли в нем одного из сотрудников Керенскаго. Бывшаго депутата Государственной Думы Аджемова слушали со вниманіем, но в его рѣчах улавливали тон адвоката, явившагося отстаивать порученное ему дѣло. С его именем связывали и недавнія склонности к германской оріентаціи.

Делегаты и в Особом Совѣщаніи, и в засѣданіях Національнаго Центра, между прочим, указывали, что идея возрожденія Россіи теперь получила признаніе на Западѣ и что посягательства на русскую территорію можно признать оконченными. До послѣдняго времени ни в Англіи, ни во Франціи нельзя было ставить вопрос о помощи Россіи. Еще недавно правительства помогали Россіи тайком от своих парламентов и хоронясь от прессы. Теперь в отношеніи к Россіи наблюдается перелом. Этому содѣйствовала болѣе правильная информація о том, что происходит в Д. Арміи и в арміи Колчака, выясненіе истинной природы большевизма и опасности, которой он угрожает Европѣ. Но самую главную роль в дѣлѣ измѣн нія отношеній к Россіи сыграли послѣднія побѣды на фронтѣ Ген. Деникина и адм. Колчака. Помощь отдѣльным группам, ведущим в настоящее время борьбу с большевиками, послѣ заключенія перемирія становится невозможной, ибо военные кредиты должны быть закрыты. Для полученія новых кредитов и для полученія займов необходимо, чтобы Россія стала суб'ектом международнаго права. Только признанное правительство Россіи могло бы участ

вовать на мирной конференціи. Только оно могло бы принять участіе в рѣшеніи вопросов о проливах, о судьбѣ Германіи и т. п. С образованіем единой власти в Россіи не слѣдует медлить, ибо без нашего участія многое может быть рѣшено не въ нашу пользу. Дѣятельный друг Россіи, В. Черчиль, настаивает на скорѣйшем образованіи Всероссійскаго правительства. Оказывалось далѣе, что Керенскій, совмѣстно с другими эс-эрами, опубликовал обращеніе к союзникам, в котором рекомендует не оказывать помощи Колчаку и Деникину и установить нѣчто в родѣ демократическаго контроля за ихъ дѣйствіями. Эта идея, по словам Аджемова, встрѣтила всеобщее осужденіе.

Таковы в общих чертах основанія к немедленному признанію Всероссійскаго Правительства, приведенныя делегатами по порученію Политическаго Совѣщанія. По их утвержденію адм. Колчак будет признан этой Всероссійской властью лишь только ген. Деникин и Добр. Армія признают его и подчинятся ему.

К тому же времени относилось письмо В. А. Маклакова в Екатеринодар, в котором между прочим, говорилось:

««Сегодня к вам ѣдут Щербачев, Аджемов и Вырубов... Если вы можете обойтись без всякой помощи союзников, то тогда, конечно, ссорьтесь, повернитесь к ним спиной и ведите русскую линію. Если же без вооруженія, которое и мало, и поздно, но все же вам посылают, вы с большевиками не справитесь и что ни о какой германской оріентаціи рѣчи быть не может, то приходится умѣрять свои эмоціи и стараться не разрывать ту связь, которая нас соединяет. И у союзников много соблазнов и давленій на них. Им говорят, что Колчак и Деникин реставраторы, стремящіеся возстановить реакціонную Россію, которая немедленно примирится и подружится с Германіей... Группа Керенскаго с участіем других эсеров занимается дискредитированіем нашего положенія, а вмѣстѣ с тѣм и положенія Колчака и Деникина...»

Незадолго перед тѣм, на имя предсѣдателя Національнаго Центра М. М. Федорова, было получено от П. Б. Струве из Парижа письмо, помѣченное 10 мая 1919 г. н. ст. В этом письмѣ давалась общая картина политическаго положенія «союзников» и, между прочим, по поводу положенія русскаго политическаго центра в Парижѣ говорилось: «Он нужен и в особенности для Россіи; его главная задача и роль, привести к признанію на за-

падѣ русскаго антибольшевистскаго правительства, каковым является правительство Колчака в Омскѣ. Значенiе и шансы Колчака очень возросли здѣсь за послѣднее время и вопрос об его признанiи стал на реальную почву. Содѣйствiе русским силам Колчака и Деникина, путем привлеченiя к ним реальной и моральной союзнической поддержки, должно завершиться признанiем русскаго Правительства, силы котораго охватывают большевиков.»

Тогда же в письмѣ П. И. Новгородцеву, Струве писал: «Признанiе правительства Колчака Всероссiйской властью имѣет огромное практическое значенiе, ибо только тогда Россiя прiобрѣтет подобающее ей значенiе в международной сферѣ. Струве полагал, что Д. Армiя и ея Главнокомандующiй должны признать себя частью Армiи и Правительства адм. Колчака. В Парижѣ, повидимому, надѣются, что значенiе Д. Армiи с признанiем главенства адм. Колчака потерпит значительное умаленiе, но Струве не раздѣляет этой точки зрѣнiя и ей не сочувствует, считая работу Главнокомандующаго на Югѣ Россiи и дѣятельность его Правительства чрезвычайно цѣнной. Необходимо дѣйствовать активно. Струве рекомендует не воздержанiе, не отказ, а вхожденiе екатеринодарских политических дѣятелей в состав Правительства Колчака. «С признанiем Колчака, говорилось, в письмѣ, тѣм самым отвергается совѣтская власть и становится силой, бунтующей против законной всероссiйской власти. Это прiобрѣтенiе весьма существенное, имѣющее большое практическое значенiе. Ждать соединенiя обѣих армiй — значит терять время. Против признанiя Колчака возражают лѣвыя соцiалистическiя партiи. Отсрочивая признанiе, мы дѣйствуем в руку этих партiй» (Журн. Н. Ц. 28 мая № 45).

В этих письмах П. Б. Струве ставил вопрос, общее отношенiе к которому неоднократно опредѣлялось Нацiональным Центром. Так, среди документов, отправляемых в апрѣлѣ мѣсяцѣ 1919 г. в Омск с ген. Гришиным-Алмазовым и другим путем через Н. К. Волкова и А. А. Червен - Водали адм. Колчаку, Омскому Правительству и политическимъ дѣятелям Сибири, связанным с Нацiональным Центром, была особая записка, помѣченная 8 апрѣля 1919 г. и носившая названiе «Нацiональный Центр и его дѣятельность». В этой запискѣ говорилось, что «Нацiональный Центр ни в какой степени не предрѣшает вопроса о времени, способах и формах слiянiя двух властей

— ген. Деникина и адм. Колчака, полагая, что вопрос этот будет разрѣшен «въ десять минут», по словам ген. Деникина, и будет разрѣшен так, как этого потребуют интересы общей цѣли, к которой в равной мѣрѣ стремятся оба вождя. Н. Центр не сомнѣвается, что также быстро и просто будет разрѣшен вопрос о сліяніи или измѣненіях правительств востока и юго-востока». В другом мѣстѣ того же документа говорилось: «Н. Центр не мыслит возможности какого либо соревнованія в двух средоточіях борющихся за свободу Россіи сил и, если суждено Москвѣ встрѣтить славныя знамена сибирских войск раньѣе, чѣм пробьются к ней ея сыны с Дона, Кубани и Терека, Н. Центр будет привѣтствовать побѣдителей в этот великій день, с тѣм же чувством безпредѣльной и ничѣм не ограниченной радости, как если бы счастье первым увидѣть Москву выпало на долю героев Д. Арміи, с которой в настоящее время связана работа членов Н. Центра, оказавшихся в Екатеринодарѣ. Н. Центр особенно настаивает на таком отношеніи к адм. Колчаку и его Правительству и утверждает, что всякое иное освѣщеніе его настроенія слѣдует считать несоотвѣтствующим дѣйствительности».

25 мая, при обсужденіи письма П. Б. Струве в Общем Собраніи Н. Центра предсѣдателем М. М. Федоровым и другими членами Н. Ц. было высказано, что Россія должна строиться прежде всего самими русскими и что помощь союзников в борьбѣ с большевиками есть дѣло защиты союзниками их собственных интересов. Созданіе власти началось на Югѣ подвигами ген. Алексѣева и Корнилова. Второй, по времени ея зарожденія, явилась власть адм. Колчака. И то и другое правительства выросли из одного источника и на одной общей почвѣ. Между ними нѣт соперничества и соревнованія. Единая власть, послѣ соединенія Армій, образуется путем соглашенія вождей. А между ними уже состоялся обмѣн письмами и характерно, что содержаніе этих писем, отправленных одновременно, — почти тождественно. Это указывает на единство взглядов и служит ручательством того, что соглашеніе состоится.

Резюмируя пренія, Предсѣдатель формулировал общее мнѣніе собранія таким образом: «созданіе власти в Россіи есть дѣло самих русских; эта задача должна рѣшаться по соглашенію вождей тѣх армій, которыя борятся с совѣтской властью за

будущее единой Россіи». (Журн. Общ. Собр. Н. Ц. № 26-25 мая 1919 г.).

29 мая, за нѣсколько часов до засѣданія Особаго Совѣщанія, происходило экстренное засѣданіе Правленія Н. Ц., на котором заслушан был доклад Аджемова и упомянутое письмо Струве, адресованное Новгородцеву.

Новгородцевым была предложена слѣдующая резолюція: «Главнокомандующій не возражает против признанія адм. Колчака Верховным Правителем Россіи, видя в этом актѣ залог возстановленія Единой Россіи и горячо привѣтствует этот акт. Тѣ письма, которыми обмѣнялись Главнокомандующіе арміями установили тождество взглядов на основныя начала будущаго государственнаго строительства Россіи. Об'единеніе должно произойти по соглашенію вождей на указанных выше началах. Всѣ обязательства по отношенію к отдѣльным государственным образованіям остаются в силѣ. Международныя обязательства, умаляющія значеніе Единой Россіи, непріемлемы.

Резолюція эта не подвергалась голосованію. Она была заслушана, как матеріал для сужденія. В собраніи были высказаны слѣдующія соображенія: ген. Деникин никогда не претендовал на роль Верховнаго Правителя. Можно думать, что признаніе адм. Колчака им уже предрѣшено. Вѣдь большевизм побѣждается не только оружіем, но и хлѣбом. У Колчака есть и хлѣб и деньги. Д. Армія не могла бы закрѣпить за собой Москвы, не будучи в состояніи снабдить населеніе всѣм нужным. У Главнокомандующаго, повидимому, сложилось рѣшеніе. Но мы не знаем точно того, что представляет собой положеніе в Сибири. Для признанія нужен соотвѣтствующій момент (Астров). Слухи связанныя с пріѣздом делегаціи подрывают значеніе торжественнаго акта признанія. У нас нѣт достаточных свѣдѣній, чтобы сказать, что именно адм. Колчак должен быть признан для блага Россіи, а не Главнокомандующій вооруженными силами Юга Россіи. Вопрос нужно рѣшить принципіально: для Россіи нужна единая власть, единое національное правительство, но кто должен быть Всероссійским Правителем — это дѣло соглашенія вождей Армій. (Юренев). Нужно пренебречь чувством горечи за несправедливость судьбы. Отрицательное отношеніе Ос. Совѣщанія к вопросу о признаніи Колчака могло бы вызвать представленіе, что Ос. Сов. отстаивает преимущественно свое положеніе. Нужно вопрос рѣшить принципіально. Кто

же из вождей будет Верховным Правителем — рѣшится по их соглашенію. Признаніе Колчака, повидимому, для мѣстных государственных образованій болѣе пріемлемо, чѣм власть ген. Деникина. Откладывать признаніе нельзя. Нужно дѣйствовать немедленно. Нужны хлѣб и деньги (Бернацкій).

Мнѣніе Правленія Н. Ц. формулировалось в общем так: Признаніе Колчака предрѣшено историческим ходом событій. Момент об'явленія и форма должны проявить все величіе акта и личнаго подвига Главнокомандующаго.

С таким не столько рѣшеніем, сколько мнѣніем и настроеніем члены Н. Ц., участники Особаго Совѣщанія, отправились на засѣданіе послѣдняго.

Собраніе было в полном составѣ. Собранія Особаго Совѣщанія всегда имѣли строго дѣловой и серьезный характер. Нынѣшнее собраніе было как то особенно подтянуто и сосредоточенно.

Открывая собраніе, ген. Драгомиров огласил приведенное выше письмо ген. Деникина и добавил, что ген. Деникин просил самым рѣшительным образом раз'яснить собранію, что сейчас нѣт вопроса о борьбѣ за власть, борьба идет только за величіе Россійской Державы.

Далѣе Нератов доложил двѣ телеграммы Сазонова из Лондона. Одна содержала условія признанія адм. Колчака, поставленныя союзниками.

Условія эти были: Созыв Учредительнаго Собранія, как только будет достигнута Москва, если же к этому времени Учредительное Собраніе нельзя будет созвать, он должен будет собрать Учредительное Собраніе 1917 г.; свободныя выборы в мѣстныя учрежденія; отказ от установленія привиллегій отдѣльным классам; признаніе независимости Польши и Финляндіи, урегулированіе границ между Россіей и Эстоніей, Латвіей, Литвой, Кавказом и Закавказьем — при содѣйствіи Лиги Націй и т. д.

Другая телеграмма Сазонова указывала, что нѣт основанія проявлять поспѣшность в этом дѣлѣ.

На собраніи, до прихода делегатов, с полной опредѣленностью выяснилось совершенно отицательное отношеніе большинства членов Ос. Сов. к Парижскому Политическому Совѣщанію.

Было высказано, что Политическое Совѣщаніе стало на путь игнорированія и дискредитированія власти Главнокомандующаго на Югѣ Россіи. Ген. Щербачев появился без испро-

шенія разрѣшенія у ген. Деникина. Письмо кн. Львова ген. Деникину до чрезвычайности осложняет положеніе Д. Арміи среди казачьей самостійности. Признанье Колчака наносит удар престижу власти на Югѣ и в данных условіях было бы признаніем под вліяніем политических партій Парижа, в угоду Полит. Совѣщанію и лѣвым русским кругам.

Эти мысли были развиты с раздраженіем и запальчивостью. Не исправили отношенія к Парижу и его делегаты, рѣчи которых были мало убѣдительны и не по аудиторіи, которая слушала их сумрачно, холодно и недоброжелательно.

Кто вы, являющіеся нас поучать? По чьему порученію говорите вы? Мы знаем, что вы боитесь наших успѣхов и не сочувствуете им... Так, казалось, говорили строгія лица, опущенные глаза, неподвижныя позы тѣх, кто сидѣли по сторонам длиннаго стола, во главѣ котораго занимал мѣсто Драгомиров, наименѣе скрывавшій свое раздраженіе.

А между тѣм делегаты произносили свои рѣчи. Коротко и осторожно говорил Вырубов. С привычной легкостью, но явно не находя тона, не нащупывая подхода к непривычной аудиторіи, говорил Аджемов.

Аргументам в пользу признанія власти Сибирскаго правительства (они приведены выше) предшествовало схематическое изображеніе политическаго состоянія Англіи и Франціи.

...Когда было заключено, по настоянію Вильсона, преждевременное перемиріе, побѣдители оказались в чрезвычайно тягостном положеніи, говорил Аджемов. Послѣ войны вся жизнь расшаталась. Демобилизованныя массы, соль земли, деградированныя в старое довоенное состояніе, требовали новых соціальных привиллегій. Большевизм грозил Англіи. Палата уже не отражает настроеній страны. Общественное мнѣніе не удовлетворено политикой Л. Джорджа. Положеніе его неустойчиво и он вынужден идти навстрѣчу требованіям, пред'являемым крайними теченіями. С другой стороны, консервативная партія еше со времени Сольсбери относилась подозрительно к Россіи. Эта партія и теперь была бы не прочь использовать паденіе Россіи. Вопрос о раздѣлѣ Россіи дѣйствительно стоял в началѣ 1919 г. Дальнѣйшій развал Россіи, чтобы раз и навсегда покончить с нею, отвѣчал настроеніям того времени. Обломки русских соціалистических партій развили агитацію, что большевики менѣе опасны, чѣм Колчак и Деникин. На этой почвѣ

возникли Принцевы острова, англичане поддержали прибалтійскій союз и повели закавказскую политику...

...Франція — обезкровленное тѣло. Когда в Англіи относились сочувственно к идеѣ раздѣленія Россіи, Франція поддерживала единство Россіи (Пишон). Сознавалось, что лицом к лицу с Германіей, она не будет в состояніи удержать результатов побѣды. Одесса и Крым — результат не только слабости, но и игры партій. Клемансо удержался у власти цѣною Одессы и Крыма. Положеніе его непрочно. Франціи грозит соціальная революція. В салонѣ Менар-Доріан уже обсуждается вопрос, как быть с Россіей послѣ паденія Клемансо....

На чрезвычайно сложное положеніе союзных стран западной Европы указывали и другіе источники. Эти оцѣнки европейскаго положенія того времени слѣдует вспомнить, чтобы понять тѣ настроенія, которыя слагались в Особом Совѣщаніи при рѣшеніи поставленнаго перед ним вопроса. Они укрѣпляли сознаніе, что русскія дѣла и русскіе вопросы должны рѣшаться только в Россіи и только русскими и что указанія и условія «союзников», которые не прочь были усвоить себѣ германско-брест-литовскую точку зрѣнія на судьбу Россіи, не могли имѣть особой цѣны и моральнаго вѣса.

Особое Совѣщаніе 28 мая ограничилось лишь общей информаціей. Сужденія и рѣшенія были отложены до слѣдующаго дня.

Впечатлѣнія от перваго засѣданія с делегатами было мало благопріятное. Создалось настроеніе, в котором острота и важность вопроса, поставленнаго Парижем, как то изгладились и потускнѣли. Вопрос как то передвинулся в новую плоскость. Из вопроса большого общаго значенія, стал как бы мѣстным вопросом. Усилія делегаціи вызвали обратный эффект.

Такое впечатлѣніе о первом днѣ засѣданія было сообщено в засѣданіи Правленія Н. Ц. 29 мая и отмѣчено в его журналѣ № 46.

В этом засѣданіи М. М. Федоров заявил, что признаніе Колчака предрѣшено Главнокомандующим, что все сводится къ выбору момента и об'явленію этого акта. «В Особом Совѣщаніи наша точка зрѣнія, может быть, и не соберет большинства, но на ней нужно стоять твердо.» Новгородцев, поддерживая мысль о признаніи, заявил, что свое убѣжденіе в этом вопросѣ он составил не на основаніи доводов делегаціи, а на основаніи писем

Струве. Однако, он измѣнил первоначальный текст своей резолюціи и собственноручно набросал слѣдующій новый текст, который и передал мнѣ, направлявшемуся в Особое Совѣщаніе: «Признавая настоятельно необходимым образованіе Національнаго Правительства, Особое Совѣщаніе находит необходимым принять мѣры к немедленному выясненію тѣх условій, на которых может быть признано и образовано національное правительство, путем сношеній с адм. Колчаком». Бернацкій думал, что торопиться с об'явленіем признанія не слѣдует, а Юренев предостерегал, что «военное счастье измѣнчиво и признаніе может оказаться преждевременным». Однако Правленіе Н. Ц. осталось на прежней своей точкѣ зрѣнія: признаніе Колчака предрѣшено историческим ходом событій; момент об'явленія и форма должны проявить величіе акта и личнаго подвига Главнокомандующаго. Другими словами, признаніе должно быть актом Главнокомандующаго.

В то же время (27 мая) группа к. д, по тому же вопросу установила мнѣніе, что признаніе в данных условіях есть фикція; нужна бумага о признаніи; требуется символ возрожденія Россіи, созданіе суб'екта международнаго права. Все это вынуждает идти на признаніе. Это признаніе должно быть осуществлено так, чтобы не связывать рук в Россіи для дальнѣйшихъ дѣйствій.

Такое болѣе чѣм сдержанное отношеніе группы к. д. было вызвано уже имѣвшимися свѣдѣніями об отступленіи арміи Колчака и о том, что правительственный аппарат Колчака весьма далек от совершенства. Если недостатки управленія Д. Арміи вызывали среди нѣкоторых кадетов большое смущеніе, то свѣдѣнія из Сибири указывали на то, что там еще хуже. В то же время на Югѣ думали, что в Сибири власть строится крѣпко и имѣет за собой народную поддержку. А из Сибири приходили вѣсти, что там завидуют Югу, считая, что именно на Югѣ закладываются прочныя основанія національной власти.

Едва ли есть надобность воспроизводить, кто именно произносил какія сужденія в засѣданіи Ос. Сов. 29 мая. Представляет, однако, нѣкоторый интерес установить, в предѣлах каких идей развивались эти сужденія и как в конечном итогѣ получилось единогласное рѣшеніе Особаго Совѣщанія. Схематическое изложеніе в книгѣ Соколова «Правленіе генерала

Деникина» далеко не точно и не совсѣм вѣрно устанавливает фактическую сторону всего этого дѣла.

Собраніе началось с рѣчи Предсѣдателя, ген. Драгомирова, сдѣлавшаго попытку об'ективно оцѣнить выгоды признанія. Им было отмѣчено: с признаніем может установиться систематическая финансовая помощь со стороны союзников; возможность болѣе скораго заключенія мира и протестов против неблагопріятных для Россіи рѣшеній; если Колчак не будет признан, могут быть признаны большевики; признаніе Колчака увеличит авторитет всѣх сил, борющихся против большевиков; признаніе Колчака — это удар по большевикам; съ признаніем могут быть сняты унизительныя условія, тяготѣющія над русским золотом. Россія из об'екта снова станет суб'ектом права; наконец, будет нанесен удар самостійным стремленіям и будет остановлено дальнѣйшее возникновеніе новых образованій.

Далѣе Нератов сообщил телеграфную переписку с Сазоновым. Сообщен отвѣт Колчака на обращеніе пяти Держав. В этом отвѣтѣ, между прочим, указывалось, что он, Колчак, подтверждает свои заявленія, сдѣланныя раньше. Он не намѣрен удержать в своих руках власть ни на один лишній день. Когда большевики падут, будут назначены выборы в Учредительное Собраніе, которому и будет передана вся власть. В то же время в отвѣтѣ указывалось, что Правительство не находит возможным замѣнить свободные выборы в Учредительное Собраніе возстановленіем Учредительнаго Собранія 1917 г.

Сообщено было также о чрезвычайно благопріятных впечатлѣніях, вынесенных Сазоновым о пребываніи в Лондонѣ и общій вывод, что Державы признали преимущественное положеніе за Колчаком.

Сообщая это, Нератов, как всегда в исключительно осторожных словах, отмѣтил, что, хотя пребывающіе в Парижѣ русскіе и оторваны от русской дѣйствительности, но мнѣніе в пользу признанія Колчака идет не только от Политическаго Совѣщанія, «почтенное имя Струве» также свидѣтельствует о необходимости этого признанія. Признаніе необходимо для борьбы с большевиками. Слѣпо идти на признаніе, конечно, было бы большой неосторожностью. Однако, вѣскіе аргументы за признаніе Омскаго Правительства, повидимому, перевѣшивают выгоду отложить вопрос до соединенія армій юга и востока.

В дальнѣйшем ходѣ преній было указано; «Кто-то, спѣшит для достиженія своих собственных планов! Гробокопатели требуют отвѣтственности перед Учредительным Собраніем! Совдеп управлять Россіей не может! У Колчака вырвали рѣшеніе. Нужно сдѣлать все возможное, чтобы затянуть дѣло, к тому же нас никто не спрашивает»...

Нас элиминируют, выбрасывают из игры, говорили другіе, между тѣм историческая роль ген. Деникина и Юга еще не кончена. Сношенія с Колчаком были, с ним договорились о созданіи единой власти при встрѣчѣ армій. Признавать преимущественныя права Колчака при современных условіях и обстановкѣ — неправильно. Престиж на Югѣ будет потерян. Декларація в этом направленіи принесет не пользу, а вред. В революціонныя эпохи творческое дѣло дѣлается шаг за шагом. Добровольческая Армія и Ос. Совѣщаніе дѣлают государственную работу, которая требуется ежедневной дѣйствительностью. Теперь опять в эту работу вторгаются посторонніе силы. Политическое Совѣщаніе в Парижѣ, оно позорит русское дѣло. Оно стало поденщиком Западно-Европейской демократіи. Мы должны идти по пути, по которому шли до сих пор. На Колчака оказано давленіе. До сих пор он избѣгал Учр. Собранія. Теперь он соскользнул под давленіем Политическаго Совѣщанія Парижа. Он сдѣлал ошибку. Тѣм менѣе нам нужно поддерживать его в этой ошибкѣ. Ни о каком признаніи в настоящих условіях рѣчи быть не может...

Настроеніе большинства было совершенно опредѣленно. Оно было против признанія Колчака. Нужно было найти формулу, наиболѣе пріемлемую для Совѣщанія, единство мнѣнія котораго в этом вопросѣ представлялось желательным.

Представители Н. Ц. Федоров и я развивали точку зрѣнія, установленную Національным Центром.

Кажется, никто не уклонился от подачи своего мнѣнія. Было ясно, что Совѣщаніе не выскажется за признаніе.

Содержаніе моей заключительной рѣчи, сводилось к слѣдующему:

....Поставлен вопрос о возсозданіи Россіи. Вопрос поставлен не пріѣзжими из Парижа. Они только осложнили его и внесли трудности в его разрѣшеніе, ибо отказ от положительнаго отвѣта будет истолкован, как отказ от признанія, как начало борьбы из за власти; если не борются вожди, то в их штабах начинается состязаніе и соревнованіе. Нужно вернуть вопрос к его нормаль-

ной постановкѣ, освободить от вредных осложненій. Вопрос и поставлен и предрѣшен ген. Деникиным уже давно. Поставленный перед нами сейчас, вопрос распадается на двѣ части, смѣшивать которыя не слѣдует: нужно ли немедленно образованіе національнаго правительства в Россіи — один вопрос, и нужно ли для этого немедленное признаніе адм. Колчака. — Основной вопрос об образованіи Нац. Правительства, казалось бы, не требует доказательств, он ясен сам собой и подлежит разрѣшенію в положительном смыслѣ. Сложнѣе вопрос о признаніи Колчака этой національной властью. Ходом событій вопрос этот предрѣшен и медлить с его окончательным рѣшеніем нельзя, ибо Европа может признать Колчака без участія в этом признаніи ген. Деникина и тѣм отбросить в тѣнь Екатеринодар. С другой стороны, может исчезнуть благопріятный момент для признанія Россіи суб'ектом прав, и вниманіе Европы может снова повернуться к большевикам. Но без переговоров с Колчаком вопрос всетаки рѣшить трудно. Для переговоров, конечно, нельзя ждать соединенія армій и личнаго свиданія вождей. Необходимо срочное сношеніе с Омском через Париж для выясненія условій признанія и, по выясненіи их, принять окончательное рѣшеніе...

Предлагаемое рѣшеніе было по существу уклоненіем от рѣшенія поставленнаго вопроса. Но это было единственным выходом для Ос. Сов. и оставляло полную свободу дѣйствія для Главнокомандующаго, который мог свободно «проявить все величіе акта и личнаго подвига», как того хотѣл Н. Ц. Это рѣшеніе не облегчало положенія ген. Деникина, но ни в какой мѣрѣ не связывало его и было единственно возможным при опредѣлившемся настроеніи Ос. Совѣщанія.

Предложенная мною формула получила в окончательном видѣ слѣдующую редакцію: «Признавая настоятельно необходимым образованіе в Россіи единаго національнаго Правительства, Ос. Сов. полагает, что жизненые интересы Россійской Державы властно требуют, чтобы такое Правительство было образовано путем непосредственнаго соглашенія между ген. Деникиным и адм. Колчаком на началах, изложенных в оффиціальном сообщеніи от 10-23 апрѣля текущаго года». *)

*) Вот текст этого оффиціальнаго сообщенія:

«10-23 апрѣля Главное Командованіе на югѣ Россіи обратилось к Правительствам Союзных Держав, через их оффиціальных представителей, со слѣдующей деклараціей:

Предсѣдатель проголосовал сначала слѣдующій вопрос: слѣдует ли теперь же признать Всероссійским Правительство адм. Колчака и Омское Правительство и войти с ним в дѣловыя отношенія.

Имѣя в виду, что предстоит голосованіе моей формулы, собраніе подавляющим большинством отвѣтило на вопрос отрицательно.

Затѣм единогласно была принята предложенная мною формула, а также пожеланіе об отправкѣ в Париж особой делегаціи из членов Ос. Совѣщанія и техническаго персонала для переговоров с Омском и для ознакомленія с положеніем дѣл на Югѣ Россіи.

В принятую формулу члены коаліціоннаго и разносоставнаго Ос. Сов. вкладывали каждый свое содержаніе. Если для одних это была ступень к признанію Колчака единой Всероссійской властью, то для других это был акт «южнаго Добровольческаго патріотизма». В условіях того времени, во время военных пораженій Колчака и во время побѣд ген. Деникина, признаніе казалось актом вынужденным, наносившим удар Добровольческой Арміи, обидным обходом ген. Деникина. Отталкивающее впечатлѣніе производило требованіе союзников о возстановленіи Учр. Собранія 1917 г. В этом требованіи видѣли, с одной стороны, грубое вмѣшательство иностранцев в русскія дѣла и не менѣе грубое воздѣйствіе русских соціалистов, которые, как говорилось в Совѣщаніи, бѣгали жаловаться по передним «расхлябанных европейских правительств».

Прошу вас довести до свѣдѣнія вашего Правительства о том, какія цѣли преслѣдует Командованіе вооруженными силами юга Россіи в вооруженной борьбѣ с совѣтской властью и в государственном строительствѣ.

1. Уничтоженіе большевистской анархіи и водвореніе в странѣ правового порядка.

2. Возстановленіе могущественной единой, недѣлимой Россіи.

3. Созыв народнаго собранія на основах всеобщаго избирательнаго права.

4. Проведеніе децентрализаціи власти, путем установленія областной автономіи и широкаго мѣстнаго самоуправленія.

5. Гарантія полной гражданской свободы и свободы вѣроисповѣданій.

6. Немедленный приступ к земельной реформѣ для устраненія земельной нужды трудящагося населенія.

7. Немедленное проведеніе рабочаго законодательства, обезпечивающаго трудящіеся классы отъ эксплоатаціи ихъ государством и капиталом.

Послѣ двух дней обсужденія, Ос. Сов. так или иначе приняло рѣшеніе. Теперь слово было за Главнокомандующим. Ген. Деникин упорно хранил молчаніе и не открывал своих намѣреній. Никто из нас его не видал в эти дни. Ген. Романовскій, наиболѣе близкій Деникину человѣк, ограничивался словами, что «власть будет признана, когда состоится свиданіе». О настроеніях Н. Ц. Романовскаго ставили в извѣстность М. М. Федоров и я.

На слѣдующій день, 30 мая, давали прощальный торжественный банкет ген. Бригсу, от'ѣзжавшему из Д. Арміи в Англію. Банкет шел своим чередом. Проводы Бригса были теплыя и сердечныя. Генерал был истинным другом Д. Арміи и пользовался общей любовью и симпатіями. Рѣчи, одна сердечнѣе другой, были выраженіем неподдѣльных чувств, связывавших всѣх нас и военных и штатских, с англійским генералом. Банкет шел по обычной программѣ. Рѣчи, пѣніе превосходнаго казачьяго хора, Шкуро с кинжалами в зубах, носившійся в захватывавшей дух лезгинкѣ... Главнокомандующій, среди общаго возбужденія и оживленія, был сосредоточен и что-то писал, наклонившись к столу.

Вдруг он встал. Пѣніе, музыка, шум, говор как то сразу спали. Воцарилась тишина.

Твердым голосом, немного закругляя гласныя, он стал читать только-что написанный им текст.

Зал затих. Вниманіе напрягалось с каждым произносимым словом. От настроенія шумнаго банкета не осталось и слѣда. Совершалось что-то чрезвычайно значительное.

Медленно упадавшія слова развертывали все больше и глубже мысль, волю, рѣшеніе:

...«Отдавая свою жизнь служенію горячо любимой Россіи и ставя превыше всего ея счастье, — твердым голосом читал ген. Деникин, — я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю Русскаго Государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армій.

«Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасеніе Россіи».

Это был приказ Главнокомандующаго, которым разрѣшался вопрос, в теченіе двух засѣданій обсуждавшійся в Ос. Совѣщаніи.*)

---

*) Приказ 30 мая 1919 года за N 145 был изложен в слѣдующих ѣвыраженіях:

«Безмѣрными подвигами Добровольческих Армій, Кубанских,

Слова замолкли. Наступила глубокая пауза. И точно, вдруг осознав красоту и величіе того, что случилось, всѣ встали с своих мѣст и неудержимое ура загремѣло в залѣ. Всѣ устремились к Главнокомандующему. Каждый стремился сказать ему что-то. У Драгомирова глаза были полны слез. Старый И. П. Шипов цѣловал руку...

Всѣм стало ясно, что оглашено истинное, единственно возможное рѣшеніе и что источником этого рѣшенія — беззавѣтная любовь к Россіи, государственный смысл и подчиненіе себя своей идеѣ. Мѣстный патріотизм Ос. Совѣщанія растаял в величіи и красотѣ совершеннаго акта.

Главнокомандующій проявил в чудесной формѣ «все величіе акта и личнаго подвига».

Почему он избрал для этого поздній час шумнаго банкета? Думаю, что не ошибусь, если скажу, что нѣсколько необычная обстановка об'явленія акта такой большой важности была выбрана удачно. Приказ был оглашен при прощаніи с представителем Англіи ген. Бригсом, уѣзжавшим на слѣдующее утро в Англію, с докладом своему Правительству. Бригс увозил с собой текст приказа № 145 и неизгладимое впечатлѣніе от того, как этот приказ был встрѣчен соратниками ген. Деникина.

Рѣшеніе, принятое ген. Деникиным разошлось с мнѣніем Ос. Сов. Тѣм свободнѣе и прекраснѣе оказался благородный жест Главнокомандующаго.

Національный Центр был удовлетворен в полной мѣрѣ. Далѣе слѣдовали многочисленныя доказательства признанія этого великодушнаго акта, который ген. Деникин просто называл — исполненіем долга.

Донских и Терских казаков и Горских Народов освобожден Юг Россіи, и русскія арміи неудержимо двигаются вперед к сердцу Россіи.

«С замираніем сердца весь русскій народ слѣдит за успѣхами русских армій, с вѣрой, надеждой и любовью. Но наряду с боевыми успѣхами в глубоком тылу зрѣет предательство на почвѣ личных честолюбій, не останавливающихся перед расчлененіем Великой, Единой Россіи.

«Спасеніе нашей Родины заключается в единой Верховной Власти и нераздѣльном с нею Верховном Командованіи.

«Исходя из этого глубокаго убѣжденія, отдавая свою жизнь служенію горячо любимой Родинѣ и ставя превыше всего ея счастье, я подчиняюсь адмиралу Колчаку, как Верховному Правителю Русскаго Государства и Верховному Главнокомандующему Русских Армій.

«Да благословит Господь его крестный путь и да дарует спасеніе Россіи.»

Ос. Сов. поспѣшило в торжественной формѣ заявить о том, что оно присоединяется к рѣшенію, принятому Главнокомандующим.

Нац. Центр обратился к Деникину с письмом, в котором указывал на высоту жертвеннаго служенія родинѣ, на несравненную нравственную доблесть, соединенную с глубоким и свѣтлым пониманіем исторических задач Россіи.

Историческій акт Главнокомандующаго 30 мая 1919 г., которым возсоздавалось государственное единство, был по достоинству оцѣнен в торжественном собраніи, устроенном Н. Центром 5 іюня. На этом собраніи, в присутствіи представителей арміи, союзников и населенія, переполнившаго зданіе театра, представители Союза Возрожденія, Совѣта Государственнаго Об'единенія и Всероссійскаго Н. Центра в рѣчах, произнесенных И. П. Алексинским от Союза Возрожденія, Н. В. Савичем — от Государственнаго Об'единенія и мною от Н. Центра, — говорилось о полном единеніи в дѣлѣ возсозданія Единой, Недѣлимой Россіи и о значеніи акта Главнокомандующаго в этом возсозданіи Россіи.

Собраніе закончилось принятіем слѣдующей резолюціи:

«5-го Іюня, собравшись в торжественном об'единенном засѣданіи, значительнѣйшія русскія политическія организаціи — Союз Возрожденія Россіи, Совѣт Государственнаго Об'единенія Россіи и Всероссійскій Національный Центр — засвидѣтельствовали общее согласіе взглядов и полное единодушіе в высокой оцѣнкѣ историческаго акта, изданнаго ген. Деникиным 30-го мая с. г.

«Названныя организаціи, об'единяющія в своем составѣ представителей самых различных партій и групп и имѣющія свои развѣтвленія по всей странѣ, сомкнутым національным фронтом встрѣчают радостную вѣсть о воскрешеніи русскаго государства, как единаго цѣлаго. Видя в этом событіи залог дальнѣйшаго исцѣленія, возрожденія и преуспѣянія Россіи, русскія политическія организаціи привѣтствуют ген. Деникина, в самозабвенном подвигѣ служенія родинѣ неуклонно сохранившаго идею единства Россіи и превозгласившаго ея государственное об'единеніе под властью Верховнаго Правителя.

«Политическія организаціи, собравшіяся в настоящем засѣданіи, выражают твердую увѣренность, что Верховный Правитель Россіи, торжественно возвѣстившій о своем обязательствѣ

довести страну до учредительнаго собранія, имѣющаго заложить основы новой жизни согласно волѣ народа, будет привѣтствован широкими народными массами, как избавитель от тираніи большевиков и глава об'единенной Россіи; всероссійское же правительство, возглавляемое им, получит санкцію международнаго признанія.

«Да зравствует воскресшая Россія! Да здравствует Единое Русское Государство и его доблестные вожди, адм. Колчак и ген. Деникин, взявшіе на себя подвиг возрожденія Россіи к новой жизни.»

Резолюція была подписана Предсѣдателем Н. Центра М. М. Федоровым, Предсѣдателем Госуд. Об'единенія А. В. Кривошеиным и Предсѣдателем временнаго Центр. Комит. Союза Возрожденія В. А. Мякотиным.

31 мая Главнокомандующій признал необходимым немедленно отправить в Париж особую делегацію в главѣ с ген. Драгомировым для сношенія с адм. Колчаком, сообщенія ему всѣх свѣдѣній о положеніи дѣла на Югѣ и полученія от него необходимых указаній.

6 іюня делегація выѣхала в Париж.

Н. Астров.

НИКОЛАЙ I И ДЕКАБРИСТЫ.

При печатаніи второй части записок декабриста Лорера (кавказскій період) в «Русском Архивѣ» за 1873 г. по цензурным условіям были исключены мѣста, характеризовавшія политическую сторону движенія декабристов (первая часть записок была напечатана лишь в 1904 г. в «Русском Богатствѣ»). С копіи записок, находящейся в Парижѣ и принадлежащей г. Константинову, мы воспроизводим, между прочим, запись, сдѣланную Лорером о допросѣ Назимова.

«Когда дѣло наше было открыто, Назимов был взят, и приведен в Кабинет к Императору, который стал конечно упрекать его в заговорѣ. «*Государь*, — отвѣчал Назимов, — *меня удивляет только то*, *что из Зимняго Дворца сдѣлали съѣзжую.*» Конечно, подобное замѣчаніе не могло понравиться.»

С. М.

ДРАМА КУБАНИ.

(Ноября 1919 г.)

I.

Тяжелая драма ноябрьских дней 1919 года на Кубани, выразившаяся во вмѣшательствѣ Командованія Добровольческой Арміи с помощью военной силы во внутреннія гражданскія Кубанскія дѣла, нуждается во всестороннем освѣщеніи. Мнѣ пришлось быть свидѣтелем происшедшаго и хотѣлось бы здѣсь со всей доступной об'ективностью дать свои показанія о том, что тогда произошло и как это произошло.

Было бы неблагодарной задачей устанавливать сейчас момент, когда был завязан узел, который затѣм,—в ноябрѣ 1919 года Командованіе Добровольческой Арміи рѣшило, повидимому, рубить одним ударом.

Для уясненія происшедшаго необходимо все же сдѣлать нѣсколько предварительных замѣчаній, характеризующих кубанско-добровольческую обстановку 1919 года.

У кубанцев идея борьбы с большевиками была общей и принята она была въ силу единодушнаго рѣшенія. Кубанская Краевая Рада 20-го декабря 1917 года приняла особую политическую программу-декларацію, в коей утверждалось, что наиболѣе «совершенной формой правленія Россіи» кубанское казачество и горцы признали «Россійскую демократическую федеративную республику», состоящую «из крѣпко спаянных между собой единством государственных интересов федерирующихся областей».

Кубанскій Край, являющійся одной из них, входит в государственное единство «в качествѣ равноправнаго штата». Государственная жизнь в Краѣ и в государствѣ должна быть построена на основах демократіи и справедливаго учета соціальных групп и пр.

С этими идеями, с этим осмысливаніем борьбы, Кубанская, утвержденная Радой, власть выступила в поход, и во имя этих идей призывала народ к борьбѣ, производила в попутных стани-

цах и хуторах мобилизацію, требовала от населенія матерьяльных жертв и пр.

Живая боевая сила у обоих соединившихся отрядов — кубанцевъ и добровольцев — была, приблизительно, равной, с быстрым ростом преобладанія кубанцев в Арміи. 4|7 августа 1918 года состоялся торжественный в'ѣзд в отвоеванный у большевиков Екатеринодар, при особом символическом построеніи колонны в'ѣзжавших. Во главѣ ея бок-о-бок ѣхали генерал Деникин и Кубанскій Атаман Филимонов. За ними, — предсѣдатель Кубанскаго Правительства Быч и начальник Штаба Арміи ген. Романовскій. А потом члены Кубанскаго Правительства в ряду с соотвѣтствующими по значенію в Арміи чинами.

Но уже на первом совмѣстном, по занятіи Екатеринодара, засѣданіи кубанцев и добровольцев (12/25 авг.) произошло рѣзкое столкновеніе точек зрѣнія тѣх и других по вопросу, ставшему затѣм боевым в кубанской политикѣ, а именно: по вопросу о Кубанской арміи.

Началась полоса «упорной, сначала скрытой, а потом и открытой борьбы», это была борьба за свои позиціи двух начал: кубанскаго, — демократическаго, и добровольческаго, — начала единоличной диктатуры, усваивавшей на практикѣ все болѣе и болѣе откровенныя реставраціонныя устремленія.

Знаменательно было то, что именно тогда впервые кубанцам пришлось услышать открыто выраженное сужденіе из стана добровольцев о том, что в будущем исторически сложившійся в Россіи строй (монархія), должен быть возстановлен, при неизбѣжных, правда, коррективах. Высказался тогда так ген. Драгомиров, только что появившійся на кубанском горизонтѣ и назначенный предсѣдателем «Особаго Совѣщанія».

При происшедшей за прожитое время (с начала совмѣстной борьбы) дифференціаціи кубанских общественно-политических элементов, усилилась та именно часть, в средѣ которой никогда не замѣчалось особенно ревностнаго стремленія к преодолѣнію возникших в процессѣ революціи центробѣжных сил. В этой группѣ, так называемых «черноморцев», наиболѣе активную роль пріобрѣли кубанскіе общественные дѣятели Украинской оріентаціи, из которых многіе были идейными, а нѣкоторые личными друзьями Петлюры и его окруженія, — кубанскіе самостійники, как окрестила их не разбирающаяся в подробностях политическая улица.

К группѣ черноморцев примыкала небольшая, но активная часть кубанских горцев, та часть, которая увлекалась тогда идеями горскаго сепаратизма.

В противоположность добровольческой концепціи единой и недѣлимой Россіи в лагерѣ указанной части кубанцев была усвоена своя особая концепція, оффиціальная формулировка которой звучала, быть можетъ, не столь одіозно. По этой формулировкѣ выходило, что части бывшей Россійской Имперіи должны прожить опредѣленное время сомостоятельной государственной жизнью и потом уже возможен процесс стягиванія в государственное единство этих частей. В видѣ очередной задачи считалось созданіе свободнаго Союза государственных образованій Кавказа и Юга Россіи с непремѣнным включеніем в него независимой Грузіи и Украины.

Мы, — другая группа кубанских общественно-политических дѣятелей, — «линейцы», — мы считали необходимым «об'единеніе всѣх дѣйствующих в одном направленіи сил (слѣдовательно и добровольцев) при установленіи государственнаго строя в Россіи»*), Мы продолжали, слѣдовательно, стоять на почвѣ программы деклараціи Рады декабрьскаго созыва 1917 года, с ея подчеркнутым стремленіем к государственному единству. Во имя этого мы боролись внутри собственной кубанской среды с ея центробѣжными теченіями. Поддержав в Краевой Радѣ, при выборѣ Атамана, человѣка, мало симпатичнаго для нас, но кандидата общероссійской оріентаціи, А. П. Филимонова, мы способствовали, таким образом, забаллотированію выдвинутаго на этот пост черноморцами украинской оріентаціи Л. Л. Быча.

Важнѣйшей задачей своей об'единительной политики мы считали в первую очередь «об'единеніе в прочный государственный союз казачьих земель : Кубани, Дона и Терека». В своей деклараціи 29-го Января 1919 года мы об'являли, что этотъ «Союз» «как реальная и прочная сила, может и должен стать центром об'единенія других государственных образованій и областей юга Россіи». *) Послѣднее обстоятельство мы подчеркивали в противоположность, с одной стороны, — совершенно не соотвѣтствующей реальным силам и возможностям — добровольческой навязчивой идеѣ о немедленной планировкѣ единой Россіи по

*) См. Декларація Куб. Кр. Правит. (линейскаго по составу), оглашенная Ф. С. Сушковым в засѣданіи Законодат. Рады 29 янв. 1919 г.

методу «покоренія под нози всякаго врага и супостата»... С другой стороны, для нас сплошной утопіей или скрытой фальшью отдавало от Бычовскаго «Свободнаго Союза Кубани, Украины, Грузіи и прочих народов Кавказа и юга Россіи».

Наших скромных сил оказалось недостаточно для полнаго преодолѣнія, — на Дону — красновских тенденцій романтическаго монархизма и донской всевеликости, на Терекѣ — робости и связанности страхом перед инородческим элементом нашего младшаго брата, а главное, — для преодолѣнія излюбленнаго метода автократизма всѣх времен и народов, в нашем случаѣ, — автократизма добровольчества: divide et impera.

В кубанской законодательной Радѣ, куда был перенесен, — послѣ избранія Войсковым Атаманом А. П. Филимонова, — центр внутренней кубанской борьбы, мы, линейцы, большинства не получили.

Образовавшееся же в Радѣ большинство, — из черноморцев, части горцев и дикаго, в большинствѣ, безпринципнаго элемента, — не стало разбираться в средствах для достиженія своего господства в Краевой политикѣ.

К началу осени Краевое Правительство превратилось в послушное орудіе в руках вожаков указаннаго большинства Законодательной Рады.

Во второй половинѣ сентября — началѣ октября в оффиціальных сводках Добровольческой Арміи стал фигурировать особый Петлюровскій фронт, с интенсивно развивающимися боями на нем: под Гайском, Одессой, Казатиным и пр. Вмѣстѣ с тѣм сообщалось о разгромѣ повстанцев у Дербента, Петровска и пр. И в том и в другом направленіи дѣйствовали кубанскія воинскія части. Другими словами, для кубанскаго правящаго большинства создавалось неестественное положеніе: душить собственными руками дѣло, которому оно не могло не сочувствовать и которому оно готово было даже помогать. База вражды и недоброжелательства в отношеніи добровольчества расширялась, таким образом, далеко несоразмѣрно с его скромными силами и очень ограниченным кругом друзей.

В смыслѣ накапливанія горючаго матерьяла на Кубани уже к концу сентября 1919 года создалось угрожающее состояніе.

Стали говорить о близком созывѣ Краевой Рады.

Но плохо было то, что по весьма распространенному убѣжде-

нію настроенія большинства в Радѣ далеко не соотвѣтствовали настроенію большинства в Краѣ.

Краевая Рада, выдѣлившая затѣм из своей среды Законодательную, с вышеуказанным большинством, избиралась в свое время наспѣх, когда еще не вся Краевая территорія была очищена от большевиков. Населеніе, захваченое борьбой, не могло быть особенно осмотрительным при выборах; в Раду попали люди, не всегда отвѣчающіе пред'являемым к депутатам населенія требованіям. Необходим был бы роспуск Рады и назначеніе новых выборов. Со стороны населенія они были бы гораздо болѣе сознательными.

Но большинство Рады совсѣм не было расположено рисковать своим положеніем, и Краевая Рада даннаго состава обнаруживала тенденцію обратиться в особаго рода «долгій парламент», хотя по смыслу закона (ст. 12. Куб. конституціи) Краевая Рада не постоянно дѣйствующее учрежденіе, а законодательное собраніе, созываемое в экстренных случаях.

С точки зрѣнія юридической акт Атамана о роспускѣ Краевой Рады без ея о том постановленія, в силу особенностей закона, мог бы подвергнуться серьезному оспариванію. В отзывах запрошенных по этому поводу Кубанских юристов, дополнительно к этому указывалось, впрочем, что Краевая Рада 1918 года не была преемственно связана с Краевой Радой 1917 года и вышла из государственнаго переворота.

В средѣ самой Краевой Рады не мало было сомнѣній относительно правильности избранія многих ея членов.

Таким образом чисто конституціонныя соображенія не позволили Атаману сдѣлать этот рѣшительный шаг. И населеніе Края было лишено возможности высказаться по существу выдвигаемых жизнью основных вопросов Краевой политики.

Войсковой атаман издал приказ о созывѣ Краевой Рады прежняго состава на 24 октября.

А 15-го октября возобновилась сессія Законодательной Рады.

Среди большинства замѣчалось стремленіе произвести мобилизацію всѣх своих сил: пріѣхал из Парижа Калабухов, в газетах сообщалось, что ожидается пріѣзд Быча.

22-го октября в Законодательной Радѣ выступил с докладом о работах южно-русской конференціи И. Л. Макаренко. Он весьма пространно сѣтовал на то, что во время работ конференціи Кубанцы были лишены помощи своих военных спеціалистов. И уж совсѣм перегибая палку в одну сторону, докладчик закончил:

— Неужели Кубань так несчастна, что не могла породить двух, трех порядочных генералов.

Фраза вызвала бурю негодованія у членов Рады и у части публики.

Особенно острый отзвук она нашла в средѣ тѣх против кого была направлена, то есть в средѣ кубанских генералов.

Походный Атаман и Член Правительства по военным дѣлам генерал Звягинцев счел необходимым даже обратиться письменно в редакціи газет, с особым протестом и требованіем, чтобы позорное пятно было снято Радой с Кубанских генералов.

При подобном настроеніи начались засѣданія Краевой Рады....

Засѣданіе 25-го октября было посвящено памяти трагически-погибшаго предсѣдателя Рады Рябовола.

26-го октября приступили к выборам президіума и из двух кандидатов, — Сушкова и Макаренко, — большинство отдало свои голоса послѣднему, так неудачно перед этим вызвавшему раздраженіе кубанскаго офицерства.

Тут же стал извѣстен приказ ген. Деникина о преданіи суду Быча, Калабухова, Савицкаго, Намитокова и др. Приказ исходил от Главнокомандующаго и был обращен, между прочим, к Кубанскому, Донскому и Терскому Атаманам.

В приказѣ сообщалось, что «в іюлѣ мѣсяцѣ между правительством Кубани и Меджилисом Горских народов заключен договор, в основу котораго положена измѣна Россіи и передача Кубанских казачьих войск сѣвернаго Кавказа в распоряженіе Меджилиса, чѣм обрекается на гибель Терское войско.»

Далѣе указывались имена подписавших договор, — со стороны кубанцев Быч, Калабухов, Савицкій и Намитоков, со стороны горцев, — Топа Чермоев и др. Послѣдняя наиболѣе одіозная часть приказа заключалась в слѣдующем:

«Приказываю при появленіи этих лиц на территоріи вооруженных сил на Югѣ Россіи немедленно предать их военно-поле-

вому суду за измѣну» (Таганрог. 25-го октября 1919 года. — № 016729. Деникин.)

Приказ этот, судя по нѣкоторым его редакціонным особенностям. носил на себѣ всѣ признаки большого раздраженія и поспѣшно принятаго рѣшенія со стороны его составителей. Не мог Главнокомандующій и чины его штаба не знать, что в природѣ существует лишь одно Кубанское войско, а поскольку рѣчь могла идти о нѣскольких боевых единицах, то это не войска, а воинскія части. Никаким договором не было также обусловлено, чтобы Главнокомандующій имѣл право приказывать Войсковым Атаманам. Затѣм иммунитет народнаго представителя даже при слабом развитіи правосознанія на территоріи вооруженных сил Юга Россіи все же являлся до сих пор безспорным. Наконец, слишком било в глаза намѣренно предвзятое использованіе принципа, — divide et impera в том мѣстѣ приказа, гдѣ бралось под защиту «обреченное на гибель Терское войско». Быть может, в силу этих особенностей приказ не был воспринят во всѣх кубанских сферах с той серьезностью, которой он заслуживал.

— Запальчивая выходка непризнаннаго диктатора...

Переживаемое время было обильно подобными выходками и кубанскія сферы приспособились изживать их в порядкѣ дискуссіи.

Уже за нѣсколько дней до появленія этого приказа в свѣт, в кубанской прессѣ, в связи с пріѣздом Калабухова, подымался вопрос о наличіи какой-то разновидности договора, который будто бы был подписан Бычом и др. Калабухов, помнится, выступал в газетах с раз'ясненіем, но или намѣренно при этом путал, или обнаруживал слишком большую наивность. «Договора де нѣт, а есть лишь проект его, который все же стороны подписали», — значит имѣется вид прелиминарнаго договора? — Отвѣт на этот вопрос получался в видѣ многозначительнаго умолчанія.

В засѣданіи Рады Войсковой Атаман сдѣлал доклад о мотивах, побудивших его созвать Краевую Раду. Отодвинув всѣ другіе вопросы на задній план, он стал говорить о «парижской делегаціи», этом «яблокѣ раздора между Кубанью и Доброарміей».

— Необходимо предотвратить катастрофическія послѣдствія приказа ген. Деникина...

II.

Но можно было считать выясненным, что Главное Командованіе Добровольческой Арміи, приняв однажды рѣшеніе о примѣненіи репрессій к кубанцам, шло безостановочно по намѣченному пути.

Предназначены были лица для проведенія в жизнь задуманнаго, — генералы Врангель и Покровскій. Оба они, — не казаки по происхожденію, но приписавшіеся к казакам, были приняты станицами в число своих членов. В гражданскую войну, командуя кубанскими воинскими частями, они выдвинулись одержанными побѣдами и занимали теперь высокія должности в Добровольческой Арміи.

Къ генералу Врангелю радянское большинство как будто даже благоволило. Ему было послано приглашеніе посѣтить Раду, но он телеграммой на имя предсѣдателя отвѣтил отказом.

— Всѣ как будто бы сговорились осложнять политическій кризис на югѣ Россіи. — Писалось в связи с этим отказом в мѣстной прессѣ.

В руках генерала Врангеля, нужно думать, сосредотачивалось верховное руководительство Кубанской операціей. Непосредственное исполненіе ея поручалось генералу Покровскому. Какую-то неясную роль передаточнаго звена между Врангелем и Покровским приписывает теперь ген. Филимонов генералу Науменко.*)

В интервью с сотрудником газеты «Пріазовскій Край» Науменко в свое время заявил, что «подчиненіе Кубани генералу Врангелю дает возможность главному командованію осуществить на Кубани тѣ военныя мѣропріятія, (значит, Науменко о них знал), которыя будут признаны необходимыми». Дальше: «Твердый характер и громадная энергія ген. Покровскаго достаточно извѣстны кубанцам и, надо полагать, при нем в тыловом районѣ Кавказской арміи будет спокойно».**)

К сожалѣнію, эти подробности приходится узнавать только теперь, в то бѣшенное время не удавалось даже внимательно просмотрѣть газеты.

---

*) А. П. Филимонов: «Историческая справка». «Нов. Вр.» № 738. 11 окт. 1923 г.

**) Пріазовскій Край. 6-го ноября 1919 года.

III.

Вообще нужно сказать, являясь третьей стороной при двух, готовых схватиться, мы, линейцы, были мало освѣдомленной группой. Нам приходилось лишь дѣлать общіе выводы из наблюдаемаго и пользоваться случайными свѣдѣніями. К числу таких случайных сообщеній относится, между прочим, слѣдующее.

Как-то возвращаясь домой из засѣданія Рады числа 29-30 октября, я встрѣтил члена Рады Литовкина. Мы с ним мало были знакомы, встрѣчались в Радѣ, в болѣе частной обстановкѣ видались всего 3-4 раза. Неожиданно Литовкин остановил меня и с таинственным видом сообщил послѣднія новости. По его словам ему пришлось узнать из совершенно достовѣрнаго источника о цѣли прибытія в Екатеринодар генерала Покровскаго. Вопрос о репрессіях в отношеніи опредѣленной группы членов Рады предрѣшен. При этом самому Атаману Филимонову, в случаѣ его противодѣйствія, не сдобровать, — во всяком случаѣ, дни его Атаманства сочтены. Выслушав мое совершенно осуждающее подобный образ дѣйствій мнѣніе, Литовкин к большому моему удивленію заявил, что генерал Покровскій, по его Литовкина свѣдѣніям, желает со мною поговорить и навѣрное на этих днях обратится с просьбой о свиданіи.

Мы в это время были заняты сколачиваніем «Кубанскаго Союза Всероссійскаго Учредительнаго Собранія», разработкой его платформы, деклараціи и ближайших задач. Опыт прошлаго нам показал, что в Краевой Радѣ хорошо сорганизованное ядро, принявшее жизненную и политически-здоровую программу, всегда может расчитывать на успѣх. Общая масса членов Рады (около 600) по своему демократическому облику, по здоровому государственному мышленію, ближе к нам, чѣм к черноморцам или добровольцам. Выдвигая на первый план лозунг «Всероссійское Учредительное Собраніе», мы, таким образом, подчеркивали свою общероссійскую оріентацію и свой демократизм.

IV.

27-го октярбя Совѣт Краевого Правительства постановил считать договор дружбы аннулированным, а парижскую делегацію превысившей свои полномочія, самую же делегацію

считать утратившей свои полномочія. В то же время рѣшено было протестовать против приказа генерала Деникина, а самый приказ признать нарушеніем Кубанской конституціи.

Кубанскій Войсковой Атаман также срочной телеграммой протестовал против приказа «нарушившаго права Кубанской Краевой власти и глубоко оскорбившаго правосознаніе кубанскаго народа». «Сыны Кубани не запятнали себя измѣной».

Протестовала нѣсколько позже (2-го ноября) и Краевая Рада, требуя отмѣны приказа, могущаго повести «к губительному разрыву». В срочном порядкѣ Рада постановила послать делегаціи на Дон и Терек. Атаман и Правительство, путем посылки телеграмм, также все время стремились держать в курсѣ дѣла своих «братьев».

Но... единаго фронта, несмотря на так афишируемыя стремленія к нему большинства законодательной Рады, не получилось.

Депутат Бѣлашов, представитель большинства на Большом Войсковом Кругу, без всякой уже дипломатіи, взывал к братскому чувству Донцов.

— «На горизонтѣ Кубани сгустились нынѣ тяжелыя зловѣщія тучи... Мы, кубанцы, твердо надѣемся, что Дон не забудет помощи, оказанной ему Кубанью в критическій момент в мартѣ мѣсяцѣ (когда донцы дрогнули под напором большевиков, а кубанскія части были брошены им на помощь).. и донцы в свою очередь, придут к нам на помощь»*).

Рѣчь эта произносилась 4-го ноября, когда по ходу кубанских событій нужна была бы немедленная поддержка.

Бѣлашову отвѣчал от имени Круга предсѣдатель его В. А. Харламов. Обѣщал «семейным совѣтом» обсудить «завтра» просьбу кубанцев. Напоминал при этом кубанской делегаціи об отвѣтственности Круга при принятіи рѣшеній «перед всѣм Донским краем», «перед воинскими частями», «перед кровью, обильно проливаемой на полях битв», «перед будущим величіем Россіи».

В Екатеринодарѣ между тѣмъ Рада, заговорив самое себя, продолжала выслушивать доклады, поджидая поддержки от «братьев».

Послѣ докладов Султан-Шахим-Гирея, Гочарова, Тимошенки, Иваниса настала очередь члена Парижской делегаціи Кала-

*) **Пріазовскій Край. 6-го ноября 1919 года.**

бухова. Очень пространно он разсказывал о том, как делегація, преодолѣвая различныя препятствія, ѣхала в Париж, о ея дѣятельности в пути, и о ея дѣятельности на мѣстѣ, на конференціи мира. Очень часто подчеркивались ея «безкомпромиссныя демократическія позиціи». Невольно при этом у слушателей возникали сравнительные образы о том, как эти теперь сторонники «безкомпромисснаго демократизма» были далеко не столь послѣдовательными демократами, когда стояли у кормила Краевого управленія.

Еще 3-го ноября Калабухов продолжал свой доклад, начатый 1-го ноября, и огласил меморандум Быча с просьбой принять Кубань в Лигу Націй.

Жуткое впечатлѣніе производил сам докладчик А. И. Калабухов, — жертва двух столкнувшихся теченій, по существу своему, быть может, ближе стоящій к добровольчеству и только увлекшійся в послѣднее время политическими и дипломатическими откровеніями Быча.

В Парижѣ сунули ему в карман ничего не стоющую по существу, но ставшую вдруг одіозной бумагу, в видѣ договора дружбы с Топой Чермоевым, никогда не бывшим всерьез представителем горской республики, — ибо самой республики в природѣ не существовало. И отправили несчастнаго Калабухова в Край, гдѣ все было отравлено испареніями человѣческой крови, пролитой в братоубійственной войнѣ. Здѣсь приложеніе руки к бумагѣ, совмѣстно с удачно реализовавшим грозненскую нефть Чермоевым, оказалось достаточным поводом, чтобы над головой Калабухова оказался занесенным меч разящей десницы.

Высокаго роста, нѣсколько согбенный, ни кровинки в лицѣ, всходил Калабухов на трибуну, — не снявшій сана священник, смѣнившій рясу на черкеску и опоясавшійся казацким поясом, с обычным оружіем на нем. Голос высокій, немного надтреснутый.

Вспоминался короткій період совмѣстных блужданій в «Первом Кубанском походѣ». Калабухов — неизмѣнно веселый, остроумный, товарищески-участливый.

До жути было жаль человѣка теперь. Как-то в перерывѣ между засѣданіями Рады встрѣтились за сценой, гдѣ толкаются вожаки групп и просто любители всякой сенсаціи.

Калабухов в группѣ собравшихся стал громко сѣтовать на то, что многіе его, «друзья в ковычках» совѣтуют ему скрыться от якобы ему грозящей опасности, в связи с приказом ген. Дени-

кина. Но ничуть не бывало, — он останется и будет продолжать работу. Так же громко, чтобы всѣ слышали, я отозвался на его слова:

— Не знаю, к каким друзьям своим вы меня относите, Алексѣй Иванович, — в ковычках или без ковычек, но я от всей души посовѣтывал бы вам скрыться, и как можно скорѣе.

V.

?-го ноября 1919 года генерал Покровскій издал свой приказ № 1, в котором извѣщал о включеніи Кубанскаго Края в тыловой район Кавказской арміи и о вступленіи своем в обязанности Командующаго войсками тылового района.

Рада в это время жила под тройным прессом чрезвычайно острой возбужденности. Во-первых, эта возбужденность проистекала от внутренних причин. Вожди большинства, будучи, конечно, в курсѣ развивающихся событій, и чувствуя приближеніе развязки, повышенно нервничали, и это их состояніе передовалось остальной массѣ стоящих за ними членов Рады. Линейское меньшинство, — численно все же значительное, — не было освѣдомлено о мѣропріятіях обѣих готовящихся к схваткѣ сторон, но совсѣм не склонно было изображать из себя приводимое на закланіе стадо баранов, всячески стремилось бороться с зарвавшимся большинством и стойко отстаивало свои позиціи.

Наличіе на посту предсѣдателя Рады И. Л. Макаренко, одного из верховодников всей затѣянной кампаніи в Радѣ, подливало масло в огонь взаимной непріязни и обостреннаго раздраженія. И. Л. Макаренко никогда не отличался необходимой тактичностью и хотя бы видимостью предсѣдательскаго безпристрастія.

Вторым источником возбужденности в Радѣ являлись силы, внѣ Рады стоящія. Раз проявившись в видѣ приказа генерала Деникина за № 016729, силы эти шли к поставленной цѣли не останавливаясь. И это не могло ускользать от вниманія членов Рады и их не волновать.

Наконец, — третье: вліяніе улицы. С улицы приходили толпы жаждущих сенсаціи и зрѣлища лиц обоего пола и переполняли мѣста для публики и для печати. Исходя, очевидно, из своих соображеній, президіум широко открывал двери засѣ-

даній Рады. Среди этой, проникающей на засѣданія без достаточнаго контроля, публики кишмя кишѣли всякаго рода мелкіе и крупные авантюристы нездороваго тыла войны и среди них, конечно, большевицкіе агенты.

Один раз на вечернем засѣданіи Рады 31-го октября, перед его началом, но уже послѣ предсѣдательскаго звонка, вдруг к барьеру амфитеатра приблизился господин в солдатском обмундированіи с Георгіевскими крестами на груди и с Евангеліем в руках, и поднимая послѣднее, завопил:

— С нами Бог, разумѣйте, языци!

— Деникина дракона об'являю внѣ закона...

— На Колчакѣ мертвая голова.

— Пойте за мной: Царю небесный...

Вся публика рванулась, кто к выходу, кто куда.

Макаренко, предсѣдатель, метнулся за кулисы.

Крикуна вывели, за сумасшедшаго сочли. Но очень прозрачно его центральная фраза воспроизводила припѣвы большевицкой агитаціи о главных своих противниках. Сумасшедшій был, повидимому, особаго рода.

VI.

В связи с назначеніем Покровскаго командующим тылом, Рада, приняв особую резолюцію, в которой содержался протест против этого, об'явила, что вся гражданская и военная власть в предѣлах Кубанскаго Края принадлежит исключительно органам высшей власти, установленным кубанской конституціей. Войсковому Атаману и Краевому Правительству предложено было соблюсти неукоснительное примѣненіе кубанской конституціи.

В отношеніи Атамана здѣсь, как и в других случаях, сказывалась вся двойственность и ошибочность тактики большинства. Дискредитируя Атамана в Радѣ, она аппелировала к его авторитетности при необходимости.

Конечно, из этого ничего путнаго не могло выйти.

Атаман в засѣданіи Рады 3-го ноября поставил вопрос ребром:

— Если Рада идет на разрыв с Добровольческой Арміей, то он, Атаман, просит освободить его от высоких полномочій.

Это была, во всяком случаѣ, ясная постановка вопроса,

Большинство должно было принять окончательное рѣшеніе, продолжать ли развивать задуманное, и слѣдовательно переходить к рѣшительным дѣйствіям, или... бить отбой.

В дневном засѣданіи Рады П. Л. Макаренко выступил с необыкновенно пространной рѣчью о том, как тяжело переворачиваются страницы исторіи, какой тяжелой стопой ходил в свое время по полям Европы конь Атиллы, с каким безсердечіем дробила человѣческія кости в другіе вѣка колесница исторіи. Рѣчь отличалась большой образностью и была несомнѣнно глубоко продумана. — Сейчас наш черед, — заявлял лидер большинства. Колесница русской исторіи безудержно катится в направленіи возстановленія единой и великой Россіи... хотим мы этого или нѣт.

Можно было воспринять это, как отбой по всему фронту. Но это высказывалась лишь одна сторона.

В Екатеринодар Покровскій прибыл не один. С Царицынскаго фронта Кавказской арміи было снято два полка кавалеріи, командиры которых были преданные Покровскому офицеры. Полки были расквартированы в ст. Пашковской, — совсѣм рукой подать до Екатеринодара.

По частям телеграфных лент линіи Кисловодск-Екатеринодар, приводимых Филимоновым, видно, что генерал Врангель, передавая свой приказ о назначеніи Покровскаго через Науменко 2-го ноября, в 10 ч. 30 м. утра за № 169, тут же подтвердил Покровскому, яко бы через Науменко же, что «Главное Командованіе настаивает на срочном выполненіи своего приказанія», что «дальше медлить нельзя»...*)

Никто из нас, непосвященных, в тот момент не знал, о столь точно формулированных заданіях Покровскому, подкрѣпленных к тому же столь значительной воинской силой.

VII.

Нѣсколько позже, неожиданно для себя; отнюдь того не желая, уклоняясь даже от этого, пока было можно, я имѣл свиданіе с генералом Покровским, во время котораго узнал: 1) У Покровскаго был в руках писанный документ, подтверждав-

---

*) Филимонов. «Истор. Справка» «Нов. Вр.» № 758, 11 окт. 1923 г.

шій вышеприведенное распоряженіе Врангеля о невозможности промедленія.

2) У Покровскаго были какія то причины промедленія, а в самый послѣдній момент, как будто, даже колебанія...

Постараюсь болѣе подробно изложить исторію этого свиданія и существо происшедшаго тогда разговора.

Я приводил уже здѣсь, как во время случайной встрѣчи с Литовкиным, я узнал о возможности этого свиданія.

Послѣ этого ген. Покровскій дѣйствительно нѣсколько раз обращался ко мнѣ через посланных и по телефону с приглашеніем зайти к нему, чтобы переговорить «по весьма важному дѣлу».

По телефону ко мнѣ звонили на квартиру, посылаемые Покровским офицеры приходили ко мнѣ, помню, однажды в Раду, а другой раз, не застав меня дома, в зданіе Областного Правленія. Мнѣ совсѣм не хотѣлось впутываться во всю эту исторію. Ничего добраго от готовящагося столкновенія двух сил я не ждал. Я считал свой долг выполненным, сдѣлав максимум возможных в моем положеніи усилій, чтобы не допустить возможных осложненій еще до созыва Рады. Теперь внутри Рады, в качествѣ члена меньшинства, я старался, по мѣрѣ сил, ослабить создающееся общее напряженіе, полагая, что авось, каждый выигранный день, даже час, принесет с собой желательное измѣненіе в ходѣ событій.

По телефону и посланным офицерам я давал один и тот же отвѣт: — в генералѣ Покровском я лично нужды не имѣю, а, если ему угодно меня видѣть, я дома бываю тогда-то и тогда-то.*)

И вот уже 3-го или 4-го ноября, в тот именно вечер, когда мы, во временном общежитіи членов Рады Лабинскаго отдѣла (на Красной ул. в б. зданіи учрежденій Союза мелкаго кредита) разсмотрѣли, наконец, и приняли нашу декларацію и платформу Кубанскаго Союза Всероссійскаго Учредительнаго Собранія, — туда ко мнѣ пришел генерал Н. М. Успенскій. Я всегда относился к нему с большим уваженіем. Отозвав меня в сторону, он сказал, что ему извѣстно о приглашеніи меня к себѣ Покровским, и о

*) Мнѣ как то уже в Сербіи при об'ѣздѣ Кубанской дивизіи пришлось встрѣтиться с одним из посланцев Покровскаго, помнится, св.-ст. Гурѣевым. Он сам напомнил мнѣ об этом случаѣ и подчеркнул, что, как Кубанец, он был удовлетворен моим отвѣтом.

моем отказѣ пойти к нему. Так вот теперь он, Успенскій, пришел ко мнѣ и совѣтует мнѣ пойти к Покровскому.

— Быть может, вам удастся предотвратить многое.

Посовѣтовавшись тут же с ближайшими политическими друзьями, я дал Успенскому согласіе пойти на слѣдующій день утром к Покровскому. Чтобы избѣжать всяких кривотолков, я на утро пригласил к себѣ на квартиру своих политических друзей, а также представителя другой группы К. А. Безкровнаго, к этому времени уже не состоявшаго членом Правительства.*) Предупредив их всѣх, куда иду, я обѣщал разсказать по возвращеніи содержаніе разговора с ген. Покровским, в руках котораго была в тѣ дни судьба Кубани.

Нужно отмѣтить, что жизнь в это время в Екатеринодарѣ была совершенно отравлена сыском. Кромѣ обычных и многосторонних контр-развѣдок Главнаго Командованія и Кубанскаго Правительства, и, конечно, большевицкой, дѣйствовала, повидимому, контр-развѣдка ген. Покровскаго, и, нужно думать, также, добровольная, — а м. б., по «штатам» дѣйствующая, — контр-развѣдка большинства Законодательной Рады. Неоднократно я имѣл случай убѣждаться, что моя квартира и мои выходы находятся под перекрестным наблюденіем. Приходилось сокращать обычное передвиженіе и все дѣлать так, чтобы всѣ видѣли — пошел туда-то, сказал то-то.

У Покровскаго меня провели в небольшую угловую комнату, куда скоро вошел сам хозяин, — в черкескѣ и вообще одѣтый под настоящаго кубанца.

— А, здравствуйте... Долго мнѣ пришлось поджидать вас... Мнѣ давно хотѣлось с вами поговорить.

На мое удивленіе, почему именно со мной, он отвѣтил не прямо. Он де кубанец, обстановка на Кубани чрезвычайно сложная и серьезная, нужно выйти из нея с честью. Обо мнѣ у него сложилось мнѣніе, как о человѣкѣ искренне болѣющем интересами Кубани и человѣкѣ твердом и энергичном — вот почему он хотѣл со мной потолковать.

Он приказал при этом подать два стакана чаю, — оказавшагося необыкновенно сладким, — для себя и для меня.

Наше толкованіе началось с того, что он дал мнѣ прочитать часть вышеуказаннаго документа, — оффиціальнаго письма, —

*) Вышел в отставку 21-го октября.

написаннаго размашистым, незнакомым мнѣ тогда почерком. Сложено письмо было так, что подписи нельзя было прочесть.*)

В этой части письма Покровскому предлагалось произвести необходимыя дѣйствія, арестовать извѣстных ему членов Рады (всего, помнится, около 32 человѣк) и предать военно-полевому суду. К этому, помню, добавлялось: «Суд должен быть скорый и исполненіе немедленное».

До глубины души я был возмущен этим.

Но совершенно сдержано я указал Покровскому, что кровью нас теперь запугать нельзя, и что я удивляюсь, почему ему нужно было привлекать и меня к этому нехорошему дѣлу.

Покровскій спохватился и снова стал увѣрять, — лично де он не сочувствует данному направленію дѣла, но он получил опредѣленное приказаніе.

— Но неужели вы не понимаете, что подобныя дѣйствія будут имѣть совершенно обратные ожидаемым результаты? — замѣтил я.

— О-о, знаете, висѣлица имѣет свое значеніе, — всѣ притихнут.

Я попробовал спокойно обратить вниманіе Покровскаго, на то противорѣчіе, в какое впадает он, соглашаясь быть проводником подобных мѣр, и в то же время считая себя кубанцем. Кубанец должен уважать волю своего народа, выражаемую через представительное учрежденіе — Раду. С искренней или дѣланной наивностью Покровскій принялся увѣрять меня, что ни он, ни Главное Командованіе совсѣм не думают посягать на Раду и другія учрежденія кубанскаго казачества, что он, наоборот, будет настаивать, чтобы послѣ завершенія всего намѣченнаго Рада вновь собралась и продолжала свою работу.

— Но что же за Рада это будет? И какое правительство согласится послѣ этого повести дѣло управленія?

Покровскій предложил для ознакомленія заготовленный им заранѣе список членов «энергичнаго» правительства.

Каково же было мое удивленіе, когда во главѣ этого замѣчательнаго списка я увидѣл собственную фамилію, — я как предсѣдатель Правительства; Сушков, как член Правительства по вѣдомству Народнаго Просвѣщенія, Успенскій, — по вѣдом-

---

*) Впослѣдствіи мнѣ пришлось познакомится с почерком Ген. Врангеля. Думаю, что письмо было его.

ству внутренних дѣл или военных, затѣм Морев, — по земледѣлію, Дицман, — по торговлѣ и промышленности и т. д.

— Только нужно, — добавил Покровскій, — выбрать к этому энергичнаго Войскового Атамана. Александр Петрович (Филимонов) не годится. — Намек был слишком опредѣленный.

Опять таки; не давая воли естественному раздраженію, я постарался спокойно уяснить генералу, что всѣ его разсчеты на меня и других близких мнѣ лиц, — я назвал Сушкова и Успенскаго, — неосновательны. Мы не только не хотим этого, но, если даже захотѣли бы, — мы не могли бы исполнить предназначенных нам ролей. У Главнаго Командованія и у него, Покровскаго, может быть только слѣдующая диллема: или он, Покровскій, агент Главнаго Командованія, назначенный им генерал-губернатор, — и тогда у нас не может быть никакого другого состоянія, как состоянія борьбы и противодѣйствія, или он, — кубанец, — тогда он должен отказаться от взятой на себя роли и прекратить все недостойное начинаніе.

Я указал при этом, как естественный ход событій в Радѣ привел уже к тому, что вожаки большинства пришли к сознанію своих ошибок, и послѣднее выступленіе в Радѣ П. Л. Макаренко, — ркое тому доказательство. Онъ признал неотвратимость «поворота колеса исторіи» в сторону «единой» Россіи.

— Да, но это сегодня, а завтра они опять примутся за свое...

У меня не было охоты распространяться на тему о значеніи парламентских способов борьбы с вредными крайностями, и я кратко еще раз подчеркнул, что для меня пріемлем только этот путь, при другом способѣ дѣйствій на мое сочувствіе, а тѣм паче на мое сотрудничество, никто не может разсчитывать.

Я высказал также свое мнѣніе о том, что ему, Покровскому, нечего разговаривать с нами, — надлежит поговорить с тѣми из кубанцев, которых это дѣло касается ближе всего — с вожаками большинства.

— Да, но они меня боятся, они ко мнѣ не пойдут.

Мнѣ оставалось лишь указать нейтральное мѣсто, — дворец Атамана или квартиру предсѣдателя Правительства, — гдѣ обѣ стороны друг друга не боялись бы и могли бы свободно встрѣтиться и переговорить.

На этом мы разстались.

Дома я передал весь разговор заранѣе приглашенным лицам и направился потом к Войсковому Атаману.

Послѣдняго я застал в сильном возбужденіи. Догадываясь о причинѣ, я спросил, был ли у него Покровскій. Оказывается был и просил устроить ему свиданіе с членами Рады: П. Л. Макаренко, Безкровным и др. Признаться я удивился такой сильной воспріимчивости Покровскаго к выраженному мною мнѣнію и передал Атаману вкратцѣ содержаніе нашей бесѣды. Нужно сказать, что Атаман тоже отнесся сочувственно к идеѣ непосредственных переговоров Покровскаго с названными лицами. Так мнѣ тогда, по крайнѣй мѣрѣ, показалось. Сообщить ему содержаніе моего разговора с Покровским я считал себя обязанным, как Атаману. Разсчитывать же на его обратную предупредительность, — на посвященіе меня в ход его мыслей и намѣреній или на сообщеніе разговора его с третьими лицами, я не мог. Лично близких отношеній у нас никогда не было, а мое оффиціальное положеніе — члена Рады — не было таким, чтобы обязывать Атамана дѣлиться со мной своими планами. В своей статьѣ «Разгон Кубанской Рады» ген. Филимонов передал о своих переговорах с Покровским в нѣсколько другой связи и как будто бы в другой послѣдовательности. Но это уже нужно оставить всецѣло на его отвѣтственности. До прочтенія его статьи мнѣ не были извѣстны перепетіи его сношеній с Покровским в теченіе 5 ноября.

VIII.

В вечернем засѣданіи Краевой Рады 5-го ноября на очередь были поставлены какіе-то вермишельные вопросы. По хлопотливой дѣловитости нѣкоторых из лидеров, всѣ предшествующіе дни занятых накапливаніем энергіи протеста и взрыва, можно было сдѣлать заключеніе, что тучи начинают разсѣиваться и бури не будет.

Впечатлѣніе это настолько у меня было опредѣленным, что я счел возможным очень рано уйти с засѣданія и дома пораньше лечь спать, тѣм болѣе, что в предыдущіе дни пришлось почти совсѣм отказаться от сна.

Ночью, часов около двѣнадцати, меня разбудил рѣзкій телефонный звонок, а когда я взял трубку, один из пріятелей, членов Рады, просил меня немедленно прійти в Раду.

Двери театра, гдѣ помѣщалась Рада, были теперь заперты и у входа дежурила стража. Пустили меня внутрь лишь послѣ полученія от Предсѣдателя Рады особаго разрѣшенія.

В залѣ засѣданія, несмотря на поздній час, царило исключительное возбужденіе. Был, повидимому, об'явлен перерыв и, не выходя из зала, депутаты обсуждали какое-то исключительное положеніе. На сценѣ между Войсковым Атаманом Филимоновым, с одной стороны, и предсѣдателем Рады Ив. Л. Макаренко, С. Ф. Манжулой и еще нѣсколькими лицами, с другой стороны, происходило какое-то бурное об'ясненіе. Замѣтив там же на сценѣ пріятеля вызвавшаго меня в Раду, я направился туда. Макаренко и Манжула громко обвиняли Войскового Атамана в предательствѣ и измѣнѣ. Тот крикливо защищался и требовал к себѣ вниманія, как к Войсковому Атаману.

Я успѣл подойти к пріятелю и спросить его, указывая на отвратительную сцену униженія Войскового Атамана, для того ли он меня вызвал.

— А ты хотѣл в это время спать, — замѣтил угрюмо мой пріятель.

Мы не успѣли об'ясниться, как слѣдует, раздался предсѣдательскій звонок и призыв к порядку.

Направляясь в зал, чтобы занять там мѣсто, я столкнулся в узком проходѣ с другим братом Макаренко, Петром Леонтьевичем, который в большом возбужденіи, произнося бранныя слова, мчался на сцену. Не успѣл я дойти до своего мѣста, как предсѣдатель Рады Ив. Л. Макаренко открыл засѣданіе и, произнеся одну-двѣ фразы о предательствѣ Атамана, прокричал, повторив послѣднюю фразу нѣсколько раз:

— Нѣт у нас Атамана! Нѣт у нас Атамана!

Сам при этом был страшно блѣдный, а голос какой то пискливый и придушенный.

Рада оцѣпенѣла от неожиданности и, нужно думать, от убійственнаго вида своего предсѣдателя.

Он, собравшись с силами, успѣл прокричать еще одно:

— Кому прикажете власть?....

Слабый голос подсказал, было:

— Президіуму Рады...

Но тут плотина прорвалась. В видѣ самовозгорающагося сигнала раздалось громко:

— Так зачѣм же вы его выбирали...

А потом уже сотни голосов закричали:

— Есть у нас Атаман! Есть у нас Атаман!

Один очень культурный член Рады, бывшій член Правитель-

ства, перегнувшись через барьер, отдѣлявшій зал от сцены, выкрикивал по адресу Макаренко недопустимыя бранныя слова.

Само собой установился перерыв.

Среди общаго хаоса ко мнѣ, помню, неоднократно присаживался П. Л. Макаренко и предлагал начать совмѣстно дѣйствовать, чтобы выйти из создавшагося положенія. Я ничего другого не мог ему отвѣтить, как указать на слишком большое запозданіе с подобным предложеніем. А освѣдомившись, что у них на роль будущаго организатора сопротивленія Покровскому предназначен полк. Роговец, в наличіи у котораго даже простого мужества имѣлось основаніе сомнѣваться, я указал Макаренкѣ на всю безнадежность их «предпріятія».

Нужно имѣть возможность в крайнем случаѣ арестовать Покровскаго, а с Роговцом этого сдѣлать, явно, не удастся.

По возобновленіи засѣданія А. П. Филимонов, за нѣсколько минут до того, как Атаман, безконечно униженный, учел теперь правильно перелом настроенія Рады и, попросив себѣ слова, занял трибуну. Произнес он при этом одну из наиболѣе блестщих своих рѣчей о долгѣ народных представителей, о своем долгѣ — Войскового Атамана, о главных этапах своей дѣятельности и ея направленіи и, наконец, о своей готовности сейчас же сложить булаву, если Радѣ то будет угодно.

Рада вотировала ему довѣріе большинством всѣх против одного при двух воздержавшихся.

Макаренко Ив. Л., при полном молчаніи Рады, заявил о сложеніи с себя полномочій предсѣдателя и удалился.

В большое смущеніе привел Филимонов многих, если не всѣх, при вторичном своем выступленіи в том же засѣданіи. Рѣчь шла все о том же злосчастном приказѣ Деникина, о порученіи Войсковому Атаману добиться отмѣны его и не допустить роковых его послѣдствій.

Перед нами стоял уже не первый гражданин своего Края и не стойкій защитник прав и достоинства Войска, а человѣк, усваивающій для себя лишь роль жалкаго ходатая.

— Я пойду на прямой провод, я буду просить, буду умолять ген. Деникина...

Утомленные до крайности, деморализованные члены Рады стали расходиться. Ушел и Атаман. Полуопустѣвшій зал представлял из себя печальную картину. Члены Рады разбились

на кучки. Шла перебранка, доходившая в отдѣльных случаях до остраго столкновенія. Запомнилась сцена об'ясненія моего близкаго пріятеля Т. с одним из лидеров большинства, депутатом В.

— Кровь наша падет на ваши головы, — истерически вопил этот В. Никогда он с нами раньше не считался, всячески бросал в нас грязью и облыжно возводил на нас всяческія обвиненія. Теперь он стремился возложить на нас отвѣтственность за реально надвинувшуюся личную опасность...

К. А. Безкровный спокойно, проходя мимо, попросил меня пойти переговорить с ген. Покровским, но мнѣ представилось это безцѣльным.

В общей суматохѣ я как-то и не успѣл выяснить в ту ночь, что послужило ближайшим поводом для всего происшедшаго в Радѣ. Впослѣдствіи пришлось узнать, что ген. Покровскій через Атамана Филимонова пред'явил Радѣ в видѣ ультиматума особое требованіе о выдачѣ ему для преданія военно-полевому суду членов Рады — Калабухова, двух братьев Макаренко, Манжулы, Безкровнаго, Роговца, Воропинова и др..

IX.

Все это ночное событіе сказалось сильным моральным утомленіем. Нужно было хоть сколько-нибудь собраться с силами, чтобы начать дѣйствовать.

Надежда на Войскового Атамана А. П. Филимонова была очень слабая. Но представлялась безнадежной всякая попытка в экстренном порядкѣ произвести ломку или смѣну на высших постах власти.

Для реальнаго достиженія необходимо было сузить задачу: не допустить кровопролитія и вывести из-под удара намѣченных лиц.

За ген. Покровским установилась прочная слава жестокаго человѣка, быть может, даже с нѣкоторыми болѣзненными проявленіями жестокости. Слѣдовательно, даже намѣченная узкая цѣль для усилій частных лиц была безконечно трудной.

Рано утром 6-го ноября я отправился к Ф. С. Сушкову, чтобы совмѣстно обсудить положеніе. Часам к 10 утра мы, совершенно того не ожидая, были приглашены Атаманом на «совѣща-

ніе» во дворец. Здѣсь мы встрѣтили членов Рады Аспидова Ф. Т. и Горбушина И. В., а также Н. М. Успенскаго, не бывшаго членом Рады. Не успѣли мы обмѣняться между собою мнѣніями, как вышедшій из комнаты по чьему то вызову Атаман вскорѣ возвратился и ввел с собою ген. Покровскаго.

Для нас это был в полном смыслѣ неожиданный и нежеланный гость. Развязно поздоровавшись со всѣми, он усѣлся рядом с Атаманом и в дальнѣйшем повел себя так, как будто все наше «совѣщаніе» было созвано Атаманом по его, Покровскаго, иниціативѣ. Произнесенная им краткая рѣчь содержала прежде всего увѣреніе, что ему, как кубанцу, хотѣлось бы полнаго преуспѣянія Кубанскому Войску, но он вмѣстѣ с тѣм солдат и, получив приказаніе Главнокомандующаго очистить тыл арміи от разлагающаго ее элемента, он должен выполнить это приказаніе, и вот почему он настаивает, чтобы опредѣленныя лица понесли заслуженную кару.

Его интересует, что думаем мы по этому поводу.

Мы, члены Рады, высказываясь кратко, всѣ одинаково категорически заявили о своем абсолютно отрицательном отношеніи к мѣрам жестокой расправы с политическими противниками, членами Рады. В Радѣ мы с указанными лицами боролись, но борьба эта была чисто внутренней, и мы не можем допустить, чтобы кто-либо из посторонних вмѣшивался в нее, а тѣм болѣе с угрозою репрессивными мѣрами.

Коль скоро вопрос идет об угрозѣ репрессіями, мы против этого можем только протестовать и с этим всѣми силами бороться. Ф. С. Сушков, высказываясь, сообщил постановкѣ вопроса еще болѣе острую форму.

— Если вѣшать, то начинайте первыми вѣшать нас...

К высказанному нами присоединился, с обычной скромностью фразы, и ген. Н. М. Успенскій:

— Чтобы не было каких-либо недомолвок...

Болѣе пространно, и также с полным отрицаніем репрессій, говорил Войсковой Атаман Филимонов.

Единодушіе мнѣній несомнѣнно смутило Покровскаго. Уже с меньшей самоувѣренностью он заявил, что вопрос идет совсѣм не о расправѣ с названными лицами, необходимо лишь их обезвредить. Он де сам против кровопролитія, поэтому хорошо было бы, если бы названныя лица сами отдались бы ему, а он ручается, что даже «волос не упадет с их головы»...

Сказав это, он посмотрѣл на часы, которые носил браслетом на рукѣ, и болѣе рѣшительно заявил:

Уѣзжая де во дворец, он отдал приказаніе своим полкам в такое-то время (он назвал 11 или 12 ч.) выступить из станицы Пашковской в Екатеринодар. «У нас совсѣм мало времени. Войска теперь выступили. А раз придут войска, я должен им указать цѣль движенія.» Если к этому времени названныя лица не отдадутся ему в руки....

— Подумайте, господа....

Сказав это он вышел. За ним послѣдовал Войсковой Атаман и в полуотворенную дверь видно было, как они рука об руку ходили по малому залу (во втором этажѣ) взад и вперед.

По нашему общему мнѣнію было важно прежде всего выиграть время. Попав в положеніе людей, которым стала извѣстна заблаговременно подробность намѣченной кампаніи — войска вышли, войска движутся и должны имѣть реальную задачу,— мы рѣшили довести до свѣдѣнія заинтересованных лиц и всей Рады о сущности опасности, а также рѣшили точно сообщить требованія Покровскаго.

При этом для всѣх нас его фраза о том, что «волос не упадет с их головы» в устах подобнаго ему суб'екта, представлялась полной двусмысленностью. Мы рѣшили добиться отПокровскаго, быть может, менѣе торжественной фразы, но болѣе реально формулированной гарантіи жизни членов Рады, над которыми повис «меч» Покровскаго.

С общаго согласія Ф. Т. Аспидов взялся поѣхать в Раду и сообщить там и эту формулу гарантіи и всю сущность разговора с Покровским.

На себя мы смотрѣли лишь, как на могущих передать это, но какое-либо моральное давленіе нами совершенно исключалось.

Через нѣсколько минут возвратился Покровскій. По нашей просьбѣ он расшифровал свою туманную формулу, дав «слово русскаго офицера», что жизни указанных лиц опасность не угрожает. Вмѣстѣ с тѣм он обѣщал не препятствовать сношенію Рады через свою делегацію с ген. Деникиным, а, до выясненія судьбы задержанных, оставить их во дворцѣ Атамана.

Мы сообщили ему о готовности Ф. Т. Аспидова поѣхать в Раду и сообщить всю суть нашего разговора там.

Послѣ нѣкотораго раздумья Покровскій согласился, по-

ставив вопрос так, что остальным из нас слѣдовало бы остаться во дворцѣ до полученія вѣстей из Рады.

— Временный арест? — Как будто бы «да». Чтобы не обострять вопроса и не доводить до крайности, мы не протестовали и согласились ждать.

Ко Дворцу пришла конвойная сотня Покровскаго. Увидав ее, он вышел, и мы наблюдали через окна, как сѣв на лошадь, он во главѣ своего конвоя отправился по направленію Красной улицы, ведущей к Радѣ.

Через нѣкоторое время, не особенно продолжительное, мы замѣтили автомобиль и в нем П. Л. Макаренко, Манжулу С.Ф., Омельченко Г. В. и др....

Спустившись со второго этажа, мы встрѣтились со вновь прибывшими в вестибюлѣ дворца.

Уже идя по направленію к Радѣ, я встрѣтил второй автомобиль, в котором, среди других лиц, был также Ф. Т. Аспидов; оказывается, задержанные члены Рады попросили его поѣхать с ними во дворец.

В Радѣ, как разсказывали потом, опредѣленныя Покровским лица передались его офицерам без инциндентов. Когда они выходили из зала, вся Рада, по предложенію члена ея полк. Успенскаго, поднялась с мѣст: «в честь уходящих».

Другая сторона до самаго послѣдняго момента ждала, повидимому, всяческих осложненій.

Прилегавшія к помѣщенію Рады улицы были заполнены войсками при полном вооруженіи. Ближайшими к Радѣ стояли юнкера двух расположенных в Екатеринодарѣ военных училищ. Ими же — юнкерами — были заняты караулы у входа в Раду и внутри ея помѣщенія.

Обычно значеніе этих караулов было скорѣе почетно-декоративное. Занимались они казаками — отборно красивыми в живописной военной формѣ, — бывшими конвойцами царя, чинами гвардейскаго дивизіона. Теперь остріе меча караула должно быть обращено против охраняемых, и ген. Покровскій предпочел замѣнить конвойцев юнкерами.

Послѣ захвата намѣченных членов Рады, ген. Покровскій устроил «парад войскам».

Ив. Л. Макаренко, К. А. Безкровный и полк. Гончаров успѣли скрыться. Горцы Султан-Шахим Гирей и Гатогогу Мурат

были подвернуты домашнему аресту на квартирѣ генерала из черкесов Султан-Келеч-Гирея.

Когда был арестован А. И. Калабухов, я и по сей день точно не знаю. Сколько мнѣ помнится, Калабухова не было в числѣ взятых в Радѣ 6-го ноября днем, прибытіе во дворец которых мною было только что описано.

Фраза Филимонова А. П.*) о том, что «6-го утром» к нему «в квартиру явились внесенные в список шесть человѣк, в том числѣ и Калабухов», — во всяком случаѣ страдает неточностью.

В мѣстных газетах об обстоятельствах, сопровождавших арест Калабухова, было напечатано**) — «Утром 6-го ноября Калабухов, посовѣтовавшись со своими друзьями, отдал себя в руки власти». Как то в Парижѣ, уже в 1922 г., при встрѣчѣ с К. А. Безкровным, я имѣл с ним весьма продолжительную бесѣду, между прочим, о пережитом на Кубани в ноябрѣ мѣсяцѣ 1919 г. Дополнительно к моему разсказу, Безкровный сообщил что послѣ закрытія засѣданія Рады ночью с 5 на 6 ноября, всѣ они собрались в помѣщеніи Кубанскаго Краевого Контроля и держали общій совѣт. Был ли там Калабухов в это время, об этом ли его «совѣтѣ с друзьями» говорили газеты, я тогда Безкровнаго не спросил, и ни орицать, ни утверждать этого факта не могу.

Лично я был убѣжден, что Калабухов успѣет скрыться. Отдавая себѣ полный отчет в создавшейся обстановкѣ, а также в своих словах, я в свое время подал Калабухову соотвѣтствующій совѣт***) и был увѣрен, что, учтя всѣ обстоятельства, — опредѣленность в отношеніи его приказа Деникина и общую сущность назначенія Покровскаго, с одной стороны, и свою беззащитность при пассивности кубанских властей, с другой стороны, он не будет ожидать роковой развязки.

Описанный разговор с Покровским мы вели в плоскости предотвращенія примѣненія крайних мѣр вообще ко всѣм членам Рады, ареста которых добивался Покровскій. Отправляемая Радой делегація к ген. Деникину, в которую вошел, между прочим, присутствовавшій на собраніи 6 ноября Ф. С. Сушков, также имѣла цѣлью ходатайствовать, как об отмѣнѣ приказа Деникина № 06729 о Бычѣ, Калабуховѣ и др., так и о предотвращеніи

---

*) См. Ф-в «Разгром Куб. Рады», Арх. Русск. Революціи.
**) См. Пріазовскій Край от 9 ноября.
***) См. выше.

расправы с членами Рады, находившимися в Екатеринодарѣ, в том числѣ опять-таки и о Калабуховѣ.

В отношенiи Алексѣя Ивановича Калабухова случилось худшее, от чего удалось отстоять других членов Рады.*)

На другой день, 7-го ноября по Екатеринодару был расклеен

---

*) В книгѣ г. В. Фон-Дрейера «Крестный путь во имя родины» (стр. 74-75) приведено «донесенiе» ген. Покровскаго ген. Врангелю от 6 ноября 1919 г., в котором имѣется мѣсто, могущее при бѣглом прочтенiи, оставить тягостное впечатлѣнiе о нашем поведенiи — моем, Сушкова, Аспидова, Горбушина и Успенскаго — в собранiи 6-го ноября. В этом «донесенiи» вообще так много двусмысленностей какого-то особаго садическаго легкомыслiя, что возникает сомнѣнiе, существовало ли оно, а если существовало, то в какой степени непосредственный начальник Покровскаго, ген. Врангель, а за ним и автор книги — могли всерьез принимать подобное «донесенiе».

Вот его полный текст.

«Ультиматум был мною (Покровским) пред'явлен вчера, срок истекал к 12 ч. дня. Сущность ультиматума Вам извѣстна. От 9½ до 12 велась торговля. На совѣщанiи Атамана присутствовали, Сушков, Скобцов, Горбушин, оба Успенскiе и еще какой-то член, не помню. Всѣ уговаривали меня во избѣжанiе кровопролитiя отказаться от своих требованiй и убѣждали дать согласiе на посылку делегацiи Главкому. В виду полной непрiемлемости и явно намѣренной оттяжки, я к 12 часам отказался продолжать переговоры и направился к войскам. В этот момент совѣщанiе признало необходимым выдать мнѣ Калабухова, котораго я арестовал и отправил к себѣ на квартиру. Тут же совѣщанiе по вопросу второго моего требованiя — выдачи мнѣ лидеров «самостiйников» — постановило ѣхать в Раду и требовать от них сдачи мнѣ» и пр.

По прочтенiи двух начальных фраз этого «донесенiя» естественно предположенiе, что «ультиматум был пред'явлен какому то компетентному лицу или учрежденiю — Атаману ли Радѣ ли, или, наконец, Правительству. По изложенiю бывшаго Атамана Филимонова («Разгром Куб. Рады», Арх. Р.Р.) так и выходит, что «ультимативное письмо» начиналось словами «Милостивый Государь» и было адресовано Войсковому Атаману. Послѣднiй «доложил» затѣм «в засѣданiи Рады и прочел письмо». С кѣм «велась торговля» «от 9½ до 12», в донесенiи не обозначается. Можно было бы предположить, что Покровскiй «торговался» с Атаманом или с Радой, т. е. с тѣми, кому он пред'явил ультиматум, но в донесенiи говорится о «совѣщанiи у Атамана» из «Сушкова, Скобцова, Горбушина, Успенскаго и *«еще какого-то члена»*, имя котораго Покровскiй «не помнит». Этого *«какого-то члена»* в сообществѣ с другими 4-5 лицами Покровскiй будто бы считал правомочным и физически в состоянiи *«выдать»* ему «Калабухова» или *«требовать выдачи»* лидеров самостiйников. Вопрос шел о жизни и смерти людей и о политическом переворотѣ в Краѣ, послѣдствiя котораго во всяком случаѣ должны быть исключительными. И на ряду с этим переложенiе отвѣтственности на анонимное сообщество нѣскольких лиц. Все это и сказочно и преступно. Тѣ же лица, имена коих так безцеремонно ставятся под удар критики в столь тяжком сочетанiи фактов, имѣют право требовать болѣе внимательнаго анализа попадающихся в руки «документов».

Как в дѣйствительности происходило дѣло и в какой послѣдовательности развивались событiя, — я излагаю здѣсь. *Д. Ск.*

слѣдующій текст приговора военно-полевого суда над Калабуховым:

«1919 г., ноября 6 дня, г. Екатеринодар».

«Военно-полевой Суд, учрежденный на основаніи приказа Командующаго Войсками тылового района Кавказской арміи от 6 ноября № 6, в составѣ предсѣдателя полк. Камянскаго, членов есаула Лычева, ес. Прудой, ес. Зѣкрач и ес. Хорина разсматривал дѣло об Ал. Ив. Калабуховѣ, казакѣ станицы Ново-Покровской Кубанской Области и признал его виновным в том, что в іюлѣ текущаго года он, в сообществѣ с членами Кубанской делегаціи: Бычем, Савицким, Намитоковым, с одной стороны, и представителями Меджилиса горских народов, Чермоевым, Гайдаровым, Хазаровым, Бахмановым, с другой стороны, подписали договор, явно клонящійся к отторженію Кубанских воинских частей в распоряженіе Меджилиса, т. е. в преступленіи, предусмотрѣнном ст. 100 части 3-ей и 2-й ст. 101 и 108 Уголовнаго Уложенія и приговорили его к смертной казни через повѣшеніе».

«Настоящій приговор подлежит представленію на утвержденіе Командующаго Войсками тылового района Кавказской Арміи». Подписи.

На приговорѣ резолюція: «приговор военно-полевого суда утверждаю: Покровскій.»

Ген. Покровскій не захотѣл выждать результатов ходатайства делегаціи Рады (Сушкова, Щербины и др.) перед ген. Деникиным об отмѣнѣ приговора и вообще о недопущеніи жестокой расправы с членами Рады.

В ночь на 7-е ноября на Крѣлостной площади А. И. Калабухов был повѣшен. На груди у казненнаго прикрѣплена была дощечка с надписью: «За измѣну Россіи и Кубанскому Казачеству». — В газетах ко всему при этом добавлялось: «весь день к мѣсту казни стекались громадныя толпы народа»... *)

Ген. Врангель особым приказом от 6 ноября 1919 г. № 357, изданым в г. Кисловодскѣ, извѣщал, что, как арест Калабухова и других лиц, так и преданіе их военно-полевому суду, произведены ген. Покровским «во исполненіе отданнаго» им — Врангелем — «приказанія».

«Пусть запомнят» — писалось в приказѣ — «имена» этих «десяти измѣнников» «тѣ, кто попытался бы пойти по их стопам»...

*) См. «Утро Юга» № 250-278, 6-XI, 19 г.

Случаем казни Калабухова, произведенной с намѣренной поспѣшностью (чтобы не вырвали попавшуюся в руки жертву), подчеркивалась еще одна особенность зыбкаго правосознанія добровольчества этого періода. Калабухов был не снявшій сана священник. В отношеніи суда над ним должны были поэтому выполняться особыя каноническія правила. Добровольчество, заявлявшее о своем призваніи возстановить право и законность, в данном случаѣ вопіющим образом нарушило и то и другое...

X.

В эти дни Екатеринодар представлял из себя в правовом смыслѣ и моральном особый вид омертвѣлаго поля.

Войсковой Атаман в лицѣ носителя этого званія А .П. Филимонов превратился в утерявшій душу фетиш. Ген. Покровскій вмѣстѣ со своими офицерами хозяйничали вокруг, и вмѣстѣ с тѣм он, Покровскій, по всѣм наблюденіям, был постоянным гостем в семьѣ у А. П. Филимонова. Данное нам 6 ноября обѣщаніе оставить задержанных членов Рады во дворцѣ, Покровскій, конечно, не сдержал и перевел их в частный дом поближе к своей квартирѣ. Спрошенный нами по этому поводу Филимонов отвѣтил, что таково желаніе Покровскаго, а для него, Атамана, неудобно и неспокойно оставлять арестованных во Дворцѣ.

Краевое Правительство, возглавляемое П. И. Курганским, который лично взял на себя также руководство работой вѣдомства внутренних дѣл, послѣ ухода в отставку Безкровнаго — это правительство, бывшее недавно слѣпым орудіем в руках большинства Рады, в эти дни ни в чем не проявляло себя. Оно как будто бы совсѣм отсутствовало. Дошло дѣло до того, что офицеры Покровскаго реквизировали для нужд своего шефа автомобиль предсѣдателя Правительства. Заставляли говорить о себѣ усилія послѣдняго получить свою машину обратно.

В Радѣ как-то подходит ко мнѣ один из членов Правительства, так многословно в предшествующіе дни доказывавшій экономическими выкладками возможность существованія самостоятельной Кубани. Теперь этот «министр» малодушно просил совѣта, как быть ему и безопасно ли для него будет временно спрятаться у другого министра, по его мнѣнію, не скомпрометировавшаго себя в глазах Покровскаго. Еще один член Пра-

вительства, болѣе «предпріимчивый», тут же похвастался, что он успѣл уже побывать у Врангеля, сдѣлать ему, как только тот прибыл в Екатеринодар, «доклад» о работѣ вѣдомства по снабженію арміи, и что ген. Врангель выразил удовлетвореніе «работой его вѣдомства».

В городѣ, в Краѣ производились чьим то именем аресты, насилія, схватывались люди, сажались в тюрьму, среди семей схваченных царила паника, что тѣ безсудно погибнут. Теперь приходится читать, что «Главное Командованіе озаботилось сформированіем в Екатеринодарѣ офицерскаго отряда до 200 человѣк». «В ночь на 5 ноября начальник этого отряда полковник Карташев (тот именно, который служил в вѣдомствѣ внутренних дѣл Кубанскаго Пр-ва) занял офицерскими заставами вокзал, главныя площади, улицы и окружил караулами с пулеметами зданіе Краевой Рады» *) и т. д.

В тѣ дни можно было лишь догадываться о привлеченіи «к работѣ» этого спеціалиста по сыску и провокаціи.

«В такіе часы трудно писать», заявлялось в мѣстной газетѣ. Но «как бы ни были тяжелы условія работы Краевой Рады, она должна остаться на своем посту до окончательной ликвидаціи назрѣвшаго хирургическим путем вскрытаго кризиса. Кризис должен быть разрѣшен и ликвидирован с сохраненіем максимума народных прав». А в заключеніе: «Да не будет больше казней и арестов».

Это была общая формула ближайшей задачи момента, — не допустить больше казней, возстановить Краевую власть Атамана и Правительства.

Только Рада, пусть униженная и оскорбленная, — только она и через нее можно было добиться возстановленія нормальнаго режима в Краѣ.

В Екатеринодар прибыл из Кисловодска 7-го ноября ген. Врангель, верховный руководитель всей «кубанской операціи». Рада постановила «просить» его об освобожденіи из под ареста задержанных Покровским лиц, дабы установить над ними суд, положенный по «кубанской конституціи».

— Сегодня, наконец, мнѣ удалось исполнить давнишнее свое желаніе: довести до свѣдѣнія Краевой Рады голос моей арміи, — так начал свою рѣчь ген. Врангель, заняв трибуну

*) См. Ф.-Дрейер. Крестный путь во имя Родины. Стр. 74.

Рады по прибытіи в ея засѣданіе. Подчеркнув в дальшѣйшем свою «полную увѣренность», «что Краевая Рада, истая представительница родной Кубани, истый хозяин кубанской земли, поймет нужды «арміи» и «как заботливая мать сыну» поможет ей, — ген. Врангель риторически воскликнул: — к сожалѣнію не от меня зависѣло, что голос арміи не мог дойти до вас (Рады) — были люди, которым было это не на руку.

Слѣдовало затѣм обвиненіе Законодательной Рады в невниманіи к нуждам арміи и лично к нему, ген. Врангелю. Законодательная Рада «не удостоила его приглашеніем, чтобы выслушать его пожеланія». «Сейчас тѣх, кто позорил Кубань, отрекся от общей матери-Россіи, к счастью, здѣсь нѣт». Суровый приговор высказал тѣм, кто своими дѣлами чернил великое дѣло «воссозданія Великой Россіи», «цѣною великой крови» Кубани.

— Я глубоко преклоняюсь перед широкой областной автономіей и правами казачества, — подчеркивалось дальше. «Никогда я не позволю себѣ посягнуть на эти права, но я обязан спасти армію... И я просил ген. Покровскаго из'ять тѣх, кто губит великое дѣло спасенія Россіи...»

В заключеніе он счел своим долгом сказать не как политик, а как «командующій арміей» и «честный человѣк», «в чем зло».

— Лишь тогда армія получит помощь, когда Атаман и Краевое Правительство будут имѣть возможность пользоваться полнотой своей власти и будут отвѣтственны лишь перед вами, г. г. члены Краевой Рады, перед истинным хозяином земли «Кубанской»...

В послѣдних словах заключалась особая «конституціонная» программа Командованія в отношеніи Кубани. — Атаман и Правительство отвѣтственны лишь перед Краевой Радой без наличія Рады Законодательной.

Отвѣчавшій ген. Врангелю от имени Рады Дм. Алексѣевич Филимонов (однофамилец Атамана), пропустил мимо ушей эти конституціонные проэкты генералов. Подчеркнув всегдашнюю заботу Рады об арміи, он перенес центр тяжести на то, «чтобы жизнь Кубанскаго Края не омрачалась никакими событіями». «Нас волнует участь задержанных членов Краевой Рады». «Они, недавніе сотоварищи по работѣ, есть плоть от плоти и кость от кости кубанскаго казачества». «Мы не можем без душевнаго содроганія не волноваться за их судьбу». В заключеніе Фили-

монов изложил просьбу Рады отпустить задержанных, чтобы судить их своим конституціонным порядком.

Ген. Врангель покинул собраніе, не дав опредѣленнаго отвѣта на обращенную к нему просьбу.

Рада избрала особую делегацію к нему, чтобы настаивать на исполненіи просьбы. В то же время в президіум невыясненным путем попала особая записка на клочкѣ бумажки, в коей была изложена просьба — придти вечером к ген. Врангелю в вагон человѣкам 7-8 из членов Рады,—фамиліи их указывались (между пр., и моя). В концѣ записки стояло: «и Митю Филимонова», — почему нѣкоторыми было высказано предположеніе, что «автором записки» был ген. Покровскій, позволившій себѣ эту фамильярность вслѣдствіе частых встрѣч с Дм. Ал. Филимоновым в семьѣ Атамана Филимонова.

Избранной Радой делегаціи ген. Врангель заявил о твердом своем рѣшеніи «не оказывать послабленія в отношеніи захваченных членов Рады». Безнадежность, с какою возвращались от Врангеля члены делегаціи: (мы их встрѣтили по пути к Врангелю) была такая полная, что нѣкоторые из нашей группы даже заколебались, стоит ли итти, рисковать своим именем. Но сознаніе, что новая бесѣда с Врангелем и при этом бесѣда по его иниціативѣ (или лица близкаго к нему) давала лишній шанс, заставило подчинить этому всѣ другія соображенія, и наша группа пошла.

Ген. Врангель в началѣ бесѣды, дѣйствительно, стоял на своем. «Рѣшеніе его твердо», на его душѣ «нѣт ни одной невинно пролитой капли крови». «Раз долг этого требует, он не может уступать слабости» и т. п.

Мы указали ген. Врангелю на ошибочность мнѣнія, что твердость власти заключается в репрессіях, что нас, кубанцев, видавших виды гражданской войны, жестокостью запугать нельзя. Важна, наоборот, широта взгляда на вещи и способность провидѣть послѣдствія того или иного шага.

Врангель тогда указал, что Главному Командованію важно имѣть увѣренность в обезпеченіи твердой и устойчивой власти на Кубани, что колебала эту власть Законодательная Рада, поэтому необходимо уничтожить эту причину.

В заключеніе своих слов он взял со стола лежащій перед ним пакет и, развернув его, передал мнѣ, ближе к нему сидящему. Оказывается, это был заранѣе заготовленный проэкт кубанской Конституціи с измѣненіями в ней, сообразно желаніям Главнаго

Командованія. При этом Врангель дал понять, что согласіе Рады на принятіе этих измѣненій повлечет за собой перемѣну в судьбѣ арестованных членов Рады.

Его при этом вызвали к прямому проводу для переговоров со ставкой Главнокомандующаго. Уходя, он попросил нас тѣм временем ознакомиться с «проэктом», чтобы по его возвращеніи разсмотрѣть вопрос всесторонне.

В предложенном им проэктѣ Законодательная Рада исключалась. Войсковой Атаман, избираемый Краевой Радой, перед ней же несет отвѣтственность, а Правительство назначается Войсковым Атаманом, перед коим и несет отвѣтственность. Таким образом новостью проэкта было лишь то, что вмѣсто неустойчиваго правительства предлагалось создать неустойчиваго Атамана. Вотум недовѣрія Атаману мог повлечь за собой и его отставку и отставку Правительства. У Атамана оставалось право роспуска Рады, но при вторичном вотумѣ недовѣрія, он все-равно должен был подавать в отставку. Совершенно очевидной была широкая возможность всяческаго произвола и внутренней борьбы. Нам не трудно было, по возвращеніи в вагон ген. Врангеля, уяснить ему эти несообразности проэкта.

Совершенно опредѣлилась при этом вся нагота «твердости» наших диктаторов:

— Или измѣненіе конституціи, или... жизнь одиннадцати захваченных членов Рады...

Пришлось раскрыть общую неудовлетворенность самих кубанцев своей конституціей, то, что ея исправленіе является назрѣвшей задачей. При данном положеніи посторонній нажим принесет лишь большой вред, ибо придаст естественному пересмотру конституціи характер вынужденности.

Врангель, проникаясь будто бы сам этими доводами, дал понять все же, что в данном вопросѣ он не может дѣйствовать самостоятельно и спросил при этом, сколько времени нам могло бы потребоваться для естественнаго прохожденія через Раду вопроса о конституціонных измѣненіях.

Мы отвѣтили, что около недѣли.

— «Ого!» — вмѣшался тут в разговор вошедшій незадолго перед тѣм ген. Покровскій. — Не думаю, что тѣм, о ком вы хлопочете, будет особенно пріятно цѣлую недѣлю выжидать ваших рѣшеній, зная приговор военно-полевого суда... И указал при этом, что им уже отдано распоряженіе изготовить одиннадцать

висѣлиц. Аргументація была сильная. Пришлось согласиться доложить Радѣ о требуемых конституціонных измѣненіях в спѣшном порядкѣ — «в теченіе суток».

Нам ставилось условіе — уничтоженіе Законодательной Рады. Мы обязывались ознакомить г. Врангеля с общими принципами измѣненія, на которыя согласится Рада до его от'ѣзда из Екатеринодара, назначеннаго на послѣ полудня на слѣдующій день.

Когда мы уходя попросили разрѣшить двоим из нас посѣтить заключенных и успокоить относительно их дальнѣйшей судьбы, то ген. Врангель, отклонив нашу просьбу, дал нам слово сдѣлать то же своими средствами. Впослѣдствіи говорили, что никакого суда до того момента над заключенными и не было. Ген. Покровскій прибѣг к своей аргументаціи лишь для побужденія нас к большей сговорчивости. Ген. Врангель, повидимому, знал это, но промолчал...

Мы получили на руки конституціонный проэкт Главнаго Командованія. Он был написан крупным почерком почти без помарок. Знающіе люди говорили, что это почерк проф. С-ва, «творца всяческой хитрой механики» при Главном Командованіи.

XI.

Всю ночь у меня на квартирѣ занимались мы составленіем проэкта измѣненій Краевой конституціи. Утром были привлечены к работѣ радянскіе юристы, а в дневном засѣданіи Рады измѣненія были приняты.

Кубанская Краевая Рада об'являла:

«Кубанскій Край мыслит себя неразрывно связанным с Единой Великой и Свободной Россіей».

«Населеніе Края сохраняет непоколебимое рѣшеніе вести борьбу до конца в твердом союзѣ с Добровольческой Арміей и всѣми силами, борющимися за возрожденіе Россіи через Всероссійское Учредительное Собраніе.».

Сущность конституціонных измѣненій сводилась к тому, что вмѣсто двух Рад, с плохо разграниченными функціями, устанавливалась одна Краевая Рада, избираемая «на основаніи особаго закона». Для сохраненія независимости Атамана проэктировалось созданіе особаго Собранія — Атаманской Рады — с единственной функціей — избраніе Войскового Атамана на опредѣ-

ленный срок. Правительство отвѣтственно перед Краевой Радой. У Атамана оставалось право роспуска Краевой Рады, но вторичный вотум вновь собранной Рады недовѣрія Правительству обязывал Атамана перемѣнить послѣднее.

Получив «пункты» с измѣненіями конституціи в руки, ген. Врангель уѣхал из Екатеринодара.

Таким образом, Кубани было суждено испить до дна чашу униженія: то, что она сама собиралась сдѣлать, что являлось естественным в результатѣ пройденнаго опыта, ее заставили сдѣлать под угрозой опустить меч на головы «непокорных».

Или кровь, или право!

«Быстрыми, чрезвычайно рѣшительными дѣйствіями ген. Покровскій выполнил мои приказанія»-, в таких словах подвел итог своей дѣятельности в ноябрьскіе дни на Кубани ген. Врангель, бесѣдуя с сотрудником Руссагена в г. Таганрогѣ 10 ноября.*)

Позже, в книгѣ, написанной с прозрачной цѣлью возвеличенія ген. Врангеля и обѣленія его в ошибках, неоднократно будет подчеркнуто, что Врангель не сочувствовал вооруженному вмѣшательству в кубанскія дѣла.**)

Приведенные здѣсь документы и заявленія говорят о другом или, во всяком случаѣ, об ином изображеніи своей роли самим ген. Врангелем.

Нужно сказать, что вообще обстановка гражданской войны глубоко извратила обще-человѣческія понятія о добрѣ и злѣ, а также понятіе о правѣ и справедливости.

Перебирая старыя газеты того времени, я напал на такого рода, напримѣр, телеграмму Черноморской Земской Управы ген. Покровскому.

Управа привѣтствует за «проявленную Вашим Превосходительством твердую государственную власть в отношеніи предателей Родины и ходатайствует о столь же энергичных мѣрах к устраненію экономическаго гнета кубанцев путем отмѣны установленнаго воспрещенія свободнаго пропуска в Черноморскую губрнію продовольственных прддуктов и фуража». Предсѣдатель Пелетич. — Висѣлица, как атрибут твердой государ-

*) См. «Пріазовскій Край», 12 ноября 1919 г.

**) См. Фон-Дрейер: «Крестн. путь во имя Родины», стр.76-я.

ственной власти и как сильное средство воздѣйствія на кубанцев... для обезпеченія черноморцев фуражем...

И еще одно:

7-го ноября в 10½ ч. утра, именно тогда, когда Екатеринодар был придушен разыгравшимися событіями, когда на Крѣпостной площади висѣло тѣло члена Рады Калабухова, а делегація Куб. Кр. Рады хлопотала о свиданіи с ген. Деникиным, в цѣлях предотвращенія казней, тогда именно Донской Войсковой Круг торжественно принимал ген. Деникина на своем засѣданіи. Предсѣдатель Круга В. А. Харламов привѣтствовал ген. Деникина, а этот послѣдній, отвѣчая ему «необыкновенно взволнованной рѣчью» — как отмѣчали газеты — косвенно признал что «из уваженія к автономіи Кубани, быть момет, не слѣдовало бы издавать приказ о преданіи военно-полевому суду лиц, подписавших» «договор дружбы»...*)

Депутат Круга Шапкин попробовал обратиться к ген. Деникину с просьбой об отмѣнѣ приказа в отношен!и Быча и др., но ген. Деникин категорически отказался говорить на эту тему.

Старик Ф. А. Щербина, депутат и историк Кубанскаго Войска, член делегаціи Рады к ген. Деникину, пространно и в тонѣ примиренія доложил, что ген. Деникин им сказал: «то, что им сдѣлано, сдѣлано с болью в сердцѣ», «что к арестованным не будут примѣнены суровыя мѣры наказанія»...

Разбитая, деморализованная Кубань должна была изолированно искать выхода.

— Казней больше не будет, — это уже пріобрѣтеніе.

Как то утром незнакомая мнѣ дама доставила записку от К. А. Безкровнаго. Послѣдній, удачно скрывшись при арестах, боялся теперь за спокойствіе своих семейных и спрашивал совѣта, не лучше ли ему передаться самому властям. Я попросил передать Безкровному, что знал об общей обстановкѣ, и что жизни арестованных опасность не угрожает. Безкровный явился к Покровскому, чтобы раздѣлить общую участь.

Из состава арестованных освобожден Подтопельный. Сам Покровскій, говорили, явившись для об'явленія всѣм, что жизнь их внѣ опасности, увидав среди них Подтопельнаго, удивился этому и с «милой шуткой» изгнал его оттуда.

---

*) «Утро Юга», № 253-281, 12-XI, 19.

А в приказѣ Врангеля от 6 ноября Подтопельный на ряду с другими был также заклеймен именем «измѣнника»....

Краевой Радѣ прежде всего необходимо было самой сорганизоваться и создать внутреннiй распорядительный и рабочiй аппарат.

9 ноября Рада избрала меня своим предсѣдателем, дав мнѣ такое большинство, каким не проходил ни один из моих предшественников. (Из общей массы черных, помнится, было всего что-то около 90 шаров).

На слѣдующiй день 10 ноября Войсковой Атаман А. П. Филимонов принес в Раду и положил на стол президiума Атаманскую булаву.

Слагая полномочiя он произнес:

— Родные кубанцы, славные горцы и иногороднiе. Свою Атаманскую булаву, которую я нес с любовiю и благословенiем, которой хотѣл оградить вас от многих бѣд и которую мои слабыя руки не могли, быть может, крѣпко держать,— эту булаву я кладу к вашим ногам и прошу передать ее тому, кто сможет крѣпче держать ее в молодых руках»

Нужно было избрать Атамана, чтобы возстановить другое звено высшей власти в Краѣ.

По привычному мышленiю казаков, а также потому что существовало состоянiе войны, общее сознанiе складывалось в пользу избранiя на пост Атамана лица военнаго.

Обычно выборы Атамана в Краевой Радѣ — дѣло весьма затяжное и обильно всякаго рода недоразумѣнiями. Здѣсь обошлось все болѣе гладко. Всѣ сознавали необходимость скорѣйшаго выбора. Делегаты от всѣх радянских групп отправились на квартиру болѣе вѣроятнаго кандидата из намѣтившихся, к Н. М. Успенскому и попросили его высказаться по поводу злободневных вопросов. Взгляды его оказались прiемлемыми для всѣх, а слову его вѣрили. На утро рѣшено было подвергнуть его кандидатуру баллотировкѣ в Радѣ.

Ген. Покровскiй, о котором говорили, что он «спит и видит» атаманскую булаву в своих руках, попробовал было предпринять нѣкоторые шаги в свою пользу, прислал записку в президiум, чтобы разрѣшили ему выступить в Радѣ, — но эта попытка была прекращена в корнѣ.

При баллотировкѣ Н. М. Успенскiй получил 358 избирательных из 404 голосовавших членов Рады.

Появившись в Радѣ послѣ принесенія присяги и полученія булавы, новый Атаман с трибуны заявил:

— Я, как гражданин и кубанскій казак, глубоко оскорблен и потрясен событіями послѣдних дней. Я сдѣлаю так, чтобы никакія посторонція силы не мѣшали нам строить нашу жизнь так, как нам угодно.

Краевая Рада по предложенію представителя Ейскаго Отдѣла полк. Приходько избрала новаго Атамана своим Почетным Предсѣдателем, — случай дотолѣ небывалый в Радѣ.

С избраніем Н. М. Успенскаго Атаманом Кубань, как будто, вновь начала пріобрѣтать твердую почву под ногами.

Ген. Покровскій на слѣдующій же день выбыл из Екатеринодара. Дѣятельность всѣх таинственных карташевских организацій стала преслѣдоваться и скоро совсѣм замерла.

Довольно долго не могло сформироваться Краевое Правительство, потом и эта задача разрѣшилась при предсѣдателѣ Ф. С. Сушковѣ.

Непосредственно пострадавшіе от «механическаго воздѣйствія» на Кубань — арестованные члены Рады не мало занимали вниманіе новаго Атамана.

Главное Командованіе настояло на высылкѣ арестованных в Новороссійск для дальнѣйшаго слѣдованія за границу. Успенскій добивался от Главнаго Командованія, по крайней мѣрѣ, достаточнаго обезпеченія средствами высылаемых за границу. Ген. Деникин рѣзко оборвал переписку, и это послужило поводом для Успенскаго заявить, что он отказывается от предполагавшагося послѣ его избранія свиданія с Главнокомандующим.

Высылка за границу, как мѣра наказанія (или политическаго обезвреженія), не встрѣчала, повидимому, особых возраженій и в средѣ самих арестованных членов Рады.

Еще когда не было извѣстно, на какой мѣрѣ будет настаивать Главное Командованіе (взамѣн преданія в.-пол. суду), мнѣ писал К. А. Безкровный и впервые высказывал мысль о заграничной высылкѣ. Безкровный при этом подсказывал мысль, чтобы Кубанское Правительство использовало бы их невольное путешествіе в Краевых интересах. Как обстоятельный корреспондент К. А. Безкровный тут же подавал совѣт, каким образом могли бы быть использованы их силы. Себя и члена Рады Балабас он предлагал в качествѣ негоціантов с задачей обезпеченія Кубани манильским шпагатом, С. Ф. Манжулу, как агронома,

который мог бы изучить на мѣстѣ в Болгаріи культуру розоваго масла и затѣм насадить эту культуру на Кубани, Макаренко и Омельченко могли бы поучиться кое-чему в Чехо-Словакіи и т. д.

Должен сказать, что не один только Безкровный из всей группы был моим корреспондентом в это время, писали и другіе. П. Л. Макаренко писал оффиціальное письмо по порученію всей группы и просил посодѣйствовать тому, чтобы Кубанское Правительство обезпечило высылаемых средствами. Другія письма были частнаго характера.

Много волновались семьи высылаемых. Ходили всяческіе слухи, между прочим, о том, что высылаемым в Новороссійск не сдобровать.

19 ноября, добыв особый вагон и пригласив всѣх, кто пожелал из семейных, вмѣстѣ со всѣми женами и дѣтьми, я отправился в Новороссійск на свиданіе с арестованными. Всѣх, конечно, нашли в полной безопасности, в особом вагонѣ теплушкѣ они ожидали погрузки на пароход. Мнѣ удалось также снабдить высылаемых иностранной крѣпкой валютой в необходимой для перваго времени суммѣ. Разставаніе вышло теплым и сердечным.

Как эпилог ко всему вышеизложенному, придется разсказать еще о главных распорядителях кубанской операціи.

Когда все рушилось: фронт безнадежно отказывался, штабы и командныя должности упразднялись, ген. Покровскій прослѣдовал через Екатеринодар, не задерживаясь.

Ген. Врангель явился в Екатеринодар с особым заданіем Главнаго Командованія по формированію новых конных корпусов, которые должны быть брошены на фронт.

Атамана Успенскаго в это время уже не было в живых — умер, заразившись при посѣщеніи тифозных в лазаретах. Ф. С. Сушков, по должности Предсѣдателя Правительства, исполнял обязанности Атамана.

Новое назначеніе ген. Врангеля для нас было непріятным сюрпризом, ибо ясны были затрудненія при мобилизаціи войск, если во главѣ дѣла будет стоять вчерашній усмиритель Кубани. Мы рѣшили обойтись без услуг ген. Врангеля и попросили Кубанскаго генерала Науменко дать ему дружескій совѣт отказаться от возложенной на него ген. Деникиным миссіи.

Перед этим ген. Врангель просил о свиданіи и таковое ему было назначено в Войсковой женской гимназіи в квартирѣ Ф. С. Сушкова, помнится, часов в 6 вечера. Дѣло было на первый или на второй день Рождества. Мы были вдвоем с Сушковым: он — Предсѣдатель Правительства и замѣститель Атамана, а я — Предсѣдатель Рады.

Ген. Врангель прибыл совмѣстно с ген. Шатиловым: оба в черкесках при главных орденах.

Предупрежденный ген. Науменко, ген. Врангель не допустил, чтобы мы ему сказали горькую истину, и предупредил нас своим заявленіем, что он рѣшил отказаться от порученія Главнокомандующаго и срочно выѣзжает в Новороссійск.

В отвѣт на его предложеніе — воспользоваться услугами его штаба при формированіи частей, мы указали, что это уже дѣло спеціалистов военных, которых мы назначаем из природных кубанцев.

Послѣ нѣскольких фраз об общем политическом и военном положеніи, Врангель и Шатилов, откланявшись, ушли и, кажется, в тот же вечер выѣхали из Екатеринодара.

Д. Скобцов.

ЧЕШСКІЙ ПАТРІОТ О ВОЙНѢ И РУССКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.

(По поводу воспоминаній Т. Г. Масарика.)

«Тому крылу русской демократіи, которое мы представляем здѣсь за границей со своими воззрѣніями и организаціонными связями — президент Т. Г. Масарик близок и дорог»... Так говорит редакція пражских сборников «Крестьянская Россія» в предисловіи к выпущенной ею ко дню 75-лѣтія президента чехословацкой республики брошюры проф. Завадскаго. Мы раздѣляем мнѣніе редакціи и, может быть, в силу этого с нѣкоторой горечью читаем тѣ страницы воспоминаній проф. Масарика «Міровая революція», которыя посвящены Россіи. Это, в сущности говоря, обвинительный акт против Россіи. И не только Россіи царской, но и Россіи народной. Суров в своих сужденіях проф. Масарик и в отношеніи к русской интеллигенціи. Мы спокойно, с должной серьезностью выслушали бы суровый приговор виднаго ученаго, как бы он ни был для нас тяжел, если бы он был соединен с холодным безпристрастіем анализа, отрѣшившагося от вліяній и пут повседневной жизни. К сожалѣнію, автор воспоминаній в своих сужденіях не всегда опирается на факты безусловные. «Я занимался изученіем Россіи и отдѣльных славянских народов давно, собственно говоря, всю жизнь» — замѣчает сам проф. Масарик, и тѣм большее недоумѣніе вызывают нѣкоторые его выводы. Сдѣланные пером человѣка, который среди иностранцев может считаться знатоком Россіи, эти выводы будут имѣть, к сожалѣнію, особо авторитетное значеніе в нерусских кругах, гдѣ естественно нельзя ожидать сознательнаго критическаго отношенія и к фактам, и к мнѣніям, относящимся к Россіи.

В упомянутом предисловіи редакція «Крестьянской Россіи» пишет: «В міровоззрѣніи и мірощущеніи президента Масарика нас привлекает и увлекает.... то здоровое національное чувство, которое так свойственно чешскому народу, которое свой «дом»

ставит впереди и выше «міра» и котораго так не хватало русскому народу.» Да, демократ и соціалист Масарик прежде всего національный вождь, который к разрѣшенію всѣх міровых вопросов подходит с точки зрѣнія интересов своей родины. Так подходит он и к Россіи. И эта точка зрѣнія чешскаго патріота, может быть, и должна была бы побудить проф. Масарика быть иногда осторожнѣе в выводах относительно Россіи, — во всяком случаѣ русскій демократ и патріот не во всем согласится с автором и по иному, по своему, со своей національной точки зрѣнія будет расцѣнивать линію поведенія, усвоенную проф. Масариком в отношеніи Россіи. Охотно допускаем, что позиція Т. Г. Масарика была правильна с точки зрѣнія интересов возрождающейся чехословацкой свободы; может быть, он был прав и в своей критикѣ чешскаго «некритическаго руссофильства» — мы сейчас не разсматриваем этих вопросов и думаем, что только будущее может показать то здоровое, что было в позиціи чешскаго «некритическаго руссофильства». В наше переходное время еще рано подводить окончательно итоги. Мы вѣрим в искренность автора мемуаров, когда он пишет: «Я люблю Россію, т. е. русскій народ не менѣе, чѣм наши руссофилы, но любовь не может, не должна одурманивать разума». Но дѣло в том, что область разума только кажущееся воплощеніе точнаго знанія; в области политики она подчиняется почти всегда суб'ективному чувству. Русскому демократу дорога чешская свобода, но также, как и проф. Масарику, еще ближе свобода русская, интересы своей родины. И с точки зрѣнія этих интересов позиція проф. Масарика в дни революціи и гражданской войны в Россіи отнюдь не совпадала с интересами Россіи, как мы их понимаем. Мы берем на себя смѣлость утверждать, что докладная записка, представленная проф. Масариком Вильсону в апрѣлѣ 1918 г., по возвращеніи из Россіи, принесла прямой и непосредственный вред дѣлу русскаго освобожденія и возрожденія.

Русскій читатель воспоминаній Масарика должен всегда помнить, и это ощущается в каждой строкѣ, что в оцѣнкѣ и прогнозах почти всегда на первый план у мемуариста выступает чувство чешскаго патріота. Когда автор говорит: «постоянной заботой для меня была Россія и ея судьба» (стр. 129)*), надо

*) Цитируем по русскому изданію, выпущенному «Пламенем» и «Орбисом».

всегда мысленно добавлять — с точки зрѣнія того, как судьба Россіи отразится на судьбах Чехіи. И проф. Масарик с нѣкоторым удовлетвореніем и в подтвержденіе правильности своей позиціи может констатировать: «и большевицкая революція нам не повредила». Защита національнаго дѣла почти всегда требует извѣстной эластичности. В этом отношеніи позиція президента чехословацкой республики дѣйствительно поучительна для нѣкоторых русских демократов. Из всего можно извлечь пользу, не измѣняя своим демократическим теоріям и принципам. Но мнѣ кажется, что в этом отношеніи проф. Масарик шел даже дальше, чѣм это требовалось. До революціи національные интересы Чехіи требовали нѣкоторой двойственности, и проф. Масарику, с одной стороны, приходилось искать сношеній с той «официіальной Россіей», у которой, по его словам, он был записан «на черной доскѣ»; а с другой, воздѣйствовать на русскую революціонную эмиграцію; «было прямо страшно смотрѣть, как они не организованы и как их нельзя было организовать». С большой энергіей завязывает Масарик связи, нужныя в цѣлях его пропаганды. В концѣ 1916 г. встрѣчается он с Амфитеатровым, который должен был редактировать новую протопоповскую газету и «который сам себя увѣрил, что сможет вести ее в либерально-демократическом духѣ». Очевидно, проф. Масарик этому не вѣрил, но «на всякій случай» «дал ему статью, в которой раз'яснял русским необходимость уничтоженія Австріи»...

По приведенному примѣру, второстепенному по существу, уже видно, как тактика русскаго демократа может быть радикально противоположна тактикѣ демократа чешскаго. Послѣдній найдет плюс и там, гдѣ для русскаго только минус. На стр. 197 автор разсказывает о том, как кіевскій совѣт, послѣ захвата большевиками Кіева 8 февраля 1918 года, послал агитаторов в чешскія войска. Проф. Масарик рѣшил допустить этих агитаторов. В результатѣ около 218 человѣк перешло в красную армію. «Я не скрываю, что среди тѣх, кто перешел к большевикам — добавляет автор — были приличные и даже очень хорошіе люди. Нѣкоторые из них, благодаря своему положенію в большевицкой арміи, *оказали нам большія услуги*» (курсив наш). Таким образом, результаты говорили за тактику проф. Масарика. Но, может быть, был здѣсь и минус, если мы припомним послѣдующія событія, имѣвшія мѣсто в чешском корпусѣ в Сибири. Но об этом позже.

***

Свой обвинительный акт проф. Масарик начинает с царской Россіи. Здѣсь грѣхов, грѣхов пагубных, нѣт числа. И поскольку рѣчь идет об оффиціальной Россіи, мы могли бы восполнить во многом отрицательныя характеристики автора воспоминаній. Но вездѣ и всегда надо быть справедливым. Проф. Масарик с самаго начала уже чрезмѣрно расширяет рамки своего обвиненія.

Для автора нѣт сомнѣній в том, что Россія в 1916 г. «была окончательно побѣждена». Психологически мы с этим не согласимся, но, не будучи спеціалистом в стратегіи, трудно возражать, хотя и не можем в этих вопросах признать незыблимым авторитет чешскаго ученаго и философа, изучавшаго в силу сложившейся кон'юнктуры каждый день «военныя карты». Но у нас есть военный авторитет для оцѣнки правильности нѣкоторых категорических сужденій автора. Проф. Масарик во время войны довольно скептически относился к русской арміи. «Конечно, — пишет он — австрійцы и нѣмцы сильно ошиблись, не дооцѣнивая русскую армію, в особенности артиллерію, но все же то, что я знал о русском войскѣ и о его командном составѣ внушало мнѣ всякія опасенія» (19). «Я вижу ясно ошибку и вину царскаго правительства в том, что оно пошло на войну без подготовки, необдуманно и в своих интересах недобросовѣстно... Понятно, что союзники потеряли вѣру в Россію; одно время они опасались даже поставлять русским оружіе и амуницію, так как они могли их употребить против самих же союзников (sic!). Естественно тоже, что стратегическій план союзников должен был измѣниться благодаря военным недостаткам русских» (154-155). Масарик передает мнѣнія, ставшія общими мѣстами в иностранной печати. Послушаем, однако, что говорит по этому поводу дѣйствительно авторитетный изслѣдователь европейской войны ген. Головин, выпустившій только что I том своей работы под заголовком: «Из исторіи кампаніи 1914 г. на русском фронтѣ»*) и писавшій свою книгу отчасти в цѣлях «защитить память той арміи, которая в полном смыслѣ слова, пожертвовав собою, дала побѣду союзникам». Вот выводы, к которым приходит Головин, изслѣдователь, отнюдь не стремящійся обѣлить верхи и называющій в своем

---

*) О ней см. № 12 «Н. Ч. С.».

печатном трудѣ ген. Сухомлинова «хуже чѣм невѣжественным человѣком». «Мы считаем себя в правѣ утверждать, что в 1914 г. *кадры* русских войск должны быть поставлены на *первом* мѣстѣ, как по сравненію с нашими союзниками, так и с противником (30)». В чем же причина неудачи? Ген. Головин, по моему, устанавливает их двѣ, при чем первая вытекает отчасти из второй поэтому вторая является основной. Союз Россіи и Франціи, — говорит изслѣдователь — связывал план войны обоих государств в одно цѣлое (49). Неудачный план кампаніи, спроэктированный французским штабом (67) — в другом мѣстѣ автор называет этот план «преступно-легкомысленным» — тяжело отразился на стратегіи русскаго театра войны. «Россія, связанная легкомысленно данным ген. Сухомлиновым и Жилинским обязательством, вынуждалась этим (т. е. согласіем на план французскаго штаба) вводить свои силы по частям и не там, гдѣ было нужно, только для того, чтобы спасти свою *зарвавшуюся* союзницу» (66). «Крупная ошибка, сдѣланная составителями франко-русскаго плана войны, прежде всего почувствовалась Франціей. Ея политическіе руководители, испуганные призраком надвигающейся катастрофы, начали со всей доступной им силой давить на государя и русскіе руководящіе круги. Вопрос ставился не только о содѣйствіи, но и о спасеніи. В результатѣ политика не только препятствовала русскому Верховному Командованію исправить ошибки плана войны, но, наоборот, толкала на углубленіе их» (107). Не без основанія ген. Головин вспоминает обращенія французскаго посла Палеолога к царю, свидѣтельствующія о том, что от союзников шли «просьбы о помощи, носящія болѣе чѣм нервный характер». 23 іюля (5 августа) заявленіе Палеолога кончалось словами: «Я *умоляю* (в данном случаѣ курсив автора) Ваше Величество, приказать вашим войскам наступленіе. Иначе французская армія рискует быть раздавленной». Мало того, ген. Головин убѣдительно доказывает, что выдвинутое союзниками новое направленіе «кратчайшее на Берлин» не предусмотрѣно было планом войны. «Кампанія 1914 г. — заключает Головин — явилась ничѣм иным, как исторіей расплаты за стратегическія ошибки плана войны».

Таким образом, при конкретном, фактическом изученіи матеріала можно придти к иным выводам, чѣм тѣ, которые вытекают из положеній проф. Масарика. Нѣсколько неясно, какое заключеніе дѣлает проф. Масарик, устанавливая свое положеніе

о недобросовѣстности со стороны стараго русскаго правительства, вступившаго в войну недостаточно подготовленным. «Наши военные круги не были подготовлены к веденію войны в современном большом европейском масштабѣ» — так опредѣляет ген. Головин как бы вторую причину неудачи. В нѣкоторых отношеніях тезисы проф. Масарика и ген. Головина совпадают. Но могла ли Россія не вступить в войну? Ген. Головин доказывает, что нерѣшительность Николая II, высказавшаяся в отмѣнѣ общей мобилизаціи, была пагубной с точки зрѣнія успѣхов русской арміи. Здѣсь спор переходит с сущности в плоскость споров о виновниках войны, и проф. Масарику надлежало бы доказать, что, если бы Россія не участвовала в войнѣ, ход событій пошел бы по иному. Для нас, по крайней мѣрѣ, это сомнительно — и во всяком случаѣ исход мог бы быть болѣе трагичен именно для «союзников». Теперь за войну расплатилась только Россія — Чехія же в результатѣ получила столь лелѣянную ею в мечтах свободу. Мнѣ кажется, что ученый и философ, каким является проф. Масарик, должен знать, что причина міровой перетурбаціи, выразившейся в міровой войнѣ, гораздо болѣе сложна, нежели ея формальный повод — Сараевскій инцидент. Сказать, что Россія шла на войну только «азартничая» — это значит, как мнѣ кажется, нарушить всю историческую перспективу, смѣшать всѣ историческіе масштабы. Проф. Масарик счел возможным подвести такой итог: «Если нѣкоторые русскіе уже тогда, а многіе до сих пор обвиняют запад в неблагодарности, так как западные союзники будто бы сдѣлали мало для Россіи, то это обвиненіе не имѣет никаких основаній; союзники могли бы обвинять русских, что они не сдержали обѣщаній... Вѣрно лишь то, что многіе на Западѣ именно так смотрѣли на Россію сейчас же послѣ пораженія 1914 г.; начинали видѣть, что Россія шла на войну неподготовленной, азартничая. Подобныя сомнѣнія о Россіи я не раз слышал в Парижѣ, Лондонѣ и Вашингтонѣ.» О том, что союзники сдѣлали даже слишком много для Россіи, пишут и теперь. Напр., «Monde Slave» (№ 8) в статьѣ одного из редакторов журнала, Auguste Gauvin, категорически заявляет, что Франція avait fait plus, beaucoup plus que son devoir envers la Russie. Я не склонен обвинять и считаться за прошлое. Но позвольте требовать и в отношеніи нас большей справедливости — справедливости просто элементарной, ибо наше излишне пожалуй, сентиментальное выполненіе долга

вѣрности к союзникам и так отозвалось уже слишком больно на нашем горбѣ. Этой элементарной справедливости, к сожалѣнію, нѣт у проф. Масарика, так как нас совершенно не удовлетворяет его оговорка: «Несмотря на это я признаю, что нельзя отрицать доброй воли Россіи. Россія в самом началѣ войны откровенно обѣщала помощь Сербіи; на Восточную Пруссію русскіе повели наступленіе, как раз тогда, когда Париж был в опасности. Брусилов тоже начал дѣйствовать, дабы этим облегчить Италію(?!) и Керенскій хотѣл помочь дѣлу» (155).

Центр обвинительнаго акта проф. Масарика против царизма естественно перенесен в сферу политическую, а не военную. К сожалѣнію, и здѣсь автор не удержался от недостаточно обоснованных обобщеній, что заставляет нас внести поправки даже там, гдѣ мы, казалось бы, всецѣло примыкаем к демократической и критической позиціи проф. Масарика. «Рѣшающія причины пораженія на фронтѣ — пишет автор — заключались в моральном гніеніи русскаго военнаго общества и значительной части (?!) русскаго народа». (154). Автор не вѣрит — и это хорошо — обвиненіям Александры Федоровны в «измѣнѣ», подчеркивает лойяльность царя в отношеніи к союзникам. Правда, здѣсь какая то неопредѣленность, ибо наряду с указаніем лойяльности Николая II, проф. Масарик отмѣчает, что первыя уже пораженія толкали царя к Германіи. Между тѣм, как тот, кто прочитал интимный дневник царя за 1917 г., напечатанный в «На Чужой Сторонѣ», должен будет признать, что «деревянная душа» «немужественнаго» Николая II в отношеніи войны и принятых перед союзниками обязательств была послѣдовательна до конца. Николай II, может быть и, погиб, в силу проявленной твердости в этом отношеніи — я имѣю в виду нѣмецкіе планы его освобожденія из Тобольска... Мнѣ кажется, что проф. Масарик нѣсколько поспѣшен в установленіи нѣкоторых, по крайней мѣрѣ, фактов. Он пишет: «Также немужественно вел он (т. е. царь) себя и потом, когда часть придворной клики выдумала план пустить нѣмцев к Петрограду, дабы этим спасти трон. Что это не был единственный подобнаго рода план, я могу *доказать* (?) тѣми свѣдѣніями, которыя я получил в Лондонѣ о Горемыкинѣ. Уже тогда этот русскій министр, бывшій сравнительно лучше, нежели его преемник, не боялся пораженія и наступленія нѣмцев на Петроград. Нѣмцы де смогут завести в Россіи порядок» (156). Этот намек в исторической работѣ, каковой являются ме-

муары политическаго дѣятеля, надлежало расшифровать. Всякаго рода «пораженцы» могли быть и были в широком лагерѣ русской общественности. И, вѣроятно, не один Горемыкин так смотрѣл, если это можно категорически утверждать. Но вѣдь одно дѣло ходившіе слухи, одно дѣло обвиненія в напряженной атмосферѣ недовѣрія и борьбы, и другое дѣло — реальныя обвиненія. Во всяком случаѣ о существованіи того плана, о котором весьма скупо говорит мемуарист, мы не знаем и было бы очень важно, чтобы автор не скрывал того, что ему извѣстно. Такія заявленія надо дѣлать осмотрительно.*) Слишком легко воздвигать такія обвиненія. Вѣдь большевик, а затѣм меньшевик-интернаціоналист Суханов обвинял и генерала Корнилова (а большевики и Керенскаго) в желаніи отдать Ригу почти в тѣх же цѣлях. С большевиков много не спросишь, ибо что у кого болит, тот о том и говорит....

Мы согласны с автором мемуаров: «Царскій Содом и Гоморра должны были быть уничтожены огнем и сѣрным дождем». Великая деморализація была наверху, и не только на самом верху. Но какое основаніе имѣется у автора утверждать, что этим моральным болотом несло от всего дворянства? «Оно было настроено против Распутина — утверждает Масарик — *вовсе* не по моральным и религіозным побужденіям, а лишь по кастовым причинам». Какія основанія видѣть только кастовыя побужденія в выступленіях Самарина и его единомышленников? Мы очень не склонны раздѣлять «демократическіе» предразсудки, усматривающія в другом лагерѣ только классовыя побужденія. Казалось бы здѣсь мог быть у нас полный контакт с проф. Масариком, соціализм и демократизм котораго очень близок к нашему воспріятію этих понятій.

Еще раз, к сожалѣнію, проф. Масарик в своих обвиненіях переходит границы. Он пишет: в «таком положеніи (т. е. моральнаго гніенія, подлежащаго уничтоженію огнем и сѣрным дождем) не был лишь двор и придворное общество — деморализація была весьма распространена и захватывала всѣ круги, *особенно же*, так называемую, интеллигенцію, а также мужика» (157) Исклю-

*) Кстати о Мясоѣдовѣ, на котораго ссылается автор. Не защищая личности Мясоѣдова, надо теперь признать, что всѣ обвиненія его в шпіонажѣ были построены на песцѣ и что он пал жертвою тѣх, которые хотѣли на нем отыграться. Его казнь лежит пятном прежде всего на совѣсти в. кн. Николая Николаевича.

ченіе почему то сдѣлано только для рабочаго класса! Современные хулители старой русской интеллигенціи — а их много теперь в лагерѣ русских — с наслажденіем ухватятся за эти слова авторитетнаго свидѣтеля. Должен однако констатировать, что ни одного факта, подтверждающаго это невѣроятное, чудовищное по своей гиперболичности обвиненіе, в текстѣ проф. Масарика нѣт. Для нас отнюдь не убѣдительна слишком старая, слишком часто уже цитировавшаяся, слишком общая и передающая лишь настроеніе, перефразированная цитата из Кирѣевскаго: Россія пала, должна была пасть из за своей внутренней неправды, а равно и то, что проф. Масарик «имѣет право» так судить о Россіи. Но спор о правдѣ и неправдѣ русскаго народа, спор модный и в наше время разочарованій и пересмотра идеологій, спор в сущности ирреальный, — отвлек бы нас слишком далеко от основной темы, которой посвящены воспоминанія о міровой войнѣ.

Когда проф. Масарик говорит об анархическом развитіи русской интеллигенціи, начиная с 1906 г., вѣроятно, он найдет много сочувственных откликов в том лагерѣ русской общественности, которая стоит, по сравненію с идеями проф. Масарика, как-бы на противоположном берегу. Но что общаго имѣет это «анархическое» развитіе русской интеллигенціи с понятіем о моральном гніеніи? Или это только неудачная терминологія? Не мѣсто здѣсь защищать великія цѣнности идеализма русской интеллигенціи, выдѣляющія ее среди аналогичной среды Западной Европы. Трехгодичное пребываніе в Западной Европѣ лишь утвердило нашу старую позицію. Мы думаем, что еще будут жить тѣ завѣты, которые нам так дороги и которые преждевременно хоронят со всѣх сторон. Наша бѣда была в ином — истинно культурный слой русской интеллигенціи был слишком тонок по сравненію с остальной толщей. Демагогія, которой суждено было сыграть такую роковую роль в дни революціи, была отступленіем от старых завѣтов, равно как и демагогія в эпоху великой французской революціи, сыгравшая такую же роль в XVIII вѣкѣ, была забвеніем принципов 1789 г......

Проф. Масарик боялся русской революціи, боялся с самаго начала, именно с точки зрѣнія ея послѣдствій для всего хода войны. «Русскіе, как и большевики, являются дѣтьми царизма: в теченіе столѣтій он их воспитывал и вырабатывал. Они сумѣли устранить царя, но не устранили царизм. У них царская форма, хотя они носят ее на изнанку, вѣдь русскій и сапоги (?) умѣет

вывернуть наизнанку» (202). Хотя эта тирада относится как бы к большевизму, в дѣйствительности она опредѣляет общее отношеніе автора воспоминаній к Россіи. Мы должны привести еще большую цитату и не для оспариванія основных положеній, в ней заключающихся, а лишь для поправок к тѣм утвержденіям, которыя слишком дисонируют с нашим воспріятіем. «Режим Ленина — пишет на 204 стр. автор — был подготовлен Керенским и Временным Правительством; и Временное Правительство и Керенскій проявили неспособность к управленію и очистили неспособным и скверным людям значительное поле дѣйствія. Ленин продолжал в том же родѣ. Дорогу ему подготовило анархическое развитіе интеллигенціи, начиная с 1906 г.; тогда и несоціалистическія партіи не поняли, что послѣ революціи и достиженія конституціи, пусть и несовершенной — политическое движеніе должно стать болѣе положительным. Ленин был логическим послѣдствіем русской нелогичности... Неправильно, что Ленин и его опыт не русскіе; сама система совѣтов есть не что иное, как расширеніе примитивных русских міра и артели. То, что режим Ленина не создал коммунизма и то, что у него были и есть большіе недостатки и грѣхи, еще не означает, что это зло не принесло Россіи и особенно массѣ русских мужиков ничего хорошаго. Большевизм пробудил чувство свободы; особенно же возросло сознаніе собственной силы у крестьян и всѣ получили урок о силѣ организаціи; окрѣпло убѣжденіе в необходимости работы и прилежанія (сам Ленин и многіе вожди являются примѣром), в городах и среди крестьян началось Руссовское опрощеніе». (204-205).

Прежде всего относительно анархическаго развитія русской интеллигенціи, начиная с 1906 г. То, что проф. Масарик считает признаком государственнаго пониманія, как раз в період реакціи, послѣдовавшей за первой революціей, явилось не только пропагандой, но и дѣйствіем той политической группировки, лидером которой был П. Н. Милюков. На этой позиціи стоял так называемый прогрессивный блок. И, слѣдовательно, если жизнь перескочила, то повинно здѣсь не только «анархическое» развитіе русской интеллигенціи. В своей исторической логичности проф. Масарик доходит до утвержденій, которыя доказать очень трудно. Выводить совѣтскую систему из старо-русских міра и артели — может быть, и своеобразно, но не убѣдительно. Болѣе доказательно можно вывести «совѣты» из исковерканнаго запад-

но-европейскаго синдикализма. Не все плохое с Востока! В сущности и нечаевщина, как символ большевизма, пришла к нам с Запада и только акклиматизировалась болѣе легко в Евразіи. Что касается «пользы» от большевиков России, то в формах, изображенных в воспоминаніях, она болѣе чѣм сомнительна, особенно если принять во вниманіе оговорку автора, что он касается лишь первой эпохи большевизма. Это был період, когда, кажется, всѣ без исключенія стремились избѣжать принудительнаго «коммунистическаго» труда, до рабочих и крестьян включительно. Я, пожалуй, соглашусь, что большевизм способствовал пробужденію нѣкотораго чувства свободы, ибо впервые масса почувствовала, что не только политическая свобода есть нѣчто, но и просто свобода передвиженія является уже великим благом. Какое «руссовское» опрощеніе нашел профессор Масарик в городах и деревнѣ, нѣсколько трудно себѣ уяснить. Казалось, большаго опрощенія крестьянина, чѣм это было в годы царскаго режима, трудно себѣ представить в странѣ, претендующей на званіе государства культурнаго. Большевики доказали, что можно вернуться дѣйствительно в первобытное состояніе, вплоть до людоѣдства. Видѣть в этом хотя бы и «относительное» добро, которое «может и должен отмѣтить справедливый и серьезный наблюдатель русскаго развитія» — мы рѣшительно отказываемся.

«Большевизм означает внутренній кризис России — его нельзя лѣчить вмѣшательством извнѣ» — справедливо замѣчает автор. Но само по себѣ отношеніе автора к большевизму, отношеніе, конечно, весьма отрицательное, но отношеніе посторонняго наблюдателя — для нас слишком спокойно. Мы органически не можем говорить о террорѣ, об уничтоженіи интеллигенціи с тѣм спокойствіем, которое в данном случаѣ свойственно перу проф. Масарика. «Я их особенно обвиняю в том, что они совсѣм по царски излишествовали в уничтоженіи жизней». Нам чужд самый тон этого замѣчанія, поскольку только переводчик правильно передал нюансы письма мемуариста; нам чужды сами по себѣ слова «совсѣм по царски», ибо это не дает никакого представленія о том, что в дѣйствительности происходило и происходит в Россіи. Содом и Гоморра царской Россіи своего рода «потерянный рай» по сравненію с насиліем большевицкой деспотіи, тѣх «озлобленных и кровавых псов», о которых образно говорит Каутскій в своей послѣдней работѣ «Соціалистическій Интернаціонал и Совѣтская Россія».

Только положеніе наблюдателя, оцѣнивающаго происходящее с точки зрѣнія интересов того національнаго дѣла, которому он служит, позволяет проф. Масарику сказать, что и большевицкій террор не помѣшал чешскому дѣлу. И почти невольно большевики отождествляются у него с Россіей. Тот ров, который нас раздѣляет, заставляет подойти к вопросу по другому и с другой точки зрѣнія оцѣнивать тактику проф. Масарика в Россіи. Его принципом было невмѣшательство в партійные споры и бои среди русских и созданіе своей самостоятельной боевой силы, которая должна была быть перевезена во Францію. Естественно, что большевицкій переворот интересовал проф. Масарика «главным образом с точки зрѣнія нашего (т. е. чешскаго). войска и военных планов». В силу этого «мы не могли избѣжать переговоров с новыми возникающими большевицкими властями, которыя становились господствующими»... Касаясь договора чехов с большевицким командиром Муравьевым, бравшим Кіев, автор мемуаров считает необходимым сдѣлать такое замѣчаніе: «Об отношеніях Муравьева ко мнѣ по Кіеву ходило много сплетен, распространяемых нѣкоторыми реакціонерами; большевицкій генералиссимус, по их словам, как то уж слишком очевидно уступал мнѣ и т. д.» Проф. Масарик не отрицает, что Муравьев, стремившійся привлечь чехов на свою сторону, «обращался со мной ласково и предупредительно». Русскій читатель без труда представит себѣ фигуру этого пресловутаго авантюриста, прославленнаго кровавыми дѣяніями в Кіевѣ и Одессѣ, и также легко ощутит нѣкоторую наивность иностранца в добавленіи, которое дѣлает проф. Масарик: «мнѣ, лично, он (т. е. Муравьев) сам сказал, что уже давно знает меня по книгам и сообщеніям, а потому стремится меня удовлетворить. Он был, как я слышал, жандармским офицером и большевиком по принужденію, позднѣе по приказу из Москвы он был разстрѣлен». Этот сомнительный «большевик по принужденію» сам с собой покончил при новой неудачной авантюрѣ, дѣйствительно направленной уже против большевиков. «Мое отношеніе к большевикам — заключает Масарик — многим людям не давало спать». Во всяком случаѣ, мы можем сказать, что проф. Масарик, хорошо разбиравшійся в идеологіи большевиков, не мог разобраться в реальных большевиках, когда их жизнь столкнула.

Не знаю, как на других, но на меня раздражающе дѣйствует уравненіе, которое ставится между большевиками и Россіей:

послушаем разсказ проф. Масарика о моментѣ, который наступил для чехов послѣ об'явленія Украины по Универсалу самостоятельным государством, т. е. послѣ 25 января 1918 г. «Я считал невозможным оставаться на Украинѣ, совершенно оторванной от Россіи (?!), не только из-за обѣщаній данных ранѣе Россіи, но и принимая в соображеніе и наших граждан в большевицкой Россіи и особенно наших плѣнных (я боялся, что их будут преслѣдовать), без Россіи же мы не могли попасть в Сибирь, а оттуда во Францію» (208). Проф. Масарик рѣшил вывести чешское войско с Украины, мотивируя перед кіевским правительством свое рѣшеніе тѣм, что «войско было сформировано с согласія Россіи, Россіи же наш солдат присягал в вѣрности» (формированіе происходило при ген. Духонинѣ.) Надо имѣть в виду, дабы не спутаться в понятіях, что Украина для проф. Масарика не Россія, хотя по существу он был убѣжден, как писал в апрѣлѣ в меморандумѣ Вильсону, что «способное правительство могло бы *принудить* украинцев, чтобы они удовлетворились автономной республикой, составляющей часть Россіи.» Таким образом, вѣрность присягѣ, вѣрность Россіи толкали чехов на территорію большевиков; в дѣйствительности, как мы знаем, истинным импульсом было другое — только через большевиков можно было попасть во Францію, куда стремился чешскій корпус, об'явившій себя теперь уже частью французской арміи. Проф. Масарик попадает в безвыходное противорѣчіе — присяга Россіи и новая присяга Франціи. «Будучи частью французской арміи, мы естественно примѣнили бы оружіе для защиты французов и всѣх остальных союзников, если бы на них было совершено нападеніе» (212), т. е. пришлось быть против Россіи, которой присягали и на счет которой было произведено вооруженіе корпуса: «мы часто brevi manu доставали матеріал из русских военных складов, которые без нас раскрали». Болѣе того, проф. Масарик готов был воевать против большевиков и Россіи, если бы союзниками была об'явлена формальная война: «я бы присоединился с нашим корпусом к арміи, которая была бы способна вести войну с большевиками и нѣмцами и которая защищала бы демократію (какую?) против большевизма. Для борьбы с большевиками была одна возможность: мобилизація японцев. Но на это не согласились не только Америка, но и Париж и Лондон» (216).

Проф. Масарик чувствует, однако, всю ту невязку, которая создается в силу указаннаго противорѣчія и в силу чрезмѣрно

«національной позиціи», которую он хотѣл занимать. Вѣдь русскія національныя группы оставались вѣрными договорам с союзниками, не признавали Брест-Литовскаго мира и стояли на позиціи неизбѣжнаго продолженія войны. Поэтому он довольно подробно разсматривает версію о связи большевиков с нѣмцами и опровергает эту версію. Не могу сказать, чтобы убѣдительно, ибо слишком упрощенно рубит узлы этой версіи. Проф. Масарик называет некритическими и невѣжественными сужденія о полученіи большевиками денег из Германіи. Охотно расписываемся в своем невѣжествѣ, ибо для нас, как и для многих, пока в этом нѣт никаких сомнѣній. Дѣло не исчерпывается, как представил проф. Масарик, поддѣльными, так называемыми, американскими документами — но и здѣсь не слѣдует так просто рубить узел. Рекомендуем проф. Масарику заглянуть в «исторію русской революціи» П. Н. Милюкова, котораго трудно назвать невѣждой. Далѣе проф. Масарик доказывает, что большевики в подписаніи Брест-Литовскаго мира слѣдовали лишь за своими предшественниками царскаго и послѣцарскаго режима. (Милюков, напримѣр, хотѣл подписать мир). Для большевиков не было другого выхода, и автор считает долгом констатировать, что уже послѣ заключенія перемирія и во время переговоров в Брест-Литовскѣ большевики думали о продолженіи борьбы с Германіей. Ну, мы не очень вѣрим крокодиловым слезам, которыя проливал Троцкій перед Нулансом. Для большевиков и в том и в другом случаѣ была только тактика. Пытается обосновать свою точку зрѣнія, отрицающую всякій альянс между большевиками и нѣмцами, проф. Масарик и аргументом от другой стороны — нѣмецкой. «Невѣрно утвержденіе, будто нѣмцы с начала и при всѣх условіях поддерживали большевиков. Правда, что они воспользовались большевицким переворотом и еще даже их агитаціей к борьбѣ с царским и временным правительством, правда и то, что это была близорукая тактика. Но всѣ нѣмецкіе государственные дѣятели и руководящія лица в арміи не были согласны в воззрѣніях на большевиков*); партіи буржуазныя, монархическія, а также и соціал-демократическая не были за большевиков. (Если исключить всѣ три основныя партіи, то что-же остается? *С. М.*) Нѣмцы — продолжает автор — больше-

*) В этой фразѣ какая то ошибка или переводчика или типографіи.

викам не довѣряли и до извѣстной степени их боялись». Поэтому нѣмцы держали все время такой сильный русскій фронт. Впрочем, «это не была армія лишь против большевиков; нѣмцы ещ тогда считались с возможностью, что большевики не удержатся и что новые правители Россіи, особенно монархисты, навѣрняка воскресят русскую армію». (220) Что же это доказывает? Только одно, что нѣмцы пользовались большевиками постольку, поскольку им надо было, и играли на два фронта. В этой двойственной позиціи нѣт, дѣйствительно, никаких сомнѣній. Нам важна та или другая практика, а не форма — можно не сомнѣваться, что офиціальнаго альянса между нѣмецким генеральным штабом и большевицкой партіей не было. Что же касается отдѣльных лиц, то это вопрос еще открытый. «Подобное изслѣдованіе отношеній большевиков и нѣмцев — замѣчает сам проф. Масарик — потребовало бы болѣе старательнаго разбора, чѣм здѣсь надо». Несомнѣнно, проф. Масарику это нужно только для того, чтобы показать, что никакого большевицко-нѣмецкаго фронта не было. Но, очевидно, многаго не знает проф. Масарик и, очевидно, он уже не имѣет теперь возможности слѣдить за текущей литературой, а занавѣсь между тѣм дѣйствительно пріоткрывается..

Проф. Масарик рѣшительный противник интервенціи, ибо вмѣшательство во внутреннія дѣла невозможно вслѣдствіе международных обычаев. Но мы знаем, что проф. Масарик согласился бы воевать с большевиками при наличіи большевицко-нѣмецкаго фронта и об'явленія офиціальной войны Россіи. (Мы говорим о большевицко-нѣмецком фронтѣ, но это уже, в сущности, интерпретація масариковскаго текста, гдѣ упомянуты нѣмцы; рѣчь идет просто о «войнѣ с Россіей — с большевицкой Россіей»). Здѣсь много формальных тонкостей, а сущность мало чѣм отличается от того, что говорили в 1918 г. всѣ, стоявшіе в Россіи за продолженіе войны, прерванной большевизмом. Но практически и принципіально все же проф. Масарик стоял за невмѣшательство и поэтому, когда выступленіе союзников произошло, когда жизнь привела к этому, проф. Масарик счел это ошибочным. Принцип всегда остается принципом, и проф. Масарик в корень разрушает свою аргументацію, когда в добавленіе к своей принципіальной позиціи, об'ясняющей, почему он рѣшительно отклонил предложенія Корнилова, Алексѣева, Ми-

люкова и др. присоединиться к ним и выступить против большевиков (212), приводит другія соображенія больше практическаго характера, побуждавшія принять такое рѣшеніе. Эти соображенія таковы — беру главнѣйшія: 1) русскіе политики невѣрно оцѣнивали общее положеніе Россіи, и у проф. Масарика не было довѣрія к их руководству и организаціонным способностям; 2) чешскій корпус еще не был готов; 3) «мы должны были рисковать, что большевиков от нас будут защищать нѣмцы и австрійцы» (важное признаніе!); 4) «нас бы не поняло и русское населеніе»; 5) «к нам бы сейчас же присоединились черносотенцы»; 6) чехи не могли бы обезпечить (?!) за русским народом землю; 7) с 50 тыс. нельзя было оккупировать всю Россію (213-214).

Против каждаго из этих положеній можно возражать. Но тут уже не принцип, а практика. Послѣдующія событія разрушили идею проф. Масарика о невмѣшательствѣ, слѣдовательно, законно поставить вопрос: не были ли бы цѣлесообразнѣе с точки зрѣнія Чехіи и Россіи раньше провести в жизнь то, чему всемѣрно препятствовал в первые мѣсяцы 1918 г. автор воспоминаній? Во время совершенное дѣйствіе часто измѣняет кон'юнктуру. Но это уже область гаданій, область неосуществившихся возможностей, в которую мы не будем вдаваться.

Мы согласны с проф. Масариком: «союзники не имѣли опредѣленнаго плана по отношенію к Россіи» и у них не было «единообразнаго отношенія к большевикам». Отсюда и проистекала та мѣшанина, которая путала всѣ карты в період гражданской войны. Этой непродуманной политикѣ европейских государств в Россіи проф. Масарик противопоставляет как бы свою: «Я дѣйствовал по отношеніи к Россіи во всѣх фазах ея развитія, соображаясь с знаніем условій быта и с нашей національной программой; мнѣ было непріятно, что многіе из союзников меня сразу не поняли. Общія послѣдствія и успѣх доказывают мою правоту». (219). Какова же была предлагаемая проф. Масариком конкретная программа европейских держав в Россіи? О ней говорит тот краткій меморандум о состояніи Россіи и большевизма о котором мы упоминали и который был 10 апрѣля 1918 г. представлен Вильсону проф. Масариком послѣ от'ѣзда его из Россіи. Этот документ приведен цѣликом автором воспоминаній. В сущности его надлежало бы перепечатать. Основной тезис, выраженный в §1 меморандума, очень прост: если союзники будут с большевиками в хороших отношеніях, то смогут имѣть на них

вліяніе и «остальныя партіи не лучше и не способнѣе большевиков». Мнѣ кажется, что такая «продуманная политика», такая агитація в Европѣ, в сущности, за большевиков, несмотря на принципіальную враждебность к ним проф. Масарика, была рѣшительно вредна для Россіи того времени, как она вредна для Россіи уже наших дней. Не будем забывать, что тѣ, перед которыми проф. Масарик развивал свою программу, понимили в русских дѣлах еще меньше. Может быть, мнѣ так кажется в силу нѣкоторой примитивной некультурности или в силу «политическаго диллетантизма»*). Но вѣдь всякій прогноз должен опираться и на факты и на реальныя настроенія. Когда проф. Масарик писал Вильсону о том, что «каолиціонное правительство (соціалистических партій и лѣвых кадетов) могло бы на нѣкоторое время добиться всеобщаго согласія (большевики должны были бы тоже быть в правительствѣ) — он, во всяком случаѣ, излагал политику, которая в Россіи не имѣла никаких шансов быть реальной. В 1917 г. была ирреальной программа так называемаго Викжеля, поддержанная нѣкоторыми соціалистами, собравшимися послѣ большевицкаго переворота в Могилевской Ставкѣ, которая выдвигала принцип каолиціоннаго соціалистическаго правительства от большевиков до народных соціалистов включительно. Какой же утопіей являлось выдвиженіе коалиціи большевиков и кадетов, об'явленных уже urbi et orbi врагами народа!...**)

В то время, когда проф. Масарик набрасывал свой план, в Россіи по отношенію к чешским войскам произошли крупныя видоизмѣненія, и проф. Масарик дѣлал примѣчаніе в своем меморандумѣ: «в сегодняшнем «Advertiser» (1 апрѣля) имѣется слѣдующее сообщеніе: добровольцы сдают оружіе. Чехословацкій корпус, идущій во Францію, остановлен Троцким. Москва 5 ап-

---

*) Что сказал бы, однако, президент Масарик, если бы я, учитывая успѣх коммунистов во время послѣдних парламентских выборов в Чехословакіи, стал бы доказывать в европейской печати (и воздѣйствовать на европейскія правительства, если бы у меня был для этого достаточный авторитет), что всѣ политическія партіи в Чехіи не лучше коммунистов? Было бы это на пользу чешской демократіи?

**) Не могу не отмѣтить, что несомнѣнно болѣе реалистичными были многія соображенія, высказанныя наблюдательным французским маіором Пишоном, представившим из Сибири доклад своему правительству приблизительно в то же время, к которому относится меморандум Масарика.

рѣля. — Как слѣдствіе соглашенія между Троцким и французским послом, армія чехословацких добровольцев, идущая во Францію, передала свое оружіе совѣтским учрежденіям. Офицеры были распущены, за исключеніем ген. Дитерихса, сопровождающаго корпус во Францію». «Сообщеніе весьма благопріятное» - добавляет составитель докладной записки, — «армія, идущая во Францію, не должна имѣть оружія, потому что будет наново вооружена во Франціи; офицеры, о которых идет рѣчь, русскіе вступившіе в нашу армію» (230).

Но очень скоро это весьма благопріятное сообщеніе оказалось чревато послѣдствіями. Чешскій корпус должен был вмѣшаться в гражданскую войну, т. е. пошла на смарку вся проводимая политика невмѣшательства и прогнозы о Россіи руководителя чешской политикой. Чехи не хотѣли итти в союз с Алексѣевым и русскими національными силами — жизнь, однако, принудила их к этому. Но это уже новый этап, котораго воспоминанія президента Масарика еще не касаются. Едва ли ему удастся доказать, что чехи и послѣ невольнаго, быть может, выступленія против большевиков, не вмѣшивались во внутреннія русскія дѣла. Это вмѣшательство было, и было в большей степени, чѣм то диктовали сложившіяся обстоятельства. Принципіальная позиція проф. Масарика, которая, в сущности, примыкала к псевдо-демократическим лозунгам: «Ни Ленин, ни Колчак», должна была отразиться на той двойственной позиціи, которая, в значительной степени, была свойственна чехам в Сибири и которая часто весьма вредно отзывалась на русском національном дѣлѣ.

У проф. Масарика есть замѣчаніе по поводу встрѣчи с Савинковым, с которым он познакомился в Москвѣ и философским романам котораго он раньше посвятил цѣлый отдѣл в своей книгѣ о Россіи.*) Он был разочарован: Савинков очень неправильно судил о положеніи Россіи и не дооцѣнивал силы большевиков. «Позднѣйшее развитіе Савинкова — он служил даже Колчаку — показало его слабость — слабость террористическаго Титана, ставшаго Гамлетом» (224). Да простит меня проф. Масарик

*) Мы знаем, что на большевицком судѣ Савинков нѣсколько по иному освѣщает свои разговоры с президентом чехословацкой республики. Заявленіе Савинкова переходило границы, допускаемыя нашим пониманіем общественной чести. Будущее вскроет истину, но, очевидно, тогдашняя позиція проф. Масарика была в дѣйствительности не так отчетлива, как это рисуется позднѣе мемуаристу.

— это только красивая фраза. Жизнь заставила и чехов служить «даже Колчаку», и, быть может, во много раз было бы лучше, если бы не было этого сакраментальнаго «даже».

Но вот в чем я глубочайшим образом убѣжден. Если бы перемѣнились роли и территорія дѣйствія, то почти навѣрное проф. Масарик со своим чувством демократизма и горячей любовью к родинѣ занимал бы позиціи того самаго русскаго интеллигента, к которому он теперь, как славянин европейской школы, относится немного свысока. И он был бы в том лагерѣ русской демократіи, который во имя борьбы с насиліем, во имя патріотизма и государственности не шел по пути «анархической » отрѣшенности от реальнаго учета дѣйствительности. Залог этому патріотическая дѣятельность одного из первых борцов и созидателей независимости и свободы Чехословакіи.

С. Мельгунов.

ПИСЬМО БАРОНА Н. А. КОРФА ССЫЛЬНОМУ Ф. Ф. ПАВЛЕНКОВУ.

Изслѣдователям Вятскаго края неизбѣжно приходится отмѣчать в своих трудах то вліяніе, какое оказывали в дѣлѣ культурнаго развитія края отбывавшіе здѣсь ссылку Герцен, Салтыков, Короленко. Среди этих имен нѣт Павленкова. Его вліяніе на мѣстных общественных дѣятелей было огромно. О пребываніи Павленкова в ссылкѣ в Вяткѣ, вообще, очень мало извѣстно. Хранящіеся в архивѣ документы до сих пор не изслѣдованы. Приводим письмо к нему в Вятку Барона Н. Корфа, которое явилось отвѣтом на предложеніе, сдѣланное через Павленкова, занять должность директора Вятской учительской семинаріи.

А. Л.

Женева. 5/17 марта 1875 г. Милостивый Государь, Флорентій Федорович! Письмо Ваше по вопросу о приглашеніи меня Директором Вятской учительской семинаріи получил я сегодня и спѣшу благодарить Вас за довѣріе Ваше, но отвѣт мой Вы вѣрно предугадали: я никак не могу принять приглашеніе. Судите сами: 1) В «Семьѣ и Школѣ» за 1872 г. я подробно развил свой взгляд на учительскія семинаріи, а Вятская, вовсе не знающая педагогіи и общего образованія, идет прямо вразрѣз с моими воззрѣніями; по моему мнѣнію слѣдовало бы добавить к ней еще два года обученія, специально посвященные педагогическим наукам, а предыдущіе годы преподавать всѣ науки с меньшим профессіональным оттѣнком. 2) У меня двѣ дочери, из которой старшей уже 14-й год, и даже воспитаніе дочерей чрезвычайно важно, чтобы я оставался в Женевѣ, гдѣ и думаю пробыть года три. 3) Здоровье моей жены требует климата Женевы, а потому никак не помириться с климатом Вятки.

По всѣм этим соображеніям я рѣшил прожить нѣсколько лѣт заграницей, служа отсюда народной школѣ русской, изучая школы Швейцаріи и Германіи и заканчивая тѣ педагогическіе труды, которые начаты. В этом году мои статьи, преимущественно педагогическія, печатаются: в СПБ Вѣдомостях, Вѣстникѣ Европы, Недѣлѣ, Народной Школѣ, Семьѣ и Школѣ. Живя здѣсь постоянно буду работать для Россіи, но в Россію вернусь еще не скоро по многим причинам.

Бар. Н. Корф.

ДѢТСКІЕ ГОДЫ.

Губернскій город Вятка в началѣ 50-х годов. Мнѣ три с чѣм-то года. Осенній день. Нас ведут вмѣстѣ с тремя старшими сестрами смотрѣть на постройку нашего новаго дома. Теперь мы живем на квартирѣ у портного Горбушина в домѣ, который выходит на Преображенскую улицу и соприкасается с огородом другого его же дома, который выходит на главную Московскую улицу. Мой отец купил у него этот второй дом, снес его и теперь строит на том же мѣстѣ новый деревянный дом для нашей семьи. Мы пролѣзаем через какое-то отверстіе в заборѣ, замѣняющее калитку или ворота между двумя огородами. Постройка еще далеко не окончена — выведены только фундамент и стѣны, и она на меня никакого яснаго впечатлѣнія не производит. Помню только, что подлѣ нея был сад и вокруг двора какія то службы. Это самое раннее мое воспоминаніе, относящееся к 1853 или 54-му году. Я родился в декабрѣ 1850.

Дальше память дѣлает скачок в год или полтора, когда дом уже готов, и мы в него уже переѣхали и размѣстились: дѣтская сестер и комната гувернантки наверху, в мезонинѣ, а мы с братом — внизу в комнатѣ рядом с отцовским кабинетом, но с дверью в корридор. Окно нашей комнаты выходит на двор и на дворѣ снѣг. Перед окном большой стол, за которым брат занимается с учителем, чтобы приготовиться к поступленію в гимназію во второй класс. У окна, подлѣ стола — кровать брата, а за нею в углу стоит чистая, бѣлая лопата, которой он в свободное время сгребает на дворѣ снѣг и выкапывает пещеры в сугробах. Петя и учителю показывал свою лопату, и тот очень смѣялся.. Моя кровать по другую сторону двери в глухом углу комнаты. У меня лопаты еще нѣт, но мнѣ ее до страсти хочется имѣть, хотя бы не такую большую, как у брата: на базарѣ вѣдь есть всякія лопаты и всѣ бѣлыя, липовыя, легенькія, а мнѣ говорят, что я еще мал и что мнѣ купят лопату слѣдующей зимой. Цѣлый год ждать!— Об комнатах в новом домѣ у меня вообще сохранилось

воспоминаніе, как о чем-то очень свѣтлом и чистом. Теперь я не могу себѣ даже их представить без солнца. Снаружи стѣны из толстых бревен, красиво проконопаченных мхом, как это умѣют дѣлать только вятскіе плотники. Никакой обшивки или штукатурки на них не было; не было ея и внутри, и стѣны были только гладко вытесаны, даже в гостиной и в залѣ. Я убѣжден, что такой свѣтлый вид жилья, среди котораго протекало мое раннее дѣтство, имѣлъ большое вліяніе на присутствіе в моем характерѣ бодраго оптимизма.

Вечером меня укладывают спать раньше других и тушат свѣт в комнатѣ; но я его все равно вижу сквозь щель между дверью и косяком, что в изголовьѣ моей кровати, — из сосѣдней столовой, и непремѣнно жду, чтобы пришла мама, сказала нѣсколько своих хороших ласковых слов, от которых так легко засыпается и так радостно станет внутри... Потом она меня всегда благословляла и уходила, притворивши дверь. Помню и другое: я простудился, у меня жар и к ногам приложены горчишники; сильно щиплет, и я жду-не-дождусь, чтобы пришли и сняли их; все больнѣе и больнѣе... а никто не идет. Наконец, не выдерживаю и начинаю хныкать. Мать быстро входит и, успокаивая меня, снимает горчицу и поит меня каким то горячим настоем из липоваго цвѣта или ромашки, укутывает одѣялом, говорит, что завтра все пройдет, благословляет и уходит. Все кончается благополучно.

Что происходило по утрам, в началѣ дня в домѣ — не помню. А помню вот что: в угловой комнатѣ, что выходит окнами на площадь, за рабочим столиком, на кушеткѣ сидит мать и шьет. Подлѣ нея на стулѣ сижу я перед азбукой «Елка» со многими картинками; читаю я уже не по складам, хотя еще с растяжкой и спотыкаясь, стихотвореніе «Трубочист», которое я буду учить наизусть.

«Вот идет Петруша, черный трубочист
Он лицом и черен, но душою чист», и т. д.

Мнѣ оно очень нравится, и мать хвалит меня за то, как я его прочитал. У меня является по этому случаю желаніе закрыть книжку и бѣжать играть. Однако-ж нѣт, мнѣ говорят: «ну, теперь будет совсѣм хорошо, если мы прочитаем с тобой вот хоть бы это — «Перевоз», а тогда будет довольно, и ты пойдешь играть». Скрѣпя сердце, читаю, хотя уже не так успѣшно, потому что голова занята совсѣм не тѣм: послѣ нѣскольких поправок по-

лучаю легкій выговор за невниманіе, и еле-еле дотягиваю «Перевоз» до другого берега рѣки и... полусконфуженно закрываю книгу и удаляюсь.

При нашем домѣ довольно большой двор, окруженный с трех сторон по порядку — садом с цвѣтниками, колодцем, каретником и конюшней в углу, с другой — старым двух'этажным амбаром и воротами в огород, и, с третьей — новым дровяным сараем с плоской крышей, с которой мы с братом производили опыт над кошкой, правду ли говорят, что откуда бы ни бросить кошку, она всегда станет на ноги? — Из этих злачных мѣст самыми интересными для меня были сад и конюшня. В саду кромѣ цвѣтников и парников, которыми занималась мать, страстная цвѣточница, была «горка» с четырьмя высокими елками по углам и с шишками на них; высокія качели с веревками и доской, и двѣ длинныя дорожки, во всю длину сада, кромѣ поперечных, усыпанныя щебнем, и с густыми кустами смородины и сирени, подрѣзанной в стѣну по сторонам. Одна из этих дорожек упиралась одним концом в забор, через который, вставши на скамейку, можно было смотрѣть на улицу, а другим граничила с огородом. Здѣсь, в самом дальнем углу сада, на заборѣ из толстых грубых жердей, было главное мѣсто наших военных совѣтов об разных планах и играх, — вродѣ того забора, на котором В. Г. Короленко в дѣтствѣ в г. Ровно рѣшал подобныя же проблемы со своим братом. Вообще сад был мѣстом самых разнообразных кампаній: в прятки, в разбойников с деревянными мечами, в лошадей со старыми подковами, привязанными к ногам, но таким образом, чтобы при бѣганьи по сырым дорожкам из под ног «лошади» непремѣнно вылетали комья сырого песка, и т. д. Я, конечно, только сопровождал такія сложныя игры, потому что к ним обыкновенно примѣшивалось это ненавистное и обидное для меня: «ты еще для этого слишком мал» сестер и брата, которое жалило меня в самый центр моего воображенія. Едва ли не поэтому у меня в эту пору возникла странная идея, что, когда я буду большим мальчиком, я обязательно должен сдѣлаться жеребенком. По крайней мѣрѣ я хорошо помню, что задавал матери такой вопрос: «когда же это, мамаша, я сдѣлаюсь жеребенком?» за что конечно был публично высмѣян. — А конюшня! Вѣдь это был один восторг! Я ее вижу сейчас перед собою, как будто был в ней нѣсколько недѣль тому назад, — а с тѣх пор прошло ровно семьдесят лѣт. Там было три лошади и

козел с огромными рогами и бородой. Пара выѣздных — «Воронко» и «Бѣлоножка» и свѣтло-гнѣдой водовоз «Старик», который потом оказался самой лучшей лошадью из всѣх. Козла я очень боялся, но обыкновенно он сидѣл в одном из свободных стойл за рѣшеткой и, что называется «сдыба» бил по ней рогами, когда его дразнили. Дѣло в том, что у нас в домѣ не держалось ни кошек, ни собак, и всѣ наши симпатіи к живой природѣ сосредоточились на лошадях. Самое интересное было присутствовать при том, как кучер Гаврило чистил свою выѣздную пару, и как лукавая «Бѣлоножка» приложивши уши, шутя, хватала его зубами за рукав, а он дѣланно-сердито покрикивал на нее: «балуй!» Или во время водопоя держать их за повода, пока они пьют, а Гаврило чистит стойла и кладет свѣжую солому для подстилки. «Старик» числился за дворником Лаврóм (производя это имя почему-то не от Лавра, а от Лавёр), огромным, добродушным мужчиной, с длинной черной бородой и неизмѣнно испуганной улыбкой на стыдливо-румяном лицѣ (кажется, он был придурковат). Его первою обязанностью, кромѣ чистки двора, было почти ежедневно ѣздить на рѣку за двѣ версты с сороковой бочкой за водой на «Старикѣ». На кухнѣ его нерѣдко обижали за придурковатость, а я его очень любил, и он часто сажал меня верхом на запряженнаго в бочку «Старика», чтобы доѣхать до ворот.

Большое мѣсто в моем репертуарѣ лѣтних удовольствій занимали поѣздки с отцом «купаться» в своей купальнѣ за городом на Вяткѣ-рѣкѣ. Это случалось довольно часто, когда отец бывал дома, а не в от'ѣздѣ. Почему-то при этих поѣздках сопровождать отца всегда брался я, послѣдыш и «мазунчик», как довольно насмѣшливо он называл меня при матери, а не старшій брат Петя (на четыре года старше меня), к которому отец относился гораздо серьезнѣе. Для этого тот же «Старик» рано утром запрягался в особый вятскій экипаж-плетенку из ивовых прутьев на длинных и гибких дрогах, и мы садились и ѣхали без кучера. Ѣхать приходилось сначала по подгородной слободѣ, гдѣ из под ворот часто с лаем выскакивали разныя жучки и шавки и старались, забѣжав вперед лошади, ловить «Старика» за морду, но он при этом только сильнѣе выкидывал передними ногами и начинал горячиться. За слободой слѣдовал городской пустырь, гдѣ, как на юру, стояли три не то солдатскія казармы, не то пороховые склады, вокруг которых взад и вперед ходили таин-

ственные часовые. Дорога мимо этих корпусов была, как скатерть, по только слегка пробитым колеям по зеленой муравѣ. Здѣсь вожжи передавались мнѣ, и я торжествовал. В этом был главный секрет удовольствія от этих поѣздок. Конечно, мое правленье возжами было тут не при чем, потому что «Старик» знал каждую выбоинку на этой дорогѣ гораздо лучше меня, и умѣл обходить их на полном ходу неподражаемо. Почуяв волю, он обыкновенно прибавлял ходу, и через нѣсколько минут мы останавливались перед обыкновенными полевыми воротами; отец брал у меня вожжи, а я соскакивал с плетенки отворять. Это была едва-ли не главная цѣль, зачѣм отец брал меня с собой, так как он был тучен, и ему самому было трудно дѣлать это. А за воротами, вплоть до берега рѣки, разстилалось волнующееся море спѣлой, золотистой ржи, с ярко-красными маками и синими, как ночное небо, васильками; чувствовался какой то особый аромат ржаного поля, а в ясном безоблачном небѣ звенѣли заливаясь невидимые жаворонки, а снизу им вторил хор безчисленных кузнечиков. У меня в душѣ было свое голубое небо и пѣли свои жаворонки. Вот и рѣка. Лошадь привязывалась к столбу, а мы спускались вниз к купальнѣ. Тут у меня был опять свой особый секрет: не в полосканьи в одиночку в мелкой части купальни и не в сидѣніи на ступеньках в водѣ, а в особой двери, ведшей из купальни на самую рѣку, гдѣ стояла скамейка, и откуда молодежь, не любившая купаться «в закрытой клѣткѣ», бросалась прямо в глубокое русло рѣки. Здѣсь открывался какой то особенный захватывающій простор водяной стихіи с ея бодрящей влажной атмосферой. Мнѣ, конечно, только позволялось сидѣть на скамейкѣ не подходя к краю воды. Дѣлать это, слѣдя за катящейся мимо лавиной воды, за крутящимися в ней завитками, в которые то и дѣло увлекались то соломинки, то щепки, а вокруг сновали сотни мелкой рыбешки — было очень занятно. Рѣка в этом мѣстѣ не особенно широка, но ея русло далеко растекалось нѣсколькими рукавами по песчаным отмелям, и зелень лѣса на том берегу так чудесно отражалась в зеркалѣ затонов, что не знал что видишь, воду-ли в лѣсу, или лѣс в водѣ. Нѣсколько бѣлых точек церквей зарѣчных сел оттѣняли темную зелень картины.

И все это было в каком нибудь получасѣ от нашего городского жилья! — К завтраку возвращались домой; а затѣм — к матери «учиться»: — гувернантка до меня не касалась, чѣм я, конечно, не мало был доволен. Когда мать выѣзжала в город за покупками,

она всегда брала меня с собой, почему моя освѣдомленность о том, что там дѣлалось, не соотвѣтствовала моим пяти годам. Я знал главныя улицы, названія главных церквей, Александровскій сад на высоком берегу рѣки, с широким видом на Зарѣчье, бывал в домѣ бабушки Анны Александровны Машковцевой, бывшей недавно Марѳой Посадницей города Вятки, или дяди Аркадія Машковцева, тогдашняго городского головы; дома разных близких знакомых и друзей моих родителей, и главные магазины и лавки. Вообще очень рано был au courant многих практических вещей. Улицы тогда были не мощеныя; только главныя из них, которых и всѣх то было четыре-пять, посыпались галькой, отчего колеса долгуши или фаэтона, на которых обыкновенно выѣзжали, хрустѣли особенным образом и, напротив, катились совершенно беззвучно по мягкой землѣ, когда поворачивали в какой нибудь захолустный переулок, но за то поднимали цѣлыя облака пыли. Освѣщеніе даже этих главных улиц было болѣе, чѣм скупо, и то только осенью и зимой. Весной, когда таял снѣг, или послѣ продолжительных дождей осенью в нижних частях даже лучших улиц, гдѣ были главные магазины, стояла непроходимая, жидкая грязь, так что колеса тонули в ней чуть ли не по ступицы, а лошади чавкали ногами по живому болоту. Но это считалось в порядкѣ вещей, и я никогда не слыхал, чтобы кто-нибудь говорил, что улицы могут быть чистыми в мокрую погоду. Здѣсь были магазины и торговые ряды и так называемый Нижній базар на Соборной площади, который оживлялся только в извѣстные базарные дни. Но был в Вяткѣ и другой, так называемый Верхній Базар, за оврагом, куда в базарные дни и, особенно по воскресеньям, с'ѣзжались главным образом крестьяне из окрестных сел и деревень и гдѣ находился Александровскій собор, построенный по плану извѣстнаго архитектора Витберга, который был сослан в Вятку одновременно с А. И. Герценом. Но обо всем этом я узнал уже позднѣе, когда поступил в Вятскую гимназію и жил у дальних родственников по близости от этой площади, о чем рѣчь впереди.

Оглядываясь теперь на все теченіе тогдашней своей дѣтской жизни, невольно отмѣчаешь двѣ черты: это необыкновенную ея свѣтлость и радостность, согрѣтость какой то особой любовью ко всему окружающему, во вторых, праздники жизни. В основном она текла по заранѣе опредѣленному руслу, в ней была извѣстная рутина, обыденность, то, что случалось постоянно по какому то

непрекаемому авторитету обычаев и привычек, что и в тебѣ формировало извѣстные привычки и навыки; но дальше в ней были такія скрашивающія ея монотонность развлеченія или пріятныя событія, как занятныя игры в саду или на дворѣ, как выѣзды «купаться» с отцом, или в город с матерью, или прогулки в загородном саду, или праздники вродѣ «семика», когда на нашей площади строились балаганы, раскидывались мелкія лавки с пряниками и игрушками, ходили раешники, приглашая публику на распѣв к своему окошечку в райкѣ:

«А вот город Париж,
Пріѣдешь, угоришь!»

Это уже были вѣхи на нашем пути. Но было нѣчто и еще болѣе из ряду выходящее, что случалось или только однажды, или очень рѣдко и оставляло по себѣ слѣды на всю жизнь. Такія событія обыкновенно ожидались с волненіем задолго, время до их наступленія считалось недѣлями и днями, дѣлались приготовленія, шли разговоры и все, что могло помѣшать им, вызывало горестныя опасенія и переживалось с трепетом. Эти праздники жизни служили как бы маяками, между которыми, как ход парохода по рѣкѣ в лѣтнюю ночь, от одного сигнальнаго огня до другого, то на том, то на другом берегу, — укладывалась вся наша дѣтская жизнь. Так что под освѣщеніем этих радостных моментов уже с малых лѣт нами переживалась и обыденная рутина, и все отрицательное, и непріятное; все это проходило под знаком «ничего, за то мы скоро поѣдем туда-то, а потом настанут каникулы, и от всего этого ничего не останется.» И общій тон жизни всегда оставался свѣтлым и положительным. При этом у нас был свой собственный внутренній мір, особый от взрослых, из психическаго матеріала котораго собственно и строилась дѣтская душа.

Ясно помню одно лѣтнее послѣ обѣда. По небу быстро, быстро несутся сѣрыя дождевы облака и рѣзкіе порывы вѣтра бьют крупными каплями дождя по стеклам. Я стою у окна в дѣтской комнатѣ сестер, в мезонинѣ, и с тревогой слѣжу за безотрадной картиной хмураго сѣвернаго неба. Дѣло в том, что на завтра назначена давно уже ожидавшаяся поѣздка всей семьи на нѣсколько дней на Никольскую писчебумажную фабрику дяди Аркадія Машковцева. Но необходимѣйшим условіем было поставлено — «если погода будет хорошая.» И вот отсюда

понятна наша тревога наканунѣ: будет или не будет дождь завтра? Перестанет ли он к ночи или нѣт? Каждый случайный клочок голубого неба заставлял сильнѣе биться сердце и на душѣ ощущалось просвѣтленіе и, наоборот, когда новая волна еще болѣе густых облаков заносила это оконце к свѣту, наступало уныніе и безразличіе. И вот вдруг на сѣверо-западном небосклонѣ обозначается рѣзкая свѣтлая полоска вечерней зари. Всматриваемся, едва вѣрим своим глазам, и вырывается взрыв радостной надежды: «смотрите, смотрите, солнце садится в ясное небо!» Это значит, — мы тогда уж это знали, — что завтра будет хорошая погода, и мы навѣрно поѣдем. Правда, и тут нашелся один скептик, замѣтившій, что еще, может быть, свѣтлая полоска также скоро и исчезнет, как и появилась, найдут новыя густыя тучи. Но оптимисты побѣдили, на утро был роскошный, солнечный день, и все устроилось по хорошему. Скачок памяти: ѣдем на двух долгушах довольно долго—полями, лѣсом, через нѣсколько деревень, и опять полями, и опять лѣсом, и, наконец, выѣзжаем на большую лѣсную прогалину, среди которой большой болотный пруд, окруженный фабричными постройками и домами. Это прежде всего фабричный корпус, гдѣ стучат колеса машин и с шумом падает вода; потом это хозяйскій двухэтажный дом на другой сторонѣ озера и ряды жилых домиков, вѣроятно, рабочих. Но как только мы останавливаемся, нас облѣпляет безчисленная мошкара, — на всѣх нас надѣвают волосяныя сѣтки, без которых здѣсь нельзя ни жить, ни ѣсть, ни спать: всѣ окна в домах также заставлены частыми сѣтками в рамах. И так все время, — так что удовольствіе поѣздки на фабрику оказалось довольно сомнительным. Однако же и оно было использовано возможно полно. Тут, конечно, оказалась вся семья дяди со многими дѣтьми разных возрастов, и началось исполненіе разнообразной программы. Ходили в лѣс за каким то «сосновым сахаром», в видѣ бѣлых лепешек, срѣзанных из под коры деревьев; переиграли во всевозможныя игры; ходили осматривать фабрику: здѣсь в одном отдѣленіи мылось тряпье мѣшалками, в другом совершенно бѣлыя тряпки размалывались в очень тонкую полужидкую бумажную массу, поступавшую в особые огромные чаны; из этих чанов масса вычерпывалась особыми частыми рѣшетами, а потом механически перекладывалась с них в видѣ влажных тонких слоев бумаги на безконечно движущіяся полотна, которыми она пропускалась через голландру т. е. между гладкими

и горячими металлическими валами, дѣлавшими бумажную ленту крѣпкой и сухой. С тѣх пор мнѣ никогда не случалось бывать свидѣтелем процесса писчебумажнаго производства, так что все, что я знаю о нем, заимствовано мною из этого дѣтскаго осмотра фабрики в пятилѣтнем возрастѣ. Несомнѣнно, что в настоящее время этот процесс значительно усовершенствован и мое описаніе страдает неточностью. Относительно работавших на фабрикѣ людей помню, что они не были крѣпостными, а были приписаны к фабрикѣ и постоянно на ней работали. Между прочим моя кормилица, которая выкормила меня грудью,— вслѣдствіе болѣзни матери, — была из фабричных Никольской фабрики. Впослѣдствіи она иногда появлялась у нас в домѣ, высокая, худощавая с каким то особым румянцем на впалых щеках, всегда очень тепло и ласково встрѣчалась со мною, приносила всегда деревенскіе гостинцы; я ее очень любил.

Однако и на моем ясном небѣ были темныя точки. Была ко мнѣ приставлена особая нянька—приземистая, толстая Акулина, типичная прислуга из дворовых. Она меня частенько шлепала гдѣ-нибудь в кухнѣ, зажавши мнѣ рот рукою, чтобы не было слышно моего плача, а потом умывала, причесывала и выпускала в переднія комнаты, приговаривая: «только посмѣй пожаловаться матери, еще не так отхлопаю.» — И угроза дѣйствовала, — я молчал.

Это было время Крымской войны. Помню, как на нашей площади производилось ученіе солдат и мы издали смотрѣли на него. Помню, как по улицам ходили толпы — впереди нѣсколько молодых парней, оравших пьяными голосами, — как я потом узнал, — рекрутскія пѣсни, а за ними — группы причитавших баб и плачущих ребятишек. Помню, как к матери пріѣзжали гостьи и пріятельницы, сидѣли, и всѣ щипали корпію, и потом как кто то пріѣзжал и увозил ее, а то каких-то гарнизонных солдат, которые по одиночкѣ приходили с задняго крыльца, вынимали из цвѣтнаго платка трехкопеечную булку и, предлагая ее, поздравляли хозяев с именником, т. е. с самим собой. Булки у него, конечно, не брали, а ему давали «праздничное». Нужно думать, что такая практика относилась также к области войны и была особенно успѣшна только в ея атмосферѣ. Смутно помню не совсѣм для меня понятныя жалобы на непорядки на войнѣ и на каких то провіантских чиновников. Повидимому, это было время наканунѣ конца войны, т. е. в началѣ 1856 года.

В том же 1856 году произошел рѣшительный перелом, как в моей жизни, так и всей нашей семьи.

Отец оставил службу в Управленіи удѣльными имѣніями Вятской губерніи и рѣшил переѣхать на житье в небольшое наслѣдственное имѣніе матери в селѣ Арзамасцевѣ, в Сарапулском уѣздѣ, отстоявшее от Вятки почти на 500 верст.

Дѣло в том, что отец мой, по происхожденію дворянин Нѣжинскаго уѣзда Черниговской губ., по окончаніи курса в Нѣжинском Лицеѣ, в 1840 году пріѣхал в Вятку двадцатипятилѣтним молодым человѣком дѣлать свою служебную карьеру. Здѣсь он поступил на службу в удѣльную контору, на которой и проявил недюжинныя административныя способности, большую работоспособность и пріобрѣл всеобщее уваженіе за благородство и твердость характера. В 1843 он женился на моей матери, происходившей из самой видной культурно-купеческой семьи Машковцевых. В то время, о котором сейчас идет рѣчь, отец уже занимал отвѣтственный пост помощника управляющаго Вятской удѣльной конторы. На его обязанности лежало веденіе и надзор за ходом дѣла в удѣльных имѣніях на мѣстах, почему он и должен был проводить половину своего времени в раз'ѣздах. Но в то же самое время на него почему то была возложена отвѣтственность и за то, что дѣлалось в самой конторѣ. И вот, возвратившись из одной из своих служебных командировок и произведя внезапную ревизію кассы управленія, он обнаружил растрату казначеем кабинетских денег. Казначей был смѣнен, а отец был совершенно произвольно обвинен в недосмотрѣ, и на него был сдѣлан начет: управляющему очевидно нужно было найти козла отпущенія перед высшим начальством. Такой несправедливости отец вынести не мог, и подал в отставку. Другого способа отвѣтить достойно на оскорбительное и незаслуженное обвиненіе начальства, да еще кабинетскаго, у него, конечно, не было. Пришлось отказаться от всей служебной карьеры и опереться на одну свою дворянскую честь. Так он и сдѣлал, посвятивши себя управленію небольшим имѣніем из 300 десятин (сверх крестьянских надѣлов), доходы с котораго по завѣщанію должны были дѣлиться между семьями двух дочерей — моей матери и старшей сестры, — по мужу Величко. На такія средства в то время жить с большой семьей было очень трудно. Поэтому впослѣдствіи, послѣ отмѣны крѣпостного права, отец втеченіе шестнадцати лѣт был мировым посредником перваго призыва

по двум уѣздам, и опять таки половину своего времени отдавал раз'ѣздам. Вопрос о воспитаніи дѣтей в глухой провинціи представлял другую большую трудность. А для матери, свѣтской женщины моложе 30 лѣт, имѣвшей успѣх в свѣтѣ, этот перелом в жизни семьи представлялся еще болѣе трагичным: всѣ ея знакомыя и пріятельницы твердили в один голос, что она сама себя хоронит; ей приходилось, отказавшись от всѣх своих вятских друзей и родных, посвятить себя исключительно хозяйству и воспитанію трех дочерей и меня в придачу, — во всяком случаѣ до моего поступленія в гимназію. Примириться с этим ей было очень тяжело, хотя, сколько мнѣ извѣстно, отец никогда не слыхал от нея ни одного упрека; а характер у нея был не из мягких, и потому у нас в домѣ послѣ переѣзда в деревню установился тон огорченности своей судьбой и примиренія с ней только во имя религіознаго чувства.

Итак, переселеніе было рѣшено и об этом об'явлено всѣм друзьям. Началась ликвидація имущества и приготовленіе к путешествію. Для нас, дѣтишек, все это, конечно, представляло огромный интерес особенно крупной авантюры. Было рѣшено ѣхать в двух экипажах на своих лошадях, т. е. на долгих, в далекій об'ѣзд по почтовому тракту, дорогѣ, которая была хорошо извѣстна отцу по его служебным поѣздкам. Для осуществленія этого плана откуда то была добыта дорожная коляска на стоячих рессорах, принадлежавшая когда-то польскому графу Потоцкому, который то-ли возвращаясь из ссылки в Сибири, то-ли отправляясь в нее, почему-то бросил эту коляску в Вяткѣ. Вѣроятно потому, что она имѣла ход шире колеи обыкновенных русских дорог, да еще при ѣздѣ качалась на рессорах, и была очень тяжела на ходу и требовала по крайней мѣрѣ четверки хороших лошадей. Для этого к трем нашим лошадям пришлось прикупить четвертую. Тут должны были помѣститься родители, я и повар Ѳедор на козлах вмѣстѣ с кучером. Другим экипажем была избрана огромная повозка, цѣлый Ноев ковчег, как ее и прозвали во время дороги. В нее должны были помѣститься три сестры и нянька вмѣстѣ с невѣроятным количеством багажа. Старшій брат был оставлен у дальних родственников учиться въ гимназіи. Эта уже требовала пяти лошадей, которыя и были выписаны из деревни вмѣстѣ с кучером и подростком в качествѣ форейтора. Наконец, всѣ прощальные визиты и соболѣзнованія кончены и назначен день выѣзда как-то в серединѣ лѣта; мать и сестры наряжены в

бѣлые дорожные чепчики, а отец вооружен трубкой с длинным чубуком, которую он обыкновенно курил, когда случалась какая-нибудь непріятность, и мы трогаемся по Казанскому тракту через слободу Хлыновку*), а за нами слѣдовала цѣлая процессія долгуш, плетенок и городских экипажей с провожающими родственниками и друзьями моих родителей до перваго села «Краснаго», в пяти верстах от города, обычнаго мѣста всяких пикников и прогулок вятских обывателей: — на высоком берегу Вятки-рѣки с прелестным видом на Зарѣчье и с тѣнистым хвойным лѣсом. Здѣсь назначен послѣдній привал с «чаем» и обычными прощаніями и пожеланіями... А дальше все по тракту и по тракту, уже без провожатых, до села Бурмакина, в 15 верстах от Вятки, гдѣ первый ночлег. Очарованіе ѣзды по этим старым трактам, которые теперь, конечно, большею частью вырублены, было в том, что под густыми сводами из березовых корон каждый звук от ѣзды или от колокольчиков раздавался, как в концертном залѣ. Это придавало путешествію какую-то особенную таинственность, и интриговало нас. Вообще же, как дороги, почтовые тракты были хороши только там, гдѣ дорожная повинность окрестных волостей выполнялась исправно. Там же, гдѣ мѣстныя власти об этом не заботились, густой тракт часто превращался в настоящее болото, ибо лучи солнца с трудом проникали сквозь густую листву и не успѣвали высушивать дороги от дождя до дождя, а крестьяне начинали об'ѣзжать такія мѣста стороною, лугами, поскотинами и т. п., прокладывая рядом безчисленное множество колей, которыя годились только для их легких телѣг. Для тяжелых же повозок это были настоящія ловушки. Все это предстояло нам испытать своим опытом. Как бы то ни было, мы в Бурмакинѣ. Уже на первых пятнадцати верстах обнаружилась нехватка в нашем снаряженіи: из пяти лошадей под большой повозкой одна, совсѣм молодая, оказалась слишком слабой, и ее пришлось промѣнять на здороваго гнѣдого мерина, который так и был прозван Бурмакин. Он оказался хорошим работником, но страдал изрѣдка припадками, за что, конечно, и был сбыт с

*) У Вятичей об этой Хлыновкѣ сохранилась слѣдующая легенда. Когда новгородскіе ушкуйники поднимались из Камы вверх по рѣкѣ Вяткѣ и проходили мимо этого мѣста, гдѣ теперь находится Хлыновка, над ними пролетала стая лебедей и кричала: хлы, хлы, хлы. Они высадились и положили основаніе пригороду Хлынову, из котораго потом выросла Вятка, а Хлынов так и остался Хлыновкой.

рук старым хозяином. Ночь прошла успѣшно в нашем таборѣ за околицей села под березками. Тут же была пріобрѣтена большая корзина для десятка кур и пѣтухов для нашего пропитанія в пути, которая и была прикрѣплена сзади большой повозки на дрогах. Так что отнынѣ мы путешествовали со своим даровым оркестром, особенно звучно звенѣвшим под сводами трактовых берез. Особенно памятно мнѣ одно раннее утро. Мы ночевали за околицей небольшой притрактовой деревни. Солнце только что начало всходить, освѣщая своими косыми лучами и туманныя дали и наш караван. Он только что просыпается. Кто разводит огонь, кто умывается, а кучера поят и кормят лошадей. Из деревни несет дымком, и торжествующій хор пѣтухов встрѣчает восходяшее солнце; из за стволов толстых берез уже выглядывают удивленныя и взволнованныя лица деревенских мальчишек, прибѣжавших посмотрѣть на знатных иностранных гостей. Наш отвѣтный оркестр гулко звенит под густым сводом. Было что то чарующее и торжественное в этой картинѣ.

Дальше наш путь лежал через нѣсколько уѣздных городов Вятской губерніи: вот Нолинск, знаменитый во всей губерніи своими «нолинскими колокольчиками», — маленькими, но с чисто серебрянным, «вишневым» звоном, — завѣтная мечта всякаго вятскаго заправскаго ямщика. Вот Уржум, вотяцкая столица, об которой только и помню, что безконечные заборы вдоль тѣх улиц, по которым мы ѣхали. Вот Малмыш, откуда нам приходилось свернуть с Казанскаго тракта на восток, на город Елабугу, стоящій уже на Камѣ, т. е. на южной границѣ Вятской губерніи. Собственно, рѣка Кама в этом мѣстѣ уже тогда отошла от Елабуги на нѣсколько верст к югу, оставив под высоким берегом широкую отмель в нѣсколько верст. Здѣсь помню, как у нас не хватило какой то зелени или плодов и мы во всем городѣ могли найти лишь шесть черных слив, которыя и должны были скромно раздѣлить между собою. Отсюда до наших Сарапульских мѣст оставалось каких нибудь сотня верст и дорога шла по берегу Камы и уже была без березок, но почтовая и довольно хорошо утрамбованная. Кажется, в этой части пути, хорошо извѣстной отцу по прежней службѣ, у него произошел такой интересный разговор со знакомым старшиной в одном башкирском селѣ.

— «Ну, что-ж, Абдулл, что скажешь? Теперь вам назначены новые окружные начальники, довольны ли вы ими?

— «Э, бачка, один начальник — один баран ташшил; два начальник — два баран ташшил, — наша все одна!»

Я запомнил этот разговор потому, что впослѣдствіи взрослые не раз вспоминали о нем.

Но гдѣ нам предстояла дѣйствительная авантюра, так это под «Пьяным Бором», что на Камѣ, против устья рѣки Бѣлой. Дѣло в том, что на протяженіи послѣдних двадцати или тридцати верст перед этим селом берег рѣки тогда был покрыт дѣйствительным «бором», густым и темным лѣсом, доходившим до самаго обрыва к рѣкѣ. Случилось, что мы тут запоздали и были еще в Бору, когда наступила безлунная ночь. Каким то образом лошади свернули с главной дороги в сторону на лѣсной проселок, и вот вдруг лошади, шедшія почти шагом, остановились, как вкопанныя, и захрапѣли. Что такое? — Оказалось, что онѣ стояли буквально в двух шагах от высокаго обрыва прямо над рѣкой. Можно себѣ представить тот переполох, который вызвало такое открытіе, и тѣ усилія, которыя потребовались, чтобы выбраться с двумя тяжелыми повозками из этого тупика. Помню, как под впечатлѣніем от этого происшествія и тѣх разговоров, которые велись нашими кучерами про захрапѣвших лошадей, мнѣ с просонья в темнотѣ все мерещились горящіе глаза волков и других страшных животных. Очевидно, дорога была проторена лѣсниками для подвозки бревен и для спуска их вниз к рѣкѣ по желобам. Приходилось благодарить Бога, что и мы не спустились к рѣкѣ со всѣм своим скарбом, но без желобов. Но как говорится, нѣт того труднаго положенія, из котораго нельзя было бы найти выхода. И к утру мы были в «Пьяном Бору». А кромѣ того, это происшествіе послужило нам и на пользу: добравшись до станціи, начали думать и о других опасностях этого берегового пути. Оказалось, что берег Камы довольно гористый и вдоль него есть не мало довольно длинных и крутых под'емов, а наши колымаги настолько тяжелы, что лошади могут и не вытянуть, и тогда им грозит опасность скатиться задним ходом в какой нибудь овраг или в лучшем случаѣ опрокинуться в канаву. Поэтому отец немедленно рѣшил призвать кузнеца и поручил ему придѣлать к задку большой повозки двѣ крѣпкія упорины с желѣзными наконечниками, которые при под'емѣ на гору опускались бы на землю и волочились бы за повозкой. Всѣ эти опасенія сбылись в дѣйствительности, как по писанному: уже под вечер того же дня пришлось подниматься на длинную-предлинную гору, всего в

верстах двадцати от нашего будущаго дома. И вдруг одна из пристяжных под большой повозкой, не особенно сильная лошадь, что называется «затянулась в хомутѣ», захрипѣла и упала мертвой, вѣроятно, от разрыва сердца. Тут случилось именно то, чего опасались: тяжелая повозка покатилась назад, несмотря на всѣ усилія остальных лошадей. И если бы не упорины, сдѣланныя только утром, быть бы бѣдѣ. Пришлось оставить повозку с ея содержимым в темнотѣ на полгорѣ, а самим в коляскѣ на хороших лошадях поѣхать на ближайшую станцію — в пяти верстах — и выслать оттуда пару ямских лошадей, которая и привезла злосчастную колымагу. Это было большое село Каракулино в пятнадцати верстах от Арзамасцева, откуда почти всѣ крестьяне ѣздили по воскресеньям на базар, т. е. мы были почти уже дома. Пришлось, конечно, тут заночевать, и выѣхать в наши помѣщичьи домэны только на другой день утром. Помню то множество любопытных и тревожных лиц, которыя выглядывали изо всѣх окон и ворот домов на нашем пути по селу к «барскому дому». Для всѣх них в этот момент можно сказать, рѣшался вопрос: «быть или не быть». Случись это какими-нибудь пятью годами позже, и они встрѣчали бы не «новых господ», а само давножданную волю.

С этого дня для меня настала совершенно новая полоса в моей дѣтской жизни.

Н. Чайковскій.

НИКОЛАЙ I И ДЕКАБРИСТЫ.

При печатаніи второй части записок декабриста Лорера (кавказскій період) в «Русском Архивѣ» за 1873 г. по цензурным условіям были исключены мѣста, характеризовавшія политическую сторону движенія декабристов (первая часть записок была напечатана лишь в 1904 г. в «Русском Богатствѣ»). С копіи записок, находящейся в Парижѣ и принадлежащей г. Константинову, мы воспроизводим, между прочим запись, сдѣланную Лорером о допросѣ Назимова.

«Когда дѣло наше было открыто, Назимов был взят, и приведен в кабинет к Императору, который стал конечно упрекать его в заговорѣ. — *Государь*, отвѣчал Назимов, *меня удивляет только то, что из Зимняго Дворца сдѣлали съѣзжую*. Конечно, подобное замѣчаніе не могло понравиться».

С. М.

СРЕДИ КНИГЪ.

КУЛЬТУРА и ХРИСТІАНСТВО.

«Не возвращаемся ли мы к варварству? Не присутствуем ли при смерти культуры»? Вопрос этот достаточно избит в наши дни. Ставит его, в своей новой книгѣ, и профессор Спекторскій (Е. Спекторскій «Христіанство и культура», изд. «Пламя», Прага 1925, Стр. 308). Отвѣт, который он дает на него, заслуживает однако вниманія.

В отличіе от большинства своих философо-богословских единомышленников (нео-христіан) Спекторскій не только не преемлет и не проповѣдует «варварства», но, *как христіанин*, горячо выступает в защиту культуры. Он сближает ее с христіане ством, считая общими их земную природу и цѣль: «творческій геній христіанства», как и геній культуры, противен духу вырожденія и упадка.

Внѣ рамок прогресса христіанство для Спекторскаго невозможно: «без прогресса нѣт христіанства» (37); без культуры оно безплодно (297). Христіанство не бѣгство в пустыню, как кажется многим, не буддійская проповѣдь непротивленія, не отраженный от земли аскетизм. Христіанство — бодрый призыв к труду и побѣждающему природу «радостному знанію». Евангеліе дает нам «законченное ученіе о прогрессѣ», и притча о сѣятелѣ («вышел сѣятель сѣять») есть «глубоко задуманная программа культуры». (29).

И не о какой-нибудь метафизической, «глубинно» понимаемой культурѣ идет у Спекторскаго рѣчь, а об обыкновенной земной культурѣ с ея искусством, науками, техникой. Отдѣлив от физическаго, сверхразумное христіанство открыло свободное поле наукѣ (126); открыв в лицѣ человѣка «лик», оно возвысило цѣли искусства (148); наконец, в чудѣ оно предвосхитило технику (291). Техника родственна чуду: в ней, как и в чудѣ, матерія побѣждается духом, т. е. выполняется задача возложенная на нас христіанством. «Нынѣ силы небесныя с нами невидимо служат»: завтра силы природы, видимо, нам будут служить (291). Вѣра в Христа предполагает вѣру и в человѣка со всѣми раскрытыми перед ним чудесными и неизвѣданными возможностями (291). Прогресс стоит перед христіанином, как этическая задача, сущность которой не раствореніе человѣка в природѣ, согласно

античному идеалу, а преодолѣніе ея, выход из под дѣйствія ея механических законов и сил.

Полнѣе всего связь христіанства с культурой раскрывается в общественной жизни. Истинным об'ектом культуры является вѣдь общество: без «энтузіазма общественности» культура по просту невозможна. Откуда же почерпает человѣчество этот энтузіазм, — это, *религіозное* по существу своему, чувство, — если не из христіанства. Как никакая другая религія, христіанство является источником высоких общественных чувств. Через проникающую его идею «всечеловѣчности», через «заданнаго» (а не даннаго) ему человѣка именно оно призвано осуществить *настоящее* общество (170) в моральном значеніи этого слова — общество, как «соборность», или свободный союз одухотворенных работой во имя Божіе лиц (174). Но такова именно цѣль и прогресса культуры.

Развитіе в людях «общественнаго сознанія, общественной воли и общественных чувств» (175) — вот эта, всецѣло совпадающая с христіанским заданіем, цѣль.

Три этапа различных на пути к ея достиженію, три пути культурно-общественнаго развитія — «*доместикація*» (первоначальное прирученіе через кровныя связи), «*цивилизація*» (подчиненіе через публичную власть), «*соціація*» (вольный союз свободных). Двѣ первыя ступени идеально отразились в христіанствѣ, как «братство» и «Божіе царство» — предмет постоянных христіанских молитв. Послѣдняя ступень — по преимуществу христіанская, внѣ христіанства недостижимая. «Соціація» есть синтез «Божьяго Царства» и «братства» — «к новой землѣ и новому небу устремленная, единая церковь» (203).

В «соціацію» же, и, значит, в христіанство, упираются и всѣ истинно прогрессивныя тенденціи современной общественности — движеніе от «системы личных прав» к «системѣ правоотношеній» в области юриспруденціи (228), от «частнаго» (вотчиннаго) и «публичнаго» (политическаго) государства к «соціальному» (этическому) государству в области политики (268), от матеріализма «политической экономіи» к идеализму экономіи, «соціальной» в области хозяйства (281).

Как мы видим, Спекторскій далек от проклятій «міру новой исторіи» с его «прогрессом», «цивилизаціей», « гармонизмом». Однако, и он не избѣжал вполнѣ участи других современных философов-христіан. И он бичует демократію, как «царство грознаго и грязнаго Калибана» (274); и ему ненавистны «проникнутые ложью и лицемѣріем» принципы народоправія; и для него Лига Націй — «уродливый выкидыш современнаго правосознанія» (228) а соціализм — «муравейник, состоящій из рабов коллектива» (293).

Как об'яснить такое противорѣчіе: с одной стороны всѣ прогрессивныя устремленія современнаго общества преемлются, как ведущія к христіанским цѣлям, с другой — проявленія

этих же устремленій осмѣиваются и отвергаются, как противныя христіанству. В дѣйствительности тут не противорѣчія, а сознательная или безсознательная ошибка метода — неправильное сопоставленіе дѣйствительности и идеала. Идеал всегда возвышает, а историческое воплощеніе его возвращает на землю. Спекторскій хорошо различает эти двѣ категоріи, но тут же их и мѣшает. Все близкое к идеалу для него сливается с христіанством, а все реальное с «политикой» и «прогрессом». Так в свободѣ есть и подлинно освобождающій элемент — момент моральнаго преображенія человѣка — и элемент разнузданности — «свобода обогащаться давя других», «куражиться над болѣе слабым» и т. д. Свободу перваго рода Спекторскій называет христіанской, а вторую -- цѣликом относит к «политикѣ». То же самое с *равенством:* возвышающее равенство, «пріобщеніе всѣх к трансцендентному идеалу» (276) это от христіанства, а равенство мнимое — чисто формальное или даже принижающее человѣка это либо от «демократіи» (демократія фактически есть господство богатых), либо от «коммунизма» («равненіе на менѣе цѣнных», путь ведущій к «соціальной тираніи»). О *братствѣ* не приходится уже и говорить: «брат» это христіанин; продукт соціализма «товарищ».

«Политика» всюду, таким образом, посрамлена «христіанством». И не мудрено: как же идеалу не посрамить дѣйствительности. Но как быть с эмпирической церковью, с христіанством, извѣстным нам из исторіи. Вѣдь эмпирическая церковь — этого не станет отрицать и Спекторскій, — не менѣе далека от идеала «всечеловѣчности», чѣм эмпирическая демократія, скажем, от «соціальнаго государства». Но эмпирическое христіанство Спекторскаго не интересует: христіанство он знает только одно, то в котором выражен его собственный, культурный и общественный идеал. «Политика», напротив, берется им исключительно «как она есть» (соціализм, напр., без дальних слов отождествляется с большевизмом). Если бы этим же методом воспользовался сторонник свѣтской культуры, он бы сказал: «вот наш идеал демократіи, вот наш соціализм (братскій союз, соціація, соборность и т. д.), а вот *ваше* христіанство — пуританское ханжество, побѣдоносцевщина, іезуитизм....

Чтобы понять друг друга и сговориться «противники» должны, очевидно, стоять на одинаковой почвѣ — либо на почвѣ отвлеченнаго идеала, либо на почвѣ человѣческой практики. Разногласіе между «христіанством» Спекторскаго и «политикой» демократов в обоих случаях могло бы исчезнуть. В теоріи обѣ стороны примкнули бы «к радостному труду» и к «соціальному государству», в практикѣ обѣ отвергли бы современную россійскую «соціацію» и «всечеловѣчность» побѣдоносцевской церкви. Если соціализм есть московская практика, а народоправіе — гегемонія денежнаго мѣшка, так какой же демократ не крикнет вмѣстѣ со Спекторским — «долой народоправіе», «не надо соціализма», а когда христіанство на дѣлѣ поведет нас к «сотрудни-

честву свободных», какой-же прогрессист не примкнет в общественной борьбѣ к христіанству.

Иной вопрос — какое из двух міросозерцаній законченнѣе, чья идеологія непосредственнѣе связана с дѣлом культуры. Тут «противникам» столковаться будет труднѣе. «Христіанин» не перестанет твердить о непричастности «политика» к трансцендентному идеалу и, значит, поверхности всѣх его построеній, а «политик», опираясь на книгу того же Спекторскаго, и его же словами будет утверждать, что «христіанство не занимается земным устроеніем человѣческих поколѣній» (191), что цѣли его «надживненны и надземны» (191). Противники не поймут друг друга, как люди, говорящіе на чужих языках.

Но если *языка* чужого они не поймут, не смогут ли они столковаться на *дѣлѣ*. Разными языками люди могут, вѣдь, говорить об одном. — «Все положительное в прогрессизмѣ от христіанства», — «все положительное в христіанствѣ от прогрессизма» — нельзя ли понять это, как двѣ формулы одной и той же культурно-общественной программы. Исторія рѣшит, которая из формул точнѣе, а так ли уж важно рѣшать этот спор сейчас. Истинность дѣла не зависит от слов, а истинное содержаніе слова опредѣляется дѣлом....

Спеціалисты найдут, конечно, в книгѣ Спекторскаго матеріал для богословской полемики. Для нас она цѣнна, как проявленіе прогрессистских тенденцій в такой философской средѣ, которая доселѣ питала, обычно, чувства враждебныя прогрессизму.

Ив. Херасков.

ПОЛЬСКІЙ ИСТОРИК О РОССІИ.

Польскій ученый Ян Кухаржевскій, выпустившій уже второй том своего изслѣдованія, о началѣ котораго был дан в свое время отзыв, «От бѣлаго царизма к красному», доказывает, что русскій народ на протяженіи всей своей исторической жизни обнаруживал предрасположеніе к большевизму: и власть вела к большевизму, и народная масса была проникнута этим духом, и русская мысль обнаруживала всплывшіе теперь наружу задатки.

Русская власть, в лицѣ ея типичных представителей, была всегда проникнута духом максимализма, крайняго и неуступчиваго. Так, например, Николай I признавал теоретически только двѣ формы правленія: абсолютизм и народную республику. Конституціонализма он не признавал. Характерно и то, что Александр II относился подозрительно к слову «прогресс», находя, что оно неумѣстно при самодержавном строѣ; Николай II

не выносил слова «интеллигент». Власть была эманаціей народнаго невѣжества и видѣла в нем свою опору. Она не хотѣла идти ни на какія уступки, всякія попытки договоров с властью, слѣпой и упрямой, оказались тщетными и, наконец, стали смѣшны. Духом максимализма была, с другой стороны, проникнута и крестьянская масса. Со времени указа Петра III о вольности дворянства власть помѣщиков над землей в глазах народа потеряла всякое моральное и юридическое оправданіе; крѣпко в народѣ жило убѣжденіе, что земля вся должна принадлежать народу. Никакое иное рѣшеніе земельнаго вопроса не могло удовлетворить народа, который не знал, подобно западным народам, никаких правовых отношеній, создавшихся там на почвѣ феодализма. На Западѣ можно было договориться с народом, в Россіи было это невозможно. И Николай I, устраивавшій безплодныя секретныя комиссіи по этому вопросу, как бы чувствуя невозможность рѣшенія вопроса, обнаруживал нерѣшительность и робость в этом направленіи. Предоставленная им нѣкоторая возможность частной иниціативы в рѣшеніи этого вопроса не вошла в жизнь; тѣ немногіе, которые хотѣли ею воспользоваться и устроить крестьян, наталкивались на прямой саботаж властей, чинивших всякія препятствія и инстинктом угадывавших затаенное недовѣріе к реформѣ царя; с другой стороны их встрѣчало враждебное недовѣріе самих крестьян. Александр II, рѣшившійся на реформу, никого ею не удовлетворил. Голод земли не уменьшился. Наступило оскудѣніе центра. Отчего же крестьянин не мог выжить из земли? Происходило это от двух причин: прежде всего от недостатка образованія. В Германіи владѣлец такого же участка содержал свою семью, жил в довольствѣ и откладывал сбереженія; русскій мужик голодал. Он не умѣл извлечь из того же участка земли той пользы, которую извлекал нѣмец, — вслѣдствіе невѣжества. Но как раз к образованію власть относилась подозрительно и препятствовала народному просвѣщенію. Другая причина была в общинном владѣніи землей, частые передѣлы не создавали привязанности к землѣ, не утверждали чувства собственности. Этому хотѣла помочь запоздалая реформа Столыпина. Вслѣдствіе всего этого вопрос рѣшился революціонным порядком; но оказалось, что Гордіев узел только разрублен: народ без образованія, без культуры, не умѣет справиться с землей, которую, наконец, получил. Интеллигенція, самозванная представительница народа перед властью, стоя между ними, не пользовалась довѣріем ни народа, ни власти. То и другое толкало ее к максимализму. Умѣренность не могла имѣть никакого успѣха. Власть была безмѣрно неуступчива, народ был безмѣрно требователен. Умѣренный либерал становился смѣшной фигурой, Дон-Кихотом. Власть обрушивалась на самыя умѣренныя пожеланія. Все это бросало часть интеллигенціи в нигилизм, в террор. Террорист уже не смѣшен, но он максималист, он тоже не идет на уступки, не признает мир-

наго прогресса. Александр II не признавал прогресса — прогресса не признавали и его убійцы. Николай II относился к интеллигенціи с таким же подозрѣніем, как и его палачи. Максималистская власть создала максималистскую оппозицію, — иной и быть не могло.

Николай I породил нигилизм. Душа революціонеров отравлена царизмом. «Хрустальный дворец будущаго будет только старым Зимним Дворцем, взятым в собственность Новым владѣльцем, но будет болѣе окровавленным и грязным». «Послѣ меня придет моя карикатура,» — таков был мстительный завѣт обреченнаго на гибель царизма.

Тѣ интеллигенты, которые не становились нигилистами, шли в лишніе люди. Они появились послѣ декабристов, блестящаго поколѣнія, у котораго слово не расходилось с дѣлом; в эпоху тяжелой реакціи мыслящіе люди, лишенные возможности дѣйствовать, уходили в себя. Это была «внутренняя эмиграція», вынужденный обстоятельствами разрыв духа с дѣйствительностью. Создавались воздушные замки, утопіи, которые ни к чему не обязывали, не имѣли практическаго значенія, не имѣли ничего общаго с жизнью. Мысль, не нормируемая жизнью, не стѣсняемая ничѣм в своей воздушной сферѣ, становилась смѣлой и свободной. Такой смѣлости и свободы никогда не знала мысль на Западѣ, потому что там она к чему-то примѣнялась, с чѣм-то считалась, там она развивалась вмѣстѣ с жизнью. В Россіи мысли предоставлена была безпредѣльная свобода — под условіем, чтобы она — эта мысль — не высказывалась вслух и не обнаруживалась в жизни. Но эта смѣлость и свобода мысли, оставившая слѣды в литературѣ, вовсе не была выраженіем общаго духа — подобно тому, как Германія идеалистов мало имѣла общаго с Германіей милитарной. Поэтому и лишніе люди — идеалисты, мечтатели оказывались тоже максималистами, их мечты не были умѣренными, не умѣрялись жизнью, с которой они порвали связи, уйдя в свою «внутреннюю эмиграцію».

Но был еще один выход для интеллигенціи. Многіе, не будучи ни революціонерами, ни лишними людьми, приспособлялись, не переставая питать в душѣ идеала иной жизни. Они поступали на государственную службу, исполняли обязанности, ею налагаемыя, шедшія вразрѣз с их идеалами, и для таких людей были двѣ родины: одна — реальная царская Россія, которой они служили на дѣлѣ, другая — Россія идеальная, завѣтная святыня, которую они боготворили про себя, и по возможности, работали и для нея. Создавалось двойное подданство. Это была школа Дегаевых и Азефов.

Что все в Россіи было заражено максимализмом, — это подмѣтил еще Достоевскій в своей статейкѣ «Мой парадокс», гдѣ указал, что русскіе люди, не только революціонеры, но и самые правые, даже государственные сановники, на почвѣ Западной Европы всегда примыкали к крайнему лѣвому крылу.

Жалобы русской интеллигенціи на «мѣщанство Запада» очень многозначительны: постепенность развитія казалась русскому максималисту «мѣщанством»... Реальная программа, реальная политика непріемлемы для русскаго человѣка. И все неизбѣжно вело к большевизму. «Там гдѣ ум признан за безуміе, гдѣ Чаадаев провозглашен сумасшедшим, там безуміе станет казаться умом. Там, гдѣ реальная программа разсматривается, как вредная утопія, там утопіи сойдут за реальную программу.»

Подробно останавливается автор на фигурѣ Бакунина, давая ему блестящую характеристику. Бакунин этот революціонер, по натурѣ и темпераменту враг всякой умѣренности и постепенности, весь трепещущій ожиданіем мірового переворота, вовсе не был анархистом. Он ждал и жаждал катастрофы, мірового пожара и очень трудно прослѣдить его конечную цѣль. Если эта катастрофа не может быть цѣлью, а только средством, то средством к чему? Вовсе не к анархическому устройству человѣчества. Вслѣд за міровым пожаром Бакунину рисовалось ничто иное, как диктатура пролетаріата, т. е. то, что осуществил большевизм.

Міровое устремленіе дѣятельности Бакунина, (его «планетарность»), прикрывало собой зауряднѣйшій русскій імперіализм, как это видно и у большевиков. Бакунин затрагивал вопросы національные, играл на національных чувствах чехов, поляков. Но это явно было для него только средством. И в этом отношеніи он тоже типичный русскій. Русская власть открыто давила національности; русскіе революціонеры, эмигранты, писатели никогда не могли без оговорок признать прав Польши на независимость: даже Герцен, поощрявшій польское возстаніе, говоря о независимости Польши, тут же навязывал ей будущій союз с Россіей, в котором послѣдней предоставлялось первое мѣсто.*) Без оговорок, без условій, прав Польши на независимость не признавал ни один русскій. И молодой Бакунин, который в письмѣ к отцу восторгался стихотвореніем Пушкина «Клевет-

---

*) «Даже Герцен!» Автор, вѣроятно, помнит хотя-бы стихотвореніе декабриста Одоевскаго по поводу польскаго возстанія 1830 г.

«Едва дошел с далеких берегов
Небесный звук спадающих оков
И вздрогнули в сердцах живыя струны,
Всѣ чувства вдруг в созвучія слились...

Заключая свои статьи о Польшѣ в «Колоколѣ» никто иной, как Герцен, «полный мрачных предчувствій», «со скорбью замѣчая, что движенія нельзя оттянуть», писал «наканунѣ возстанія» 1863 г.: «Братья, отдѣляйтесь от Россіи, будьте независимыми, идите с Западом — *это ваше полное право* (курс. наш); но, разрывая с Россіей, сначала попробуйте узнать ее». «Отвѣта не было»—добавляет Герцен в позднѣйших (1867) «Prolegomena».

Ред.

никам Россіи», в сущности остался вѣрен своему націонализму всю жизнь, даже безсознательно. Заигрывая с поляками, он был неискренен. В 1847 году он выступил среди польских эмигрантов с рѣчью, в которой выразил полное сочувствіе их стремленіям; он привел в восторг поляков своим блистательным краснорѣчіем; он сказал, что его мысли раздѣляют в Россіи многіе, назвать которых он не может, боясь их скомпрометировать. Но если-бы, говорит автор, тут случился кто-нибудь из его близких друзей, хотя бы Бѣлинскій, и отвел бы его в сторону и спросил: «Но мнѣ, Мишель, ты можешь назвать этих русских...», — тогда бы Мишель замахал руками, захохотал бы своим заразительным смѣхом, — потому что назвать-то ему было некого... Польша для Бакунина, как и Чехія, как и Саксонія, была только средством; идеал же его — Россія, возглавляющая міровую революцію...

Ян Кухаржевскій — талантливый ученый, стоящій, однако, еще на точкѣ зрѣнія раціональнаго историзма. Он не учитывает ирраціональных сил исторіи. Поэтому в прошлом Россіи он не находит никаких залогов возрожденія. Но когда Россія возродится, залоги этого возрожденія в прошлом будут историками отысканы столь же проникновенно, как теперь отыскиваются залоги ея паденія. Это несомнѣнно. За это ручается все прошлое исторической науки.

Совершенно невозможно угадать, в каком направленіи автор будет продолжать свой труд. Кажется, до сих пор он слишком много удѣлял вниманія сознательной политической мысли русских дѣятелей, и слишком мало — струѣ подсознательной, проявляющейся в художественной литературѣ. А вѣдь послѣднее важнѣе. Политическіе дѣятели неполно и невѣрно отражают дух народа, партійные вопросы заслоняют от них многое, борьба часто обращается для них в спорт. А максимализм именно создается теоретически, внѣ связи с жизнью. Если же обратиться к художественной литературѣ, то оказывается что ни Пушкин, ни Тургенев, ни Гончаров не были максималистами.

Наконец, максимализм не то же самое, что большевизм. Большевизм вырос на почвѣ войны, озвѣрѣнія, разрушенія. Это — гибель, смерть, между тѣм максимализм может быть творческим.

Ян Кухаржевскій, указывая на максимализм русскаго духа, отмѣчает устремленія русской души ко всему грандіозному, колоссальному. Один русскій, путешествуя по Италіи, выразился, что борьба племен, торжественно описанная Титом Ливіем, напоминает ему ссору Ивана Ивановича с Иваном Никифоровичем, — так малы в его глазах размѣры этой борьбы. Русскій народ дѣйствительно все дѣлает в крупном масштабѣ. Неудивительно, что и революцію он сдѣлал небывалую, и болѣзнь, которую он переживает, безпримѣрно тяжкая болѣзнь. Но кто

знает его необ'ятныя силы, тот не усумнится, что и эту болѣзнь он одолѣет.

Вынес уж многое русскій народ,
Вынесет все, — и широкую, ясную
Грудью дорогу пробьет себѣ...

Так сказал Некрасов.

Влад. Фишер.

К МАТЕРІАЛАМ О НАЦІОНАЛЬНОЙ БОРЬБѢ НА УКРАИНѢ

Среди обильной русской мемуаристики, посвященной событіям на Украинѣ 1917-1920 г. г. и в частности украинскому національному движенію, выгодно выдѣляются воспоминанія донского генерала А. В. Черячукина, напечатанныя в № 3 «Донской Лѣтописи» (А. В. Черячукин: «Донскія делегаціи на Украину и в Берлин в 1918-1919 г.»). Г. Черячукин принципіальный противник украинских самостійников М. Грушевскаго, В. Винниченка, С. Петлюры и т. д., его мечтою является возрожденіе «Единой, Недѣлимой Россіи»; но это не мѣшает ему оставаться вполнѣ об'ективным и безпристрастным в изображеніи событій на Украинѣ, свидѣтелем которых он был на протяженіи нѣскольких мѣсяцев. Не в примѣр другим мемуаристам, изложеніе г. Черячукина вполнѣ чуждо тенденціозности: он не сгущает темных красок, когда говорит о противниках, и не злоупотребляет розовыми тонами, когда рисует друзей. Каждому старается он воздать по дѣлам его, и это ему удается.

Вот, например, как описывает г. Черячукин свою встрѣчу с С. Петлюрой послѣ сверженія Скоропадскаго:

«Первый раз я бесѣдовал с ним 25/XII.

Будучи вмѣстѣ с Винниченко душою возстанія против гетмана, Петлюра вмѣстѣ с тѣм держал в своих руках всю исполнительную часть на фронтѣ.

По внѣшнему виду он не производил впечатлѣнія сильнаго человѣка. Только его безграничная любовь к украинцам, сквозящая всегда во всем, дѣлала его популярным среди солдат. Он хорошо разбирался в политикѣ и сильно уже отошел от утопизма русскаго соціализма, на котором он был в сущности воспитан.

Замѣтно было его настроеніе против евреев, которым он не сочувствовал, во-первых, потому, что они не поддерживали его в борьбѣ с гетманом, а, во-вторых, потому, что он считал их виновниками пропаганды большевизма в своих войсках, котораго он не хотѣл» («Донская Лѣтопись» № 3, стр. 225).

«Силы Петлюры — констатирует Черячукин — все возрастали и возрастали; он в три недѣли собрал против гетмана 3½ дивизіи хорошо одѣтых и вооруженных солдат, воодушевленных идеей сражаться за свою самостоятельность» (стр. 213).

«Из Кіева и с Украины началось паническое бѣгство русских. тѣх самых русских, которые еще так недавно доказывали, что самостійнаго движенія нѣт, что все на Украинѣ на сторонѣ русских. Теперь эти проповѣдники бѣжали, боясь не только Директоріи, но каждаго украинскаго солдата. Я не успѣвал выдавать визы для всѣх желающих покинуть Украину» (стр. 214).

«Желающіе должным образом освѣтить обстановку на Украинѣ Атаману и правительству, а также слухи о скором от'ѣздѣ из Кіева Директоріи, заставили и меня выѣхать из Кіева.

Можно не согласиться с этой характеристикой, но нельзя назвать ее пристрастной в том или ином смыслѣ.

В другом мѣстѣ автор говорит о повстанческой арміи, которую называли тогда в русских кругах и в русской прессѣ не иначе, как бандами.

«Я ѣхал в военной формѣ. Несмотря на всѣ разсказы и слухи о безобразіях, творимых на желѣзных дорогах петлюровцами, — пугали даже разбоем, убійством и арестом, — я ѣхал благополучно, встрѣчая по пути самое корректное отношеніе, как к Атаману Зимовой станицы Всевеликаго Войска Донского» (стр. 229-230).

Эти цитаты я привожу исключительно с тою цѣлью, чтобы отмѣтить изумительное в своей корректности для современнаго мемуариста изложеніе событій, которым он не сочувствовал.

Не менѣе, а пожалуй еще болѣе, цѣнными в воспоминаніях г. Черячукина надо признать тѣ данныя, которыя он сообщает о быв. гетманѣ Скоропадском. Он давно и хорошо знал Скоропадскаго, состоя в постоянном и близком общеніи с ним, как посланник Донского правительства, и глубоко ему симпатизировал, как человѣку, проникнутому идеей возрожденія Единой Великой Россіи. Г. Черячукин приводит много фактических доказательств этого. До сих пор никто, кромѣ украинских націоналистов, не освѣщал таким образом фигуры быв. гетмана. Разница только в том, что у украинских самостійников характеристика Скоропадскаго проникнута непріязнью, а у донского генерала — глубоким уваженіем и симпатіями. Причина этого — діаметрально противоположныя точки зрѣнія на одни и тѣ же факты.

Черячукин утверждает, что представители русских политических группировок не понимали, а вѣрнѣе — не хотѣли понимать планов Скоропадскаго, который прикрывался самостійностью Украины, чтобы усыпить вниманіе украинских націоналистов и вѣрнѣе приблизиться к своей основной цѣли — возрожденію Россіи. Они спровоцировали его на преждевременное раскрытіе своей игры, что и погубило все дѣло, давши возможность самостійникам свалить гетмана-русофила.

Я не могу подробно останавливаться на этом, так как мнѣ пришлось-бы перепечатать цѣлыя страницы из воспоминаній г. Черячукина, но я должен отмѣтить одну фактическую неточность его мемуаров, которая требует если не поправки, то раз'ясненій. Дѣло касается перваго письма, с каким обратился Донской Атаман генерал Краснов к Скоропадскому. Черячукин

на стр. 172 своих воспоминаній утверждает, что в связи с нѣкоторыми обстоятельствами

«П. Н. Краснов счел необходимым замѣнить свое первое письмо другим, в котором предусмотрительно отсутствовали ссылки на идею единой Россіи, а упоминалось лишь об установленіи возможно тѣсных и дружественных отношеній Дона и Украины»

Это письмо ген. Краснова найдено в кабинетѣ Скоропадскаго среди бумаг, которыя он не успѣл уничтожить, оставляя свою резиденцію перед вступленіем в Кіев повстанческой арміи.

Текст этого собственноручнаго письма Краснова не согласуется с словами ген. Черячукина. Приводим письмо полностью:

«В.-секретно. — *Донской Атаман. 4/7 мая 1918 г. № 1. г. Новочеркаск.*

Ясновельможный Пан Гетман, Друг и Брат мой Павел Петрович!

Тяжелыя обстоятельства внутренней разрухи в родном мнѣ войскѣ Донском заставили меня согласиться взять на себя крест управленія войском и принять предложенное мнѣ мѣсто Войскового Атамана при условіи дарованія неограниченной власти.

Войско волнуется. Оно далеко не спокойно. Занятіе малороссами издревле войсковых земель части Донецкаго, Черкасскаго, Таганрогскаго и Сальскаго округов, присутствіе в войскѣ германских войск естественно волнует казаков и возбуждает среди них недовольство дѣйствіями Малороссіи. Скрытое теперь недовольство может впослѣдствіи вылиться в открытую вражду, что было бы нежелательно.

Я преслѣдую тѣ же цѣли, что и Вы. Мои помыслы и вся моя работа направлены к тому, чтобы создать единую недѣлимую Россію. Временно, в виду упорства большевистской власти народных комиссаров, приходится примириться на созданіи Южно-Русской федераціи, тѣсно связанной торговлею и промышленностью с Германіей. Мнѣ удалось убѣдить донских казаков в пользѣ этого союза, но он не будет прочен, если войско постоянно будет чувствовать себя обиженным, если оно лишится наиболѣе богатых земель и угодій и выхода к морю. Такое лишеніе войска лучших его городов привело бы его до степени небольшого земледѣльческо-скотоводческаго народа, с чѣм національное чувство казаков никогда не примирится. Наши старыя дружескія отношенія, то, что Вы можете быть увѣрены, что я не преслѣдую никакихъ завоевательных цѣлей, позволяет мнѣ просить Вас:

1. Мирным путем вернуть войску Донскому занятыя Украиною территоріи и установить точную границу с Украиной на западѣ.

2. Обратиться к генералу Эйхгорну от моего имени с просьбой войти со мною в дружескія сношенія и помочь занять германскими войсками Воронеж, Камышин и Царицын, потому что только тогда войско Донское будет чувствовать себя в безопасности от совѣтской Москвы. На востокѣ, впредь до выясненія положенія Кубани, необходимо, чтобы германское командованіе обезпечило за нами ст. Торговую и Тихорѣцкую. Завѣрьте германское командованіе, что Донское войско желает жить в полной дружбѣ с Германіей и что, как только мною будет сформирована достаточная постоянная армія, я смѣню германскіе гарнизоны во всѣх этих пунктах, а войско не забудет в свою очередь тѣх услуг, которыя ему будут оказаны Украиной и Германской Имперіей.

3. При проведеніи границы на западѣ желательно, чтобы она проходила от Воронежа до Лиски по Дону, а далѣе условной линіей

на Старобѣльск и Маріуполь. Разграничительную комиссію высылаю немедленно вслѣд за этим курьером.

4. Обратитесь от моего имени к генералу Эйхгорну с просьбой поддержать меня в военном отношеніи при борьбѣ с большевиками и помочь мнѣ очистить войско от красногвардейских гнѣзд и помогите завязать непосредственныя сношенія с Императором Вильгельмом, чтобы заключить наиболѣе выгодные для Дона союзы.

Вы вполнѣ поймете меня, Павел Петрович, что только хаотическое состояніе, в котором находится войско Донское в данную минуту, заставляет меня прибѣгнуть к такой крайней мѣрѣ как содержаніе иностранных гарнизонов в войскѣ, да еще страны, с которой мы так долго были в непримиримой враждѣ.

Да поможет нам Господь Бог в устроеніи наилучшим образом довѣренных нам держав.

Основные законы Всевеликаго войска Донского, представляющіе из себя почти точную копію основных законов Украины, и первые приказы войску при сем для ознакомленія прилагаю.

Уважающій Вас *Краснов.*

Для тѣх, кто интересуется событіями на Украинѣ 1918-1919 г. и отношеніем к ней разных групп тогдашняго русскаго общества, будут весьма поучительны и нѣкоторыя другія статьи в том-же № 3-м «Донской Лѣтописи».

П. И. Залѣсскій дал краткій историческій очерк так называемой Южной Арміи (добровольческой), которая вербовалась «во всѣх губернских городах Украины, всюду под флагом: «Армія національна и монархична», никто не добавлял: «и конституціонная». *Субсидировал эту армію гетман Скоропадскій* — из сумм украинскаго государственнаго казначейства. Разумѣется, тайно.

Проф. М. П. Чубинскій в своих «Воспоминаніях Обер-Прокурора» приводит ряд интересных фактических данных о національной политикѣ руководителей Добровольческой арміи. Он пишет:

«Особенно интересным оказалось отношеніе Главнаго Командованія к украинскому вопросу, отразившееся и на Украинѣ и на Кубани.

Не забудем, что Главное Командованіе не раз подчеркивало, что оно вовсе не стремится к возврату стараго. Оно говорило о будущем Учредительном Собраніи и о волѣ всего народа, которая на этом Собраніи должна будет опредѣлить государственный строй Россіи.

Казалось бы в связи с этим, оно должно было считаться хотя бы с тѣми правами, которыя послѣ крушенія стараго строя были пріобрѣтены тѣми или другими новообразованіями по соглашенію с Временным Правительством, — напримѣр Украиной, которая при этом правительствѣ получила автономію. На дѣлѣ оказалось обратное. Здѣсь Главное Командованіе открыто стало на путь обрусительной политики и отрицанія всего украинскаго. Оно на украинской территоріи, очищенной от большевиков, не только возстановило в полном смыслѣ старорежимные порядки, но и проводить их послало ряд лиц, заявивших себя опредѣленной украинофобіей, а в том числѣ и извѣстнаго г. Савенко.

Возродившійся в Кіевѣ «Кіевлянин» Шульгина с рядом инсинуацій по адресу всѣх инакомыслящих, в августовском своем № 4

горячо привѣтствовал «воззваніе генерала Деникина к населенію Малороссіи». Уничтожая всѣ, даже сохранившіяся при большевиках, украинскія учебныя заведенія (от народной школы до Академіи Наук), допуская впредь существованіе этих заведеній как *частных* и лишь на *частныя* средства и нанося таким образом рѣшительный удар развитію украинской культуры, воззваніе рѣшительно забывало, что в рядѣ государств, основанных на признаніи начал широкой политической автономіи, наряду с правами общегосударственнаго языка обезпечиваются и права мѣсных языков и в первую голову в школѣ. Воззваніе гласило: «Об'являю государственным языком на всем пространствѣ Россіи язык русскій, но считаю совершенно недопустимым и запрещаю преслѣдованіе малорусскаго языка. Каждый может говорить в мѣстных учрежденіях, земствах, присутственных мѣстах и в судѣ по малорусски».

Итак, малорусскій язык вводится в ранг в извѣстных предѣлах терпимаго... и только.

Конечно, «Кіевлянин» нашел, что воззваніе, «богатое по содержанію вложенных в него государственно-правовых идей, вопрос о едином государственном языкѣ в единой Россіи разрѣшает просто, опредѣленно и выразительно», но жизнь быстро показала, какая была совершена громадная ошибка.

Конечно не только «новый курс» в отношеніи украинскаго языка, но и цѣлый ряд других сложных причин вызвал быстрый перелом в направленіи населенія на Украинѣ, горячо встрѣтившей добровольцев, как избавителей от большевицкаго ига, а затѣм быстро и рѣзко перешедшей к совсѣм другим чувствам. Но что одной и притом важной причиной этой перемѣны послужило «воззваніе генерала Деникина», — сомнѣнію не подлежит.

«Под предсѣдательством управляющаго отдѣлом внутренних дѣл Носовича существовала особая комиссія, в спѣшном порядкѣ вырабатывавшая условія созданія южно-русской власти. Мы не знаем, касалась ли эта комиссія украинскаго вопроса, не знаем и того, кто был злой геній, толкавшій Деникина на пути дальнѣйших шагов в сторону прямого гоненія всего украинскаго, но с документами в руках утверждаем, что дальше произошло нѣчто совершенно непонятное: послѣдовал приказ генерала Деникина всѣм начальникам управленій «*не замѣщать должностей по гражданскому вѣдомству в предѣлах Малороссіи чиновниками, состоявшими на службѣ при гетьманском или украинском правительствѣ*».

Проведеніе этого приказа в жизнь вызвало бы на Украинѣ несомнѣнную и полную катастрофу всего правительственнаго аппарата. Дрогнуло даже в общем очень централистическое Особое Совѣщаніе» (Дон. Лѣт. № 3 стр. 271-274).

Особому Совѣщанію удалось добиться нѣкоторых — очень несущественных — смягченій приведеннаго приказа, но на этом дополнительном смягченном распоряженіи генерал Деникин сдѣлал слѣдующую приписку: «Болѣе детальных указаній дать не могу, но *преслѣдовать украиноманію буду неукоснительно*».

Я не буду далѣе цитировать приводимые г. Чубинским матеріалы о національной политикѣ ген. Деникина и его правительства, но позволю себѣ привести здѣсь один факт, до сих пор еще не оглашенный, свидѣтельствующій об остром антиукраинском настроеніи, которое охватывало не только старших, но и младших сотрудников Деникина.

29 августа 1919 г. передовые отряды украинской арміи, наступавшей с запада, заняли Кіев. С востока в это время под-

ходила к Кіеву армія Деникина. Чтобы предупредить возможные конфликты и помочь соглашенію между обѣими антибольшевицкими силами, Кіевская городская дума отправила в штаб добровольцев за Днѣпр депутацію в составѣ городского головы г. Рябцова и гласнаго Л. Чекаленко. Рябцов привѣтствовал добровольцев по-русски, Чекаленко — по-украински. Начальник штаба на украинское привѣтствіе отвѣтил: «мы этого собачьяго языка не понимаем и не будем понимать». В тот же день вечером городской голова Рябцов с глубоким сокрушеніем доложил об указанном инцидентѣ пленуму городской думы. Карты были сразу раскрыты и сразу-же было создано в кіевском украинском обществѣ непріязненное отношеніе к добровольческой арміи.

В Кіевѣ встрѣтились не друзья и естественные союзники, а непримиримые противники. Их союза больше всего боялись большевики, но вмѣсто союза получилась драка, въ результатѣ ея Кіев, а потом и вся Украина вновь очутились в руках Совѣтов.

А. С.

Этот обзор принадлежит перу нашего давняго друга и соратника долгих лѣт, Александра Ѳомича Саликовскаго. Его уже нѣт в живых. Ход русской революціи раз'единил нас в послѣдніе годы. Его «украинская» позиція отошла от нашей, которая сохраняла и прежнія традиціи и прежніе идеалы, так долго роднившіе нас в общественной работѣ с А. Ѳ. Саликовским. Смерть кончает политическія разногласія, и о них не хочется говорить над свѣжей могилой стараго друга.

Ред.

ОПЕЧАТКА:

На стр. 188 в примѣчаніи к стихотворенію Л. Толстого

напечатано:	*слѣдует*:
подчеркнутые автором	зачеркнутые автором